

Содержание

От редакции.....	5
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР И КУЛЬТУР	
<i>Ковтун Е.Н.</i> Русистика / славистика: история и современность.....	6
<i>Божич Р.</i> Политика и перевод: краткая история перевода русской литературы на хорватский язык.....	12
<i>Старикова Н.Н.</i> Феномен билитературной принадлежности югославянских авторов.....	19
<i>Шешкен А.Г.</i> Развитие югославянских литератур XX века в свете русско-славянского культурного и литературного диалога.....	25
<i>Крюкова О.С.</i> Украина как один из романтических топосов в русской литературе XIX и первой трети XX века.....	36
<i>Розинская О.В.</i> Русско-польские литературные связи начала XX века.....	45
<i>Изотов А.И.</i> Роман Я. Гашека в переводе П. Богатырева и этнические стереотипы.....	51
<i>Мещеряков С.Н.</i> «Ревизор» Н.В. Гоголя и «Подозрительная личность» Б. Нушича: опыт сопоставительного анализа.....	59
<i>Цимбаев К.Н.</i> Россия в германской публицистике начала XX века.....	67
<i>Бондаренко Н.А.</i> Наследие Ивана Франко в контексте идеи славянской взаимности.....	74
<i>Артемьева И.П.</i> Русская драматургическая классика на театральных сценах славянских стран.....	77
<i>Воробьева Н.М.</i> Образ России в романе Иво Андрича «Травницкая хроника».....	81
<i>Боброва С.В.</i> Языковые формы самобытности восточных славян (на примере анализа стихотворений А.С. Пушкина «Деревня» и Т.Г. Шевченко «Село»).....	85
<i>Гуськова Е.В.</i> Архетип «вещей девы» в литературе Киевской Руси и славянская мифопоэтическая традиция.....	91
<i>Сафуанова А.И.</i> Реализация славянского сказочного сюжета о двенадцати месяцах в сказке Божены Немцовой «О двенадцати месяцах» и пьесе С.Я. Маршака «Двенадцать месяцев».....	96
<i>Хлебникова В.Б.</i> Павел Ровинский о черногорской народной песне как об историческом источнике.....	99
<i>Маслов Г.Ю.</i> Проза Петра Шабаха: к проблеме периодизации.....	104
<i>Королькова П.В.</i> Русская тема в хорватской рок-опере: секреты успеха мюзикла «Ялта, Ялта».....	107
СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Ананьева Н.Е.</i> Полонизмы в рассказе Н.С. Лескова «Антука».....	111
<i>Скорвид С.С.</i> Островные говоры западных славян в современной России.....	119
<i>Лифанов К.В.</i> Изменения словацкого литературного языка на синтаксическом уровне в XX веке и их соотношение с чешским литературным языком.....	125
<i>Бондарева В.В.</i> Типологическая характеристика мелодического компонента фразовой интонации русского, польского и чешского языков.....	131

<i>Баданина И.В., Митурска-Бояновска Й.</i> Функционирование номинаций женщин в современных русском и польском языках.....	135
<i>Воронова А.В.</i> История восточнославянских антропонимов в аспекте лингвокультурной идентификации.....	138
<i>Егорова К.Б.</i> Политическая филология: роль русской эмиграции в языковых спорах Подкарпатской Руси.....	144
<i>Хазанова М.И.</i> Лексема <i>поліція</i> и ее дериваты: к вопросу о подвижности стандарта в украинском языке.....	149
<i>Иванова И.Е.</i> Русские лексические заимствования в сербском языке.....	154
<i>Маркова Е.М.</i> Роль русского языка в становлении чешского литературного языка.....	159
<i>Якушкина Е.И.</i> Проблемы русско-сербской эквивалентности в области абстрактной лексики.....	162
<i>Вольская Н.П.</i> Каков человек, такова и его речь. Лингвистическая идентификация личности.....	167
<i>Чиварзина А.И.</i> Цвет в обозначениях человека (традиция юго-востока Сербии).....	171
<i>Штудинер М.А.</i> Из истории русско-сербских культурных и духовных связей.....	176
<i>Юдова Ю.Ю., Юдов М.А.</i> Русско-сербские контакты: история и современность.....	179
<i>Игнатьева Н.В.</i> Русское присутствие в Сербии и Черногории в культурно-историческом аспекте.....	185

РУССКАЯ КУЛЬТУРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Крючкова Л.С.</i> Коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации при обучении РКИ.....	190
<i>Сироткина Т.А.</i> Проблемы этнической идентичности через призму локального текста.....	194
<i>Забровский А.П.</i> Художественный текст как коммуникативное пространство особого типа.....	198
<i>Шустикова Т.В., Кулакова В.А.</i> Интеграция иностранных студентов в жизнь современного мегаполиса (внеаудиторная работа на предвузовском этапе обучения).....	202
<i>Шустикова Т.В., Воронкова И.А., Хамгокова Н.Ж., Шоркина Е.Н.</i> Лингвострановедческий и коммуникативный потенциал учебных текстов по НСР (предвузовский этап обучения).....	207
<i>Большакова Н.Г., Галанкина И.И., Ильина Л.А.</i> Учебные экскурсии как вариант диалога культур в процессе изучения русского языка как иностранного (на примере работы со студентами из южнославянских стран).....	213
<i>Винокурова Е.И.</i> Мягкая сила русского мира.....	218
<i>Рубичева Ю.А.</i> О функциях рамочного текста в пьесах Л.Н. Толстого.....	223
<i>Хачикян Е.И., Ливская Е.В.</i> Традиционные праздники как важнейший ресурс формирования этнокультурной идентичности современных школьников.....	227
<i>Волкова М.В.</i> Терпимость и толерантность в русской и немецкой языковых картинах мира.....	231

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий сборник содержит статьи, основанные на докладах Международной научной конференции «Русско-славянский диалог: язык, литература, культура». Конференция была проведена 8–9 ноября 2017 года Институтом русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова совместно с Институтом филологии и истории РГГУ.

В научном форуме приняли участие представители университетов Москвы, Калуги, Санкт-Петербурга, Смоленска, Сургута, Твери, Челябинска, Южно-Сахалинска, а также зарубежные коллеги из Польши, Словакии, Хорватии, Чехии. Задачей организаторов конференции стало привлечение внимания научного сообщества и общественности к дискуссии о современном состоянии отечественной и зарубежной русистики и славистики, актуальных проблемах изучения славянских языков и литератур, взаимоотношениях русской и инославянских культур в прошлом и настоящем.

Опубликованные в сборнике статьи сгруппированы по тематическим блокам в соответствии с работой секций конференции. В первом разделе «Сопоставительное изучение славянских литератур и культур» публикации посвящены вопросам русско-славянских литературных и культурных контактов, образу России и русским реалиям в славянских произведениях, проблемам перевода церковных текстов на славянские языки, исследованиям восточнославянского фольклора, славянских литератур в синхронии и диахронии.

Во втором разделе «Славянские культурно-языковые исследования» речь идет об изучении современных славянских языков, их говоров и о проблемах сопоставительного анализа русского и славянских языков. В третьем разделе («Русская культура сквозь призму русского языка и литературы») авторы публикаций рассказывают о различных аспектах преподавания РКИ, а также о проблемах этнической идентичности, архетипе литературного героя, о различных аспектах интерпретации литературных произведений.

Количество докладчиков и слушателей, присутствующих на конференции, равно как и содержание публикуемых в сборнике материалов, служит подтверждением того, что интерес к славянским языкам и культурам не угасает, несмотря на глобальные цивилизационные изменения в современном мире, и по-прежнему объединяет российских и зарубежных филологов, специалистов по межкультурной коммуникации и всех не равнодушных к славянским культурам людей.

Составители сборника питают надежду, что представленные в нем материалы окажутся полезными научному сообществу, русистам, славистам, преподавателям русского языка как иностранного, аспирантам, студентам и всем гуманитариям, проявляющим интерес к истории и теории славянских языков, литератур и культур.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР И КУЛЬТУР

Ковтун Елена Николаевна
МГУ имени М.В. Ломоносова
kovelan@mail.ru

РУСИСТИКА / СЛАВИСТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье характеризуются основные этапы формирования российской славистики как самостоятельной области филологического знания и профиля университетской подготовки, рассматриваются научные связи славистики и русистики в XIX–XX вв., ставится вопрос о необходимости сближения данных областей филологии в наши дни на новой междисциплинарной основе, а также о целесообразности учета славистического аспекта в преподавании русского языка как иностранного.

Ключевые слова: русистика, славистика, славистический аспект преподавания РКИ.

История взаимоотношений изначально родственных, но с течением времени существенно обособившихся (как в силу действующих в любой сфере научного знания тенденций к специализации, так и в силу целого комплекса обстоятельств, в том числе лежащих за пределами науки) областей филологии – русистики и славистики¹ может быть основательно раскрыта лишь в специальной серии научных монографий, которая, мы надеемся, обязательно будет когда-нибудь написана. Наша же задача существенно скромнее: кратко охарактеризовать основные этапы становления славистики как науки и предмета университетского преподавания, проследив процесс ее разграничения с русистикой (при сохранении, тем не менее, прочных содержательных связей) вплоть до превращения в самостоятельный профиль подготовки в системе отечественного высшего образования.

Кроме того, мы полагаем необходимым коснуться нынешнего состояния российской университетской славистики, характеризующегося поиском путей обновления и нового сближения с русистикой на междисциплинарной основе, в том числе в рамках экспериментальных образовательных программ. И в этой связи, учитывая, что местом проведения международной научной конференции «Русско-славянский диалог: язык, литература, культура» стал Институт русского языка и культуры – подразделение МГУ имени М.В. Ломоносова, занимающееся языковой подготовкой иностранных слушателей, считаем целесообразным поставить вопрос о славистическом аспекте (компоненте) преподавания РКИ, т. е. о возможном учете при обучении иностранцев русскому языку и русской культуре (особенно на продвинутом уровне) славистического контекста бытования русского языка и формирования русской ментальности.

Современные русистика и славистика имеют общую «колыбель» – отечественную и европейскую филологию конца XVIII столетия. Интерес к прошлому славян, первое время преимущественно языковому, на зарубежных славянских территориях был в немалой степени обусловлен начинающейся эпохой национального возрождения, приведшей на

¹ Под термином «славистика» в данной публикации мы будем понимать «инославистику» как науку об истории, культуре, языках и литературах зарубежных славянских народов. При этом необходимо учитывать, что отечественная славистика в ее современном облике сформировалась, как будет показано ниже, в период существования СССР, в состав которого, помимо России, входили восточнославянские территории Украины и Белоруссии. Вот почему в традиционном для российской науки понимании (ино)славистика объединяла гуманитарные дисциплины, изучающие прежде всего западнославянские и южнославянские языки, литературы и культуры.

протяжении XIX в. к формированию самостоятельных славянских наций с самобытной культурой и осознанной спецификой национального менталитета. В эпоху славянского возрождения существенную роль играла идея исторического родства, политического и культурного взаимодействия славянских народов, причем на протяжении длительного периода в качестве ведущей силы подобного взаимодействия воспринималась Россия².

Не в последнюю очередь поэтому у основателей славистики – чешского и словенского филологов Йозефа Добровского и Варфоломея Копитара – можно обнаружить научный интерес не только к прошлому и настоящему собственного национального языка и культуры, но и к общеславянским древностям, а у Добровского также и к русскому языку.

Действительно, Й. Добровский, помимо занятий старославянским языком («Исследование древних диалектов славянского языка», 1822) и богемистических изысканий («История чешского языка и древней литературы», 1818), одним из первых в зарубежной Европе уделил научное внимание «Слову о полку Игореве». В 1792 г. он посетил для изучения славянских рукописей Россию, Германию и Швецию; в частности, побывал в Петербурге и Москве. Был избран членом Российской Академии наук и Вольного общества любителей российской словесности. Вернувшись на родину, в 1796 г. опубликовал «Литературные известия о путешествии в Швецию и Россию. С приложением параллелей между чешским и русским языками по петербургскому сравнительному словарю», а тремя годами позднее в связи с прохождением через Прагу армии А.В. Суворова – «Новейшее пособие по лучшему пониманию русского языка».

В. Копитар, известный прежде всего как автор «Грамматики славянского языка Крайны, Каринтии и Штирии» (1808), в которой установлены нормы словенского литературного языка и приведен обзор словенской литературы, изучал также древнеславянские рукописи – в частности, издал глаголический памятник старославянского языка XI в. «Клоцов сборник» (1836), снабдив его историческим очерком, грамматикой и словарем старославянского языка.

Началом обособления университетской славистики в России можно считать 1835 г., когда, по уставу университетов, в составе философских факультетов появилась кафедра истории и литературы славянских наречий³. Занимавшие ее первые российские слависты – Михаил Трофимович Каченовский (историк, переводчик, литературный критик), Осип Максимович Бодянский (выпускник полтавской семинарии и отделения словесных наук философского факультета МГУ), Измаил Иванович Срезневский (окончивший этико-политическое отделение философского факультета Харьковского университета), Виктор Иванович Григорович (также выпускник Харьковского университета) – приходили в славистику из разных областей филологического (и шире, гуманитарного) знания и практически всегда наряду с инославянской специализацией сохраняли интерес к русистике и русской истории⁴.

Так, в научном наследии О.М. Бодянского, ставшего после защиты диссертации «О народной поэзии славянских племен» (1837) магистром словесных наук «в области славянских наречий», в числе прочих можно обнаружить работы «О мнениях касательно происхождения Руси» (1835) и «О древнем языке северных и южных Руссов» (1839). Перу И.И. Срезневского принадлежит монография «Мысли об истории русского языка», выдержавшая несколько изданий (1849, 1850, 1887). А Александр Николаевич Пыпин –

² Подробнее см.: [2], [3].

³ Ранее, в 1811 г., в Московском университете была учреждена кафедра славянской словесности, «под чем подразумевалось введение должности профессора церковнославянского языка. Занявший кафедру “невольный славист” (по выражению А. А. Кочубинского) Матвей Гаврилович Гаврилов (1759–1829), преподававший одновременно теорию и историю изящных искусств, обучал “правилам славянского языка, излагал его свойства, состояние и ход в разных его периодах и сообщал студентам отборнейшие места на славянском языке” (т. е. церковнославянском)» [7, с. 183].

⁴ Подробнее см.: [6], [8].

автор (совместно с В.Д. Спасовичем) капитальной двухтомной «Истории славянских литератур» (1865; 2-е изд. 1879–1881), наряду с этим был создателем многочисленных трудов о русской литературе (четырёхтомная «История русской литературы», 1898–1899), о творчестве Пушкина, Крылова, Радищева, Белинского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина.

В свою очередь, у многих ученых XIX – первой половины XX в., которых принято считать патриархами отечественной филологии и прежде всего русистики, можно обнаружить работы по инославянской языковой и культурной проблематике.

Имеются таковые, например, у Александра Христофоровича Востокова, автора «Русской грамматики» (1831), исследователя тонического стихосложения («Опыт о русском стихосложении», 1812), а также памятников древнеславянской письменности (в 1843 г. издал «Остромирово Евангелие»). Принято считать, что именно А.Х. Востоков заложил основы сравнительного славянского языкознания в России. В работе «Рассуждение о славянском языке» (1820) он предложил периодизацию истории славянских языков, установил регулярные фонетические соответствия между их гласными звуками и описал носовые гласные в старославянском языке. Позднее на основе «Рассуждения» им были созданы словарь (1858–1861) и грамматика церковнославянского языка (1861).

Известный российский и украинский языковед Александр Афанасьевич Потебня в 1860 г. защитил магистерскую диссертацию «О некоторых символах в славянской народной поэзии»; во время поездок по славянским странам изучал чешский, словенский и сербохорватский языки. Известен в числе прочего и как собиратель русского и украинского фольклора; много сделал для обоснования единства базовых фольклорно-мифологических сюжетов этих двух славянских народов.

Под руководством Срезневского начинал свою научную деятельность не менее известный лингвист Иван Александрович Бодуэн де Куртене, в числе прочего активно изучавший словенский язык и культуру. Исследования в области славянского языкознания («О древнепольском языке до XIV столетия», 1870; «Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков», 1881 и др.) наряду с интересом к индоевропеистике позволили ему создать его знаменитую теорию фонем и фонетических чередований («Опыт теории фонетических чередований», 1894).

Основательное знакомство со славянскими и балтийскими языками характеризует работы основателя московской лингвистической школы Филиппа Федоровича Фортунатова, перу которого принадлежит, в частности, исследование «О происхождении глаголицы» (1903). Не менее известный российский филолог, заложивший основы древнерусской текстологии, Алексей Александрович Шахматов к моменту окончания университета в 1887 г. подготовил выпускное сочинение на тему «О долготе и ударении в общеславянском языке». По его инициативе Академией наук были изданы монографии, словари, материалы и исследования по кашубскому, полабскому, лужицкому, польскому, сербскому, словенскому языкам. Кроме того, А.А. Шахматов стал одним из авторов работы «Украинский народ в его прошлом и настоящем» (1916). В числе его трудов «Киево-Печерский патерик и печерская летопись» (1897), «О начальном киевском летописном своде» (1897) и др. В 1903 г. он был одним из деятельных инициаторов т. н. Предварительного съезда русских филологов и историков-славистов (подготовительный этап организации первого международного съезда славистов) и выработал программу «Славянской энциклопедии».

Ученик Бодуэна де Куртене Лев Владимирович Щерба, выдающийся русский языковед, автор трудов по общему языкознанию, фонетике, теории письма, лексикологии и лексикографии, находясь в 1906–1908 гг. в Европе, изучал один из диалектов лужицкого языка, о котором впоследствии защитил докторскую диссертацию («Восточнолужицкое наречие», 1915). А известный литературовед и переводчик, создатель исторической поэтики Александр Николаевич Веселовский (кстати, в 1863 г. в рамках научной командировки изучавший

славистику в Праге) в прославившую его позднее область сравнительно-исторического изучения фольклорных сюжетов вступил докторской диссертацией «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине» (1872).

И так далее, подобные примеры можно множить. Они убеждают в том, что оформление славистики в самостоятельную область научного знания на протяжении всего XIX в. шло в неразрывном и плодотворном контакте с русистикой и сопоставительными русско-славянскими исследованиями. Мало того, эта взаимосвязь осознавалась как важный и обязательный принцип не только в академической науке, но и в прикладной сфере филологического образования. Об этом свидетельствует, в частности, примечательное с точки зрения проблематики данной публикации высказывание еще одного видного российского языковеда, Василия Алексеевича Богородицкого – члена Парижского лингвистического общества (1905), члена-корреспондента АН СССР (1925), одного из основателей казанской лингвистической школы, автора трудов по экспериментальной фонетике, диалектологии, славистике, тюркологии, индоевропеистике и общему языкознанию. «Серьезное изучение грамматики родного языка для будущих преподавателей, – пишет Богородицкий, – необходимо требует знакомства с важнейшими грамматическими явлениями родственных языков, так как только при такой постановке изучения достигается полное выяснение грамматических вопросов родного языка» [1, с. 13]. Иными словами, учет славистического контекста происхождения и бытования родного языка необходим любому и русисту, и инослависту.

В XX столетии, после Второй мировой войны, в связи с образованием восточноевропейского блока социалистических государств одной из важнейших задач стало упрочение экономических и культурных связей со славянскими народами. В условиях благоприятной политической конъюнктуры славистика окончательно превращается в самостоятельную область филологии и высшего филологического образования. В крупнейших университетах европейской части СССР создаются кафедры славянской филологии и истории славянских народов, включающие в свой состав не единственного профессора-слависта, как некогда в XIX столетии, но достаточно большие коллективы специалистов-славистов различного научного профиля. Начинает функционировать академический Институт славяноведения АН СССР, издается специальная научная периодика и т. д. В этот период выходят многочисленные сборники, монографии и книжные серии, посвященные отдельным славянским языкам, литературам, культурам.

Однако одновременно – и также не без влияния политических факторов – углубляется компаративистическая проблематика, интенсифицируется изучение межславянских и русско-славянских языковых, литературных и культурных связей. В близкой автору данной публикации сфере литературоведения даже беглый обзор позволяет выявить десятки, если не сотни, специальных работ сопоставительного типа. Вот лишь некоторые названия: «Литературные связи древних славян» (1968), «Сравнительное изучение славянских литератур» (1971, 1973), «Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.» (1963), «Русско-польские литературные связи в XVIII в.» (Берков П.Н., 1958), «Польско-русские литературные связи» (1970), «Из истории польско-русских литературных связей в XIX–XX вв.» (Е.З. Цыбенко, 1978), «Польские и русские поэты XX века. Творческие связи, аналогии, художественный перевод» (Богомоллова Н.А., 1987), «Сравнительное литературоведение и русско-польские литературные связи в XX веке» (1989), «Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения (конец XVIII – начало XX в.)» (1968), «Словацкая и русская литература: Связи и параллели» (1973), «Чешско-русские литературные и культурные контакты» (Кишкин Л.С., 1983), «Словацко-русские литературные контакты в XIX в.» (Кишкин Л.С., 1990), «Общение литератур. Чешско-русские и словацко-русские литературные связи XIX–XX вв.» (1991), «Россия и Чехия. Взаимосвязи литератур. 1870–1890» (Ровда К.И.,

1978), «Словацкая и русская литература: Связи и параллели» (1973), «Русско-сербские литературные связи. XVIII – начало XX века» (1989), «Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX – начало XX в.» (1975), «Русские писатели в Югославии. Из истории русско-югославских связей» (Бадалич Й., 1966), «Литературы народов Югославии в России. Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX – начало XX в.» (Беляева Ю.Д., 1979), «Война и память. Из опыта советской и югославской литератур» (1987), «Русско-болгарские фольклорные и литературные связи: в 2-х тт.» (1976–77).

Нет нужды пояснять, что аналогичные сопоставительные исследования создавались в тот же период и позднее и по родственной исторической, культурологической, искусствоведческой проблематике, например: «Зарубежные славяне и русская культура» (1978), «Россия и славянство: Труды Гос. Академии славянской культуры. Вып. 1.» (1998), «История культур славянских народов: в 3-х тт.» (2003–2008; содержит также разделы о русской культуре), «Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до первой мировой войны (1914 года)» (Лаптева Л.П., 1993), «Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия» (Чуркина И.В., 1978) и многие другие.

И ныне, в начале XXI столетия – насколько позволяет судить обзор специальной литературы, – сопоставительная тенденция сохраняется, обретая дополнительные аспекты. В частности, она представлена ныне в виде изучения конкретных языковых, литературных явлений на разнообразном славянском (включая русский) материале: «Коммуникативное поведение славянских народов: русские, украинцы, словаки, поляки, сербы» (2004–2010), «Славянский мир в глазах России: динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе» (2011), «Россия и русский человек в восприятии славянских народов» (2014).

И все же существенно возросший во второй половине XX в. спрос на специалистов в области отдельных славянских языков и культур вызвал все большую специализацию (при одновременном углублении содержания) программ университетской подготовки славистов. Едва ли не самым интенсивным данный процесс оказался в сфере филологии, где обучение стало ориентироваться преимущественно на один «основной» славянский язык и связанные с ним литературу и культуру. Например, учебный план традиционной пятилетней славистической подготовки на филологическом факультете Московского университета предусматривал 9 семестров изучения основного славянского языка и 6 семестров – соответствующей литературы (для сравнения: курс истории всех остальных славянских литератур, как и второго славянского языка, занимал всего 4 семестра).

Вместе с тем стоит отметить, что в учебных планах подготовки университетских славистов всегда сохранялись основные дисциплины русистического цикла (курсы «Современный русский язык», «История русской литературы»), а ряд дисциплин служил своего рода «мостом» между русистикой и славистикой («Старославянский язык», «Историческая грамматика славянских языков»). В свою очередь, учебные планы отделений русского языка и литературы в вузах СССР и РФ столь же традиционно включали, и включают донныне, помимо старославянского, один из современных славянских языков. Кроме того, в различных вузах к этому спорадически добавлялись и иные славистические курсы (история отдельных славянских литератур, славянская мифология и фольклор и т. п.).

Политические и культурные перемены на постсоветском пространстве рубежа XX–XXI вв. в целом негативно сказались на развитии университетской славистики [4]. В 1990–2000-е гг. с сожалением приходится констатировать существенное падение интереса абитуриентов к углубленной славистической подготовке. Аналогичные процессы ощутимы также в зарубежных славянских и иных европейских странах [5].

Сложившаяся ситуация ставит перед образовательными организациями задачу содержательного расширения славистических образовательных траекторий. Это может

достигаться и за счет сопряжения с более привлекательными профилями обучения (например, романо-германская филология), и путем регионоведческого подхода (центральноевропейистика, балканистика). Однако логичнее и плодотворнее всего, на наш взгляд, – за счет более тесного взаимодействия с обучением русистов.

В последнем случае учебный план образовательной программы «Русская и славянская филология» мог бы практически в равных долях включать дисциплины русистики и славистики (старославянский язык, история России и зарубежных славянских народов, современный русский язык, два или три современных инославянских языка, история русской и инославянских литератур и т.д.). Отчасти это могло бы восприниматься как возврат – на новом современном научном уровне – к синкретическим (в сегодняшней терминологии – междисциплинарным) традициям российского славяноведения эпохи его возникновения. Студентов же мог бы привлечь в том числе и прагматический аспект: получение фундаментального филологического образования (русистика) в сочетании с овладением одним или несколькими редкими (а потому востребованными на рынке труда) инославянскими языками.

Но и это еще не все. В сфере образования славистика может оказаться полезной, с нашей точки зрения, и в высокой степени востребованных ныне прикладных областях русистики – в том числе в области преподавания русского языка иностранцам. РКИ как составная часть филологической науки и практики обучения русскому языку и культуре переживает во второй половине XX в. и в наши дни собственную эволюцию, отчасти следующую за базовыми трендами развития лингвистики и культурологии. Все большее внимание, в частности, уделяется взаимодействию культур и межкультурной коммуникации.

Иными словами, РКИ как самостоятельная область русистики все более движется по пути обучения не только языку (в аспекте грамматики), но и к передаче, по крайней мере продвинутым обучающимся, основных сведений о русской культуре и русской ментальности. Последние же и в начале третьего тысячелетия несут на себе отчетливые следы общеславянского происхождения – и вне славянского контекста, таким образом, едва ли могут быть осмыслены вполне адекватно. Не будучи специалистом в области РКИ, автор данной публикации не считает себя вправе давать в данной сфере конкретные рекомендации. Однако, по нашему убеждению, базовые сведения о ближайших родственниках россиянам-великороссам народах, их языках, литературах и культурах способны углубить и содержательно разнообразить университетскую подготовку и переподготовку иностранцев – как учащихся, так и преподавателей русского языка в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Вышесказанное, на наш взгляд, формирует объективные предпосылки для размышлений о том, как славяноведческий контекст может быть востребован при обучении иностранцев русскому языку и российской культуре. И в этой связи регулярное научное общение русистов и инославистов России и зарубежных славянских стран в рамках международного форума «Русско-славянский диалог: язык, литература, культура» может стать плодотворным и взаимно полезным.

Список литературы

1. Андрамонова Н.А. Василий Алексеевич Богородицкий, 1857–1941. Казань, 2002.
2. История культур славянских народов. Т. 1–3. М.: ГАСК, 2003–2008.
3. История литератур южных и западных славян. Т. 1–3. М., 1997–2001.
4. Ковтун Е.Н. Вузовская филологическая славистика сегодня: проблемы и перспективы // Славянский альманах. 2015. Вып. 1–2. М., 2015. С. 410–427.
5. Ковтун Е.Н. Университетская славистика в центральноевропейском контексте // Славяне и Центральная Европа: языки, история, культура: сб. науч. трудов. М., 2015. С. 12–21.

6. Славяноведение в дореволюционной России. М.: Наука, 1988.
7. Филологический факультет Московского университета: Очерки истории. Часть I. М., 2000.
8. Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910.

Kovtun Elena

RUSSISTICS / SLAVISTICS: HISTORY AND TODAY

The article focuses on the main stages of the formation of Russian Slavistics as an independent field of philological knowledge and profile of university education; it also explores the academic ties of Slavistics and Russistics in 20–21 centuries, the question raised nowadays is the necessity to draw these fields of philology together on the new interdisciplinary basis as well as expediency to take the slavistic aspect in consideration while teaching Russian as a Foreign Language.

Keywords: Russistics, Slavistics, slavistic aspect of teaching Russian as a Foreign Language.

Божич Рафаэла
Задарский университет
rbozic@unizd.hr

ПОЛИТИКА И ПЕРЕВОД: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ХОРВАТСКИЙ ЯЗЫК

Как политическая ситуация влияет на перевод художественных текстов, можно увидеть на примере перевода русской литературы на хорватский язык.

Ключевые слова: перевод художественных текстов.

Когда мы говорим о переводе с одного языка на другой, то часто забываем, насколько политика влияет на отбор и количество переводимых текстов. Как политическая ситуация влияет на перевод художественных произведений, можно проиллюстрировать на примере истории перевода русской литературы на хорватский язык.

Первыми русско-хорватские проблемы перевода проанализировали Ватрослав Ягич⁵ и особенно Йосип Бадалич, который в 1945 г. основал кафедру русской литературы в Загребском университете. Бадалич в своих книгах (*Ruska lirika* («Русская лирика»), которую он совместно с Николаем Федоровым опубликовал в Загребе в 1939 г., и *Rusko-hrvatske književne studije* («Русско-хорватские литературные исследования»), которая вышла в Загребе в 1972 г.) изучал русско-хорватские литературные связи и рецепцию русских литературных текстов в Хорватии. О рецепции русской литературы много писал и Александер Флакер⁶. В 2013 г. исторический обзор рецепции современной русской литературы в Хорватии сделала Ясмينا Войводич.

Но до сих пор русско-хорватские литературные связи изучены не слишком подробно. Бадалич напоминает, что связи между Россией и Хорватией всегда (он описывал ситуацию до конца Второй мировой войны) были слабы и случайны, на это повлияла именно политическая ситуация. Русско-хорватские исторические связи тоже изучены спорадически. Причина, как заметили хорватские историки, в том, что в Хорватии просто нет специалистов, знающих русский язык [10]. Мешает и отсутствие финансовых возможностей, потому что

⁵ Например: А.С. Пушкин в южно-славянских литературах: сборник библиографических и литературно-критических статей. Санкт-Петербург, 1901.

⁶ Например: *Ruski klasici 19. stoljeća*. IP Školska knjiga, Zagreb, 1965.

большая часть архивного материала хранится в Москве [10]. В Москве русско-хорватские контакты часто рассматриваются только как отношения России с государствами, в состав которых входила Хорватия, т. е. собственно русско-хорватские контакты не становятся научной проблемой.

Хорватский и русский языки оба принадлежат к славянской группе, поэтому можно в какой-то степени говорить и о близости хорватской и русской культур. На это указывает и деятельность доминиканца Вениамина в XV в. и Юрая Крижанича в XVII в., и многие другие факты, в том числе и не зафиксированные (особенно в научной литературе). Но все же политическая и историческая ситуации значительно повлияли на то, что в определенные моменты истории русскую литературу на хорватский язык переводили больше, чем в другие периоды.

Чтобы убедиться в сложной политической истории Хорватии, достаточно посмотреть на исторические карты XII–XX вв. Но не будем подробно останавливаться на чередующихся эпохах, в течение которых Хорватия и ее регионы с 1102 по 1992 гг. входили в состав государств, в большей или меньшей (чаще всего меньшей) степени допускавших свободное развитие политики и культуры (в том числе и литературы) на народном хорватском языке. Приведем лишь один пример: первая газета на хорватском языке (точнее, двуязычная итальянско-хорватская), получившая название *Il Regio Dalmata – Kraglski Dalmatin*, начала выходить в Задаре в 1806 г. только благодаря тому, что после падения Венеции эта часть Хорватии попала под власть французов и французское правительство (решение принял сам Наполеон) установило краткосрочное равноправие хорватского и итальянского языков. Напомним, что до образования СФРЮ (т. е. до конца Второй мировой войны) отдельные части Хорватии находились в составе различных государств, т. е. были под властью режимов, проводивших разную внешнюю политику. Самостоятельную политику Хорватия осуществлять не могла, из-за чего часто страдали и ее отношения с Россией, и это последовательно влияло на переводы русской литературы в Хорватии.

Хорватская литература существовала, конечно, еще до иллиризма (национального возрождения хорватов в XIX в.). Первые памятники хорватской литературы дошли до нас из Средних веков, но отцом хорватской литературы считается Марко Марулич, который жил на рубеже XV–XVI вв. (он писал на чакавском наречии, которое впоследствии не стало основой современного хорватского стандартного языка). И Марулич, и хорватские писатели его круга в основном получали образование в Италии и писали (на латыни, итальянском и хорватском языках) под прямым влиянием великих итальянских писателей того времени. Но первый важный для переводов русской литературы на хорватский язык этап мы связываем именно с периодом иллиризма – культурно-политического движения, возникшего в 30–40-х гг. XIX столетия в Хорватии, которая тогда была частью Габсбургской империи. Национальные права хорватов (и других народов) там активно ущемлялись. Так как с конца XVIII в. венгерское дворянство приступило к мадьяризации народов, населявших «земли короны св. Стефана», иллиристы требовали сделать хорватский язык официальным (это много говорит о национальных правах «малых» народов в Австро-Венгрии) и стремились к политическому воссоединению хорватских (и других славянских) земель: разные районы Хорватии находились в то время в составе Австро-Венгрии, Османской империи, Венецианского государства, и только Дубровацкая республика была независимым государством. Большой заслугой иллиристов было создание хорватского литературного языка на основе штокавского диалекта, а в их борьбе за равноправие родного языка на родине значительную роль сыграла именно русская литература, т. е. переводы русской литературы на молодой хорватский литературный язык.

В журнале *Danica ilirska* иллиристы публиковали прозу русских писателей [2, с. 19]; именно тогда на хорватский язык было переведено и первое русское стихотворение – это

было стихотворение Н.М. Карамзина, которое переложил Матия Топалович Илир в 1837 г. [2, с. 19]. Карамзина любили за его патриотические настроения [2, с. 19], которые были важны иллиристам из-за политических обстоятельств.

Бадалич подчеркивает, что в начале движения, т. е. в 30-е гг. XIX в., прямых контактов с Россией иллиристы не имели, произведения русских писателей они получали через Германию и Чехию. В журнале «Даница илирска» печатались статьи о России, о Пушкине, о Крылове, но, как подчеркивает Бадалич, опубликованные тексты были всего лишь отражением того, что можно было прочесть в немецких журналах [3, с. 139]. Однако иллиристы быстро поняли значение русской литературы для хорватских писателей, т. е., прежде всего, важность литературы на народном славянском языке. Людевит Гай привез из России большое количество книг, а затем Станко Враз установил контакты, благодаря которым русские книги регулярно стали напрямую приходить в Хорватию. В основном их получал на свое имя Станко Враз, многие из них сейчас хранятся в Национальной библиотеке в Загребе [14, с. 318]. С 50-х гг. XIX в. печатаются первые оригинальные статьи о русских писателях [3, с. 144]. Бадалич подчеркивает, что русско-хорватские связи в тот момент были теснее, чем когда-либо до или после [3, с. 144].

Больше всего иллиристы переводили Пушкина (начиная с анонимного перевода стихотворения «Песня о Георгии Черном» в 1840 г. [6, с. 237]), значение которого в Хорватии было, как и в других славянских регионах, особенным. Об этом пишет и К.Н. Державин: «Знакомство зарубежных славян с Пушкиным восходит еще к жизни поэта, к тому времени, когда угнетенные прусской, австро-венгерской, турецкой монархиями и царизмом славянские народы вступают на путь борьбы за свое национальное освобождение, когда прогрессивные демократические круги славянских стран и широкие народные массы обращают взоры к великому русскому народу, их естественному защитнику и будущему освободителю. В этот период вполне закономерен интерес зарубежного славянства к Пушкину и пушкинской поэзии» [6, с. 228].

Станко Враз не только писал о Пушкине, но и много его переводил. Некоторые его переводы в ходу и сегодня. Они очень качественны для своего времени, однако хорватский язык с тех пор изменился больше, чем русский, и поэтому, в отличие от оригинальных пушкинских стихов, переводы эти трудно воспринимаются современным читателем [4].

Кроме Вразы Пушкина переводили и другие хорватские писатели того времени: Мирко Богович, Димитрие Деметер, Медо Пуцич, Шпиро Димитрович-Котаранин, Иван Трнски (как подсчитал К.Н. Державин, Трнски выполнил более чем 200 переводов произведений русских авторов) и т. д. Бадалич утверждает, что до Второй мировой войны существовало около ста тридцати хорватских переводов Пушкина и они в основном сделаны именно в этот период [2, с. 6]. Некоторые произведения переводили несколько раз, например стихотворение «Зимний вечер» – Враз, Томбор и Харамбашич, а «Евгения Онегина» – Димитрович-Котаранин и Трнски [2, с. 6].

Пушкин занимал место «учителя», он утвердил статус народного языка, что в Хорватии в то время было очень востребовано. Вспомним, что только 2 мая 1843 г. Иван Кукулевич-Сакцинский впервые произнес в хорватском парламенте (Саборе) речь на хорватском языке, до этого употреблялась латынь. О положении хорватского языка в Австрийской империи ясно говорит факт, что этот политический деятель, историк, журналист, поэт, драматург и дипломат свое первое стихотворение *An Kroatien* опубликовал на немецком языке. Только после его речи в хорватском Саборе 1847 г. было принято решение, что хорватский язык снова станет официальным на территории Хорватии.

Пушкина не только переводили народным стихом – например, Димитрие Деметер перевел *Евгения Онегина* десятисложником (об этом писал Ватрослав Ягич в уже упомянутой книге «А.С. Пушкин в южно-славянских литературах»): он стал символом

вольности и вдохновения для многих хорватских писателей. Иван Трнски посвятил ему стихотворение о том, как Враз на квартире у Гая принес страшную новость о смерти Пушкина [2, с. 9]. Пушкин повлиял и на крупнейшего хорватского прозаика того времени Фране Ксавера Гялски [2, с. 10]. Йосип Е. Томич использовал сюжет «Барышни-крестьянки» для либретто первой хорватской оперы «Лизинка» Ивана Зайца.

Период между 1850 и 1859 гг. назван в Хорватии по имени австрийского министра Александра Баха «абсолютизмом Баха». Это время характеризуется политическими репрессиями по национальному признаку. В Хорватии был распущен парламент, а официальным языком стал немецкий. Был введен запрет на хорватский флаг.

В журнале «Невен» (пока его тоже не запретили) в это время публиковали русские стихи, большей частью в переводе Трнского. Русская поэзия в этот период стала способом борьбы с цензурой и поддержания патриотических настроений. Хорватские переводчики выбирали стихотворения патриотического характера, руководствуясь именно темой, а не качеством, поэтому сегодня набор переведенных тогда произведений способен вызвать недоумение.

Но и после периода абсолютизма А. Баха политическая ситуация не улучшилась. Роль русской литературы как статусной славянской традиции, с помощью которой можно обойти цензуру, осталась неизменной. Переводы печатались в журнале *Vijenac*. Это были тексты Пушкина, Кольцова, Лермонтова, Некрасова, Хомякова, Рылеева [2, с. 23]. В 1880-х и 1890-х гг. появились новые переводчики: Аугуст Харамбашич, Хуго Бадалич, Йован Хранилович – литераторы, которые, как считает Бадалич, подняли качество хорватских переводов на новый уровень [2, с. 23].

В 1870-х, в период «хождения в народ», много переводили Некрасова, а Иван Трнски даже кроатизировал его стихотворение и в переводе добавил слово *hrvatski* (хорватский).

Во второй половине 1880-х появились первые переводы Достоевского и Толстого [14].

В начале XX в. политические отношения Австро-Венгрии и России из-за ситуации в Боснии были напряженными, что отразилось и в ослаблении культурных и литературных связей между двумя странами. Россия для хорватов перестала быть символом свободы, и только редкие персоналии (среди них выдающийся хорватский политик Степан Радич) считали, что укрепление хорватско-российских связей может помочь в борьбе хорватов против германизации, мадьяризации и италиянизации. Степан Радич опубликовал первый учебник русского языка для хорватов в 1905 г. В своем учебнике он свидетельствует, насколько хорваты того времени меньше знали о России, чем хорваты иллирийского периода, – многие даже не понимали, что русский язык тоже принадлежит к славянским [13, с. 3].

К сожалению, после Октябрьской революции хотя и исчезли старые политические противоречия, но возникли новые. Раньше Хорватия была частью Австро-Венгрии, которая противодействовала России на Балканах, а теперь стала частью капиталистического мира, недоброжелательно относившегося к первому социалистическому государству.

Ирена Лукшич пишет о том, что после Октябрьской революции и до конца Второй мировой войны хорватские переводчики-коммунисты Аугуст Цесарец и Владимир Чопич ради пропаганды коммунистической идеологии переводили работы Горького, Ленина, Богданова и Сталина [1]. Лукшич также упоминает, что Ирина Кунина Александер, русская писательница, вела в Загребе литературный салон, который посещала левоориентированная интеллигенция во главе с Мирославом Крлежом [1]. Ирина Александер переводила очень много (Блока, Есенина, Зощенко, А. Толстого, Маяковского), но ее вклад, по мнению Лукшич, нельзя назвать существенным из-за низкого качества этих переводов. В основном в тот период переводилась русская классика, особенно надо выделить работу Исы Великановича, переводами которого мы пользуемся и сегодня [1]. Это была эпоха особенно сильного влияния французской поэзии на хорватскую (в Париже жили А.Г. Матош и Т.

Уевич), а этот факт вместе с трудностью поэтического перевода и политическим фоном привел к тому, что до конца Второй мировой войны поэзия Бальмонта, Сологуба, Брюсова, Блока, Есенина и Маяковского, как утверждает Й. Бадалич, почти не была известна в Хорватии [2, с. 25].

Так как Хорватия являлась частью королевства Югославия, в Хорватии о новой русской литературе тогда могли узнать и из сербских переводов. В Хорватии переводы публиковались в основном в журнале «Зенит», который печатался сначала в Загребе, а потом в Белграде. Бадалич был одним из немногих хорватских литераторов, которые были достаточно знакомы с русской литературой того времени (он какое-то время жил в России и был завсегдаем культурных событий столицы). Интересно, что он начал переводить «Двенадцать» Блока еще в 1918 г. [9, с. 72]. Но лучшие произведения русской литературы того времени писались «в стол» и не были известны широкой публике.

Ситуация не менялась до конца Второй мировой войны. Надо оговорить, что в то время существовали две Хорватии: «официальное» независимое государство Хорватия, которое было частью фашистского мира и воевало против СССР (многие члены хорватской интеллигенции – например М. Крлежа – не хотели принимать участия в его деятельности), и партизанская Хорватия, в которой из-за понятных обстоятельств трудно было заниматься переводческой деятельностью. Среди хорватов-партизан были и великие хорватские поэты Йосип Пупачич и Юре Каштелан, которые переводили русские поэтические тексты; особенно нужно отметить работу Ивана Горана Ковачича, погибшего в 1943 г.

После Второй мировой войны интерес к русской литературе и особенно поэзии снова растет. Вероятно, это можно объяснить и идеологическими причинами. Анализ переводов поэзии в Хорватии с 1945 до 1985 гг. показал, что именно русская литература в это время переводится чаще других: так, было опубликовано 40 сборников русской поэзии, 38 – итальянской, 34 – словенской, 26 – французской и только 19 сборников английской [8]. Это эпоха большой популярности Есенина и Маяковского.

В то время выходили переводы исключительного качества, особенно качественными были переводы поэзии, выполненные лучшими хорватскими мастерами слова. В «первой фазе» (50–60-е гг.) стихи Пушкина великолепно переводили Миховил Комбол и Добриша Цесарич. Добриша Цесарич переложил «Сказку о рыбаке и рыбке», которая до сих пор является самым популярным русским текстом в Хорватии. Во «вторую фазу» (70–80-е гг.) Йосип Север прекрасно перевел Маяковского, а Иван Сламниг, поэт и профессор загребского философского факультета, опубликовал конгениальный оригиналу перевод «Евгения Онегина». Этим же временем датируется и чрезвычайно интересный «проект» перевода поэзии Есенина на чакавский (наречие, которое, хотя и проиграло борьбу за стандартизацию хорватского языка, так и не утратило своей литературной силы) Златана Якшича и Джуре Жулевича.

Благодаря работе загребских русистов, особенно профессора Александра Флакера, наши читатели даже раньше, чем в России, познакомились с некоторыми произведениями запрещенных русских писателей (например, первое издание сборника Александра Флакера *Heretici i sanjari* («Еретики и мечтатели») опубликовано в 1954 г.). Конечно, большой вклад в эту деятельность осуществили и белградские русисты, и хорватские читатели могли следить за их работой (перевод романа Андрея Платонова «Чевенгур», выполненный белградским профессором Миливоем Йовановичем, вышел в 1984 г.).

Во время «второй фазы» начали публиковаться некоторые переводчики, которые продолжают работать и сегодня, например Владимир Герич и Луко Палетак. Оба перевели не так много (Палетак в основном переводит с английского), но все их работы исключительного качества, особенно нужно сказать про переводы Хлебникова в конгениальной передаче Герича.

Наконец в конце XX в. наступило время, когда между Российской Федерацией и Республикой Хорватия установились прямые двусторонние отношения. Россия признала независимость Хорватии 17 февраля 1992 г., дипломатические отношения между двумя странами были установлены 25 мая 1992 г.

Хотя сегодня Хорватия может самостоятельно планировать свою культурную политику, ситуация все же не стала идеальной. Как будто независимость, по крайней мере в том, что касается литературных переводов, пришла «в неподходящий момент». Русская литература, которая всегда имела в Хорватии культовый статус, сегодня привлекает не очень много читателей.

Переход от социалистической экономики к капиталистической приводит с собой рыночные правила и в область книг и переводов. Это плохо отражается на ситуации в переводной литературе – публикуются в основном коммерчески успешные книги, а русские бестселлеры (Донцова и тому подобные писатели) не нашли хорватского читателя. Хорватская аудитория, привыкшая к детективам и фэнтези западного происхождения, пока не особенно заинтересована в русских образцах этих жанров (за исключением книг Бориса Акунина). Надо признаться, что сами издатели не слишком стараются открыть хорватскому читателю популярных русских писателей, а в основном следят за мировыми трендами. Финансовая сторона переводческой работы оставляет желать лучшего. Раньше литературу, особенно поэзию, переводили университетские профессора и поэты. Сегодня у преподавательского состава из-за новых правил работы часто нет времени заниматься переводами (хотя некоторые делают это из любви к литературе), а поэтов (особенно поэтов-переводчиков) совсем мало. Что касается русской литературы, необходимо упомянуть Фикрета Цацана (особенно талантливого переводчика поэзии), Игора Буляна и Ирену Лукшич.

Классики уже переведены на хорватский язык, и довольно хорошо. Заинтересовать молодого хорватского читателя новым (или даже старым, но неизвестным) русским писателем довольно сложно. И сегодня самые популярные русские тексты в Хорватии – это сказки Пушкина, произведения Гоголя, Достоевского и Толстого, они входят в школьную программу. Рецепция «возвращенной» литературы, такой как Замятин или Платонов, или современной – Сорокин, Толстая – оставляет желать лучшего. Й. Войводич подчеркивает, что сегодня самым переводимым русским автором можно считать Пелевина [14, с. 323], но причина этого кроется не столько в литературных достоинствах его произведений, сколько в мировой известности автора и активности Ирены Лукшич, которая и перевела почти все его тексты на хорватский язык.

Итак, сегодня в Хорватии печатаются в основном книги либо литературно интересные и провокативные (Сорокин, Пелевин), либо современные классики (Улицкая) – т. е. в основном писатели, получившие известность за рубежом. Но и эти книги в Хорватии нельзя назвать бестселлерами.

Русская литература, особенно реалистическая проза (Толстой, Тургенев, Достоевский) и поэзия (в первую очередь Есенин), всегда имела в Хорватии культовый статус. Но за пределами этого списка имен русская литература до сих пор вызывает интерес лишь у узкого круга любителей и знатоков литературы. Историко-политические обстоятельства значительно влияли на русско-хорватские культурные связи, и хотя многие хорватские культурно-политические деятели – Гай, Враз, Радич, Бадалич – старались развивать хорватско-русские отношения, политико-географические реалии (Хорватия вместе со Словенией – самая западная славянская страна) препятствовали более глубоким культурным связям.

При всех трудностях можно сказать, что самые важные русские тексты все-таки представлены на хорватском языке в качественных и иногда конгениальных переводах, и переводили их лучшие хорватские переводчики.

Сегодня экономическая ситуация и невысокая культура чтения новых поколений препятствует появлению новых русских текстов на хорватском языке, но хорватские русисты стараются следить за ситуацией в России. К сожалению, этого нельзя сказать про хорватскую литературу на русском языке. И старую и новую.

Западные политические и культурные влияния в Хорватии всегда были сильнее. Россия дважды становилась политически важна для Хорватии, и это отразилось на количестве переводов с русского. Впервые это случилось в эпоху иллиризма, а потом – после Второй мировой войны, когда Хорватия стала социалистической страной. Вторая «волна» оставила нам особенно прекрасные переводы лучших произведений русской литературы.

Есть надежда, что вопреки экономическим препятствиям удастся капитализировать культурную свободу нового времени и осуществить новые переводы, чтобы не только сохранять, но и развивать хорватско-русские культурные связи.

Список литературы

1. Alebić I. Bolje lijera nego vjerna: ruska književnost u hrvatskom prijevodu // Kultura 31.10.2013. [Электронный ресурс] URL: https://hr.rbth.com/arts/2013/10/31/bolje_lijera_nego_vjerna_ruska_knjizevnost_u_hrvatskom_prijevodu_23191 (дата обращения: 17.12.2017).
2. Badalić J., Fedorov N. Ruska lirika. Zagreb, 1939.
3. Badalić J. Rusko-hrvatske književne studije. Zagreb, 1972.
4. Божич-Шейич Р., Радченко М. Поэзия А.С. Пушкина в переводах Миховила Комбола на хорватский язык (на примере стихотворения «Зимний вечер») // Фортунатов Н. Болдинские чтения. Нижний Новгород: Болдино, 2009.
5. Божич Р., Дрождек И. Версификационные решения в хорватских переводах «Сказки о рыбаке и рыбке» // Фортунатов Н. Болдинские чтения. Саранск: Болдино, 2011.
6. Державин К.Н. Пушкин в славянских литературах. Труды первой и второй всесоюзных пушкинских конференций. М. – Л., 1952. [Электронный ресурс] URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=_n45mEnH620%3D&tabid=10358 (дата обращения: 17.06.2017).
7. Dragojević N., Cacan F. Svjetska književnost u hrvatskim prijevodima 1945–1985. Bibliografija. Društvo hrvatskih književnih prevoditelja. Zagreb, 1988.
8. Dragojević N., Cacan F. Prevođenje svjetske književnosti na hrvatski jezik 1945–1985 // Republika. Časopis za književnost. (ur. Velimir Visković) Zagreb, 1991. XLVII, 1–2. S. 120–144.
9. Этерович Р. Особенности перевода русской лирики Серебряного века на хорватский язык. М., 2002.
10. Kričić D. Hrvatsko-ruski odnosi kroz povijest: Od dominikanca Benjamina, preko Križanića, Strossmayera, do Tuđmana i Putina. [Электронный ресурс] URL: <http://www.maxportal.hr/premium-sadrzaj/hrvatsko-ruski-odnosi-kroz-povijest-od-dominikanca-benjamina-preko-krizanica-strossmayera-do-tudmana-i-putina/> (дата обращения: 17.06.2018).
11. Hrvatska enciklopedija, Hrvatski narodni prerogod. [Электронный ресурс] URL: <http://www.enciklopedija.hr/natuknica.aspx?ID=26455> (дата обращения: 17.06.2017).
12. Parmeggiani A. Маяковский и сербская и хорватская литература Russian Literature, 1986. XX. С. 71–86. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencedirect.com/sdfe/pdf/download/eid/1-s2.0-0304347986900402/first-page-pdf> (дата обращения: 17.06.2017).
13. Radić, S. Kako ćemo se naučiti ruski? Zagreb, 1905.

14. Vojvodić J. Recepcija suvremene ruske književnosti u Hrvatskoj. // Sambunjak S., Božić R. (ur.) Zadarski filološki dani IV. Zadar, 2013. S. 317–328.

Božić Rafaela

POLITICS AND TRANSLATION: A BRIEF HISTORY OF TRANSLATION OF RUSSIAN LITERATURE TO CROATIAN LANGUAGE

How the political situation affects the translation of literary texts can be illustrated very well by the example of translating Russian literature into Croatian.

Keywords: the translation of literary texts.

Старикова Надежда Николаевна
Институт славяноведения РАН
nstarikova@mail.ru

ФЕНОМЕН БИЛИТЕРАТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЮГОСЛАВЯНСКИХ АВТОРОВ⁷

Проблемы изучения и интерпретации югославянских литератур находятся в фокусе внимания российской славистики давно. Этапным изданием последних лет является «Лексикон южнославянских литератур», в котором представлены не только выдающиеся писатели-югославы, но и качественно новые литературные взаимосвязи. К одной из особенностей югославского литературного контекста можно отнести феномен билитературной принадлежности ряда писателей, то есть их вовлеченность в литературную жизнь нескольких национальных литератур.

Ключевые слова: югославянские литературы, мультилитературная среда, билитературная принадлежность.

Проблемы изучения и интерпретации югославянских литератур находятся в фокусе внимания российской славистики давно. Одним из этапных проектов последних лет является издание «Лексикон южнославянских литератур» (2012), в котором словесное творчество боснийцев-герцеговинцев, македонцев, сербов, словенцев, хорватов и черногорцев впервые стало «самостоятельным объектом научного исследования как особая литературная общность и одновременно органическая часть общеевропейского контекста» [2, с. 7].

Перед авторским коллективом «Лексикона», который возглавила основатель академической школы литературоведческой югославистики профессор, д.ф.н. Галина Яковлевна Ильина (1930–2018), стояла проблема всестороннего исследования существующих типов межславянских отношений. Актуальность этой проблематики сохраняется до сих пор в условиях провозглашения на постъюгославском пространстве независимых государств, стремящихся активизировать свое национальное наследие, литературный язык, воссоздать национальный писательский корпус.

Исходя из поставленных научных задач, материал в книге освещается в статьях двух типов – общего плана и портретах писателей. В десяти статьях общего плана, используя материал, наработанный в исследованиях последних десятилетий, рассматриваются основные фазы литературного развития: фольклор, средневековые литературы, национальное возрождение, романтизм, реализм, модерн (модерны), авангардизм,

⁷ Исследование проводилось в рамках проекта ИСЛ РАН «Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы: междисциплинарное исследование», включенного в программу фундаментальных исследований Президиума РАН 2018–2020 гг. «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

социалистический (социальный или новый) реализм, модернизм 2 и постмодернизм. Структура этих статей предусматривает сравнительно-типологический подход к комплексному освещению литератур как особой литературной общности, к анализу художественного процесса, позволяющего, учитывая разнотадиальность и асинхронность в их развитии, показать степень сближения и расхождения, точки их глубинного сходства и логику национального движения, а также их взаимодействие с европейским литературным окружением. В статьях-портретах подкрепляется и конкретизируется соотношение общего и национально-своеобразного, универсального и локального, раскрываемое в общих главах. Авторы труда не стремились к количественному равенству представляемых писательских имен, а сосредоточили свое внимание на творчестве тех писателей, деятельность которых была особо значительна и значима в развитии отечественной литературы.

Хочу остановиться на одном весьма существенном аспекте поставленной проблемы, с которым мы столкнулись при реализации проекта, а именно на феномене билитературной принадлежности творчества писателя, то есть его вовлеченности в литературную жизнь нескольких национальных литератур. Это явление имеет глубокие историко-литературные, этнические, языковые и конфессиональные корни. В определенные периоды, чаще всего под влиянием внелитературных обстоятельств, она выходит на поверхность и становится предметом острых дискуссий. Например, в середине XX в. широко обсуждался вопрос о существовании и составе австрийской литературы, с распадом СССР заговорили об отношении к русской литературе представителей национальных литератур, пишущих на русском языке.

У Югославии здесь своя история. На югославских землях издревле жили этнически близкие народы, говорившие на очень близких языках, но их историческое развитие протекало под воздействием различных общественно-политических и культурных факторов. Они входили в состав разных государственных объединений, нередко воюющих между собой, что позднее осложняло их отношения. На долю одних выпало многовековое австрийское, других – османское господство. Все это предопределяло конфигурацию возникающего культурного контекста и систему существовавших в нем внутренних связей. XX век с двумя его мировыми войнами, гражданской войной, революционными преобразованиями обернулся для югославских народов неоднократными изменениями политического устройства, господствующих идеологий и межнациональных взаимоотношений. И лишь конец его принес им долгожданную национальную государственность. Политические и социальные катаклизмы, сотрясавшие страну на протяжении столетия, практически напрямую отражались на межнациональных отношениях и соотношении действующих внутри культурного пространства центростремительных и центробежных тенденций. Но так как переходы от одной эпохи к другой были не спокойными, а происходили в виде взрывов, приводивших к серьезным разломам в общественном и художественном сознании, то на искусство – в том числе, а иногда и в первую очередь, на литературу – ложилась задача сохранения национальной идентичности, национальных традиций и культурной преемственности.

С 1918 г. возникают условия для формирования нового многонационального литературного контекста. Вошедшие в Королевство сербов, хорватов и словенцев народы впервые оказываются в пределах одной государственной системы, где для большинства населения практически не нужен был язык-посредник. В таких условиях художественное произведение одной литературы могло стать частью литературного контекста другой. Писателям, художникам, музыкантам, театральным деятелям не надо было теперь пересекать государственные границы, они могли свободно мигрировать из одной культурной среды в другую и относительно быстро в ней адаптироваться. Возрастала возможность прямых контактов, участия в совместных литературных и художественных

акциях, творческих объединениях и изданиях. Вместе с тем, в одном государстве сошлись народы, хотя и этнически родственные, но развивавшиеся в отличных исторических и культурных условиях, придерживавшиеся разного вероисповедания и опиравшиеся на разные культурные традиции, что и предопределило своеобразие облика каждой нации, ее художественного творчества и отразившуюся в нем национальную ментальность. В сложившихся общностях разграничения шли не только по конфессиональным, но и по эстетическим признакам. На территории Королевства СХС в конгломерате этносов, религий и культур столкнулось несколько культурных потоков. Один из них составляли преимущественно католические земли – Хорватия, Словения, Воеводина, формировавшиеся под воздействием цивилизационной среды латинского Запада. Они испытали немалое латинское, итальянское, а позднее австро-немецкое воздействие. Другой поток составляли Сербия, Черногория, Македония, земли православные, тяготевшие к Византии, а затем к России и ее культуре, к тому же македонскую культуру теснейшие узы связывали с культурой болгарской. Третья составляющая – османское и, шире, – ориентальное влияние. Оно в наибольшей мере ощущалось у мусульман Боснии и Герцеговины, в несколько меньшей сказывалось на сербах, черногорцах, македонцах, сохранивших православные основы своей культуры и литературы. Эти культурные потоки находились в поле противодействия центростремительных, общеюгославских и комплементарных, взаимодополняющих сил, с одной стороны, и центробежных, дифференцирующих, направленных на отстаивание национальных прав в борьбе с унитаристской политикой «интегрального югославянства» – с другой. Соотношение этих сил было весьма неустойчивым, то одни из них, то другие брали верх, приводя всю систему на грань распада или существенно меняя ее характер.

Ситуация была сходной и во второй, социалистической, Югославии с ее единой идеологической системой. В ней в еще большей степени возросла роль внешнеконтактных связей, как личных, так и на уровне республик. Общеюгославское культурное пространство не было лишь ширмой официальной политики. Оно действительно существовало, проявляясь в межнациональных встречах, фестивалях, изданиях книг, совместных журналов. Это вело к сближению, переименованию и в отдельных случаях даже к смыканию разных литературных явлений. Интеграционный процесс принимал самые многообразные формы. Среди них были и такие, которые получили название «билитературного существования» (термин словацкого компаративиста Д. Дюришина, который отмечал, что «билитературные писатели живут в каждой из литератур “иначе”, сообразно их месту и значению в данной литературе» [2, с. 249]).

Однако жесткая идеологическая и культурная унификация привели к тому, что в конце 1960-х гг. на смену лозунгу «Братство и Единство!» приходит концепция «этнического ренессанса». В ее внедрении в общественное сознание художественной литературе и гуманитарным наукам принадлежала немалая, если не ведущая роль. Этот процесс захватил практически все культуры Югославии. С 1970-х гг. начинается «деление» многих спорных с точки зрения национальной литературной принадлежности писателей по национальным литературам. С годами эта тенденция не ослабевает, наоборот, ее интенсивность возрастает в 1990-е годы в независимых государствах, возникших на территории бывшей СФРЮ.

Острейшим образом необходимость выработки соответствующей методологии встала в связи с активизацией в последнее время таких форматов литературоведческих исследований, как история национальной литературы, литературные энциклопедии, лексиконы и биобиблиографические словари. Обращение к подобному рода изданиям вызвано не только необходимостью укрепления национального самосознания народов, обретших государственность, но в не меньшей мере связано с процессами глобализации, с опасностью, возникающей для любой литературы, со стороны расширяющегося процесса

интернационализации культуры, проникновения в нее унификаторских тенденций, приводящих к концентрированному единообразию.

Выявляя особенности творчества писателей, литературная деятельность которых может относиться к двум литературам, надо учитывать, что двойная литературная принадлежность бывает как диахронной, осуществляющейся в разные периоды (С. Враз, И. Андрич, М. Селимович), так и синхронной, т. е. проявляющейся в одновременном участии в развитии двух литератур (П.П. Негош, Х. Кикич, Р. Зогович, В. Десница). При этом, признавая роль и значение того или иного писателя для двух литератур, иногда (особенно в учебниках истории национальной литературы или литературных энциклопедиях) возникает вынужденная необходимость выделить национальную доминанту его творчества при полном понимании неизбежных упрощений. Перед проблемой выработки основных критериев для определения этой доминанты оказываются исследователи любого многонационального контекста. Известен опыт редколлегии библиографического словаря «Русские писатели XX века», которой пришлось давать ответ на вопрос, входят ли в корпус русской литературы двуязычные литераторы, работающие в пространстве русского языка и литературы, – такие, как Г. Айги, В. Быков, Ч. Айтматов. «Многие их тексты, – пишет в предисловии к словарю профессор П.А. Николаев, – создавались на русском языке, их вклад в русскую литературу и вообще в русскую культуру весьма значителен. Но главный источник их творчества в национальной духовной стихии: чувашской, белорусской, киргизской и т. д. Они, как правило, и начинали писать на родном языке, и предметом их повествования была жизнь национальной родины. Поэтому в современном художественном мире они, прежде всего, представляют свою национальную литературу. Примеры В. Набокова и И. Бродского не опровергают этого положения: основные начала их творчества – в пределах специфически русских художественных феноменов» [3, с. 6].

Возникает вопрос, что же можно отнести к признакам принадлежности писателя к определенной литературе? Постоянное проживание на территории, участие в литературной жизни, членство в союзе писателей, сотрудничество в периодических изданиях, собственная точка зрения? Например, включение Иво Андрича в «Лексикон хорватской литературы» 1998 г. было мотивировано тем, что, «перейдя на сербский язык и войдя в сербскую литературную жизнь», писатель сохранил «языковые, стилевые, тематические и философские компоненты хорватского наследия» [5, с. 13]. В конкретных случаях может быть очень существенен любой из названных признаков, но в определении национальной литературной доминанты творчества писателя, на наш взгляд, нельзя абсолютизировать ни один отдельно взятый критерий. Лишь совокупность всех или нескольких из них в их взаимозависимости, образующей систему координат, позволяет отнести творчество писателя к той или иной национальной литературе, что, однако, несколько не умаляет его роли (если она была) для другой. В итоге к важнейшим признакам национальной литературной принадлежности авторский коллектив Лексикона относит следующие:

1. Язык. В случае югославян это осложняется тем, что для языков сербскохорватского ареала эта составляющая не константная, а переменная, поскольку реально лексические, фонетические и стилистические отличия существуют и в определенных исторических условиях начинают играть важную роль, как это происходит уже на наших глазах в возникших на территории бывшей СФРЮ независимых государствах. Эти отличия во многом обусловлены тем, отмечает Н.И. Толстой, что процесс формирования литературных языков и литератур югославянских народов происходил различными темпами и в условиях разного двуязычия. У сербов и черногорцев двуязычие было гомогенным: древнеславяно (церковнославяно)-сербским. У хорватов и словенцев – гетерогенным: латино-, итальяно-, немецко-хорватским и словенским. У хорватов еще и венгеро-хорватским [4, с. 126]. Для литературного языка боснийских мусульман не прошло бесследно существование литературы

на трех ориентальных языках – турецком, арабском и персидском – и ее переход к народному языку через арабицу (арабскую азбуку). На разных этапах развития все эти факторы в той или иной степени накладывали отпечаток на восприятие своего языка в отношении к другим югославянским языкам.

2. Место рождения, этническая и конфессиональная среда воспитания и формирования личности, роль народного творчества в этическом и эстетическом мировосприятии.

3. Вживленность в литературную среду, как внешняя (участие в выборных органах, литературных организациях, периодических изданиях), так и внутренняя (принадлежность или близость к литературным группам, направлениям, определенным эстетическим нормам).

4. Самоидентификация, национальная, а иногда и литературная. Этот признак можно считать определяющим. Однако при всей его значимости нельзя не принимать во внимание, что в авторитарных, а тем более тоталитарных государствах на субъективное решение писателя влияли внелитературные факторы. Могли играть роль и сугубо личные причины, не имеющие никакого отношения к литературе.

5. Нисколько не умаляя бесспорной важности вышеназванных признаков, наиболее существенной константой мы считаем ментальность человека, в формировании которой участвовали те факторы, о которых говорилось выше. Она проявляется в тематике, художественной форме произведения, связи творчества с литературными традициями, региональными, этническими чертами вне зависимости от места проживания писателя, а иногда и от литературной самоидентификации.

Приведу три примера:

Иво Андрич (1892–1975) родился в Боснии в католической семье, там же провел детство и школьные годы, высшее образование получал в Загребе, Вене и Кракове. В Загребе, с альманаха «Хорватская молодая лирика» (1914), началась его литературная деятельность, он стал членом Общества хорватских писателей. За участие в антиавстрийском движении в годы Первой мировой войны сидел в тюрьме, где были написаны его первые книги, изданные в Загребе в 1918 и 1920 гг. После окончания войны Андрич, будучи активным сторонником югославизма, переезжает в Белград, поступает на дипломатическую службу и активно включается в литературную жизнь столицы. В 1961 г. получает Нобелевскую премию. Сейчас на этого писателя претендуют три литературы. В начале литературного пути по типу творчества, особенностям стиля и языка, эстетической близости экспрессионизму, получившему в Хорватии большое распространение, его можно рассматривать как хорватского писателя. Безусловно и то, что этот опыт не прошел для него бесследно. Потом он стал сербским писателем, одним из тех, кто определял развитие сербской литературы, но и не только ее, что не отрицает его первоначальной принадлежности к хорватской литературе. Влияние творчества Андрича ощущается в произведениях многих писателей других югославянских литератур. Экзотический мир Боснии стал для него моделью человеческого существования, но, превосходно владея самим материалом, он описывал его с позиций человека иной, христианской, европейской культуры и мировоззрения. Для Андрича этот мир был интересен не только и не столько сам по себе, сколько как прообраз человеческого общежития людей и народов разного миропонимания.

Меша Селимович (1910–1982) родился в семье потомственных боснийских бегов. Провозгласил себя сербским писателем, оставшись при этом представителем боснийской культуры. Мир прославивших его романов «Дервиш и смерть» и «Крепость» – это мусульманская Босния, ее психология, этика, бытовая культура, раскрытые глазами мусульманина (не с религиозной, а с этнической точки зрения), т. е. описанные им изнутри. Это, однако, нисколько не исключает того, что Селимовичу, писателю второй половины XX в., была близка философская модель экзистенциализма. Ему принадлежит заслуга

преобразования жанровой структуры романа, что чрезвычайно плодотворно сказалось на развитии и сербской, и боснийской литератур.

Мак Диздар (1917–1971), как и Селимович, выходец из старинной мусульманской семьи. Постоянно жил в Сараеве, участвуя в литературной и общественной жизни Боснии и Герцеговины, но определился как хорватский писатель. При всем уважении к этому решению Диздара (видимо, у него были на то причины), изучая его творчество, приходишь к выводу, что вся образность художественного мира его поэзии связана с традициями старой и новой боснийской мусульманской литературы. Включая статью о Диздаре в «Лексикон хорватской литературы», авторы отмечают, что поэт, сохранив красоту архаики и чистоту языка как отправные точки традиции, показывает, как культура его родного края «со своим языком и цивилизационным контекстом, не потеряла континуитет после турецкого завоевания, когда с исторической сцены ушли боснийские короли и вельможи» [5, с. 68]. В заключительной же фразе статьи они делают знаменательный вывод: «Неоспоримое место Диздара в хорватских антологиях не исключает того, что в широком смысле слова его творчество в целом способствовало эмансипации мусульманского бошнячества» [5, с. 69]. Не отрицая значения поэта для хорватской литературы, нам кажется невозможным исключение его из литературы бошняков. Пожалуй, в XX в. никто лучше Диздара не выразил духа мусульманской Боснии и его эволюции. Современный историк хорватской литературы Слободан Просперов-Новак приходит к выводу, что «после смерти поэт комфортно расположился в двух литературах параллельно» [6, с. 168].

То же можно сказать о творчестве черногорцев Михайло Лалича (1914–1993) и Радована Зоговича (1907–1986), после Второй мировой войны постоянно живших в Белграде и принимавших активное участие в его литературной жизни, но при этом не порывавших связей со своей родиной. С ней теснейшим образом связан и художественный мир их произведений, причем не только тематически, но и ментально. Характеры их героев национально четко выражены, даже стиль произведений отражает черногорскую образность, основанную на сложившихся в особых исторических условиях народных представлениях о природе, человеке и их взаимоотношениях. У обоих сильна опора на народное творчество. Оба называли себя черногорскими югославскими писателями, хотя некоторые литературоведы включают их только в сербскую литературу. Между тем определенность литературной принадлежности несколько не исключает признания ими опоры на более богатые литературные традиции сербской литературы и творческого вклада в обогащение двух литератур.

Острота, дискуссионность и даже болезненность (для национальных литератур) вопроса о билингвальной принадлежности некоторых писателей может быть сглажена только с помощью профессионального и неультимативного подхода к литературному процессу.

Список литературы

1. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литератур. М., 1979.
2. Лексикон южнославянских литератур. М., 2012.
3. Николаев П.А. Предисловие // Русские писатели XX века. Библиографический словарь. М., 2000.
4. Толстой Н.И. Культурно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков (на материале сербохорватского, болгарского и словенского языков) // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
5. Bogišić V., Čale Feldman L., Duda D., Matičević I. Leksikon Hrvatske književnosti. Zagreb, 1998.
6. Prosperov Novak S. Povijest hrvatske književnosti. Zageb, 2004.

Starikova Nadezhda

THE PHENOMENON OF THE BI-LITERARY AFFILIATION OF THE YUGOSLAVIAN AUTHORS

The problems of studying and interpreting Yugoslavian literatures are in the focus of attention of Russian Slavic studies for a long time. A gradual publication of recent years is “Lexicon of South Slavic Literatures”, which represented not only outstanding writers-Yugoslavs, but also qualitatively new literary interrelations. One of the features of the Yugoslavian literary context is the phenomenon of the bi-literary affiliation of a number of writers, that means their involvement in the literary life of several national literatures.

Keywords: Yugoslavian literatures, multiliterary environment, bi-literary affiliation.

Шешкен Алла Геннадьевна
МГУ имени М.В. Ломоносова
asheshken@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ЮГОСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР XX ВЕКА В СВЕТЕ РУССКО-СЛАВЯНСКОГО КУЛЬТУРНОГО И ЛИТЕРАТУРНОГО ДИАЛОГА

В статье проанализировано развитие югославянских литератур в 1918–1991 гг. с учетом участия в нем авторов русской литературы XIX–XX вв. и важности для национального искусства слова их художественного опыта. Автор исходил из того, что в процессе эволюции каждая национальная литература опирается одновременно на собственную и на мировую традицию, которая усваивается вне хронологии. Подчеркнуто, что интерес к конкретным русским писателям и произведениям был обусловлен актуальными задачами и потребностями югославянских литератур на каждом из этапов развития. Особое внимание уделено переводу и рецепции творчества Ф. Достоевского, М. Горького, М. Шолохова и М. Булгакова. В межкультурном диалоге выделена роль национальных научных школ, обеспечивших высокое качество издания и интерпретации русской литературной классики.

Ключевые слова: русская литература XIX–XX вв., югославянские литературы, литературная традиция, художественный перевод, Достоевский, М. Горький, Шолохов, Булгаков, Н. Островский, Д. Чосич, Исакович.

Югославянские литературы – литературы народов, населявших многонациональное государство, существовавшее под разными названиями: Королевство сербов, хорватов и словенцев (1918–1929), Королевство Югославия (1929–1941), Федеративная народная республика Югославия (1945–1963), Социалистическая Федеративная Республика Югославия (1963–1992). К югославянским литературам относятся: сербская, хорватская, словенская, македонская, боснийско-герцеговинская, черногорская. Эти литературы имеют общие корни, как и особенности, обусловленные исторической судьбой каждого народа. Существование в одном государстве было основой для возникновения общих культурных процессов, которые стали проявляться еще в межвоенные годы. После войны появились признаки возникновения югославской межлитературной общности. Этот процесс развивался до рубежа 1960–70-х гг., в семидесятые годы XX в. он замедлился, а в 1980-е гг. центристремительные тенденции в культуре и искусстве сменились центробежными. С 1991 г. начался новый этап в политической, общественной и культурной жизни народов, связанный с их выходом из состава федерации и образованием независимых государств. Таким образом, само терминологическое определение «югославские литературы» подразумевает конкретные временные рамки (1918–1991) и соответствующий охват

материала. В отличие от него, терминологическое определение «югославянские литературы» может употребляться шире и в плане временных рамок распространяться на период XIX в. и новейший литературный процесс. В то же время данное определение отделяет литературы некогда единого государства от еще одной южнославянской – болгарской литературы, прошедшей в XX в. совсем иной путь развития. В данной статье мы будем пользоваться терминами «югославские литературы» и «югославянские литературы», с учетом того, что последний учитывает сложившуюся в настоящее время историческую перспективу.

Во время пребывания в общем историко-культурном пространстве югославянские литературы тесно взаимодействовали между собой и одновременно усваивали художественные достижения мировой литературы. Богатый опыт российской и зарубежной компаративистики свидетельствует, что межкультурный диалог оказывает всеобъемлющее и плодотворное воздействие на обогащение национальных литератур, и, по сути, история литературы каждого народа представляет собой, в том числе, историю взаимоотношений искусства слова конкретного народа с литературами, созданными другими этносами. При этом каждая национальная литература выбирает из всего богатства мировой литературы именно то, что позволяет ей в конкретное время решать собственные актуальные художественные задачи. При этом традиция мировой литературы усваивается вне хронологии: одинаково важным нередко оказывается художественный опыт классиков и современных авторов [15, с. 70–85].

Культурные и литературные связи югославян с Россией имеют богатую традицию, уходящую в дописьменную эпоху и получившую новый импульс в эпоху зарождения у славян письменности и литературы. В XIX в., во время формирования у югославянских народов современных литературных языков, большое влияние имела идея славянской взаимности / славянского единства, отводившая России главное место в деле объединения славян. На этот же период приходится «золотой век» ее культуры. Классика русской литературы оказала огромное воздействие на литературы югославян. Повышенному интересу к себе русская литература обязана высочайшим художественным достижениям XIX в., творчеству А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и др. Перевод, например, поэзии Пушкина и романа «Евгений Онегин» сыграл важную роль в развитии системы версификации у сербов, хорватов и словенцев [9, с. 240–250]. Знакомство с Гоголем и Тургеневым отразилось на обогащении драмы и прозы, особенно жанра романа. Художественные достижения Л. Толстого, Достоевского и Чехова еще больше усилили интерес национальных художников слова к русской литературе и сделали обращение к ее художественному опыту традицией, которая приобрела новое качество в XX в.

В истории югославских литератур XX в. (1918–1991) выделяются два основных этапа: 1918–1941 гг. и 1945–1991 гг., границы которых заданы судьбоносными историческими событиями, повлиявшими на тематику, проблематику, идейное наполнение, внимание к определенному типу конфликтов и жизненным типам, а также и на поиски новых средств художественной выразительности. Лицо культуры и литературы в межвоенные годы определили такие события, как окончание Первой мировой войны (1918) и образование Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918, с 1929 – Королевство Югославия), положившее начало формированию общих процессов в культуре и искусстве многонациональной страны. Кроме того, мощный отклик имела победа Октябрьской революции в России (1917) и образование СССР (1922).

Сложились новые течения, отражающие трагический опыт Первой мировой войны, стремящиеся радикально обновить язык искусства и литературы. Громко заявили о себе экспрессионизм и сюрреализм (в терминологии югославской критики – надреализм). Зародилось и к концу 1920–1930-х гг. охватило все литературы (в том числе нарождающуюся литературу непризнанного македонского народа) течение «социальной»

или «левой» литературы (в своей основе опиравшееся на марксистскую философию), поставившее в центр внимания критику буржуазного общества и идеи социального равенства [7]. В этих условиях обращение к художественному опыту русской литературы приобрело новое качество.

Для полноценного восприятия в Югославии ее традиций важное значение имело распространение преподавания и изучения русского языка и литературы, что создавало базу для плодотворного культурного обмена и формировало заинтересованного реципиента. В 1920–1930-е гг. русская литература изучается в гимназиях и высшей школе, широко и систематически переводится и публикуется на сербском, хорватском и словенском языках, начинают издаваться собрания сочинений ее классиков. Крупные национальные писатели (Б. Нушич, Д. Максимович, М. Крлежа, Р. Зогович, К. Рацин и др.) проявляли к русской словесности XIX в. (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский и др.) и современной литературе (М. Горький, В. Маяковский, А. Блок, С. Есенин и др.) самый живой интерес.

Постоянно растущую в межвоенные годы в Королевской Югославии популярность русского искусства слова стимулировали две прямо противоположные с мировоззренческой точки зрения тенденции. Во-первых, это распространение социалистической идеи и непосредственно с ней связанный интерес к советской России и ее культуре. Проза и поэзия М. Горького, В. Маяковского, Н.А. Островского, А.А. Фадеева, М.А. Шолохова были для деятелей югославской «левой литературы» высокими образцами художественного творчества «нового типа» [4, с. 161–181]. Представители этого движения стали его главными популяризаторами: переводчиками, издателями, исследователями. Среди них были писатели и критики, оставившие значительный след в истории национальных литератур Югославии: Братко Крефт, Иван Брнчич, Радован Зогович, Иво Казарчанин.

Во-вторых, присутствие большого числа русских эмигрантов (по разным оценкам Королевство приняло от 40 000 до 70 000 человек, из них более 75% имели среднее и высшее образование) формировало особую атмосферу «русскости» во всех городах Югославии, ибо редкий город обходился без русского доктора, инженера и педагога [16, с. 245–263]. Многочисленные русские эмигранты были носителями и популяризаторами своей национальной культуры и немало сделали не только для ее широкого распространения, но и для глубокого, подлинно научного изучения. Столица Королевства Белград стала значительным центром зарубежной русской культуры, а город Сремски Карловцы, где разместилась «Русская православная церковь за границей» (1921), превратился в духовный центр всей русской диаспоры. В 1928 г. в Белграде был проведен Первый (и единственный) съезд русских писателей и журналистов за границей. В нем участвовали выдающиеся литераторы и культурные деятели: А. Куприн, В. Немирович-Данченко, Б. Зайцев, З. Гиппиус, Д. Мережковский и др. Этот съезд имел широкий резонанс в культурной жизни Югославии, многие национальные деятели культуры получили возможность лично познакомиться с русскими авторами, а две литературы как бы стали сосуществовать в одном пространстве. Это весьма любопытный феномен, лишь относительно недавно ставший объектом исследования, в частности, об этом писала М. Стойнич [11].

Празднование в Югославии, начиная с 1925 г. (как и везде в зарубежье), «Дней русской культуры», приуроченное ко дню рождения Пушкина, не только было культурной манифестацией русских эмигрантов, но и имело значение для популяризации русской культуры в инонациональной среде. В «Днях» широко участвовали югославские деятели культуры, науки и образования, творческая интеллигенция. Во главе многих акций русских эмигрантов в Белграде был президент Сербской АН известный славист Александр Белич – председатель Комиссии по делам русских беженцев. Он был в числе организаторов и «Дней памяти А.С. Пушкина», посвященных 100-летию гибели поэта (1937), которые объединили русскую и югославскую интеллигенцию и превратились в Югославии в

событие национального масштаба. Для организации памятных дней был создан комитет, получивший всестороннюю государственную поддержку. Была издана массовым тиражом и с одобрения Министерства народного просвещения раздавалась в школах специальная брошюра «Александр Пушкин» русского профессора В.А. Розова (1876–1940). В серии «Жизнь замечательных людей» сербский переводчик русской поэзии Милорад Пешич опубликовал очерк жизни и творчества поэта. Известная сербская писательница Исидора Секулич написала эссе о Пушкине, которое было издано с приложением «пушкинских речей» И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и В.О. Ключевского и статьи П.А. Митропана «Интерес Пушкина к сербскому народу». Несколько статей о переводах и восприятии творчества Пушкина в Хорватии выпустил крупный хорватский русист Йосип Бадалич («Пушкин в хорватской литературе», «Пушкин и Враз»). Со статьями и исследованиями произведений русского поэта выступили филологи, историки, переводчики, писатели. Замечательным, уникальным по представительству и качеству материалов явлением научной жизни и Югославии, и русской науки стало издание «Белградского Пушкинского сборника» (1937). В нем приняли участие выдающиеся сербские, хорватские, словенские и русские исследователи [5].

Выделенные две, на первый взгляд противоположные, тенденции послужили в реальной жизни тому, что представления югославян о русской литературе приобрели достаточно глубокий и систематический характер. Как сторонники «социальной литературы», так и русские эмигранты выступали с комментариями, были авторами предисловий огромного количества изданных в межвоенный период в Югославии произведений русской литературы. В 1928 г. участники движения «социальной литературы» основали в Белграде издательство «Нолит», которое сосредоточилось на переводе литературы, изданной в СССР. Произведения М. Горького, Н. Островского, М. Шолохова и др. часто запрещались, но пользовались большой популярностью.

Молодежь тех лет живо интересовалась политикой, в ее среде большое влияние и авторитет имели сторонники коммунистического движения, ей (молодежи) были близки идеи социальной справедливости и социального протеста, а книги советских авторов были чуть ли не единственным источником сведений о России. Так, роман М. Горького «Мать», опубликованный издательством «Нолит», авторитетный македонский критик и ученый М. Гюрчинов прочитал еще гимназистом, получив его от друзей под большим секретом. Он вспоминал, что эту «зачитанную почти до дыр книгу с сильно потрепанной обложкой» [3, с. 43] он прочитал с «большим воодушевлением» и пришел к выводу, что «правда была на стороне Власова и Пелагеи. Никто бы не смог убедить меня в противном. Впрочем, этот “никто” и не существовал в моем окружении» [3, с. 44]. Но эти же гимназисты читали и русскую классику. Так, большим откровением для многих (о чем тоже пишет М. Гюрчинов в своих воспоминаниях) был и роман «Преступление и наказание» Достоевского. В то же время приобретший популярность комикс (у истоков которого в Югославии стояли русские художники-эмигранты) и издание рисованных версий произведений русской классики («Тарас Бульба» и «Ревизор» Н. Гоголя, «Пиковая дама» А. Пушкина и др.) привлекали к русской литературе внимание самых разных слоев населения [1].

Русская эмиграция много и систематически издавала классику (на русском языке) и активно знакомила югославян с русским культурным наследием, выступая в качестве авторов предисловий и комментариев к переводам. Молодые эмигрантские поэты продолжали в собственном творчестве традиции Серебряного века (их кумиром был А. Блок) и много сделали для знакомства с его авторами представителей местной интеллигенции. При этом Е. Таубер, К. Тарановский, И. Голенищев-Кутузов и др. широко сотрудничали в авторитетных литературно-художественных журналах Югославии («Српски књижевни гласник», «Летопис Матице Српске», «Нова Европа» и др.). Они были активными участниками культурной жизни

Королевства и сыграли важную роль посредников между русской культурой и культурой югославян. Глубокий интерес к русской культуре присутствовал в разных слоях общества, что подтверждает фактический материал, систематизированный в библиографии переводов русской литературы на сербский и хорватский языки, и отдельная библиография русской литературы в хорватской периодике [10].

Во время Второй мировой войны, которая совпала в Югославии с революцией и гражданской войной (1941–1944), массовый и общегославский характер приобрело партизанское движение под руководством компартии. В военных условиях сложился особый тип культуры, призванной воодушевлять бойцов, укреплять их боевой дух и разоблачать оккупантов и их пособников. Потребность в массовой песне с новым идейным содержанием привела к интересному синтезу, возникшему на основе мотивов народной поэзии югославян и советской песни. На мотив «Песни о Щорсе» (написана в 1936, муз. М. Блантера) о красном командире, герое Гражданской войны, была сложена и стала одной из самых известных песня «Капитан Сава» о гибели легендарного партизанского командира Савы Ковачевича.

Эпоха существования социалистической Югославии охватывает без малого полвека: с 1944 по 1991 гг. В художественном процессе этого крайне сложного, но продуктивного для всех литератур страны (к уже сформировавшимся, после признания македонцев отдельной нацией и кодификации македонского языка в 1945 г., прибавилась македонская литература) времени по устоявшейся традиции выделяются следующие периоды: 1945 – начало 1950-х гг., середина 1950-х – середина 1960-х гг., конец 1960-х – 1970-е гг., 1980–1991 гг. Каждому из периодов свойственно доминирование определенных эстетических концепций, разное (иногда полярное) понимание роли искусства в жизни общества и особые представления об изображении человеческой личности в художественном творчестве. В целом же югославянские литературы стали важным фактором мирового литературного процесса, приобрели авторитет и признание, что, в частности, ярко подтверждает присуждение Нобелевской премии (1961) выдающемуся писателю Иво Андричу (1892–1975).

В этом движении югославских литератур свое существенное место занимала и русская литература. Изменения в общественной и литературной жизни сказывались на ее восприятии, влияли на перевод и предпочтения тех или иных авторов, на оценку уже известных и вновь открытых имен художников слова. Многие произведения русской литературы были восприняты так близко, что стали неотъемлемой частью многонациональной культуры югославян. Национальные писатели на протяжении десятилетий вели с ними творческий диалог, а иногда и полемику. Таким образом расширилась основа для возникновения типологически родственных явлений (прежде всего, в жанре романа). Важно также подчеркнуть, что в 1945–1991 гг. сформировались переводческие и научные школы, сложились и приобрели международный авторитет исследовательские центры русистики в Белграде, Загребе, Любляне и Скопье⁸.

Послевоенное время (период 1945 – начало 1950-х гг.) – годы становления культуры социалистической Югославии и утверждения в ней рационалистической эстетики социалистического реализма. Советская литература сыграла в этом процессе особую роль, став одной из традиций, на которую опиралось национальное искусство слова. Многочисленные свидетельства и воспоминания современников, художественная практика и литературная критика подтверждают ее чрезвычайную популярность у читателя. Молодые герои хорватского писателя М. Божича изучали методы революционной борьбы по роману М. Горького «Мать». Сербский прозаик В. Маринович писал о том, что «Как закалялась сталь»

⁸ Ряду югославских ученых за изучение и популяризацию русской литературы у себя на родине было присвоено звание Почетного доктора Московского университета (М. Бабович, М. Сибинович – Белградский университет) и Почетного профессора Московского университета (А. Сказа – университет в Любляне, М. Каранфиловский – университет им. Кирилла и Мефодия в Скопье). Многие ученые и переводчики были удостоены Медали имени А.С. Пушкина.

Н. Островского была одной из самых любимых книг молодежи послевоенного поколения. Ответ на сложные жизненные вопросы молодой революционер-партизан из рассказа македонского прозаика В. Малеского «Сыновья» ищет в «Разгроме» А. Фадеева. Участник народно-освободительной борьбы, один из крупнейших специалистов по русской литературе и исследователь русско-сербских литературных связей М. Бабович прямо заявляет, что в первое послевоенное время советская литература воспринималась в Югославии как родная. А для молодых македонских прозаиков (они часто выступали также в роли переводчиков) знакомство с ней было важным этапом формирования собственного творческого лица [17, с. 121–144]. Нелишне заметить, что, при отсутствии пьес национальных авторов на актуальную тематику сразу после войны, театры ставили драмы советских авторов. Первым спектаклем на сцене Народного театра после освобождения Белграда стала пьеса о войне – «Нашествие» Л. Леонова [2, с. 187–189]. В Македонии на сцене только образованного Македонского народного театра был поставлен «Платон Кречет» А. Корнейчука. На многих сценах после 1945 г. ставилась пьеса «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова.

Советская литература занимала, бесспорно, первое место среди переводной литературы [14, с. 112–127], а среди иностранных книг, переведенных на македонский язык, ей вообще принадлежит более 80%. Первостепенное внимание в те годы уделялось изданию классики соцреализма, освещающей революционные преобразования в обществе и процессы формирования личности «нового человека» – строителя «светлого будущего». Это отвечало задачам национальных литератур (хотя нельзя не отметить и многочисленные издания классики). В югославских литературах тоже появилось изображение новых жизненных типов – участников революционного и партизанского движения. Популярностью пользовались произведения М. Горького, М. Шолохова, Л. Леонова, А. Серафимовича, А. Фадеева, Д. Фурманова, А. Макаренко и др. Роман Н. Островского «Как закалялась сталь», ярко воплотивший новый тип героя – вдохновенного и самоотверженного строителя социализма, был переведен и издан в 1945–1947 гг. на сербском, хорватском, словенском и македонском языках и неоднократно переиздавался⁹. Появились произведения, несущие отпечаток влияния советской прозы. Так, первый в Югославии роман о коллективизации (и одновременно первый образец романного жанра в македонской литературе) «Село за семью ясенями» (1952) С. Яневского явно перекликается с первой книгой «Поднятой целины» М. Шолохова. Большое распространение в произведениях национальных авторов получил мотив материнской жертвы, восходящий к роману Горького «Мать» и одновременно опирающийся на мотив жертвы Богородицы, что стало залогом его популярности. Мотив жертвенности во имя революции был неразрывно связан с преобладающим в послевоенное пятилетие мотивом героизма участника партизанского движения.

События 1948 г., конфликт между политическим руководством СССР и Югославии, привели к полному разрыву отношений между странами, который продолжался вплоть до смерти Сталина (1953). В полном объеме отношения были восстановлены в 1955 г. после визита Н.С. Хрущева в Белград. Разрыв отношений имел серьезные последствия для внутренней жизни Югославии, дав толчок политическим преследованиям противников линии И.Б. Тито. Пострадали и многие деятели культуры и искусства, (например, известный поэт Р. Зогович). На фоне этих событий на рубеже 1940–1950-х гг. в культуре Югославии сформировалось неприятие советской концепции искусства, следствием чего стало провозглашение на III съезде Союза писателей Югославии (1952) отказа от эстетики и практики соцреализма. Новая эстетическая доктрина получила название «социалистический эстетизм». Термин раскрывал общественную цель (развитие по социалистическому пути), но

⁹Островски Н. Како се калио челик. Београд, 1945; Загреб, 1945 (латиницей), 1946; Ostrovski N. Kako se kalilo jeklo. Ljubljana, 1945, 1946; Островски Н. Како се калеше челикот. Скопје, 1947.

на первый план выдвигалась идея независимости творческой личности и эстетический критерий оценки художественного произведения. Основным лозунгом времени стали «свобода творчества» и право на художественный эксперимент.

Были «реабилитированы» такие межвоенные течения, как символизм, еще недавно отвергаемый как буржуазное искусство. Большое влияние приобрел надреализм, не столько как эстетическая теория (никто не собирался «уничтожить литературу», как призывал Бретон), но как художественная практика, дававшая неограниченную свободу фантазии, приветствовавшая полное раскрепощение воображения и культивировавшая яркость и неожиданность метафоры. Это наложило отпечаток на поэзию, но проявлялось и в прозе, и в драме. Классовую трактовку личности если не сменил, то значительно потеснил фрейдизм, но в целом эстетические взгляды эпохи отличали эклектичность и причудливое сочетание самых разных «-измов».

На фоне этих перемен советская, а с ней и вся русская литература (реализм частью критики тоже считался устаревшей моделью) утрачивает доминирующее положение среди переводной литературы. Расширяются контакты литератур Югославии с западноевропейской литературой, идет интенсивный поиск обновления языка искусства. Этот поиск сопровождался в середине 1950–1960-х гг. острой полемикой между сторонниками «реалистов и модернистов», которая кипела на страницах новых журналов («Дело» и «Современник», Белград, 1955; «Кругови», Загреб, 1952; «Беседа», Любляна, 1951; «Разгledi», 1953, и «Современост», 1951, Скопье). В них спорили о природе реалистического искусства, о его актуальности и возможности (невозможности) обновления в XX в., о важности освоения художественных открытий западноевропейских литератур, мировом опыте авангардизма и модернизма. Вот как передает обстановку тех лет выдающийся сербский писатель Д. Чосич в книге воспоминаний «Писатели моего века» (2004): «...Мы, воодушевленные антитрадиционализмом и модернизмом, создавали и расширяли новый модернистский круг в Белграде, опираясь на довоенных надреалистов и привлекая к сотрудничеству молодых писателей моего поколения, среди которых выделялись Васко Попа, Миодраг Павлович, Раде Константинович, в живописи Миодраг Б. Протич и Стоян Челич, в литературной критике Зоран Мишич и Петар Джаджич... Чтобы в литературной и культурной жизни заложить основы нашего социалистического модернизма, мы во главе с Давичо основали журнал «Дело», главными редакторами которого стали Александр Вучо и Антоние Исакович. Белград в те годы стал духовным и творческим центром Югославии, центром сторонников модернизма в искусстве и литературе, центром антидогматизма, демократизма и освобождения от сталинизма, от балканского консерватизма и югославянского провинциализма» [12, с. 68].

Творчество русских авторов тоже воспринималось с новой точки зрения. В поэзии А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина (они продолжали переводиться и широко издаваться) акцент ставился на наличие черт нереалистических течений – символизма, футуризма, имажинизма. Отвергнув соцреализм, югославская литература и критика обратились к русской литературе 1920-х гг., с ее новаторскими порывами и интересными экспериментами. Эта тенденция сохранялась в науке и издательской политике довольно долго, что отражало потребности национальных литератур страны.

Литература Югославии с начала 1950-х гг., отказавшись от упрощенной «черно-белой техники» изображения партизанского движения, шла по пути постижения глубины характера участника эпохальных перемен в жизни страны. Создаются произведения, типологически родственные советскому роману 1920–1930-х гг. (Д. Чосич «Солнце далеко» и А. Фадеев «Разгром» и др.) и в то же время полемически ему противопоставленные. Одним из ярких примеров является этапный для всех югославских литератур роман О. Давичо «Песня» (1952), который имеет точки соприкосновения с культовым для поколения революционеров романом Н. Островского «Как закалялась сталь», но предлагает иную концепцию личности

героя. Это повлекло изменения в жанровой структуре (лирико-философский роман) и хронотопе. Сербского писателя интересовал в жизни и в литературе тот же жизненный тип, который советский писатель Н. Островский воплотил в Павке Корчагине. Однако Давичо уделяет большое внимание психологическому состоянию героя, вводит в произведение многочисленные внутренние монологи, использует технику «потока сознания», «увлекается ритмизацией повествования, подчеркнутой экспрессивностью языка, метафорически усложненной образностью» [6, с. 345]. Он написал лирико-философский роман с главным героем, постигшим глубину человеческих эмоций. Название «Песня» является метафорическим по своей сути (автор «воспевает» подвиг во имя свободы), но абсолютно противопоставленным «стальной» метафоре Н. Островского [16, с. 70–83].

В конце 1960-х – 1970-е гг. югославские литературы, прежде всего проза, идут по пути углубления внимания к философско-нравственной проблематике, к изображению человеческой личности в условиях катаклизмов XX века. Увлечение ряда писателей философией и литературой экзистенциализма отразилось на изменениях в трактовке героя партизанского движения, которого писатели ставили в ситуацию морального выбора, что требовало от него крайнего напряжения нравственных сил. Экзистенциализм обострил интерес к изображению внутреннего мира человека, процессам в его сознании и подсознании (М. Лалич, Д. Чосич), и быстро расширил свои тематические рамки, обратившись к историческому прошлому (М. Селимович).

В связи с тем, что в этот период все югославские литературы развивались чрезвычайно интенсивно, а литературные связи с мировой и русской в том числе культурой приобрели большой размах, из всего богатства имен и произведений русской литературы (ее популярность стимулировала издательства к публикации собрания сочинений классиков, изданию тематических серий, переводов новых авторов, в том числе недоступных в те годы отечественному любителю литературы) мы выберем Достоевского, Булгакова и Шолохова. Это весьма условный выбор, продиктованный рамками статьи, но все-таки не совсем произвольный.

Достоевский, при том что он уже был хорошо известен и давно вошел в культурное пространство и сознание югославян, получил новое прочтение. Если раньше он воспринимался как защитник «униженных и оскорбленных», как обличитель лицемерия и бесчеловечности буржуазного мира, то теперь стал привлекать внимание постановкой проблемы «идейного убийства», чрезвычайно важной для русской литературы 1920-х гг. (А. Блок и др.) и актуальной для югославских писателей конца 1950-х гг. («Под раскаленным небом», Д. Солев, 1957; «То, что было небом», В. Малеский, 1958). В 1960-1970-е гг. Достоевского все чаще воспринимают как предтечу экзистенциализма («Записки из подполья») и мастера философско-психологической прозы, которому удалось заглянуть в мрачные глубины человеческой психики.

Утрата веры в «светлое будущее», характерной для литературы соцреализма, сменилась разочарованием в конечной справедливости истории и восприятием мира как абсурда. С этой точки зрения изображался не только мир войны, но и жизнь современного человека, который по воле авторов оказывался в ситуации облавы, погони, беспричинного преследования (Б. Щепанович «Рот, полный земли», 1974). Были попытки с этой точки зрения трактовать и шолоховские произведения («Тихий Дон», «Судьба человека»), что, впрочем, не стало устойчивой тенденцией. Более перспективными оказались усилия подойти к произведениям русского писателя с точки зрения мифопоэтики (фольклорной стихией буквально принизаны его произведения), но они были тогда только намечены. Зато можно увидеть интересные точки соприкосновения в изображении столкновения человека и истории у Шолохова («Судьба человека») и югославских писателей. Например, А. Исакович в романе «Мгновение» (1976), как и Шолохов, приходит к выводу, что абсурд – это восприятие жизни, а не сама жизнь. Он видит для человека XX века выход в принятии

живого течения жизни и торжестве общечеловеческих принципов добра и справедливости. Герой Исаковича потерял всех своих близких во время войны, но он спас себя от разрушения, потому что пришел к мысли о спасительности прощения. Майор вспоминает на лице своего погибшего земляка Йована Исуса «всепрощающую улыбку»: «В лике Христа на иконах и фотографиях я всегда видел напрасную жертву за человека. А что другое и остается? Только прощать. На том мир стоит. Честь и слава тому, кто первый нарисовал Христа, знал человек, что делал» [8, с. 118].

Шолохов и Исакович, каждый по-своему, пришли к выводу, что спасение для человека – в самом человеке, в его бесконечной способности к любви и добру, которые являются потребностью человеческой души. М. Шолохов позволил найти друг друга Андрею Соколову и Ванюшке – двум «песчинкам», поднятым «ураганом невиданной силы». А. Исакович дает своему герою силы простить человека, который был истинным виновником карательной акции, погубившей родных его героя. Так оба автора противопоставили человечность силам зла и разрушения [16, с. 58–69].

Подлинным открытием как для российского, так и для югославского читателя стало в конце 1960-х гг. имя Михаила Булгакова (это было второе рождение писателя: его пьесы ставились в 1930-е гг. в СССР и Югославии). Широкая известность и мировая слава пришли к нему с публикацией романа «Мастер и Маргарита» сначала в СССР в журнале «Москва» (1966/67, журнальный вариант) и затем в полной версии в издательстве *Ymca-press* (Париж) в 1967 г. В короткий срок роман о Мастере был переведен на сербский (Белград, 1968), хорватский (Загреб, 1969), македонский (Скопье, 1970), словенский (Любляна, 1971), албанский (Приштина, 1982). Увлечение Булгаковым вылилось в подлинный «культ» писателя, так как роман стимулировал интерес к его творчеству у художников разных сфер искусства. В короткий срок были переведены «Записки юного врача», «Белая гвардия», «Жизнь господина де Мольера» и др. Белградский театр «Ателье 212» поставил весьма успешную инсценировку повести «Собачье сердце». Выдающийся сербский режиссер Александр Петрович снял фильм «Мастер и Маргарита» (1972). Это была первая в мировом кинематографе попытка экранизировать роман о Мастере. Знаменитый польский режиссер Анджей Вайда всего на несколько месяцев до этого снял фильм «Пилат и другие», но положил в основу сюжета только часть романа. Профессор Белградского университета, известный ученый М. Йованович опубликовал первую в мире монографию о русском писателе «Утопия Михаила Булгакова» (1975). Картину огромной популярности русского писателя дополняет издание в Югославии и первого в мире собрания сочинений Булгакова (в 8 тт., Белград, 1985; на сербском языке)¹⁰. Все эти факты свидетельствуют, что М. Булгаков в течение десяти-пятнадцати лет занял свое место в первом ряду писателей и произведений русской классики, таких как Ф. Достоевский, Л. Толстой и А. Чехов, давно полюбившихся читателям.

Атмосфера всеобщего интереса стала основой творческого диалога, переклички с шедевром М. Булгакова в произведениях многих авторов. В хорватской литературе, например, к его произведениям проявили интерес молодые писатели-«фантасты», вошедшие в литературу в 1970-е гг. (Г. Трибусон, П. Павличич, Д. Кеканович и др.), в чем они сами признавались. При этом Булгаков воспринимался ими в одном ряду с такими знаковыми для литературы XX в. именами, как Х.Л. Борхес и Ф. Кафка. Критика тех лет писала: «Этих авторов не интересуют исторические и социальные темы. В нашу литературу они вводят сон, кошмар, фантастичность, галлюцинации... они постоянно в поисках необычного и мистического, проникая при этом во внутренний мир человека» [18, с. 33]. Процесс творческого диалога с Булгаковым идет в югославянских литературах до сих пор (напр. роман македонского писателя В. Урошевича «Невеста змея», 2009).

¹⁰ В России (СССР) собрание сочинений М. Булгакова в 5 тт., издано в 1989–1990 гг.

Всеобщее увлечение Булгаковым объясняется также и тем, что его произведения отвечали потребностям национальных литератур конца 1960–1970-х гг., находившихся в напряженном поиске новых художественных средств изображения событий революции и послереволюционного времени, понимания задач литературы, все глубже осмыслявшей разрыв социалистического идеала и действительности. «Еретический» роман о Мастере, где тесно переплелись философски-критическое осмысление основных постулатов марксистской теории, сатирический ракурс изображения советской реальности 1930-х гг. и фантастика, воспринимался в Югославии как актуальное произведение.

В СССР и Югославии 1980-е гг. были, как это видно с высоты прошедших лет, переходным временем. В 1980 г. умер бессменный лидер Югославии И.Б. Тито, и наступила эпоха переосмысления пройденного страной пути, начались тогда не очень заметные, но все-таки тревожные процессы, приведшие к распаду единого государства. СССР вступил в эпоху «перестройки», которая тоже сопровождалась переоценкой ценностей и сулила, как оказалось, трагический крах социалистической системы. В центре внимания литературы оказались «табуированные» темы. В их числе одно из главных мест занимает «лагерная» тематика. В югославской литературе заметным явлением стали произведения, поднимающие тему «Информбюро» и Голого острова, равного в сознании югославян русскому ГУЛАГу (А. Исакович «Мгновенье. 2. Десятый разговор с Чеперко», 1982; С. Селенич «Орел-решка», 1983; трилогия «Время зла», 1985–1990, Д. Чосича). Этот тип романа в критике получил определение как «роман-истина». На данном фоне произведения русских авторов со сходной проблематикой воспринимались почти как часть собственной истории, что практически соответствовало истине. В Югославии число жертв конфликта между компартиями в 1948–1953 гг. было очень велико. Прогремевший в свое время роман А. Рыбакова «Дети Арбата» (1987) был переведен в 1988 г., но еще раньше, буквально через несколько месяцев после его журнальной публикации в России, он был издан в Белграде репринтным способом на русском языке.

Важно отметить и различие в представлении о русской литературе в те годы в нашей стране и Югославии. Часть русских писателей наша литература только для себя по-настоящему открывала (зарубежная русская литература, запрещенные авторы), тогда как многое из «возвращенной литературы» сербский читатель мог прочесть, а литературоведение осмыслить гораздо раньше из западных источников и изданий. Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» был переведен в Югославии в начале 1960-х гг., вскоре после присуждения писателю Нобелевской премии. М. Бабович включил исследование об этом романе в сборник статей 1968 г. «Поэты и революция», наряду со статьями о М. Шолохове, А. Блоке и др. До 1985 г. и еще некоторое время спустя в исследованиях специально оговаривалось, что в состав «советской литературы» входят только авторы и произведения, опубликованные в СССР. Литература эмиграции третьей волны (Аксенов, Войнович, Солженицын, Бродский и др.), у нас запрещенная, была хорошо известна в Югославии. В 1988 г. перевели «Архипелаг ГУЛаг» А. Солженицына, тогда же «Жизнь и приключения солдата Ивана Чонкина» и «Москву 2042» В. Войновича, а также «Поиски жанра» В. Аксенова. Наряду с ними публиковались произведения писателей, заставлявшие по-новому осмыслить процесс развития русской литературы XX в.: «Котлован» А. Платонова, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана.

Осмысляя развитие русской литературы во всей ее полноте, югославская (в первую очередь сербская) наука склоняется к концепции единого литературного потока, в котором критика отмечает усиление критического пафоса литературы, как в метрополии, так и в эмиграции. Одним из проявлений неприятия советского образа жизни считается русский роман «черной волны» (В. Ерофеев, С. Соколов), названный так сербской критикой по аналогии с национальным романом (М. Булатович «Четырехпалые люди» и др.). В связи с этим одной из актуальных проблем русской литературы, затронутых в югославянских исследованиях 1980-х гг. критиками, изучавшими литературный процесс той эпохи, является

проблема преемственности литературного развития, выявление традиций, корней, связывающих эту литературу с русской словесностью в целом.

Так М. Йованович пытается определить традицию прозы В. Шаламова. В послесловии к переводу в 1987 г. «Воскрешения лиственницы» М. Йованович сопоставляет «лагерную прозу» этого писателя с «Записками из Мертвого дома» Достоевского, которые, как считает ученый, могли служить автору XX в. композиционной моделью (чередование вымышленных новелл с автобиографическими). При этом у автора «Преступления и наказания» герои через страдание приходят к нравственному прозрению. У Шаламова – все персонажи, как правило, осуждены безвинно и прозрение им не нужно. Изображение унижений человека в лагере для Шаламова оправданы одним – силой его художественного свидетельства [13, с. 33]. Сербский ученый считает, что в этом Шаламов следует И. Бабелю, который в «Одесских рассказах» высказал идею о победе искусства над неправдой жизни. Эта мысль встречается и в произведениях писателей Сербии 1970–1980-х гг., учитывающих опыт литературы экзистенциализма. А. Тишма, например, пишет об обстановке в фашистском концлагере, заставляя своих героев испытать всю силу давления тоталитарного репрессивного режима. Художники слова используют прием фиксации зла как попытку его преодоления, противопоставляя именно культурные ценности разрушающим силам, действующим в истории.

В 1990-е гг. наши страны пережили радикальные перемены в государственном, политическом, общественном устройстве, сопровождающиеся кровавыми конфликтами и распадом Югославии и СССР. Культура и литература прошли через период кризиса, повлиявший на их состояние в целом и сказавшийся на судьбах художников слова. Тем не менее богатое художественное наследие, традиции, заложенные национальными школами русистики и школами художественного перевода, обеспечили дальнейшее устойчивое развитие межкультурных связей России и югославянских народов. Вклад в их обогащение ученых и переводчиков М. Бабовича, М. Стойнич, В. Вулетица, М. Йовановича, М. Сибиновича, З. Божовича, А. Флакера, И. Лукшич, М. Гюрчинова, Б. Ристовского, Д. Ристеского, С. Стойменской-Эльзесер, Б. Крефта, А. Сказы и их многочисленных учеников был выдающимся и заслуживает признания и благодарности.

Список литературы

1. Антанасиевич И. Русская классика в картинках. Белград, 2015.
2. Бабович М. «Нашествие» Леонова на сцене Театра народного освобождения // Русская литература, 1969. № 4. С. 187–189.
3. Ѓурчинов М. Освојување на реалноста. Скопје, 2000.
4. Дмитриев П.А., Сафронов Г.И. А.М. Горький в Югославии // Дмитриев П.А., Сафронов Г.И. Сербия и Россия (страницы истории культурных и научных взаимосвязей). СПб., 1997. С. 161–181.
5. Ѓурић О. Руска литерарна Србија 1920–1941. Писци, кружоци и издања. Горњи Милановац, Београд, 1990.
6. Ильина Г.Я. Литература Югославии // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. В 2 тт. Т. 1. 1945–1960 гг. С. 317–406.
7. Ильина Г.Я. Развитие югославского романа в 20–30-е гг. XX в. М., 1985.
8. Исакович А. Мгновенье. Разговоры с Чеперко. М., 1979.
9. Кравцов Н.И. Вопросы сравнительно-исторического изучения славянских литератур. М., 1973.
10. Руско-српскохрватска књижевна библиографија. Књ. 1 (1918–1941). Нови сад, 1979; Ruska književnost u hrvatskim književnim časopisima 1917–1941 // Croatica. Bibliografije VII. 1981. № 28/29.

11. Стојнић М. Руско-српска књижевна преплитања. Београд, 1994.
12. Ћосић, Добрица. Писци мога века. Београд, 2004.
13. Шаламов В. «Новая проза». Из черновых записей 70-х годов // Новый мир, 1989. № 12. С. 3.
14. Шешкен А.Г. Переводы советской литературы в Югославии (1945–1980-е гг.) // Шешкен А.Г. Русская и югославянские литературы в свете компаративистики. М., 2003. С.112–127.
15. Шешкен А.Г. Македонская литература XX века: Генезис. Этапы развития. Национальное своеобразие. М., 2007.
16. Шешкен А.Г. Русская и сербская литературы: штудии по компаративистике. Белград, Москва, Тюмень, Воронеж, 2017.
17. Шешкен Ала. Формирањето и развојот на македонската литература. Скопје, 2012.
18. Župan I. Imaginacija modernih vremena // Guja u njedrima: Panorama novije hrvatske fantastična proze. Rijeka, 1980.

Sheshken Alla

EVOLUTION OF THE YUGOSLAVIAN LITERATURE OF THE 20th CENTURY IN THE LIGHT OF THE RUSSIAN-SLAVIC CULTURAL AND LITERARY DIALOGUE

The article analyses the evolution of Yugoslavian literature in the period of 1918–1991 considering the participation of the Russian authors of the 19th and the 20th centuries in it and the importance of their artistic experience for the national art. The author of the article presumes that every national literature in the process of evolution draws to its own and world tradition assimilating it out of chronology. It is emphasized that the interest to certain writers is conditioned by the actual items and necessities of Yugoslavian literatures during a certain period. Special attention is drawn to the reception of F. Dostojevsky's, M. Gorky's, M. Sholokhov's and M. Bulgakov's work. In the intercultural dialogue a special role of national scientific schools that provided the highest quality of edition and interpretation of Russian classics is underlined.

Keywords: Russian literature of the 19th and the 20th centuries, Yugoslav literature, literary tradition, artistic translation, Dostojevsky, M. Gorky, Sholokhov, Bulgakov, N. Ostrovsky, D. Chosich, Isakovich.

*Крюкова Ольга Сергеевна
МГУ имени М.В. Ломоносова
florin2002@yandex.ru*

УКРАИНА КАК ОДИН ИЗ РОМАНТИЧЕСКИХ ТОПОВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX И ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

В статье рассматривается романтическая проекция образа Украины в русской литературе XIX и первой трети XX вв. Интерес русских (и не только русских) романтиков к Украине был обусловлен спецификой романтизма. Материалом для исследования послужили произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.К. Толстого, А. Погорельского, Н.С. Лескова, В.Г. Короленко, а также А.И. Куприна, М.А. Светлова, комсомольских поэтов 1920-х гг., В.В. Маяковского. В целом, в трактовке «украинской темы» в советской поэзии 1920-1930-х гг. наблюдается определенная преемственность с романтической поэзией первой трети XIX в. Эта преемственность носит тематический и методологический характер. «Неоромантизм», «революционный романтизм» – это одно из направлений романтического мироощущения, поэтому и обнаруживается сходство между взглядом на мир мечтателей XIX в. и творчеством комсомольских поэтов 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: имагология, образ Украины, русская литература, романтизм, неоромантизм.

Украина, которая политически и географически не совпадает с Малороссией, даже в XIX в. в русской словесности была преимущественно литературным образом пространства. Романтическое двоемирие создает образ идеального топоса, на который проецировались реальные впечатления от ближних и дальних путешествий или просто обобщенные представления (из области «коллективного бессознательного» по Юнгу) о райском уголке земли. Для русских романтиков таким местом мог быть или Кавказ, с его экзотической для жителя средней полосы России природой, или Италия (как вариант – Испания), или Украина. «В литературе начала XIX в. народное ... имело тенденцию возрастать до масштаба целого историко-географического региона, мира. Обширный перечень подобных миров, от Кавказа до Севера, от Приволжья до донской земли, предлагал трактат Л.М. Сомова «О романтической поэзии». Украина (также упоминаемая Сомовым) выделилась в такой регион в числе первых, – подчеркивает Ю. Манн. – В плане предромантических оппозиций этот регион мыслился под знаком патриархальной идилличности, безыскусности и цельности. «Под кротким небом Малороссии всякая деревня есть сокращенный Эдем», – говорилось в «Малороссийской деревне» (1827) И.Г. Кулжинского, гимназического учителя Н.В. Гоголя. «Сокращенным Эдемом» представала и Малороссия в целом» [7, с. 340].

Интерес русских, и не только русских, романтиков к Украине был обусловлен спецификой художественного метода, который предполагал интерес к народной, низовой культуре, самобытному языку, особенностям национального характера той или иной страны, соответствовавшей романтическим канонам. Известно, что мода на украинскую тематику в России возникла под влиянием идей классической немецкой философии, в частности Гердера.

Сопоставление Украины с Италией не является фигурой речи. В самой структуре архетипического образа желанной страны можно найти опредмеченные соответствия. И Италия, и Украина воспринимаются в русской романтической поэзии как земной рай. Подтверждением этому являются многочисленные переключки мотивов романтической поэзии в стихотворениях, воспевающих как Италию, так и Украину. Одним из подобных мотивов является мотив неудержимого порыва, страстного стремления в желанную страну.

Архетипический мотив земного рая прослеживается в тех стихотворениях русских поэтов, где создается условно-литературный образ Италии. Это относится к стихотворениям Бенедиктова, Козлова, Плетнева и других поэтов пушкинской эпохи. Мотив неудержимого стремления в Италию восходит к песне Миньоны, открывающей третью книгу романа И.В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» (“Kennst du das Land, wo die Zitronen blühn...”), и в русском тексте представляет собой вариацию фразы «Ты знаешь край...» [5]. Песня Миньоны дала многочисленные вариации в русской романтической лирике и, как отмечает итальянский русист Р. Джулиани, была «предметом переводов, цитат и подражаний на протяжении десятилетий» (“Pesnja Min’ony... e fu per lunghi decenni oggetto di traduzioni, citazioni, imitazioni” [15, с. 25]). В лирике А.К. Толстого распространенный романтический мотив претерпевает содержательную трансформацию: волшебным краем оказывается не ожидаемая Италия, а Украина, причем в стихотворении «Ты знаешь край, где все обильем дышит...» воспроизводятся типично украинские реалии и, таким образом, происходит художественная контаминация двух стран, увиденных глазами поэта-романтика.

Таким образом, мотив земного рая, то желанного, то утраченного, является ведущим в структуре литературного образа как Италии, так и Украины. В духе романтической антитезы благодатного Юга и унылого Севера в некоторых произведениях трактуется противопоставление Украины Петербургу (в романе А. Погорельского «Монастырка» и в рассказе А.И. Куприна «Черный туман»).

Особенности политической географии как Италии XIX в., так и Украины XIX в., их реальные границы для литературных произведений не имели особого значения. Подобно тому как раздробленность Италии в начале XIX в. не слишком интересовала русских романтиков, так и границы Украины мыслились в пределах исключительно литературных. Топонимы «Малороссия» и «Украина» в литературных текстах практически синонимичны.

Романтизация образа Украины присутствует в творчестве В.Г. Короленко и А.И. Куприна, ряд произведений которых можно охарактеризовать как неоромантические, а также в раннем творчестве и в произведениях 1910-х гг. И.А. Бунина, что убедительно доказывает Л.Н. Юрченко: «Интерес писателя к Украине был навеян романтическим характером его мировосприятия, влечением ко всему яркому, необычному, древнему. Любовь писателя к югу, морю, теплу, солнцу во многом предопределила его подход к теме Украины, с позиции романтической поэтизации ее образа» [14, с. 10].

Романтический образ Украины в русской литературе генетически близок архетипическому образу Италии и является инвариантом образа земного рая. В этом качестве образ Украины обладает определенными параметрическими характеристиками.

Время в земном раю течет медленно, патриархально-размеренно. Историческая конкретность здесь не всегда представляется необходимой («Тарас Бульба»), но неизменно ассоциируется со временами легендарной запорожской вольности. Из времен года особое значение имеют весна и зима. Весна – сезон пробуждения знаменитых «тополей и черешен», зима – время сакральное, связанное с рождественскими преданиями и суевериями («Ночь перед Рождеством» Н.В. Гоголя, «Некрещеный поп» Н.С. Лескова).

Пространство в этом земном раю может сужаться до хутора и былинно расширяться до Киева – «матери городов русских». Киев – сакральный тоpos и в связи с обилием святых мест, и как храм науки. «Нечистое» пространство, согласно народным славянским суевериям, связано с водой (омутом, озером, рекой) или лесом («Олеся» А.И. Куприна, «Лес шумит» В.Г. Короленко), а также баней, хлевом и другими хозяйственными помещениями, где властвуют излюбленные писателями-романтиками потусторонние силы («Двойник, или Мои вечера в Малороссии» А. Погорельского, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя, «Некрещеный поп» Н.С. Лескова).

«Малороссийский» ономастикон включает такие имена, как Мазепа, Кочубей, Войнаровский, Наливайко, Лобода, Богдан Хмельницкий, Григорий Сковорода (из трудов этого философа взят эпитафия к повести «Заячий ремиз» Н.С. Лескова), Котляревский, Тарас Шевченко. Все эти имена были известны русскому читателю не только из исторических сочинений, но и из литературных произведений, чтение которых давало сведения и о малороссийском быте, и об истории Украины.

Реализация образа земного рая по отношению к Украине связано преимущественно с такими жанровыми формами, как историческая поэма, баллада, дума, историческая драма, рассказ, бытовая и историческая повесть, легенда, цикл очерков, автобиографическая проза.

На всем протяжении XIX века даже в реалистических произведениях господствуют романтические представления об Украине (Малороссии) как о земном рае. Мотивы утраченного рая по отношению к Украине возникают и в начале XIX в., и на рубеже XIX–XX вв. (например, в рассказе А.И. Куприна «Черный туман») и актуализируются в русской литературе XX столетия¹¹. И в этом отношении романтический образ Украины также

¹¹ Л.Н. Юрченко убедительно показывает, что и в творчестве Бунина послеоктябрьского периода происходит трансформация «земного рая» в «утраченный рай» применительно к Украине, причем Малороссия – это «земной рай», а Украина – «утраченный рай»: «В жизни Арсеньева», в ранней очерковой прозе Бунин именуется Украину Малороссией. В «Окаянных днях» название «Малороссия» не звучит, теперь это Украина. Образ Малороссии – это образ пространства, оставшегося в прошлом, образ утраченного рая, который не суждено обрести вновь» [14, с. 17].

типологически родственен архетипическому образу Италии в русской литературе XIX в. и рубежа XIX-XX вв.

И еще одна типологическая параллель. Подобно тому как архетипический образ Италии существует в проекции истории Древнего Рима, так и романтический образ Украины существует в проекции истории Древней Руси и относительно недавнего героического прошлого. И в том, и в другом случае прошлое и современность воспринимаются в романтическом отражении. И в этом также одна из причин идеализации райских уголков земли, питающих воображение поэтов, прозаиков и художников.

Романтический образ райского уголка земли претерпел трансформацию, но тем не менее «перекочевал» и в XX век, который, казалось бы, далек от романтики. Следы романтических представлений об Украине как о земном рае присутствуют и в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия». Новая, непонятная и пугающая реальность существует в мире булгаковского романа на фоне воспоминаний о «потерянном рае» – «благодатной Украине». Тема «потерянного рая» возникает буквально с первых страниц романа «Белая гвардия» – в упоминании о смерти матери: «... белый гроб с телом матери снесли по крутому Алексеевскому спуску на Подол, в маленькую церковь Николая Доброго, что на Взвозе.

Когда отпевали мать, был май, вишневые деревья и акации наглухо залепили стрельчатые окна» [3, с. 179]. О рае как о загробной жизни здесь напоминает и сам факт смерти и похорон матери Турбиных, с одной стороны, и «вишневые деревья и акации» – с другой, символической стороны. В романтическом мировосприятии вишни и акации, равно как «тополи и черешни», были пейзажными составляющими «земного рая» Украины (Малороссии), опозитизированного русскими поэтами и писателями. Это был вполне материальный, «ботанический» признак инварианта романтической модели (применительно к Италии сходную функцию выполняли «лимоны и оливы»). Мечты о «земном рае» и в случае Италии, и в случае Украины как литературных топосов сменились сожалениями о «потерянном рае», но потерянным по различным причинам. В пространстве булгаковского романа «потеря» земного рая произошла в огне революции и Гражданской войны, но воспоминания об этом земном рае еще слишком свежи, а утрата слишком тяжела: «Столбы зноя над червонными украинскими полями. В пыли идут пылью пудренные юнкерские роты. Было, было все это и вот не стало. Позор. Чепуха» [3, с. 185].

В отличие от гоголевской эпохи, периода Серебряного века русской поэзии почти не свойственно увлечение Украиной (Малороссией), хотя многие поэты биографически были с ней связаны (А. Ахматова, М. Волошин, Саша Черный).

По-видимому, русских поэтов Серебряного века притягивали иные пространственные образы, находившиеся на значительно большем расстоянии. Лишь изредка украинские мотивы появляются у И. Анненского («Киевские пещеры»), А. Ахматовой («И в Киевском храме Премудрого бога...»), Н. Гумилева («Из логова змиева...»). У И. Анненского и А. Ахматовой эти мотивы получают религиозный оттенок, а Н. Гумилев обращается также к истории Древней Руси («Ольга»). Саша Черный в стихотворении «Описание одного путешествия» (1911 г.) в иронических тонах (что соответствует сатирическому пафосу его творчества в целом) описывает лодочную прогулку по Днепру в окрестностях Киева.

Интерес к Украине возвращается в русскую поэзию в 1920-х гг. Если образу «земного рая» в русской литературе XIX в. соответствует образ «потерянного рая» рубежа XIX–XX вв., то и героизация славного прошлого у романтиков XIX в. соответствует подобной же героизации относительно недавнего прошлого у комсомольских поэтов XX в. В этом отношении показательна трактовка образа Украины у комсомольского поэта Михаила Светлова, который родился в Екатеринославе (Днепропетровске) и с географическим материалом был знаком с детства.

Образ Украины присутствует в самых, пожалуй, известных стихотворениях Михаила Светлова – «Гренада» (1926) и «Песня о Каховке» (1935). Гренада – это романтическая мечта простого украинского хлопца, бойца Красной Армии о далеком, но в то же время близком и родном по духу крае, в который нужно обязательно принести свободу и счастье, причем в форме, доступной пониманию крестьянского парня:

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать [9, с. 156].

И подобно тому как в XIX в. у Пушкина применительно к Италии употреблялось местоимение «моя», так и у Светлова лирический герой восклицает: «Гренада моя!», неважно, что в названии этого реального города и «волости» присутствует другая буква. Вспомним, что Гренада притягивала самых разных поэтов – от Светлова до Лорки.

Еще сравнительно недавно тема романтической мечты в этом стихотворении связывалась литературоведами с идеями пролетарского интернационализма. Между тем, в наивной мечте простого хлопца отражается не только революционная, но и литературная мечта, наследие романтизма, страстное стремление в желанную страну. Отсюда истоки «испанской грусти» у крестьянского парня, услышавшего зов райского уголка земли. И именно типологическое родство двух далеких, но одинаково притягательных литературных топов рождает следующие строки:

Скажи мне, Украина,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!» [9, с. 156]

«Песня о Каховке» (1935), которую многие знают просто как «Каховку», – это лирическая исповедь участника Гражданской войны. Собственно «украинское» в этом стихотворении – это его название. Каховка обозначает и местность, и один из этапов Гражданской войны. Украинских реалий больше в стихотворении, которое продолжает тему Каховки и написано в 1943 г., во время Великой Отечественной войны, – «Каховка». Поэт подчеркивает историческую преемственность двух поколений борцов за свободу родной земли:

Украинский ветер шумит над полками,
Кивают листвою тополя...
Каховка, Каховка! Ты вновь перед нами –
Родная, святая земля!
Мы шли через горы, леса и долины,
Прошли через гром батарей,
Сквозь смерть мы пробились...
Встречай, Украина,
Своих дорогих сыновей! [12, с. 448]

Героическое прошлое Украины художественно воссоздано и в стихотворении М. Светлова «Украина» (1936). Для поэта история родного края неотделима от литературных имен:

Сколько шашек, гремя о победе,
Эти травы роскошные трогали!..
Ты пришла к нам изранена, бредя
Именами Шевченко и Гоголя [13, с. 378].

В поэтическом пространстве стихотворения сталкиваются и существуют одновременно давнее и недавнее прошлое, причем события Гражданской войны трактуются, разумеется, в официальном ключе:

По волнам голубого стекла
Ты неслась гайдамацкими пиками,
Ты не медом, а кровью текла
По усам генерала Деникина [13, с. 378].

Образ родной земли принимает облик женщины явно демократического облика (традиция, восходящая к А.А. Блоку): «Ты в дырявом платке замерзала» [13, с. 378].

В стихотворении М. Светлова «Живые герои» (1927) оживают знакомые каждому образованному человеку литературные персонажи: создается впечатление, что лирический герой видит сон по мотивам классических произведений. Два первых видения – это образы повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» и поэмы А.С. Пушкина «Полтава», т. е. образы «украинского текста» русской литературы.

С прецедентными именами у Светлова органично сочетаются реалии и имена современной ему действительности: это и Днепрогэс, и агроном Мария Демченко, организатор массового колхозного движения за высокие урожаи сахарной свеклы. География Украины у поэта представлена довольно обширно: Киев, Полтава, Кременчуг, Днепропетровск, Харьков. В стихах Светлова Украина предстает как огромная житница, пшеница – ее главное богатство:

Пшеница бушует
На тысячу га
От Днепропетровска
До Кременчуга <...> [10, с. 302]

В другом стихотворении, «Утро» (1933), картина идиллической мирной жизни также ассоциируется с пшеничным полем. Черты сельской идиллии в этих стихотворениях органично вписываются в картину райского уголка земли и в господствовавшие в то время представления о социалистическом рае, воплощенные во многих произведениях искусства соцреализма.

Образ Украины органичен и в творчестве других комсомольских поэтов, многие из которых так же, как и Светлов, биографически были связаны с ней. М.С. Эпштейн, известный под псевдонимом Михаил Голодный, «детство провел на улицах Екатеринослава, у берегов Днепра» [8, с. 302]. Природные образы, основой которых были детские впечатления, оживают в стихотворении Михаила Голодного «У Днепра» (1921). Лирический герой стихотворения «Романтическая ночь» в ходе воображаемого диалога с поэтической мечтой и литературными героями декларирует украинскую тематику как обязательную для поэта:

Ты Украину не любил,
В тебе
Вода – не кровь.
Ты Украину позабыл
Все пишешь про любовь. <...> [4, с. 319]

В этом стихотворении Украина – это и литературный топос романтического характера, и малая родина, питающая поэтическое воображение.

Стихотворение Эдуарда Багрицкого «Украина» (1922) начинается с широкой эпической панорамы родной земли:

От ленью поливающего жара,
Растекшегося жидкою смолой,
Земля разбухла, как в печи опара,
И коркою потрескалась ржаной...
И мы ль не помним ветер и раздолье,
Чертополох и крылья ветряков,
Возы с таранью...
И в широком поле
Дырявые кафтаны чумаков [2].

Природные образы сменяются картинами героического прошлого. Узнаваемые пространственные образы содержат элементы национальной идентичности:

Так отступает чрез поля ржаные,
К вишневому сиянию зари,
На тихий Днепр,
На хутора родные,
Где древние рыдают kobzari... [2]

Далее появляется метафорический образ времени: «И пролетели журавлиной стаей // Века над Украиною...» [2], – связывающий первую часть этого стихотворения со второй его частью, рисующей картину «индустриальной Украины». Вторая часть стихотворения вызывает ассоциации с образами «Руси советской» и другими стихотворениями Есенина, которые запечатлели перемены в традиционном сельском укладе.

В 1926 г., когда в памяти народной еще свежи были былые раны, Эдуард Багрицкий написал поэму «Дума про Опанаса», в которой художественно воссоздан образ Украины, охваченной братоубийственной Гражданской войной:

Опанасе, наша доля
Машет саблей ныне, –
Зашумело Гуляй-Поле
По всей Украине.
Украина! Мать родная!
Жито молодое! [1, с. 50]

В том же 1926 г. было впервые напечатано и стихотворение В.В. Маяковского «Долг Украине». В отличие от комсомольских поэтов, Маяковский дает не одну, а сразу несколько доминант украинской национальной идентичности. Начинается стихотворение литературной реминисценцией, отсылающей к творчеству Н.В. Гоголя:

Знаете ли вы
украинскую ночь?
Нет,
вы не знаете украинской ночи! [7, с. 124]

Но дальше разворачивается вполне индустриальная картина строительства Днепрогэса. Современность и героическое прошлое связывает, помимо реминисценции, упоминание в тексте стихотворения Запорожской Сечи.

Если риторические вопросы в начале и в конце стихотворения имеют литературное происхождение, то риторический вопрос «А что мы знаем о лице Украины?» носит, говоря современным языком, культурологический характер. Поэт обозначает доминанты национальной идентичности, начиная с самых простых ассоциаций, бытующих в массовом сознании. Это элементы национальной кухни, два литературных имени (одно – классик украинской литературы, другой – гоголевский персонаж), национальный язык, которым поэт восхищается, оценив употребление древнего славянского глагола «чуять» в новом для поэзии значении:

Разучите
эту мову
на знаменах –
лексиконах алых, –
эта мова
величава и проста:
«Чуешь, сурмы заиграли,
Час расплаты настав...» [7, с. 125]

Маяковский искренне восхищается языковым фактом, и это неудивительно. В различных поэтических течениях начала XX в. особое место занимало обновление поэтического языка, придание новых смыслов старым словам. Новое звучание известного глагола в близкородственном языке – несомненная поэтическая находка для Маяковского.

Поэт вскрывает причины ограниченности знаний о культуре близкого народа («тем, кто рядом, почета мало») и декларирует национально-культурные различия как социальную необходимость, с присущей его поэзии дидактичностью:

Трудно
людей
в одно истолочь.
собой
кичись не очень [7, с. 126].

В конце стихотворения вновь возникает риторический вопрос, заданный в его начале; тем самым композиционное кольцо замыкается, а вопрос остается актуальным и в наше время (даже читателям 1920-х гг. было понятно, что речь идет не столько о гоголевском тексте, сколько о культуре близкого народа).

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. революционная романтика в советской поэзии постепенно сменяется «производственной» – воспеванием трудовых подвигов. Здесь можно выделить как самостоятельную тему строительство Днепрогэса. Наиболее удачные стихотворения этой тематики – «Когда рождался Днепрогэс» Вс. Рождественского (1929) и детская сказка «Война с Днепром» С. Маршака (1931), ставшая хрестоматийной. Строительству Днепрогэса посвящена и большая поэма комсомольского поэта А. Безыменского «Трагедийная ночь» (июнь 1930 – октябрь 1963).

В целом, в трактовке «украинской темы» советской поэзии 1920–1930-х гг. наблюдается определенная преемственность с романтической поэзией первой трети XIX в. Эта преемственность носит тематический и методологический характер. «Неоромантизм», «революционный романтизм» – это одно из направлений романтического мироощущения, поэтому, как это ни парадоксально, и обнаруживается сходство между взглядом на мир мечтателей XIX в. и творчеством комсомольских поэтов.

Список литературы

1. Багрицкий Э. Дума про Опанаса // Багрицкий Э. Избранное. Петрозаводск: Карелия, 1975. С. 48–63.
2. Багрицкий Э. Украина // [Электронный ресурс] URL: http://lit.peoples.ru/poetry/eduard_bagritskiy/poem_20757.shtml (Далее цитаты приводятся из того же источника.)
3. Булгаков М.А. Белая гвардия // Булгаков М.А. Собр. соч. в 5 тт. – Т.1. М., 1992. С. 3–429.
4. Голодный М. Романтическая ночь // Комсомольские поэты двадцатых годов: Сборник. Л.: Сов. писатель, 1988. С. 318–320.
5. Крюкова О.С. Архетипический образ Италии в русской литературе XIX века. М.: КДУ, 2007.
6. Манн Ю. Русская литература XIX в.: Эпоха романтизма: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001.
7. Маяковский В.В. Долг Украине // Маяковский В.В. Собр. соч. в 12-ти тт. Т. 4. М.: Изд-во «Правда», 1978. С. 124–126.
8. Пьяных М.Ф. Михаил Голодный // Комсомольские поэты двадцатых годов: Сборник. Л.: Сов. писатель, 1988. С. 302–304.
9. Светлов М.А. Гренада // Светлов М.А. Собр. соч. в 3-х тт. – Т. 1. М.: Художественная литература, 1974. С. 155–158.
10. Светлов М.А. Гудками ревут // Светлов М.А. Собр. соч. в 3-х тт. – Т. 1. М.: Художественная литература, 1974. С. 301–302.
11. Светлов М.А. Каховка // Светлов М.А. Собр. соч. в 3-х тт. – Т. 1. М.: Художественная литература, 1974. С. 448–449.
12. Светлов М.А. Песня о Каховке // Светлов М.А. Собр. соч. в 3-х тт. – Т. 1. М.: Художественная литература, 1974. С. 368–369.
13. Светлов М.А. Украина // Светлов М.А. Собр. соч. в 3-х тт. – Т. 1. М.: Художественная литература, 1974. С. 378–379.
14. Юрченко Л.Н. Диалектика образа Украины в творчестве И.А. Бунина: историко-культурный и структурно-поэтический аспект. Автореферат дисс... кандидата филологических наук. Елец, 2000.
15. Giuliani R. «Conosci il paese dove fioriscono I limoni?» Le riposte di Puškin e di Vjazemskij // Puškin, la sua epoca e l'Italia / A cura di Paola Buoncristiano // Atti del Convegno Internazionale di studi Roma, 21–23 ottobre 1999. Roma: Rubbetino Editore.

Kryukova Olga

**UKRAINE AS A ROMANTIC TOPOS IN THE RUSSIAN LITERATURE
OF 1800–1930s**

The author of the article reviews the romantic projection of the image of Ukraine in the Russian literature of 1800–1930s. Ukraine attracted Russian and not only Russian romanticists due to peculiarities of the romanticism itself. The study is based on the works of A.S. Pushkin, N.V. Gogol, A.K. Tolstoj, A. Pogorelski, N.S. Leskov, V.G. Korolenko and also A.I. Kuprin, M.A. Svetlov, Komsomol poets of 1920s and V.V. Mayakovski. In general, the perception of the Soviet poetry at the “Ukrainian discourse” in 1920–1930s has a lot in common with the romanticist poetry of 1800–1830s. This continuity lies in the scope of topics and methodology. “Neo-romanticism” or “Romanticism of the Revolution” is one of the romantic outlooks and that is why one can see similarities in the approach of the dreamers of the 19th century and the works of Komsomol poets of 1920–1930s.

Keywords: imagology, image of Ukraine, Russian literature, romanticism, neo-romanticism.

Розинская Ольга Валерьевна
МГУ имени М.В. Ломоносова
o.rozinskaya@mail.ru

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье описываются русско-польские литературные связи в межвоенной Польше, говорится об участии русской литературной эмиграции в культурной жизни Варшавы этого периода, ее роли в пропаганде русской литературы. Дан обзор публикаций русских и польских авторов в периодической печати 20-х–30-х гг. XX в.

Ключевые слова: русская литературная эмиграция первой волны, русско-польские польские культурные связи.

Диалог двух великих культур (Польши и России) во многом базируется на тесных контактах, существовавших между русскими и польскими литераторами. Важный аспект этих связей – история русских писателей, оказавшихся после революции и Гражданской войны в Польше. Среди них были такие яркие имена, как Д. Мережковский, З. Гиппиус, М. Арцыбашев, Б. Савинков, Д. Философов. Русские эмигранты принимали живое участие во всех наиболее значительных событиях польской культурной жизни. Они включались в литературные споры, ведущиеся в межвоенной Варшаве, публиковали статьи и очерки, посвященные проблемам польской литературы и искусства, польско-русским культурным связям, поддерживали дружеские отношения с польскими литераторами.

В свою очередь поляки активно интересовались судьбой русских эмигрантов. Они организовывали для них встречи с известными политическими деятелями, помогали в организации публичных выступлений, переводили произведения русских авторов на польский язык. Многие известные польские ученые и литературные критики проявляли интерес как к дореволюционному, так и к эмигрантскому творчеству русских писателей, знакомя с их произведениями польского читателя.

Наряду с чертами, типичными для жизни русской литературной эмиграции в целом, у русской диаспоры в Польше были и свои особенности. С одной стороны, груз исторически сложившихся отношений между Россией и Польшей определял на первых порах настороженное отношение к русской эмиграции со стороны польской общественности. В патриотизме русских, в их антисоветских настроениях усматривалось желание воскресить прошлое, когда Польша была частью Российской империи. С другой стороны, на фоне всеобщей настороженности и недоверия к русской эмиграции существовали и противоположные тенденции. Возможно, одна из этих причин кроется в том, что у некоторых из эмигрантов были польские корни, сохранились дружеские связи с этой страной еще с дореволюционных времен, здесь жили их добрые знакомые. Многие русские хорошо владели польским языком, так что языкового барьера в общении с поляками для них не существовало. Все это помогало им понимать и органично воспринимать польскую культуру, свободно контактировать с польской творческой интеллигенцией. Такие «польские русские», как С. Кулаковский, В. Фишер, Д. Бохан, Е. Вебер-Хирьякова, сыграли важную роль в развитии русско-польских литературных связей в 20–30-х гг. Они активно печатались в польской прессе, помещая в представительных журналах свои статьи, посвященные русской литературе, рецепции этой литературы в Польше, творчеству писателей-эмигрантов в других странах.

Так, в 1939 г. в Варшаве на польском языке была опубликована монография известного литературоведа, эмигранта из России Сергея Кулаковского «Пятьдесят лет русской литературы. 1884–1934», в которой проводилось детальное исследование развития русской литературы на протяжении последних пятидесяти лет.

С. Кулаковскому принадлежит заметная роль в развитии польско-русских культурных связей. Ученый активно сотрудничал с польской прессой, публикуя в таких влиятельных варшавских журналах, как «Вядомости Литерацке», «Камена», «Паментник Варшавски», свои статьи и рецензии по вопросам восприятия русской литературы в Польше. Например, в 1927 г. в журнале «Паментник Литерацки» печатается цикл статей Кулаковского «Александр Блок и Польша», «Николай Лесков и Польша». Он серьезно изучал творчество русских писателей-эмигрантов И.А. Бунина и В.В. Набокова, интересовался проблемами советской литературы и культуры, писал о советском театре, о творчестве К.С. Станиславского, обращался к поэзии С.А. Есенина.

Рассказывая о достижениях советской литературы, театра, кино, С. Кулаковский сумел сохранить объективную позицию. В этом его отличие от большей части русской эмигрантской критики, как правило, отказывавшей советской культуре в возможности создания художественных ценностей.

В 1935 и 1945 гг. Кулаковский выпустил учебники по русскому языку для поляков, а перед войной Кулаковским подготовил книгу о жизни и творчестве А.К. Толстого. Выход этой монографии на польском языке свидетельствовал об интересе в Польше к русской культуре. Подобный интерес объяснялся историческими причинами. С одной стороны, национальный гнет, насильственная политика русификации, проводившаяся царским правительством, не могли не отразиться на негативном отношении польского общества ко всему русскому, в том числе и к культуре. С другой – вместе с русским языком в Польшу пришла и великая русская литература, которую представители старшего поколения польской интеллигенции читали в оригинале. Многие из них получали образование в университетах России, поддерживали контакты с деятелями русской культуры и искусства. Эти связи сохранились и после революции.

Заметную роль в пропаганде русской культуры сыграл литературный публицист, эмигрант из России Владимир Фишер (1885–1941), автор исследований о творчестве М.Ю. Лермонтова и И.С. Тургенева, а также учебника по истории русской литературы XIX в., изданного в Москве в 1918 г. В 1920 г. Фишер приехал в Польшу. Являлся членом Союза русских писателей и журналистов. Свои многочисленные статьи, написанные по-польски, он публиковал в журналах «Пшеглонд Варшавски», «Ведза и жиче», «Тыгодник Илюстрованы», «Пшеглонд Вспулчесны». Интересы В. Фишера были сосредоточены на изучении русской литературы, творчества А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, А.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.М. Горького. Обращался он в своих статьях и к новым явлениям в литературе метрополии. Фишер был в числе тех, кто объективно освещал в польской периодике состояние советской литературы. Он также внимательно изучал творчество писателей русского зарубежья, пропагандируя среди читателей произведения своих великих современников.

К числу русских публицистов, писавших по-польски и сотрудничавших с польскими журналами, можно отнести и Евгению Вебер-Хирьякову (1895–1939), приехавшую в Польшу в 1919 г. Е. Вебер-Хирьякова работала и в эмигрантских изданиях (под псевдонимом Андрей Пуганов), писала небольшие новеллы, переводила произведения польских писателей. Через Д. Философова она познакомилась с известной польской писательницей Марией Домбровской, которая в своих дневниках характеризовала ее как «необыкновенно интеллигентную женщину» [3, с. 319]. В первом номере газеты «За свободу» за 1932 г. была напечатана статья Вебер-Хирьяковой под названием «Перед лицом жизни» о романе М. Домбровской «Ночи и дни», которая отличалась, по замечанию писательницы, «точным восприятием и пониманием» [3, с. 319]. Е. Вебер была участницей литературных собраний «Домик в Коломне», проводившихся в 1934–1936 гг. Д. Философовым. В октябре 1939 г., после оккупации Польши Германией, она покончила жизнь самоубийством.

На страницах эмигрантской газеты «За свободу» печатал свои литературные эссе о Лескове, Мережковском, Толстом, Некрасове, Писемском поэт, журналист, литературный критик, председатель союза русских писателей и журналистов А. Хирьяков. В 1934 г. он получил первую премию на литературном конкурсе Союза русских писателей и журналистов в Югославии.

Одним из постоянных критиков, публиковавших свои статьи в газете «Меч», был А.Л. Бем, известный впоследствии как основатель пражского литературного объединения «Скит». В 1921–1922 гг. он был руководителем и идейным вдохновителем варшавского творческого объединения «Таверна поэтов» (1921–1925 гг.). В своих статьях он размышлял об эмигрантской литературе, выделяя наиболее ярких и значительных ее представителей, давал оценку молодой эмигрантской поэзии, обсуждал литературную критику и публицистику эмиграции, освещал основные события ее культурной жизни.

Руководителем литературно-художественной секции при русском обществе в Вильно был Дорофей Бохан – поэт, критик, публицист, блестящий знаток и переводчик польской литературы. Известно, что межвоенное двадцатилетие Д. Бохан прожил в Вильно, где сотрудничал с газетами «Наше время», «Виленское утро», «Русское слово», «Наша жизнь», издавал литературный журнал «Утес». Его статьи публиковались и в варшавских газетах (например, в газете «Молва»). Он внимательно следил за всеми событиями культурной жизни Польши, за книжными новинками, бывал на всех театральных премьерах. В газете «Русское слово» был опубликован цикл статей Бохана «Связи польских писателей и публицистов». Он занимался поэзией Ю. Словацкого и А. Асныка, писал о творчестве Г. Сенкевича и Б. Пруса, переводил С. Норвида, Ю. Словацкого, А. Мицкевича.

Интересовался Д. Бохан и современной польской поэзией. Периодически на страницах виленского «Русского слова» появлялись его статьи о творчестве польских поэтов (Теодора Буйницкого, Ванды Недзьялковской-Добачевской, Ядвиги Вокульской). При его активном участии организовывались «литературные четверги», посвященные творчеству русских писателей, встречи со многими известными русскими поэтами.

В 20–30-е гг. в Польше с эмигрантским потоком оказались и такие видные деятели русской литературы, как З. Гиппиус, Д. Мережковский, Д. Философов, Б. Савинков, М. Арцыбашев. Изучение фактов творческой биографии многих из них показывает, что эмиграция самым решительным образом изменила не только их жизнь, но и отношение к литературе. Утонченные эстеты, символисты, декаденты целиком погружаются в политику, откликаясь на многие события, происходившие в России, прежде всего в форме политической публицистики.

В начале 1920 года в Варшаву вместе с З. Гиппиус и Д. Мережковским прибыл член «литературного триумvirата» Д. Философов (1872–1940), кузен Сергея Дягилева, автор множества религиозно-философских и литературных работ. С первых дней своего пребывания в Польше он был вовлечен в политическую деятельность, стал редактором газеты «Свобода», а несколько позже – «Меч» и «Молва». В течение двадцати лет на страницах этих изданий он помещал статьи и очерки, посвященные самым разным вопросам. Диапазон интересов Философова был необычайно широк. Он с одинаковым успехом публиковал политические статьи и литературные исследования. Именно в этот период ярко проявился его талант как публициста, живо реагировавшего на самые насущные проблемы современной жизни. Ни один номер газеты «За свободу» не обходился без материала Философова. В его статьях «Патриарх Тихон под судом», «Восстановление России и Польши», «Конец Врангеля», «Славянская душа», «Христианство и миф двадцатого столетия», «От чего зависит возрождение эмиграции», «15 лет разлуки с Россией», «Зеленый интернационал» и многих других живет мечта о спасении России от большевиков, в них он

призывает к объединению русской эмиграции под знаменем великой идеи возрождения страны.

Осенью 1920 г., после отъезда Мережковского в Париж, Философов фактически становится одним из лидеров русской эмиграции в Варшаве.

Одной из важных составляющих идеологической борьбы с большевиками Философов считал разоблачение писателей, в той или иной форме поддерживающих коммунистический режим. Так, на страницах газеты «За свободу» он публикует ряд язвительных статей в связи с пребыванием в Варшаве в 1927 году Ильи Эренбурга, Владимира Маяковского и Лидии Сейфулиной [8, сс. 29, 60].

Несмотря на активную политическую деятельность, Д. Философов находил время и для творчества. Он живо реагировал на все литературные споры, ведущиеся в межвоенной Варшаве, печатал свои статьи и очерки, посвященные проблемам польской литературы и искусства, польско-русским связям. Этому безусловно способствовали тесные связи литератора с польской интеллигенцией и прекрасное знание польского языка. Он был в курсе всех самых интересных, значимых событий жизни польской культурной среды. Одним из первых русских прочитал роман Стефана Жеромского «Канун весны»¹², отзывался о писателе как о «проникновенном художнике, который видел соблазн коммунизма, скорбел, что мы не умеем противопоставить этому злу более высокой, более благородной идеи, что у нас только мечты о "стеклянных домах"... Его скорбь люди предубежденные превратили в тяготение к большевизму, художника превратили в публициста, бичующего пророка – в мелкого агитатора» [12, с. 3].

На страницах эмигрантских изданий Философов публикует материалы о творчестве А. Пушкина, А. Белого, В. Набокова, а также А. Мицкевича и С. Жеромского. В газете «Молва» в статьях «Воскресные беседы», «Не позволю» Философов обращает внимание читателя на историю Великой польской эмиграции 30-х гг. XIX в., находя в ней много поучительного.

Философов внимательно изучает творчество Адама Мицкевича, особенно его интересуют годы пребывания поэта в России. Этому вопросу он посвящает ряд статей, напечатанных в газете «Молва» [14], а также в газете «Пшегленд Вспулчесны». Философов критикует труд о Мицкевиче профессора Юлиуша Клейнера [4], считает, что данное исследование содержит неполное и во многом предвзятое освещение фактов пребывания Мицкевича в России.

Автор считал первостепенной задачей освободить Мицкевича от пут тенденциозных толкований и устаревших штампов, разделяя точку зрения польского ученого В. Ледницкого, который утверждал, что настало время дать объективное, исчерпывающее жизнеописание великого поэта, основанное на точных исторических фактах, почерпнутых из польских и русских источников [7, с. 162; 5]. Тщательное исследование этого этапа биографии поэта было необходимо для того, чтобы «на жизнь и творчество Мицкевича посмотреть не только глазами нового, свободного человека, гражданина свободной Польши, но и с точки зрения новых методологических требований».

Статья вызвала полемику в польской прессе. Так, например, с острой критикой Философова выступили польский критик М. Кридль [5] и Ю. Кшижановский [6]. С другой стороны, о своей поддержке Философова заявила Мария Домбровская. Она призывала к взаимопониманию, солидарности с русскими патриотами, оценивала Философова прежде всего как блестящего публициста, который обнаружил тонкое понимание специфически польских проблем. Писательница отмечала, что он одним из первых обратился к изучению русского периода жизни Мицкевича [2].

¹² Роман «Канун весны» («Przedwiośnie») Стефана Жеромского вышел в Варшаве в 1925 году.

В тридцатые годы Д. Философов начинает отдаляться среды от русской эмиграции и все больше сближается с польской интеллигенцией. В 1934–1936 гг. он проводит в своей квартире в Варшаве на улице Флоры литературные вечера под названием «Домик в Коломне». На них приглашались деятели и русской, и польской культуры.

В 1923 г. в Польшу приехал еще один известный русский писатель, поляк по материнской линии М.П. Арцыбашев (1878–1927). Его многочисленные романы, особенно «Санин» (1907), сделали его одним из популярнейших писателей дореволюционной России. В Польше он был известен уже в 1900-х гг.

По приезду в Варшаву Арцыбашев публикует на страницах газеты «Свобода» отрывки из книги «Записки писателя», составленной как из публицистических статей, относящихся ко времени пребывания Арцыбашева в России, так и из материалов о жизни российской эмиграции за рубежом. Свои «Записки писателя» Арцыбашев начал печатать еще в 1911 г. на страницах газеты «Итоги недели», затем работа была прервана. Вновь возвратился к «Запискам писателя» Арцыбашев в 1917 г. в газете «Свобода». В том же году они были изданы отдельной книгой («Записки писателя», тт. I–III. М., 1917). В Варшаве «Записки» были напечатаны в двух томах: первый том был опубликован при жизни писателя, в 1925 г., а в 1927 г. было осуществлено посмертное издание книги с предисловием Д. Философова.

«Записки писателя» представляют Арцыбашева как яркого, самобытного публициста, всю силу своего писательского дарования отдавшего борьбе против Советов. Д. Философов утверждал, что «Записки писателя» не похожи на обыкновенные статьи политического характера. Слово Арцыбашева – не слово журналиста и политика, это слово русского писателя, призывающего к политической активности, к писательскому самоотречению. Он называет героической полосой последние годы жизни Арцыбашева, которому приходилось вести борьбу с большевиками, с косностью эмиграции и со смертью. «...Политическое завещание дорогого ушедшего можно сформулировать так: примирение в непримиримости» [13, с. 1].

Сам Арцыбашев объяснял свою приверженность публицистике в последние годы тем, что писатель не может быть только мастером слова, он должен быть и «певцом народных стремлений, учителем и пророком» [11, с. 2]. «Одной из печальнейших черт предреволюционной эпохи, – писал он, – был полный отрыв литературы от жизни... Это же касается писателей, они превратились в какую-то обособленную касту жрецов мертвого, никому, кроме скучающих и эстетствующих верхов общества, не нужного дела» [9, с. 2]. Он считал, что эмигрантская литература должна быть по преимуществу литературой человеческих документов, так как не настало еще время для исторических и художественных обобщений.

Высокую оценку публицистике Арцыбашева дал известный польский критик Мариан Здоховский. Являясь убежденным противником революции и социалистического переустройства общества, он с большим уважением отзывался о писателе, отдавшем столько сил борьбе с большевиками. Здоховскому были крайне интересны впечатления человека, прожившего шесть лет в Советской России. Читая «Записки писателя», он находил в них «подтверждение собственных наблюдений и суждений» [1, с. 23]. Все это нашло отражение в статье Здоховского «Арцыбашев и русский вопрос в Польше», переведенной на русский язык и опубликованной Дмитрием Философовым уже после смерти писателя в газете «За свободу» в 1927 г.¹³

Арцыбашев следил за всеми значительными событиями культурной жизни тех лет. Его внимание привлек роман знаменитого польского писателя Стефана Жеромского «Канун весны» (1925). В феврале 1925 г. в «Свободе» было напечатано открытое письмо

¹³ Эта статья вошла в сборник М. Здоховского «От Петербурга до Ленинграда». Вильно, 1934.

Арцыбашева Стефану Жеромскому [10, с. 2], в котором он обвинял польского писателя в апологетике революции. Однако оснований для такого выпада у Арцыбашева не было. Следует полагать, что он, как и некоторые польские критики того времени, не понял до конца сути этого произведения. Автор не воспекает революционные события, а предупреждает об их неизбежности, видя все пороки современной ему действительности.

В газете «Эхо Варшавы» за 1925 г. Жеромский поместил ответ, в котором прежде всего указывал на то, что нельзя отождествлять взгляды героя произведения и его автора, рассматривал свой роман как своеобразное предостережение против любой формы насилия.

В числе первых, кто откликнулся на выход этой книги, был и Д. Философов. Свое отношение к Жеромскому и его произведению он выразил в статье «В замке», опубликованной в газете «За свободу» (октябрь 1925 г.).

Таким образом, можно сказать, что в 20–30-х гг. в Польше сформировалась русская культурная общность, обладавшая значительным творческим потенциалом и поддерживавшая тесные контакты с польской интеллигенцией. Подобные связи способствовали активной и многообразной литературной, публицистической и общественной деятельности русских в эмиграции.

Список литературы

1. Białokozowicz B. Marian Zdziechowski i Michał Arcybaszew // *Studia Rossica. III. Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia.* Warszawa, 1996. S. 23.
2. Dąbrowska M. O dobre obyczaje polemiczne // *Wiadomości Literackie.* 1934. № 13.
3. Dąbrowska M. *Dzienniki (1914–1932).* Warszawa, 1988.
4. Klejner J. Mickiewicz. T. I. Lwów, 1934.
5. Kridl M. Niepowołany mentor // *Wiadomości Literackie.* 1934. № 11.
6. Krzyżanowski J. Na manowcach drogi do Rosji. Filozofow versus Klejner // *Ruch Literacki.* 1934. № 3.
7. Lednicki W. *Al. Pushkin.* Kraków, 1926.
8. Urbańska Rodziecka *powieść rosyjska w Polsce w latach 1918–1932.* Wrocław, 1966. S. 29, 60.
9. Арцыбашев М. Записки писателя // *За свободу.* 1925. 7 мая. С. 2.
10. Арцыбашев М. Открытое письмо Стефану Жеромскому // *За свободу.* 1925. 23 февр. С. 2.
11. Арцыбашев М. Слово о русской литературе // *За свободу.* 1925. 7 мая. С. 2.
12. Философов Д. В замке // *За свободу.* 1925. 24 окт. С. 3.
13. Философов Д. Предисловие // Арцыбашев М. П. *Записки писателя.* Черемуха. Варшава, 1927. С. 1.
14. Философов Д. Споры вокруг смерти Адама Мицкевича // *Молва.* 1932. №№ 113, 119, 125, 131.

Rozinskaya Olga

RUSSIAN-POLISH LITERARY RELATIONS IN INTERWAR POLAND

The article deals with Russian-Polish literary ties during the interwar period in Poland, particularly with the participation of Russian literary emigrants in cultural life of Warsaw of that period and their role in popularization of Russian literature. The article gives a survey of publications by Russian and Polish authors in periodical press between 1920s and 1930s.

Keywords: First wave of Russian literary emigration, Russian-Polish cultural ties.

Изотов Андрей Иванович
МГУ имени М.В. Ломоносова
a.i.izotov@mail.ru

РОМАН Я. ГАШЕКА В ПЕРЕВОДЕ П. БОГАТЫРЕВА И ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ¹⁴

Незаконченный сатирический роман Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» переведен более чем на 50 языков, а имя Швейка стало нарицательным как в Чехии, так и в целом ряде других стран. Многие персонажи романа воплощают в себе социальные и этнические стереотипы, имеющие хождение в чешском обществе кануна и начала Первой мировой войны. П. Богатырев блестяще воссоздал эти стереотипы в своем часто критикуемом, однако до сих пор никем не превзойденном переводе, так что и сегодня общие представления многих наших соотечественников о Чехии и о чехах основаны во многом на данных стереотипах. В статье рассматриваются некоторые из этих стереотипов в свете современной политической корректности.

Ключевые слова: этнические стереотипы, Гашек, Австро-Венгрия, Чехия, политкорректность.

Когда около двадцати лет назад автору данного текста пришлось сравнивать предложение за предложением чешский оригинал гашековского романа с классическим его переводом П.Г. Богатырева, его поразили два обстоятельства: Во-первых, как же бесцветно может выглядеть блестящий богатыревский текст рядом с оригиналом (подобное чувство автору приходилось испытывать в музее, когда в ряду брейгелевских миниатюр одна из них – находящаяся на реставрации – была заменена цветной бумажной копией)! Во-вторых, как же Гашек не любит Австрию и немцев! Этим двум феноменам и будут посвящены последующие страницы.

Как нам представляется, значительную, если не основную долю комического в «Похождениях бравого солдата Швейка во время мировой войны» Я. Гашека составляет макаронизм текста романа: чешский литературный язык + обиходно-разговорное койне, обильно сдобренное лексическими и грамматическими германизмами + сами германизмы, приводимые как в немецкой орфографии, так и «по-чешски» в разной степени исковерканности, например *kvér* < *das Gewehr*, *frajtr* < *der Gefreite*. В романе звучат и другие языки (венгерский, польский, словацкий, русский, боснийский, идиш и даже арабский – также в сильно исковерканном виде), однако в основе лежит сочетание названных трех идиомов, отражающее сложившуюся ко времени написания гашековского романа языковую ситуацию в чешских землях, истоки которой следует искать в особенностях развития Чехии и всего региона за предшествующие несколько столетий.

В результате ряда исторических событий, приведших в итоге к трансформации Священной Римской империи как наднационального образования в империю наследственных земель габсбургской династии, Чехия из региональной сверхдержавы к XVIII веку фактически превратилась в австрийскую провинцию, а чешский язык оказался вытесненным (полностью или почти полностью) из большинства сфер функционирования естественного языка – сфер науки, литературы, повседневного общения значительной части населения Чехии и Моравии, оказавшейся к тому времени немецкой или германизированной. Вспомним, что в 1918 году Масарику и Бенешу, чтобы сформировать Чехословакию как мононациональное государство (с национальными меньшинствами – немцами, венграми, украинцами и т.д.), пришлось сделать основой государственной доктрины концепцию «чехословакизма», постулирующую существование «чехословацкого» этноса и

¹⁴ Статья публикуется в авторской редакции.

«чехословацкого» языка, иначе немцы не укладывались в традиционное национальное меньшинство, см. [15].

Даже в сельской местности на рубеже XVIII–XIX веков целые регионы были немецкоязычными, в городах же чешский язык воспринимался зачастую как «язык служанок» (*Dienerinnensprache*). Видимо, чехов ждала участь полабских славян, без остатка растворившихся в немецком массиве, или лужицких сербов, растворяющихся сейчас. Весьма показательна ситуация, описанная в романе Б. Немцовой «Бабушка», когда зять главной героини (носящий не просто славянскую фамилию, но славянскую фамилию в её исконной, пока еще не германизированной огласовке – в отличие от, например, персонажа фильма *Musíme si pomáhat* (2000) пражского немца Хорста Прохазки (Horst Prohazka), не умеет говорить по-чешски.

Тем не менее явно намечившаяся тенденция была преодолена. «Патриарх славистики» Йозеф Добровский пишет «Подробное научное описание богемского языка немцам для обстоятельного изучения одного, богемцам же для совершенного понимания» [11], Йозеф Юнгманн составляет многотомный чешско-немецкий словарь [18], в который смело включает, бегемизируя их огласовку, слова иных славянских языков, прежде всего польского и русского. Говорить и писать по-чешски становится модным среди патриотически настроенных чешских интеллектуалов (немецкоязычных, как и все тогдашние интеллектуалы Богемии). И именно этот язык стал в 1918 году государственным языком возникшей из руин Австро-Венгрии Чехословакии!

Однако Й. Добровский, составляя своё «Подробное научное описание...», ориентировался прежде всего на чешские художественные тексты так называемого добелогорского периода – периода расцвета чешской литературы в XVI-начале XVII столетия, при этом сам отнюдь «не считал, что чешский язык нужно развивать для тонкого языка искусства и научного стиля» [16, с. 35] и описывал чешский так же, как он описывал, например, язык старославянский. В результате в этой грамматике оказались не отраженными вообще либо отраженными в недостаточной степени многие существенные изменения в фонетике, морфологии, синтаксисе, произошедшие в собственно-чешских говорах более чем за два столетия, см. статью [4], где эти основные фонетические, морфологические и синтаксические особенности чешского обиходно-разговорного койне иллюстрируются примерами из популярного мультипликационного сериала и сопровождаются литературными соответствиями. Отметим, что отсутствие в чешском языке редукции безударных гласных делает противопоставление литературных и обиходно-разговорных/диалектных огласовок особенно выразительным, не позволяя воспринимать нелитературную форму просто как результат небрежного выговора.

В результате, по образному выражению известных чешских лингвистов Петра Сгалла и Иржи Гронека, «у литературного чешского языка нет естественных носителей» (*spisovná čeština nemá své rodilé mluvčí*) [17, с. 26]. Различия между кодифицированным литературным чешским языком (*spisovná čeština*) и сложившимся на базе собственно-чешских говоров обиходно-разговорным койне (*obecná čeština*) затрагивают практически все уровни языковой системы и настолько значительны, что, например, иностранцу легко может показаться, что речь идет о разных, пусть и о близкородственных языках. Сложившаяся ситуация близка к ситуации классической диглоссии Ч. Фергюсона, ср.:

1. Различаются «высокий» (*spisovná čeština*) и «низкий» (*obecná čeština*) идиом, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции: в ситуациях, когда употребляется один из них, неуместно, а часто и невозможно употребление другого.

2. Социальный престиж первого идиома (*spisovná čeština* – ‘литературный чешский язык’) высок, социальный престиж второго идиома (*obecná čeština* – ‘обиходно-разговорное чешское койне’) низок.

3. Литературный чешский язык соотносится с многовековой литературной традицией.

4. Обиходно-разговорное чешское койне усваивается «естественным» путем, то есть через живое общение, литературный чешский усваивается в школе посредством формального обучения.

5. Литературный чешский кодифицирован, обиходно-разговорное чешское койне не кодифицировано, хотя и характеризуется общепринятой в социуме нормой.

6. Сложившаяся чешская диглоссная ситуация достаточно стабильна.

7. Грамматический строй обиходно-разговорного чешского койне на синхронном уровне выглядит как упрощенный вариант грамматического строя литературного чешского.

8. Хотя основная часть лексики является общей для обоих идиомов, существует немалое количество лексических вариантов, выбор одного из которых однозначно относит высказывание к литературному чешскому языку или же к обиходно-разговорному чешскому койне.

9. Система фонем обоих идиомов идентична или практически идентична (возможны неоднозначные интерпретации фонологического статуса некоторых единиц или их сочетаний), см. [12].

Таким образом, чешский дошкольник знакомится естественным путем (т.е. через бытовое общение) с обиходно-разговорным койне либо диалектом, а затем идет в школу и начинает там зубрить парадигмы «родного» литературного языка (к этому процессу, естественно, могут подключаться и родственники), подробнее см. [5].

Обиходно-разговорное чешское койне иногда соотносят с русским просторечьем, см., например, [2, с. 402] или [9, с. 28след.].

Тем не менее речь может идти лишь о типологическом сближении, но никак не об отождествлении данных идиомов, которое бы противоречило как собственно лингвистическим, так и социолингвистическим критериям.

Во-первых, обиходно-разговорное чешское койне, в отличие от русского просторечья, является системным языковым образованием, характеризующимся языковой нормой, пусть и не такой строгой, как цементированная кодификацией норма литературного чешского языка, тогда как русское просторечье системным образованием не является.

Во-вторых, круг носителей обиходно-разговорного чешского койне отнюдь не ограничивается людьми с низким уровнем языковой культуры, как у русского просторечья, будь то так называемое «просторечие-1» малограмотных немолодых женщин или же «просторечие-2» малограмотных нестарых мужчин в понимании [8]. К чешскому обиходно-разговорному койне при случае обращается и университетский профессор, и директор музея, и дипломат высокого ранга, потому что такое обращение свидетельствует не о недостаточно высоком образовательном уровне говорящего, а о неформальной обстановке общения. Абсолютное большинство носителей обиходно-разговорного чешского койне являются одновременно и носителями литературного чешского языка, обращаясь к нему в соответствующей ситуации общения, тогда как носитель русского просторечья, даже оказываясь в официальной ситуации, на кодифицированный русский язык не переходит, так как им не владеет, ср. [7].

В-третьих, русское просторечье ограничено устной коммуникацией, и его фиксация в письменном тексте – нечто исключительное, в то время как фиксация обиходно-разговорного чешского койне в современном письменном тексте – вещь вполне обычная, ср. статью [3], в которой на основе корпусов современных **письменных** чешских текстов документировано употребление 537 имеющих однословное соответствие в литературном чешском языке однословных же единиц обиходно-разговорного чешского койне, причем у 165 подобных единиц количество документированных контекстов употребления превышает 1000, у 32 единиц – 10 000, а у 7 единиц – 100 000, подробнее см. [6].

Так что перед автором классического и до сих пор лучшего, по нашему убеждению, перевода гашековского романа П.Г. Богатырёвым стояла почти невыполнимая задача, о

грандиозности которой он прекрасно знал, тонко чувствуя чешский язык (работая в 20–30-е годы в советской дипломатической миссии в Чехословакии, П.Г. Богатырев принимал активное участие в деятельности Пражского лингвистического кружка, куда его пригласил Р.Я. Якобсон, опубликовал ряд своих исследований на чешском языке и стал почетным доктором Карлова университета в Праге и университета имени Я.А. Коменского в Братиславе), ср. [14].

В своем переводе П.Г. Богатырев пытается компенсировать понижение «степени макароничности» гашековского текста вследствие неизбежного исчезновения противопоставления «литературный язык» – «обиходно-разговорное койне» с помощью контраста стилистически сниженной и возвышенной лексики (в примере ниже: *ни хрена – пусть громогласно повторит*), однако ничего не может сделать с понижением «степени макароничности», обусловленной разницей в функционировании германизмов в чешском и в русском текстах. Обильно рассыпанные по страницам гашековского текста немецкие слова, словосочетания и предложения сохраняются, как правило, и в переводе, однако в оригинальном чешском тексте этих вкраплений неизмеримо больше, они приводятся там не только в немецкой орфографии (как и в переводе), но и «по-чешски» – в разной степени освоенности чешским обиходно-разговорным койне.

В этом плане весьма показателен следующий сопровождаемый переводом П.Г. Богатырева фрагмент из романа Я. Гашека, в котором мы находим, во-первых, приведенные по-немецки команды *Ruht!* и *Abtreten!*, во-вторых, освоенные чешским языком германизмы *lump(ové)* (нем. *der Lump*) и *držet hubu* (нем. *das Maul halten*), в-третьих, слова *obršt*, *regiment*, *drek*, *kumpačka*, *defilírovat*, которые по-немецки должны были бы выглядеть как *der Oberst*, *das Regiment*, *der Dreck*, *die Kompanie*, *defilieren*, а по-чешски, соответственно, как *plukovník*, *pluk*, *lejno*, *rota*, *slavnostně pochodovat*, при этом лексема *drek* ‘дерьмо’ и фразеологизм *držet hubu* ‘≈ заткнуть [себе] пасть’ относятся также и к вульгаризмам, а нелитературная лексема *herka* ‘кляча’ и нелитературные огласовки *vodjela*, *celej* – к обиходно-разговорному койне:

Чешский текст Я. Гашека:

Potom, když komise vodjela, dal si nás pan obršt všechny seřadit, celej regiment, a povídá, že voják je voják, že musí držet hubu a sloužit, jestli se mu něco nelíbí, tak že je to porušení subordinace. ‚Tak jste si, lumpové, mysleli, že vám ta komise pomůže, ‚ povídá pan obršt, ‚drek vám pomohla. A teď bude každá kumpačka kolem mne defilírovat a opakovat hlasitě, co jsem řekl‘. <...>, Ruht!‘ povídá pan obršt a chodí po dvoře, seká si bičíkem přes holinky, plivá, pak najednou se zastaví a zařve ‚Abtreten!‘, sedne si na svou herku a už je z brány venku.

Перевод П.Г. Богатырёва:

Когда комиссия уехала, полковник выстроил всех нас, весь полк, и заявил, что солдат есть солдат, должен держать язык за зубами и служить, а если кому не нравится, то это нарушение дисциплины. «А вы, мерзавцы, думали, что вам комиссия поможет? – сказал полковник. – Ни хрена она вам не помогла! Ну, а теперь пусть каждая рота промарширует передо мною и пусть громогласно повторит то, что я сказал». <...> «Ruht!» – командует полковник, а сам мечется по двору, хлещет себя хлыстом по сапогу, плюется, а потом вдруг остановился да как заорет: «Abtreten!» Сел на свою клячу и вон.

Так же показателен и диалог «генерала-от-отхожих мест» (так П.Г. Богатырев перевел гашековский чешско-немецкий окказионализм *latrinengenerál*) со Швейком, где в чешский текст вкраплены отсутствующие в литературном чешском языке, как и в соответствующем русском переводе, германизмы (ср. немецкие *der Arsch* *груб.* ‘задница’, *fertig* ‘готовый’, *die Hose* ‘штаны’, а также австрийскую воинскую команду *hab acht!* ‘смирно!’). Графический облик слов первой реплики генерала должен, видимо, свидетельствовать о его польском

акценте, а графический облик его второй реплики (на польском языке, но записанной «по-чешски») – о восприятии чехом польской речи.

Чешский текст Я. Гашека:

„Vytržel jsi si arž?“ – otázal se generálmajor Švejka.
„Poslušně hlasím, pane generálmajor, že všechno je v pořádku.“
„Wienciej srač nie bendzeš?“
„Poslušně hlasím, pane generálmajor, že jsem fertig.“
„Dej si tedy hosny nahoru a postav se potom zas habacht!“

Перевод П.Г. Богатырёва:

– Ты уже вытер задницу? – спросил генерал-майор Швейка.
– Так точно, господин генерал-майор, всё в порядке.

– *Więcej srać nie będziesz?* [сноска: Больше делать не будешь? (Генерал произнес эту фразу по-польски)]

– Так точно, генерал-майор, готов.

– Тогда подтяни штаны и встань опять во фронт!

Как мы видим, П.Г. Богатырёв компенсирует исчезнувший при переводе макаронизм первой, четвертой и пятой реплик «восстановлением» польской графики в реплике третьей, снабдив её сноской с русским переводом и соответствующим примечанием.

Отметим, что в оригинальном тексте, рассчитанном на выросшего в полиэтнической и полиязыковой среде Австро-Венгрии читателя немецкие, венгерские, польские и прочие иноязычные вкрапления (приведенные как в соответствующей огласовке, так и «по-чешски») идут без перевода и без авторских сносок, тогда как П.Г. Богатырёв, ориентирующийся на незнакомого с большинством из представленных в гашековском тексте языков русского читателя, вынужден переводить данные иноязычные фрагменты на русский вместе с их чешским окружением или же снабжать данные фрагменты сносками с русским переводом.

Восхищает искусство, с которым П.Г. Богатырёв, сохраняя общую тональность исходного текста, стремится избежать буквального перевода обценной лексики, составляющей существенный компонент гашековского повествования, ср. [Dičev 2012], ср. перевод известной фразы трактирщика Паливца о пострадавшем портрете государя императора, где «нехорошее» слово заменено эвфемизмом (как и в переведенной выше польской реплике «генерала-от-отхожих мест») или же перевод еще одной реплики (на этот раз гибридной чешско-польской) того же генерала, в котором «нехорошее» слово вообще опущено:

„Jó, to mají pravdu,“ odpověděl pan Palivec, „visel tam a sraly na něj mouchy, tak jsem ho dal na půdu. / – Вы справедливо изволили заметить, – ответил пан Паливец, – висел когда-то. Да только гадили на него мухи, так я убрал его на чердак.

Proč jsi nešel šrát s ostatními muži? / Отчего ты не пошел с другими солдатами?

Особенно грубые выражения П.Г. Богатырёв может воспроизвести без перевода, ограничившись соответствующим примечанием в сноске, как, например, в случае с немецким пожеланием полковника Крауса фон Циллергут, у которого Швейк украл собаку, или с венгерским излиянием души господина Каконя, супруге которого Швейк отнес написанное надпоручиком Лукашем любовное письмо, ср.

1. – *Der Teufel soll den Kerl buserieren!* [Сноска: Грубое немецкое ругательство] – разносилось по квартире полковника, так что стекла дрожали.

2. Внезапно из комнаты, куда прислуга отнесла письмо, послышался ужасный крик и шум. Что-то тяжелое с силой полетело на пол, потом можно было ясно различить звон разбиваемых тарелок и стаканов, сквозь который слышался рев: „*Baszom az anyát, baszom az istenet, baszom a Krisztus Máriát, baszom az atyádot, baszom a világot!*“ [Сноска: Венгерская площадная ругань]

Если же речь идет о выражениях, которые для русского уха звучат даже без перевода уж совсем неприлично, то они не воспроизводятся в богатыревском тексте вообще, ср. *Здесь, кроме злобной матерщины возмущенно жестикулирующих, брошенных на произвол судьбы боснийцев, ничего не было слышно.* В гашековском оригинале мы слышим реплики боснийских солдат на их родном языке, где Бог, душа и мать собеседника поминаются непосредственно после формы первого лица известного глагола.

К заслугам П. Богатырёва относится и продуманная система перевода реалий австро-венгерской армии, хотя в некоторых случаях, как представляется, он перестарался. Например, воинские звания командира одиннадцатой роты Лукаша, у которого Швейк сначала оказывается в роли денщика, а потом и ординарца, и офицера этой же роты Дуба в богатыревском переводе выглядят как *поручик* и *подпоручик* соответственно, хотя в гашековском оригинале они звучат как *nadporučík* и *poručík*. По-видимому, П. Богатырев исходил из того, что в русской царской армии *поручики* и *подпоручики* были, а *надпоручиков* не было. Крупнейший чешский специалист по творчеству Я. Гашека Радко Пытлик в личном разговоре с автором настоящих строк восхищался тем, как искусно П. Богатырёв использовал «царский воинский профилект» для перевода «австро-венгерского профилекта».

Отметим в этой связи, что чешское *poručík* – средневековая калька д.-в.-нем. *Leutenant* < фр. *lieutenant* < лат. *locum tenens*, а чешское *nadporučík* – калька уже с современного немецкого *Oberleutnant*, русское же звание *подпоручика* придумал Петр I по аналогии с уже существовавшим в языке *поручиком*, попавшим туда, видимо, из той же Чехии через Польшу (в «Учении и хитрости ратного строения пехотных людей» 1647 года – *порутчикъ*, см. [10, с. 41]).

Однако воинские звания Лукаша и Дуба в гашековском романе звучат и по-немецки (*Oberleutnant* и *Leutnant* в немецких фрагментах, *obrlajtnant* и *lajtnant* – в чешских), и эту «немецкую» огласовку П. Богатырёв сохраняет, так что в результате в русском тексте *поручик* оказывается не *лейтенантом* (как чешский *poručík*), а *обер-лейтенантом*, *лейтенант* же – не *поручиком*, а *подпоручиком*, ср.:

Итак, первое, что увидел в это утро поручик Лукаш, была честная, открытая физиономия храброго солдата Швейка, который отрапортовал:

– *Честь имею доложить, господин обер-лейтенант, я – тот самый Швейк, которого господин фельдкурат проиграл в карты.*

– *Что же, собственно, вам тут не нравится?* – спросил *подпоручик* Дуб.

– *Мне не нравится, господин лейтенант, как солдат обращается с вверенным ему оружием.*

Точно так же *поручиками* в русском тексте оказались знакомые фелькурата Каца офицеры Бернис, Гельмих, Малер, Витингер, а также прочие встречающиеся в романе *обер-лейтенанты*, а попавший в русский плен *poručík* Прашек, как и другие *лейтенанты* гашековского романа, был П. Богатырёвым «понижен в звании» до *подпоручика*.

К сожалению, объем данной статьи не позволяет подробно рассмотреть все виды представленных в гашековском романе и, соответственно, в переводе П. Богатырёва этнических стереотипов. Отметим лишь, что материал романа прекрасно укладывается в концепцию московской этнолингвистической школы Н.И. Толстого, когда «этнические стереотипы представляют некий обобщенный образ этнического или профессионального соседа, упрощая и генерализируя этот образ», при этом «для данной группы стереотипов характерна *неточная субъективная генерализация* – неосознанное приписывание какого-либо свойства всем объектам класса, объединяемого с помощью данного названия (этнонима, профессионального названия)», см. [1, с. 3].

Например, австрийцы (наиболее устойчивый в романе этнический стереотип) у Я. Гашека – это «враги», которые воплощают в себе все возможные отрицательные качества вплоть до людоедства, пусть и в переносном смысле, ср. «жонглеры законами, жрецы мертвой буквы закона, пожиратели обвиняемых...» // «[прапорщик] Дауэрлинг пользуется репутацией людоеда, антропофага из австралийских племен, поедающих людей другого племени, попавших им в руки» // «Биглер – заядлый чехоед» (Здесь и далее роман Я. Гашека цитируется по переводу П. Богатырёва).

Австрийские военные врачи презирают пациентов и издеваются над ними, исходя из того, что *Das ganze tschechische Volk ist eine Simulantenbande*, ср.:

Была установлена целая лестница мучений для симулянтов и для людей, подозреваемых в том, что они симулируют, а именно - чахоточных, ревматиков, страдающих грыжей, воспалением почек, тифом, сахарной болезнью, воспалением легких и прочими болезнями.

Пытки, которым подвергались симулянты, были систематизированы и делились на следующие виды:

1. Строгая диета: утром и вечером по чашке чая в течение трех дней; кроме того, всем, независимо от того, на что они жалуются, давали аспирин, чтобы симулянты пропотели.

2. Хинин в порошке в лошадиных дозах, чтобы не думали, будто военная служба - мед. Это называлось: "Лизнуть хины".

3. Промывание желудка литром теплой воды два раза в день.

4. Клизир из мыльной воды и глицерина.

5. Обертывание в мокрую холодную простыню.

Были герои, которые стойко перенесли все пять ступеней пыток и добились того, что их отвезли в простых гробах на военное кладбище. Но попадались и малодушные, которые, лишь только дело доходило до клистира, заявляли, что они здоровы и ни о чем другом не мечтают, как с ближайшим маршевым батальоном отправиться в окопы.

Австрийские служители закона – злобные садисты, ср.:

Полицейский инспектор Браун обставил сцену встречи со Швейком в духе римских палачей времен милейшего императора Нерона. И так же свирепо, как они в свое время произносили: "Киньте этого негодяя христианина львам!" - инспектор Браун сказал: - За решетку его!

Таковыми же садистами в романе выступают и австрийские офицеры, пользующиеся полнейшей безнаказанностью, ср.:

Так, в 1912 году в Граце происходил процесс, на котором выдающуюся роль играл некий капитан, избивший своего денщика до смерти. Тогда капитан был оправдан, потому что проделал этот эксперимент всего лишь во второй раз.

[У военного следователя на стенах развешены] фотографии различных экзекуций, произведенных армией в Галиции и в Сербии. Это были художественные снимки спаленных хат и сожженных деревьев, ветви которых пригнулись к земле под тяжестью повешенных. Особенно хорош был снимок из Сербии, где была сфотографирована повешенная семья: маленький мальчик, отец и мать. Двое вооруженных солдат охраняют дерево, на котором висит несколько человек, а на переднем плане с видом победителя стоит офицер, курящий сигарету.

Генерал объявил, что никаких аудиторов ему не нужно, что он сам созовет суд, а через три часа обвиняемый должен висеть. <...>

Как иной во что бы то ни стало должен сыграть партию в шахматы, в бильярд или "марьяж", так этот знаменитый генерал ежедневно должен был устраивать срочные заседания полевых судов. <...>

Угрызений совести он не испытывал, их для него не существовало. Приказав на основании приговора своего полевого суда повесить учителя, учительницу, православного священника или целую семью, он возвращался к себе на квартиру, как возвращается из трактира азартный игрок в "марьяж", с удовлетворением вспоминая, как ему дал и "флека", как он дал "ре", а они "супре", он "тутти", они "боты", как он выиграл и набрал сто семь.

- У меня уж если полевой суд, то все должно делаться быстро, как полагается в полевом суде; быстрота - это мой принцип. В начале войны я был за Львовом и добился такой быстроты, что одного молодчика мы повесили через три минуты после вынесения приговора. Впрочем, это был еврей, но одного русина мы тоже повесили через пять минут после совещания. - Генерал добродушно засмеялся. - Случайно оба не нуждались в духовном напутствии. Еврей был раввином, а русин - священником.

И этот кошмар сохраняется, в представлении гашековских персонажей, даже на том свете, ср. фрагмент из пьяного сна кадета Биглера:

Проехали мимо группы солдат, где рыжий капрал-ангел муштровал растяпу рекрута-ангела в полной форме, бил его кулаком в живот и орал: "Шире раскрывай глотку, грязная вифлеемская свинья. Разве так кричат "аллилуйя"? Словно кнедлик застрял у тебя во рту. Хотел бы я знать, какой осел впустил тебя, скотину, сюда в рай? Попробуй еще раз..."

- "Гла-гли-гля!"

- "Ты что, бестия, и в раю у нас будешь гнусить? Еще раз попробуй, ты, кедр ливанский!"

Подводя итоги, отметим, что роман Я. Гашека, не выдерживая серьезной критики со стороны популярной сегодня политкорректности, тем не менее остается востребованным шедевром как в плане художественном, так и в плане языковом. Непревзойденным шедевром остается и перевод П. Богатырёва.

Список литературы

1. Белова О.В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование): Автореф. ... доктора филол. наук / Институт славяноведения РАН. М., 2006. – 35 с.
2. Бельчиков Ю.А. Просторечие // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 402.
3. Изотов А.И. Эскиз частотного словаря ядра обиходно-разговорной чешской лексики // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 48. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 5–25.
4. Изотов А.И. Чешское обиходно-разговорное койне vs русское просторечье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2013. № 1. С. 52–60.
5. Изотов А.И. Диалект в чешском художественном тексте // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. №3 (15). С. 115–126.
6. Изотов А.И. К вопросу об общенациональном субстандарте в чешском и русском языковых пространствах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2-2 (68). С. 131–134.
7. Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нонстандарт. [Электронный ресурс] URL: <http://philology.ru/linguistics2/koester-93.htm> (дата обращения: 16.01.2017).
8. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2000. № 5. С. 63–91.
9. Нецименко Г.П. Языковая ситуация в славянских странах. М.: Наука, 2003. – 279 с.

10. Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. 1647 годъ / Печатано подь наблюдениемъ дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Историческаго общества А.З. Мышлаевскаго и члена С.-Петербургскаго Археологическаго Института И.В. Парійскаго. СПб., 1904. – 357 с.
11. Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache zur gründlichen Erlernung derselben für Deutsche, zur vollkommenen Kenntnis für Böhmen / Von Joseph Dobrowsky. Prag, 1809.
12. Bermel N. O tzv. české diglosii v současném světě // Slovo a slovesnost. 2010. S. 5–30.
13. Dičev B. Drsný jazyk Haškova „Švejk“ z pohledu cizojazyčného bohemisty // Nová čeština doma a ve světě. 2012. № 1. S. 33–44.
14. Hoskovec T. Pražský lingvistický kroužek osmdesátiletý // Tvar, 2006. № 19. S. 12–13.
15. Obrátil K.J. Čítanka Dr. Edv. Beneše. Brno: O. Sobek, 1936.
16. Petr J. Preface // Jungmann J. Slovník česko-německý. D. 1. Praha, 1989. S. 5–38.
17. Sgall P., Hronek J. Čeština bez příkras. Praha : H&H, 1992. – 182 s.
18. Slownjik česko-německý Josefa Jungmanna. Praha, 1835–1839.

Izotov Andrey

HAŠEK'S NOVEL TRANSLATED BY P. BOGATYREV AND ETHNIC STEREOTYPES

Unfinished dark comedy novel by Jaroslav Hašek “The Fateful Adventures of the Good Soldier Švejk During the World War” known also by abbreviated title “The Good Soldier Švejk” is the most translated masterpiece of Czech literature. It has been translated into over 50 languages and Švejk has become a byword in the Czech Republic and in many other countries. The characters of “The Good Soldier Švejk” represent fairly broad social and ethnic stereotypes found in the Austro-Hungarian Empire at the time. P. Bogatyrev managed to reflect brilliantly these stereotypes in his Russian translation, so the common notion about Bohemia and about Czechs in Russia is based in many ways just on his translation of the novel. The paper considers some of these stereotypes in the light of modern political correctness principles.

Keywords: ethnic stereotypes, Hašek, Austro-Hungarian Empire, Bohemia, political correctness.

*Мещеряков Сергей Николаевич
МГУ имени М.В. Ломоносова
pionerskaya@bk.ru*

«РЕВИЗОР» Н.В. ГОГОЛЯ И «ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ» Б. НУШИЧА: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

В данной статье автор приходит к выводу о внешнем сходстве и глубинном различии обеих комедий. Сходство сюжета, деталей, «миражная интрига», многочисленные типологические схождения, само определение «Подозрительной личности» Нушичем как «гоголиады в двух действиях» убедительно свидетельствуют о близости этих произведений, что традиционно признается критикой. Вместе с тем Нушич всегда остается в рамках земной жизни. Обличая власть, сербский писатель проявляет терпимость по отношению к своим героям и завершает комедию благополучным финалом. В отличие от Нушича Гоголь в своей «комедии-трагедии» утверждает власть монарха и обращается не только к земным, но и к высшим духовным, религиозным ценностям, призывает человека к покаянию.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, Б. Нушич, комедия, «комедия-трагедия», гротескный ответ, покаяние.

Известный сербский драматург Бранислав Нушич (1864–1938) дал своей комедии «Подозрительная личность» подзаголовок «гоголиада в двух действиях». По словам писателя, Гоголь был тогда кумиром сербской молодежи и пьесы самого Нушича 1880-х гг. – «Народный депутат», «Протекция», «Подозрительная личность» – испытали сильное влияние классика русской литературы.

Неудивительно, что сопоставление «Ревизора» и «Подозрительной личности» всегда привлекало внимание сербской критики. Так, профессор В. Вулетич отмечал: «Сравнение «Ревизора» и «Подозрительной личности» – привычная тема для нашего литературоведения. К ней обращались все, кто занимался Нушичем»¹⁵. При этом, по словам исследователя, традиционно подчеркивалось влияние Гоголя на сербского писателя.

Сам В. Вулетич, обратившись к этой теме, стремился выявить художественную индивидуальность сербского драматурга, самобытность его таланта, подчеркнуть его значимость, с чем трудно не согласиться¹⁶. Конечно, слова М.Н. Дробышевой о «мировой известности» Нушича¹⁷ представляются преувеличением, но нельзя не признать, что он был одним из крупнейших славянских комедиографов своего времени и одним из самых популярных славянских писателей в России. В силу этого говорить о подражательном характере творчества сербского комедиографа представляется неправомерным.

Вместе с тем вызывает сомнение попытка В. Вулетича чрезмерно сблизить произведения Гоголя и Нушича, опираясь лишь на внешнее сходство. Конечно, сербский исследователь справедливо отмечает типологические схождения между писателями, объясняя их сходством общественно-политической ситуации в Сербии и России. Он оправданно подчеркивает внешнее сходство тематики и проблематики произведений, обоснованно говорит о комической ошибке, лежащей в основе сюжета: у сербского комедиографа безобидного помощника аптекаря Джоку, приехавшего к дочери уездного начальника Еротия Пантича, приняли за террориста.

Нельзя также не согласиться с намерением Вулетича выявить сходство в системе персонажей и в развитии действия. Это и письмо из министерства о «подозрительной личности», и присутствие вестника – «городского шпиона» Алексы Жунича, и разоблачительно комическое письмо Марицы, дочери Пантича, напоминающее письмо Хлестакова, и крах намерений ее отца удачно выдать дочь замуж и получить высокий чин. Исследователь указывает на комическое несоответствие между словами и делами персонажей, признает смех единственным положительным героем обеих комедий, восхищается богатством языка обоих писателей.

Безусловно, внешнее сходство произведений Гоголя и Нушича бросается в глаза. Во-первых, это «миражная интрига»: и герои Гоголя, и герои Нушича устремлены в погоню за призраком. Ведь Хлестаков такой же «ревизор», как и Джока – «подозрительная личность». Во-вторых, оба писателя в большей или меньшей степени пародируют любовную интригу.

В комедии Нушича активную роль в любовных отношениях играет не мужчина (да и можно ли назвать мужчиной помощника аптекаря, который никак не выходит за рамки отведенной ему роли?), а Марица, которая сама находит себе жениха, поскольку родители в течение двух лет не смогли ничего сделать в этом плане. При этом Джока играет роль

¹⁵ Вулетич Витомир. Гоголев «Ревизор» и Нушичево «Сумњиво лице» // Научни састанак слависта у Вукове дане. 25/1. 1996. С. 413.

¹⁶ Можно сказать, что с В. Вулетичем полностью согласен исследователь Е.В. Сартаков, который в аннотации к своей статье «Гоголь и сербская литература XIX века: к постановке проблемы» отмечает, что «гоголевские традиции усваиваются молодой сербской литературой не механически, сербские писатели (в частности, Нушич) ближе стоят к Гоголю не в прямых заимствованиях, а там, где они проявляют творческую самостоятельность в решении идейных и эстетических задач [cyberleninka.ru].

¹⁷ Дробышева М.Н. Нушич Бранислав // Лексикон јужнославјанских литератјур. М., 2012. С. 310.

восторженно-сентиментальной девушки, а Марица полностью командует им и ведет себя как прагматичный мужчина. Конечно, иногда и у нее срываются слова любви («Сладкое имя, Джока»), однако в первую очередь ей просто надо выйти замуж, поскольку подошло время. При этом Марица представлена автором как умная и порядочная девушка: она дает точную оценку людям и ни в коем случае не собирается выходить замуж за проходимца Вичу.

У Гоголя, по общепринятому мнению, любовная интрига полностью сводится к пародии. Объяснение Хлестакова в любви к Марье Антоновне, попеременное ухаживание то за ней, то за ее матерью Анной Андреевной, предложение руки и сердца то дочери, то матери, сватовство к дочери, тут же забытое, и бегство от «невесты» – вот способы проявления «любовных чувств» главного героя. И не случайно «второй любитель искусств» из «Театрального разъезда после представления новой комедии» утверждает, что теперь любовная интрига никого не интересует. По его словам, «теперь сильнее завязывает драму стремление достать выгодное место, блеснуть и затмить во что бы то ни стало другого, отмстить за пренебрежение, насмешку. Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?»¹⁸.

Вместе с тем даже спародированная любовная интрига и в произведении Нушича, и в произведении Гоголя все-таки пробуждает у зрителя хотя бы намек на сочувствие героиням. Очевидно, что в Марице живет потребность любви. То же можно сказать о Марье Антоновне. По словам Ю. Манна, «в широком спектре чувств, пробужденных «ситуацией ревизора», отчетливо различимо и любовное переживание», и Марья Антоновна и Анна Андреевна «действительно увлечены Хлестаковым»¹⁹.

При этом оба произведения в целом отличаются сатирическим характером. И в комедии Гоголя, и в комедии Нушича, например, совпадают способы ограбления местной властью торговцев и купцов. Это арест и вымогательство, причем вымогательство в довольно жесткой форме. Так, Городничий грозит недовольным купцам привести к ним в дом целый полк на постой или запереть двери и кормить торговцев только селедкой. В отличие от Сквозник-Дмухановского Еротие Пантич не прибегает к подобным мерам, однако у него есть помощник Вича, который многому научился у гоголевского персонажа.

И у Гоголя, и у Нушича герои почти одинаково оправдывают грабительские действия по отношению к зажиточным гражданам. Вымогательство прикрывается «заботой» либо о казне, либо о народе, обретая тем самым видимость «справедливости». Антон Антонович также обвиняет купцов в сословной спеси, в нежелании уступать дворянам. Распертое брюхо, набитый карман – вот, по словам Городничего, сущность купца.

У обоих драматургов сатира дополняется юмором. Так, в обоих произведениях очевидны элементы «грубой комики». Городничий, торопясь к Хлестакову, хочет надеть на голову коробку. Бобчинский, подслушивающий разговор Городничего с Хлестаковым, вместе с «оборвавшейся» дверью летит на сцену. В редакции первого издания (1836 г.) Хлестаков при первой встрече с Городничим собирается защищаться от него бутылкой. У Нушича Марица бьет посуду, чиновники-практиканты кидаются линейками и пресс-папье, писарь Жика бросает все, что попадет под руку, в надоедливую просителя.

Комизм ситуаций в обоих произведениях обусловлен также определенной задержкой действия при сообщении героями важных фактов. У Гоголя Бобчинский, прежде чем сказать о ревизоре, говорит о Коробкине, Растаковском, встрече с Добчинским, бочонке для французской водки, Почечуеве («почечуй» означает «геморрой»), свежей семге, которую

¹⁸ Гоголь Н.В. Собр. соч. в шести томах. М., 1952. Т. 4. С. 244–245. Здесь и далее Н.В. Гоголь цитируется по данному изданию, том и страница указываются в тексте статьи.

¹⁹ Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С. 196.

привезли в трактир. Точно так же у Нушича «городской шпион» Алекса Жунич затягивает свой рассказ о «подозрительной личности». Вначале Алекса подробно вспоминает, когда он сам проснулся, какие неприятности у него при этом были с животом, что он ел до этого на ужин, чем надо лечиться от подобной беды, так что и Еротие Пантич и Вича не выдерживают и прерывают его. Однако Жунич не сдается и продолжает свой «рассказ» в подобном духе, так что уездный начальник просит окружающих больше не прерывать повествование «шпиона».

Комическое начало в обоих произведениях проявляется и благодаря обращению писателей к такому приему, как сочетание не связанных между собою слов. У Гоголя это прием «палимпсеста»: Городничий пишет записку жене на счете из гостиницы, и упование «на милосердие Божие» дополняется сообщением о двух соленых огурцах и полпорции икры. Точно также в голове Еротия Пантича смешиваются антигосударственные воззвания, жандармы, фонарь, рассол для господина Жики и многое другое, в чем он сам признается Марице. При этом подобное комическое сочетание у Нушича может быть украшено рифмой, что рождает дополнительный эффект. Так, уездный начальник заявляет, что если речь идет о государстве и династии, он готов ввести «и цензуру, и секвестуру, и позитуру». При этом он готов «пытать» и всыпать «каждому по двадцать пять»²⁰.

Итак, внешнее сходство произведений русского и сербского драматургов очевидно, и здесь нельзя не согласиться с Вулетицем. Однако, стремясь любой ценой сблизить Нушича и Гоголя, исследователь допускает досадные упущения. Так, по его словам, у этих художников «не было иллюзий о значимости собственной личности»²¹. Однако даже Нушич в комедии «Обыкновенный человек» подчеркивает собственную ценность как писателя²². К Гоголю же, очевидно, слова Вулетица абсолютно неприменимы, так как русскому писателю была присуща сакрализация творческой личности. Сам он сравнивал свои письма с посланиями апостола Павла, посылал благословения духовным пастырям. «Черты самочиния в духовном облике Гоголя» выделяет В. Глянц²³.

При этом главное не в отдельных неточных высказываниях. Главное в том, что при всем внешнем сходстве произведения Гоголя и Нушича серьезно, принципиально отличаются друг от друга.

Начнем с восприятия обеих комедий сразу после их написания. Известно, что в России многие представители власти и общества встретили «Ревизора» в штыки. В письме М.С.Щепкину от 29 апреля 1836 г. Гоголь писал: «Делайте, что хотите с моей пьесой, но я не стану хлопотать о ней. ... Все против меня. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так говорить о служащих людях. Полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня» (т. 6, с. 298).

Все это, впрочем, не мешало успеху «Ревизора». В том же письме Гоголь отмечал: «Бранят и ходят на пьесу; на четвертое представление нельзя достать билетов». И хотя находились люди, хлопотавшие о запрещении комедии, высокое заступничество государя сыграло решающую роль.

Известно, что император сам был на премьере и отправлял на представление своих министров, что после премьеры он зашел за кулисы поблагодарить актеров, что артисты и автор были щедро награждены. При этом слова, приписываемые Николаю I о том, что ему досталось «больше всех», следует понимать с точностью «до наоборот». И. Золотусский

²⁰ Нушић Б. Одабране комедије. Нови Сад – Београд. С. 229.

²¹ Вулетић В. Гогољев «Ревизор»... С. 424.

²² Название комедии Нушича следует понимать с точностью «до наоборот». Герой его комедии, поэт, каковым был и сам Нушич в юности, скрывается под маской обыкновенного человека. Здесь можно вспомнить «Мою родословную» Пушкина или «Non egzegi monumtum» поэта-декабриста Г.С. Батенькова.

²³ Глянц В.М. Гоголь и Апокалипсис. М., 2004. С. 215–218.

справедливо увидел в пьесе воплощение страха перед высшей силой: «Именно слова «по именному повелению из Петербурга...», которые произносит жандарм и которые относятся к полномочиям следующего за ним ревизора, приводят всех в ужас и заставляют застыть на месте ... Николаю, безусловно, льстил этот сокрушающий гром при упоминании «именного повеления». Присутствуя в зале, он как бы присутствовал и в пьесе, витал в ней, как невидимый дух, который тем не менее все видит и все знает»²⁴.

«Божественный страх», внушаемый императором окружающим и так льстивший самодержцу, был известен придворным: притворный «ужас» перед царем мог помочь карьере чиновника. Однако у Гоголя император предстает также воплощением божественной справедливости. «Царская расправа», от которой «бледнеют» «прыткие воеводы» – воплощение высшей правды, осознаваемой народом²⁵.

Конечно, комедию Гоголя нельзя было воспринимать лишь как панегирик царствующим особам, которым на самом деле ничто человеческое было не чуждо. Вспомним знаменитую просьбу Бобчинского напомнить в Петербурге сенаторам и генералам и даже государю, что «живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский» (т. 4, с. 67). Всем было понятно, что речь идет о графе Бобринском, внебрачном сыне Екатерины II и графа Григория Орлова, одно время даже бывшем кандидатом на престол во время болезни Павла. Впоследствии Павел I покровительственно относился к своему сводному брату. Возможно, поэтому Николай I, по свидетельству Л.Л. Леонидова, «особою высокою милостью» выделил актера, игравшего Бобчинского. Встретившись с ним в антракте, император произнес: «А! Бобчинский! Так и сказать, что в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский?» Артист не растерялся и бойко ответил: «Точно так, ваше величество...» И тогда государь сказал, что эти слова следует принять к сведению²⁶.

Возможно, стоит также более внимательно отнестись к словам С. Павлинова, отмечавшего параллели между поведением Петра I во время Великого посольства и замашками Хлестакова²⁷. Ведь в первой половине XIX в. «насмешки разные над львами, над орлами» были весьма популярны в русской литературе. Например, о Екатерине II вспоминает Грибоедов, называющий развратную тетушку Софьи «Минервой». Параллели между коменданткой крепости из «Капитанской дочки» и императрицей проводит Пушкин.

Однако в целом комедия Гоголя, конечно, была пронизана монархическим духом. Слова Бобчинского были не более чем забавной шуткой, а намек на Петра I (если он реально нашел отражение в комедии) государь, безусловно, не заметил.

В отличие от «Ревизора», сразу поставленного на сцене и заслужившего, несмотря на все критические отзывы, высокую оценку со стороны власти, комедия Б. Нушича «Подозрительная личность» ждала своего часа почти сорок лет. Пьеса была написана в 1887–88 гг., а поставлена лишь в 1923 г. При этом сам Нушич, ставший заместителем директора Народного театра в Белграде в 1900 г., так и не решился предложить ее цензуре, хотя его политические комедии «Народный депутат» (1883) и «Протекция» (1889) уже были известны зрителю. По словам самого писателя, «тяжкий грех этого произведения заключался в том, что в нем два или три раза упоминалось слово «династия», и при этом без того пиетета, что был присущ этому слову в то время, когда была написана пьеса и когда понятие «династии» утверждалось в качестве особого культа»²⁸.

Кульм династии в то время утверждался действительно крайне жестко, в чем Нушич имел несчастье убедиться на собственном опыте. В 1887 г. он написал стихотворение «Два

²⁴ Золотуский И.П. Гоголь. М., 1979. С. 194.

²⁵ Гоголь Н.В. Собр. соч. в шести томах. М., 1953. Т. 4. С. 249.

²⁶ Соколов Б.В. Гоголь. Энциклопедия. М., 2008. С. 344.

²⁷ Павлинов С.А. Тайнопись Гоголя: «Ревизор» М., 1996. Глава «Чисто русский анекдот».

²⁸ Нушич Бранислав. Одабране комедије. Нови Сад – Београд. С. 163.

раба» о похоронах храброго сербского офицера, погибшего на поле брани, и никчемной старухи, приходившейся матерью приближенному ко двору генералу. Похороны героя прошли абсолютно незаметно, а похороны лишенной каких-либо заслуг женщины почтил своим присутствием сам король Милан Обренович. Стихотворение тут же заметили: автор получил значительный тюремный срок за упоминание о королевской особе.

Очевидно, что в подобной ситуации о постановке такой комедии, как «Подозрительная личность», не могло быть и речи. Тем более что слово «династия» упоминалась там не «два-три раза», а гораздо чаще. И не просто «без должного пиетета», а в сатирическом аспекте.

В комедии династия представлена как «дойная корова» для писаря Вичи, который, по словам его начальника, «доит» ее весьма успешно. Стоит только арестовать какого-нибудь торговца и сказать, что тот «лаял» против династии. И сразу же появятся свидетели – один, другой, третий. А там – раз и все как будто забылось, и свидетели пропали, и дело затерялось, и торговец на свободе. Только кошелек его стал легче, а кошелек Вичи – тяжелее.

Еще жестче характеризуется династия в «шифрованном письме» из министерства. Ошибка героев при расшифровке позволяет Нушичу придать этому институту власти не просто комический, но даже абсурдный характер. Вначале в русском переводе появляется «откормленная династия», что звучит уже оскорбительно, но никак не может сравниться с оригиналом. У Нушича династия характеризуется при помощи непереводаемого на русский язык эпитета «кљукана» («кљукати» – насильно запихивать корм в зоб птицы). В дальнейшем рядом с «династией» оказываются ничего не значащие сочетания букв «трт, трт, трт», что уездный начальник расшифровывает как указание пробудить в людях верноподданнические чувства («возбудите в народе благоговение перед династией»). Наконец, «династия» оказывается в непосредственной близости с «синей рыбой» и «ляжкой свояченицы», что даже Еротию Пантичу представляется абсурдным. Или, возможно, чрезвычайно важным. Ведь если бюрократия являет собой пародию на теократию²⁹, то слова Тертуллиана «верую, потому что абсурдно» вполне могут подойти к носителям власти у Нушича.

В дальнейшем из телеграммы Пантича министру выясняется, что помощник аптекаря Джока собирался «взорвать династию и все государство»³⁰, а из ответной телеграммы следует, что «подозрительная личность», арестованная Пантичем, арестована также в другом уезде. Абсурд, таким образом, проявляется и на высшем уровне государственной власти.

«Прыткие воеводы» у Нушича царят везде, хотя государство, казалось бы, пытается с ними бороться. Еротие Пантич в свое время лишился за злоупотребления должности почтмейстера, а на Вичу было заведено дело. Однако, как выясняется, эти меры ничего не меняют: Пантич вновь получил должность, и лучше прежней: бывший почтмейстер стал уездным начальником. Вича также остался на службе и не боится потерять ее. В крайнем случае через год-другой с приходом нового правительства чиновник, подобный ему, вновь окажется востребован. Да и запасы, накопленные во время службы, таковы, что он может вообще не работать и жить в свое удовольствие.

Занимая крайне жесткую позицию в отношении династии и государственной власти, Нушич, в отличие от Гоголя, проявляет терпимость и благожелательность к конкретным людям. За исключением лицемера и хищника Вичи все остальные герои комедии не лишены достоинств. Так, тот же Пантич искренне любит свою дочь Марицу, позволяет ей

²⁹ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 19.

³⁰ Нушић Бранислав. Одабране комедије. С. 218.

командовать в доме и даже бить посуду. И не случайно уездный начальник довольно быстро соглашается на неравный брак единственной дочери с помощником аптекаря, поскольку от этого зависит ее семейное счастье. Да, этот персонаж тщеславен, глуп, ограничен и труслив, но он не желает никому зла. Даже Виче, откровенно подлому человеку, угрожающему своему начальнику доносом. В конце произведения, собираясь в Белград, чтобы извиниться перед министром, Пантич надеется, что и Вича в результате его поездки не слишком пострадает.

Очевидно, что для Нушича первостепенное зло заключается во внешних обстоятельствах, писатель стремится исправить жизнь через осмеяние государственной машины. У Гоголя же виноват во всем сам человек. Весь город в «Ревизоре» – скопление пороков, причем речь идет не только о чиновниках и купцах, но и о мещанах. Высеченная за драку унтер-офицерская вдова хочет получить с Городничего «штрафт», поскольку ей «от своего счастья неча отказываться» (т. 4, с. 73); старуха-слесарша, пришедшая «челом бить» на Городничего, поскольку тот сдал в солдаты ее мужа, просит Бога послать «всякое зло» не только градоначальнику, но и всем его родственникам: «Чтобы ему, если и тетка есть, то и тетке всякая пакость, и отец если жив у него, то чтоб и он, каналья, окошел или поперхнулся навеки, мошенник такой!» (т. 4, с. 72)

И речь идет не только о жителях конкретного города. Очевидно, что масштаб «Ревизора» – это не только уездный городишко и даже не только Россия, но и все человечество³¹. С. Павлинов в монографии «Тайнопись Гоголя: “Ревизор”» находит у писателя отсылки к Библии и Древнему Риму, к литературе о масонстве и к «Похвале глупости» Эразма Роттердамского³².

Причем именно выявлению и обличению глупости Гоголь уделяет особое место. На что ропщут герои, узнавшие правду о Хлестакове? На собственную глупость. «Как это, в самом деле, мы так оплошали?» – спрашивает чиновников судья Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин. «Старым дураком» и выжившим из ума «глупым бараном» называет себя Городничий. О «беспримерной конфузии» говорит жена отставного чиновника Коробкина.

Однако почему же именно глупостью наказаны герои Гоголя? Городничий видит в этом волю Божию: «Вот, подлинно, если Бог хочет наказать, так отнимет прежде разум» (т. 4, с. 96). Таким образом, ответственность переносится на Бога. Однако, по Эразму Роттердамскому, глупость человека – это «правдивое зеркало его души», и потому «на зеркало неча пенять, коли рожа крива».

При этом герои с «кривой рожей» наказаны не только глупостью. Городничий в конце комедии видит вместо лиц «какие-то свиные рыла», а у Гоголя, как и в украинском фольклоре, в виде свиньи человеку является сам дьявол. О «чорте», попутавшем героев, говорит и Земляника. Неоднократно уподобляется дьяволу Хлестаков. Апокалиптической картиной представляется «немая сцена». Очевидно, что Гоголь, в отличие от Нушича, не ограничивается миром земным, видимым, материальным.

Религиозно-философская концепция комедии Гоголя «Ревизор», предполагающая уподобление города душе человека и утверждающая необходимость своевременного покаяния, была впоследствии развернута автором в ряде произведений: в «Театральном разезде после представления новой комедии», в «Развязке “Ревизора”», во «Второй редакции окончания “Развязки Ревизора”». И хотя далеко не все критики увидели ее

³¹ Ю. Манн пишет по поводу «Ревизора»: «Обнять судьбы всех народов, нащупать движущую пружину жизни всего человечества – на меньшее Гоголь не согласен» // Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С. 171.

³² Представляется, что у Гоголя можно найти и отсылку к Гегелю, к самопознанию «мирового духа». Во время сцены вранья Хлестаков заявляет: «Я сам себя знаю, сам». И продолжает: «Я везде, везде». Аналогичная ироническая отсылка к Платону встречается в «Шинели», когда выясняется, что Акакий Акакиевич, собирая деньги на дорогостоящую покупку, «питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели» (т. 3, с. 142).

проявление в комедии, определение автором жанра своего произведения как «комедии-трагедии» подтверждало его позицию. Трагический финал, казалось бы, комического представления должен был воздействовать на зрителей с исключительной силой. Застыв почти на полторы минуты, герои, будучи живы, в то же время фактически умирали, сцена приобретала жутко-зловещий, гротескный характер.

У Нушича *такого* гротеска нет. Гротескный ответ у сербского писателя проявляется в связи с правительственной телеграммой, где абсурд возникает из-за неправильной расшифровки текста. Однако в дальнейшем, когда герои подбирают правильный ключ, текст телеграммы обретает относительную ясность.

У Гоголя же гротескный ответ никак не корректируется. Гротескно-символический характер обретает сон Городничего о двух черных крысах неестественной величины, что предрекают герою зло и гибель. Гротескный ответ проявляется в сцене, где представлено одновременное ухаживание Хлестакова за Марьей Антоновной и Анной Андреевной. Ведь, перебегая от одной героини к другой, герой фактически *разрывается* между ними. Если довести эту сцену до логического конца, то следует признать, что одна половинка Ивана Александровича должна прыгать к Анне Андреевне, а другая – к Марье Антоновне. Наконец, в сцене фантастических измышлений Хлестакова перед чиновниками в духе гротеска встречаются рождение и смерть: Хлестаков *перерождается* в исключительно важную фигуру, а Городничий не может сказать слова и буквально *умирает* от страха.

Наряду с гротескными сценами никак не комментируются в комедии Гоголя и многочисленные алогизмы, такие как слова Ляпкина-Тяпкина о председателе, которого «в детстве мамка ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою», или реплика Городничего об унтер-офицерской вдове, которая «сама себя высекла» (т. 4, с. 14, 78).

Однако некоторые алогизмы, предположительно, поддаются расшифровке. Например, слова Хлопова о «гримасах» или «рожах», которые учитель истории строит на уроках своим ученикам, вызывают вначале недоумение: «Вот еще на днях, когда зашел было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда еще не видывал. Он-то ее сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству» (т. 4, с. 15).

Какая связь между «гримасой» или «рожей» учителя и вольнодумными мыслями, развращающими молодежь? Однако, по мнению С. Павлинова, речь может идти о масонских знаках, а масонство было запрещено в России еще Александром I.

Поддаются расшифровке, на наш взгляд, и слова Городничего о жителях, которые несут к поставленному памятнику или забору «всякую дрянь». Ведь памятник символизирует мужскую порождающую мощь, а забор – женское лоно. Вот и порождают они в комедии ... «всякую дрянь».

В целом же ненормальность, несуразность действительности в «Ревизоре» свидетельствовали о торжестве зла в этом мире. Ю. Манн отмечал, что Гоголь считал «дьявольским наваждением» «разрушение естественного, полнокровного течения жизни, ее законов»³³ и воспринимал демоническое не как зло вообще, но как алогизм, беспорядок природы. По А.Е. Махову, «начиная с Августина ... зло воспринималось не как причинение страдания, но как причинение беспорядка»³⁴.

В отличие от мира Нушича, в целом светлого и радостного, ограниченного земными заботами, мир Гоголя предстает как зеркальное отражение души современного человека, забывшего о Боге. Комедия Нушича, направленная на осмеяние негативных сторон

³³ Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. С. 76.

³⁴ Махов А.Е. Сад демонов. Словарь inferнальной мифологии. М., 1998. С. 111.

действительности, должна была пробудить в человеке ощущение собственной ценности и значимости. Комедия Гоголя напоминала человеку о его греховности и необходимости покаяния.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.
2. Глянц В.М. Гоголь и Апокалипсис. М., 2004.
3. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах. М., 1952.
4. Дробышева М.Н. Нушич Бранислав // Лексикон южнославянских литератур. – М., 2012.
5. Золотусский И.П. Гоголь. М., 1979.
6. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996.
7. Махов А.Е. Сад демонов. Словарь инфернальной мифологии. М., 1998.
8. Павлинов С.А. Тайнопись Гоголя: «Ревизор». М., 1996.
9. Сартаков Е.В. Гоголь и сербская литература XIX века: к постановке проблемы. М., 2017. Cyberleninka.ru.
10. Соколов Б.В. Гоголь. Энциклопедия. М., 2008.
11. Вулетић В. Гогољев «Ревизор» и Нушићево «Сумњиво лице» // Научни састанак слависта у Вукове дане. 25/1, 1996. Београд: Међународни славистички центар, 1996. С. 413–424.
12. Нушић Б. Одабране комедије. Нови Сад–Београд, 1957.

Meshcheryakov Sergey

“THE GOVERNMENT INSPECTOR” BY N.V. GOGOL AND “A SUSPICIOUS PERSON” BY B. NUŠIĆ. A COMPARATIVE ANALYSIS ESSAY

In the article, the author concludes about the external similarities and deep internal differences between the two comedies. The similarity of the plot and details, “the mirage intrigue”, numerous typological convergences, the very definition given by Nušić to “A Suspicious Person” as the “gogoliad in two actions” present persuasive evidence that the two works are closely connected, with the literary critics traditionally agreeing on the subject. Yet Nušić always stays within this earthly life. While criticizing the government, the Serbian writer shows tolerance towards his characters and finishes the comedy with a happy end. Unlike Nušić, Gogol asserts the monarch’s power in his “comedy-tragedy” and addresses not only the earthly but also the higher spiritual religious human values, calls to repentance.

Keywords: B. Nušić, N.V. Gogol, comedy, “comedy-tragedy”, grotesque, repentance.

*Цимбаев Константин Николаевич
Российский государственный гуманитарный университет
tsimbaev@gmail.com*

РОССИЯ В ГЕРМАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Проблема взаимоотношений с Россией, со славянскими соседями в Центральной и Восточной Европе, с балканскими народами занимала важное место в немецкой публицистике начала XX в. В России рамки этих отношений определялись антигерманской панславистской пропагандой; в Германии – желанием противостоять российским интересам в Европе, главным образом на Балканах, чтобы не допустить усиления славянского элемента; в восточноевропейских славянских странах и землях – необходимостью лавировать между великими державами и стремлением создать

собственные национальные государства. Немецкие публицисты, с одной стороны, с удовлетворением отмечали отход славянских народов от России; с другой стороны, эта ситуация выглядела крайне конфликтной, ибо, теряя свои позиции, Россия могла перейти от угроз к действиям. Из страха перед затоплением Германии волнами славянства вытекали, однако, как идея о возможном военном столкновении с Россией, так и понимание необходимости добрососедских отношений. В целом же политическая мысль Германии защищала концепцию о поддержке Германией отхода славянских государств от России, о необходимости занять на Балканах место России, об экономической, политической и культурной экспансии в Юго-Восточной Европе, вплоть до призывов к колонизации и германизации славянского мира.

Ключевые слова: российский вопрос, славянский вопрос, германский экспансионизм, национальная идея, пангерманизм, Drang nach Osten, немецкая публицистика, российско-германские отношения.

Россия для кайзеровской Германии была единственным восточным соседом. Объединятся ли двум сухопутным империям, двум великим историческим монархиям против Запада, против западного империализма? Или придавать меньше значения сентиментальным воспоминаниям о братстве по оружию столетней давности (совместной борьбе против Наполеона), чувству общности монархических народов, многовековым теснейшим связям, а больше – реальной современной политике, активности панславистской пропаганды, противоречиям на Балканах, угнетению немецкого населения в остзейских губерниях и, в свою очередь, германизации славянских земель, прежде всего Польши, и соответствующей протестной реакции славян? В ответах на эти вопросы спектр воззрений немецких публицистов был достаточно широк, внешнеполитические положения о восточных соседях служили предметом споров, даже типичные тезисы о нехватке «жизненного пространства» и неизбежности «движения на Восток» разделялись не всеми. Так или иначе, проблема взаимоотношений с Россией, равно как и с прочими славянскими соседями в Центральной и Восточной Европе, с балканскими народами занимала важное место в немецкой общественно-политической мысли начала XX в. В Германии желание противостоять российским интересам в Европе, главным образом на Балканах, чтобы не допустить чрезмерного усиления славянского элемента под эгидой России, сочеталось с комплексом национальной неполноценности и чувством обиды на «европейский концерт» враждебного окружения, воплотившимися в мощные идеологии агрессивного пангерманизма и экспансионизма.

Пангерманизм из романтического культурно-политического движения, нацеленного на создание единого германского государства, превратился в массовый Пангерманский союз, который встал на путь открытой оппозиции справа – даже по отношению к воинственному Вильгельму II и довольно агрессивной правительственной политике. Пангерманисты выступали за агрессивную внешнюю и радикально-националистическую внутреннюю политику, захват новых колоний и т. д. Яркие пангерманские публицисты – Теодор Райсманн-Гроне, Эрнст Хассе и особенно председатель союза Генрих Класс – настойчиво внушали населению и политикам свою главную идею: миру предстоит германизация, и если понадобится – насильственная.

Более либеральное течение, апеллирующее не столько к силе оружия, сколько к превосходству немецкой культуры, которое принято называть германским экспансионизмом, – в лице его ведущих идеологов Пауля Рорбаха, Теодора Шимана, Фридриха Наумана, Эрнста Ревентлова, Отто Хётча и др. – большее значение придавало внутреннему состоянию общества, созданию той национальной основы, на которую могла бы опереться будущая мировая держава. Такой основой национального единства виделось сплочение народа вокруг кайзера ради так называемой *германской идеи* – с этим были согласны представители самых разных политических и общественных течений, от консервативных монархистов до значительной части социал-демократов. Основные фундаментальные положения экспансионизма – ценность

«Великой Германии», решительное, вплоть до военного, противостояние возможным противникам, необходимость единства народа перед лицом «враждебного окружения», готовность к «защите отечества» и борьба за обретение немцами достойного «места под солнцем» – никем, за исключением крайне левых, под сомнение не ставились и служили своего рода основой национального согласия, вполне реального накануне и в первые годы Первой мировой войны (подробнее см.: [1, 2]).

И официальная пропаганда, и подавляющее большинство публицистов изображали Германию начала века жертвой всемирного заговора внешнеполитической изоляции: с запада – англо-саксонским империализмом и французским реваншизмом, с востока – агрессивной отсталой Россией. Правительство и пресса смогли внедрить в общественное мнение тезис об оборонительном характере грядущей войны. Об этом шла речь не только в откровенно националистических, но и в сравнительно умеренных кругах, предпочитавших говорить о распространении германских культурных ценностей.

Исходя из постулата, что лучший способ защиты национальных интересов – расширение собственной сферы влияния, германская публицистика единодушно требовала «проникновения» в самом широком смысле этого слова во все и заморские, и континентальные территории и государства, – проникновения, которое не должно ограничиваться собственно колониальной экспансией. Это именно то проникновение, которое ведущий публицист начала века Пауль Рорбах называл «моральным завоеванием» [11, с. 55]. Здесь примером должны были стать англичане, чьи культурные ценности интенсивно проникали в национальные культуры разных стран, в результате чего «мир необычайно быстро становится английским», в то время как ему следовало бы становиться германским. Новые территории в глазах идеологов германского величия – это «объект величайшей важности», они служат не только «увеличению идейных и материальных сил и жизнедеятельности нашего народа», они – сфера воплощения германства. В этом состояла ключевая идея экспансионистов: «Для распространения своей национальной мысли в мире... невозможно обойтись только силой оружия и экономически подчиняющей властью капитала, необходимо одновременно культурное проникновение в желаемые сферы влияния» [11, с. 55].

Каковы же направления этой экспансии? Где лежат цели неизбежной германизации? Это, конечно, Ближний Восток. Цель – Малая Азия, Месопотамия, Сирия. Средство – Багдадская железная дорога. Закрепиться в Турции – ближайшая задача. Следующий шаг – Китай. Важно, чтобы Германия победила в экономическом соревновании между западными державами в процессе модернизации Китая; еще важнее – сломить моральное сопротивление духовной культуры тысячелетней империи, заменить патриархально-теократическую идею конфуцианского Китая «немецкой идеей». Культурная экспансия, своего рода культурный империализм, уместен в Южной Америке, простая колониальная политика – в Африке.

Но ближайшей и важнейшей целью остается, конечно, Европа. Европа Западная, в которой выделяется Англия, этот «вампир континента», и Франция, проникнутая антинемецким духом реванша и шовинизма. И Европа Восточная и Юго-Восточная, в которой на первом месте стоит, разумеется, Россия.

Весьма распространенным в немецкой политической мысли был топос об историческом стремлении России захватить черноморские проливы и о протяжении руки панславизма через Балканы до самого центра Европы. Предполагалось, что усиление балканских государств неизбежно приведет их к нападению на Австро-Венгрию с целью создания Великой Сербии, которая станет «русским филиалом на Адриатическом море». Столь же твердо публицисты всех направлений были уверены в том, что стоявшие за славянами русские политики «ни секунды не сомневались, что для достижения своих целей необходима война не только с Австро-Венгрией, но и с Германией» [13, с. 93–94]. Германские

публицисты охотно цитировали генерала М.Д. Скобелева, провозгласившего: «Дорога в Вену ведет через Берлин», – имея в виду, что если устранить влияние Германии, то австрийское сопротивление российской политике на Балканах прекратится само собой.

Существенным представляется то обстоятельство, что значительную часть среди довольно узкого круга немецких экспертов по Восточной Европе составляли выходцы из России – остзейские немцы. В отличие от большинства остзейского немецкого дворянства, традиционно лояльного российской императорской власти, эмигранты – известные историки, публицисты, «политические профессора» Т. Шиман, О. Хётч, П. Рорбах – не имели ни иллюзий, ни симпатий по отношению к России и испытывали историческую потребность возлагать на нее любую вину как на извечного врага Германии и всех немцев [19; 6; 9; 14; 15]. Они последовательно рисовали картину планомерного враждебного окружения Германии, вынужденной, несмотря на свое стремление к мирному развитию, защищаться от агрессивной политики Европы – как Западной, так и Восточной [17; 19].

При этом и русское прошлое, и настоящее Российской империи, которой они достаточно прозорливо пророчили в начале XX века катастрофические потрясения³⁵, и ее будущее, которое рассматривалось в контексте утверждения германского первенства в мире – все это служило для доказательства тезиса об изначальной, метафизической агрессивности России и русских, об их враждебности немцам и немецкой культуре. Создавая свой миф о России, экспансионисты породили фантом – «русскую опасность», фантом, который стал центральным пунктом их построений и со временем вышел за пределы внешнеполитической доктрины экспансионизма.

В глазах значительной части германской публицистики реформы Витте конца XIX в., его попытка в короткий срок провести индустриализацию страны, ускоренное строительство железных дорог и связанный с этим растущий дефицит бюджета, нерешенность аграрного вопроса должны неминуемо привести к экономическому и социальному краху. И это будет опасно не только для России, но и для всего мира. Ибо испытывающий внутренние трудности режим может попытаться избежать катастрофы, встав на путь внешнеполитических авантюр. Именно здесь – корень «русской опасности» и источник угрозы европейской войны.

Россия была и остается дикой крестьянской страной, а русские, связавшие свою судьбу с отсталым византийским христианством, обрекли себя на тысячелетия полуварварства и фатальной привязанности к Азии. Территориальная и внешнеполитическая экспансия стала «исторической судьбой России» [12, с. 96.] Не изменилось это и в XX в., что подтверждается знаменитым тезисом министра иностранных дел А.П. Извольского: «Рука России – надо всей Азией!» Однако Китай и Дальний Восток – не главное направление российской экспансии. «Сердце нации было и оставалось со старыми историческими целями на Востоке, на турецком Востоке» [13, с. 78]. Национально-политические идеалы России – выполнить свою историческую миссию: «свергнуть полумесяц с купола Софийского собора в Константинополе и водрузить на его место православный крест» [12, с. 82]. Помимо Константинополя, который был не только религиозным символом православия, но и играл ключевую роль в вопросе о черноморских проливах, у России есть и другие цели – «Балканы, Австро-Венгрия и панславизм!» [13, с. 197]. Последний есть объединение разрозненных южнославянских народов под эгидой России и «протяжение ее руки» до самого центра Европы [13, с. 78]. Перспектива для Германии и Центральной Европы незавидная, и П. Рорбах был не одинок в восприятии реальности «русской опасности» всерьез.

В изображении большей части германской публицистики Россия в своей экспансии на Запад стремилась не только на Балканы и к проливам, не только силой удерживала за собой

³⁵ «Россия стоит на пороге катастрофы» [10, с. 11].

Прибалтику. Не менее остро стоял в начале XX в. и украинский вопрос. Украина виделась из Германии сквозь призму взаимоотношений между Россией и ближайшим союзником Германии Австро-Венгрией, чьи интересы сталкивались в славянской Юго-Восточной Европе. «Властитель дум» предвоенной Германии Рорбах писал: «Для враждебности России против Австро-Венгрии есть еще одна, очень трудно устранимая причина – украинское движение» [13, с. 92].

Но главным раздражителем в отношениях с Россией была, конечно, Сербия. С ее помощью Россия целенаправленно создавала взрывоопасное положение на юго-востоке Европы с целью преднамеренного развязывания мировой войны. Так, по Рорбаху, начало событиям, приведшим к мировой войне, было положено болгарско-сербским договором 29 февраля 1912 г., из которого возник Балканский союз. Договор «был написан под русскую диктовку, и... Балканский союз существовал под крылом России». Последовавшее за этим усиление балканских государств неизбежно должно было привести их к нападению на Австро-Венгрию с целью создания «Великой Сербии, которая, конечно, не могла быть ничем иным, как русским филиалом на Адриатическом море». При этом стоявшие за славянами русские политики «ни секунды не сомневались, что для того, чтобы достичь этой цели, необходима война не только с Австро-Венгрией, но и с Германией». Поэтому, начиная с 1912 г. деятельность России была устремлена на то, чтобы «создать направленную против Австрии и Германии, по возможности, многочисленную группировку держав, с четко осознаваемым намерением развязать военное столкновение в момент, который покажется России благоприятным». В центре этой группировки и всех русских планов стояла Сербия. Именно образованная вокруг Сербии система «подготовила со стороны России мировую войну». «Подавляющее большинство российских политиков было за войну, и именно за войну с Австро-Венгрией и Германией за балканские цели».

Балканы оставались единственным реальным направлением открытой экспансии России после крушения ее дальневосточной политики в Русско-японской войне. Первым шагом на пути к новой (точнее, старой, вековой) цели стало соглашение с Англией в 1907 г. Вторым – система вокруг Сербии. «Видно, что Россия для обоснования своего господства на Балканах и разрушения Австро-Венгрии хотела начать войну с помощью балканских государств и особенно Сербии; что между Сербией и Россией в этом вопросе было взаимопонимание; наконец, что война с Австро-Венгрией, а также война с Германией считалась само собой разумеющейся». Российская политика «притязания на господство над всеми балканскими славянами и всеми австро-венгерскими славянами оставалась жизненно опасным моментом для Германской империи». А также для всего мира, ибо в стремлении России к «воплощению своей славянской идеи... и лежит ключ к Мировой войне» [13, с. 92–110].

Столь же тверд в своих оценках был и ведущий эксперт по российской проблематике Теодор Шиман, личный друг кайзера Вильгельма II, многолетний колумнист влиятельнейшей правоконсервативной газеты «Kreuzzeitung», основатель и заведующий первой в Германии кафедрой изучения восточноевропейской истории в Берлинском университете: «У нас в Германии наблюдают за развитием дел в России как за пьесой, без малейшего беспокойства, то аплодируя, то не одобряя». А между тем, считал он, необходимо ясно осознать негативные последствия такого безразличия, ибо не знать и не думать о русской опасности – значит усугублять ее. Россия веками существовала как восточная, азиатская держава, с постоянным «стремлением к экспансии». Лишь понимание того, что открытая экспансия на Запад будет для нее опасна, удерживает Россию от военной политики. И сдерживать ее агрессивность, с позиции силы защищать Европу от «русской опасности» – задача Германии [18, с. 29]. «Если взглянуть в будущее, то окажется, что сосед на Востоке – наш самый опасный враг, тот, с которым мы, когда наши отношения все же вновь

оформятся, должны будем считаться как с недоброжелательным и непримиримым противником»³⁶.

России надо противостоять всеми силами, ибо если официальная Россия нестабильна и неинтересна, а «московитская» преследует нереальные цели господства на Тихом океане и возврата Константинополя, то Россия панславистская, безусловно, опасна и готова «в любой день спустить панславистскую военную фурию на Европу» [16, с. 14]. И именно немецкий народ призван стать оплотом против «русской опасности». Слова Ганса Дельбрюка не раз потом повторялись его единомышленниками: «Если Россия видит свою миссию в том, чтобы завоевать Европу и Азию, – что ж, мы миссию Германии видим в спасении Европы и Азии от господства московитства» [13, с. 109]. Восточный сосед представляет несомненную опасность – военную, политическую, духовную, и миссия Германии – защитить и себя, и всю Европу от этой опасности.

Представления о славянских странах, прежде всего о России как стране «кнута и водки, чиновника и попа», не имеющей «человеческой, арийской истории», полной «славяно-татаро-монгольского бескультурья» [7, с. 79, 95–96, 119], были типичны для немецкой общественности, не знающей русских реалий. Однако из страха перед «затоплением Германии волнами славянства» [5, с. 236] у отдельных авторов вытекала порой – в противоположность политическому мейнстриму – и мысль о необходимости добрососедских отношений: «Двести миль незащищенной немецкой границы есть и всегда будут предупреждением и обязательством сохранять хорошие отношения с Россией в соответствии с традицией Бисмарка» [3, с. 289]. Германии, считали они, необходима свобода рук и гарантия безопасности с Востока в случае возможного военного столкновения с Англией.

Кроме того, интересы обеих держав совпадали в Польше, где поляки не оставляли надежды на восстановление своей государственности. Более того, к 1906 г. политика германизации привела уже к открытому сопротивлению поляков. В брошюре о польском вопросе профессор русской истории Отто Хётч, организатор Немецкого общества изучения Восточной Европы, пишет: противостоять польскому национальному движению, победить в борьбе за колонизацию или германизацию восточных земель под лозунгом «немецкие крестьяне на немецкой земле» – такова «важнейшая задача нашей польской политики» [4, с. 6]. Успешное решение ее также зависит от взаимодействия с Россией.

К началу XX в. можно констатировать факт глубокого вовлечения германских интеллектуалов в феномен политического национализма и милитаризма. Во имя Великой Германии, во имя обретения ею подлинного «места под солнцем», во имя существенного расширения ее границ и сфер влияния публицисты не жалели усилий, журналистского таланта и научной эрудиции, чтобы представить Россию и, в меньшей степени, славянские народы Восточной Европы провиденциальными врагами Германии и немецкого народа. При этом они, с одной стороны, с удовлетворением отмечали отход от России славянских народов, которые «проснулись и выросли». Россия им больше не нужна – «Россия освободила балканские народы, но теряет политическое руководство над ними; идеологическую и экономическую власть над ними должна и может завоевать Австрия». С другой стороны, эта ситуация заведомо крайне конфликтна, ибо, теряя свои позиции, Россия может перейти от угроз к действиям: «извечный русский шовинизм уже все громче кричит о балканских Мукдене и Цусиме» [8, с. 126]. Российские притязания на господство над всеми балканскими и австро-венгерскими славянами воспринимались как жизненно опасные для

³⁶ Это было написано во время войны, когда русская армия терпела поражения, и хотя Шиман был уверен в неизбежном разгроме России, она, по его убеждению, «остается для нас опасным соседом. Прирост ее населения скоро восполнит потери этой войны, и если она не откажется от своих честолюбивых целей, однажды мы снова должны будем скрестить с ней оружие, чтобы добиться окончательного решения». И это написано в 1915 году! [20, с. 604]

Германской империи: в стремлении к воплощению славянской идеи немцам виделся призрак мировой войны.

Превратив «русскую опасность» и «славянские орды» в реальный фактор внутри- и внешнеполитической пропаганды, германские публицисты в какой-то – пусть малой – степени способствовали крушению той исторической императорской России, с которой немцы были связаны на протяжении столетий тысячью уз – политических, династических, торгово-экономических, культурных – и которая поддержала создание Германской империи. Разработанная ими концепция о поддержке Германией отхода славянских государств от России, о необходимости занять на Балканах место России, о экономической, политической и культурной экспансии в Юго-Восточной Европе, вплоть до призывов к колонизации и германизации славянского мира, четверть века спустя обрела воплощение и в реальной политике.

Список литературы

1. Цимбаев К.Н. «Великая Германия». Формирование немецкой национальной идеи накануне Первой мировой войны. М., 2015; 2017.
2. Цимбаев К.Н. Drang nach Osten: к истории концепта // Вопросы истории. 2015. № 12. С. 23–45.
3. Hoetzsch, Otto. Das Zeitalter Wilhelms II. [The age of Wilhelm II], in Akademische Blätter. 17 (1902/1903).
4. Hoetzsch O. Die dringendste Aufgabe der Polenpolitik. München, 1907.
5. Hoetzsch O. Die österreichische Staatsidee // Akademische Blätter. 24 (1909/1910).
6. Hoetzsch O. Rußland als Gegner Deutschlands. Leipzig, 1914.
7. Hoetzsch O. Rußland. Ein Versuch // Akademische Blätter. 15 (1900/1901). S. 79–119.
8. Jäckh E. Deutschland im Orient nach dem Balkankrieg. München, 1913.
9. Naumann F. Die deutsche Sache – Die deutsche Seele. Berlin, 1917.
10. Rohrbach P. Das Finanzsystem Witte. Berlin, 1902.
11. Rohrbach P. Der deutsche Gedanke in der Welt. Düsseldorf/Leipzig, 1912.
12. Rohrbach P. Deutschland unter den Weltvölkern. Berlin, 1911.
13. Rohrbach, P. Deutschland unter den Weltvölkern. Stuttgart, 1921.
14. Rohrbach P. Warum es der deutsche Krieg ist! Stuttgart/Berlin, 1914.
15. Rohrbach P. Woher kam der Krieg? Weimar, 1916.
16. Rohrbach P. Zum Weltvolk hindurch! Stuttgart, 1914.
17. Schiemann, Theodor. Deutschland und die große Politik anno 1901–1914. Vol. 1–14. Berlin, 1902–1915.
18. Schiemann Th. Deutscheutschland und die große Politik anno 1903. Vol. 3. Berlin, 1904.
19. Schiemann Th. Die letzten Etappen zum Weltkrieg. Berlin, 1915.
20. Schiemann Th. Russische Angriffe und Anschläge auf Deutschland vor Nikolaus II. // Süddeutsche Monatshefte. 12 (1914/1915).

Tsimbaev Konstantin

RUSSIA IN GERMAN POLITICAL JOURNALISM AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

The problem of relationship with Russia, with Slavic neighbours from Middle and East Europe, with Balkan nations held a prominent place in the German political journalism at the beginning of the 20th century. In Russia, this relationship was shaped by Anti-German Pan-Slavic propaganda. Crucial for Germany was the desire to stand against Russian interests in Europe, and first of all, in the Balkans, and not

to allow an increase of Slavic influence there. The East Slavic countries were forced to balance between the two Great Powers trying at the same time to create their own national states. On the one hand, German political writers were pleased to note the separation of Slavic nations from Russia; on the other hand, this situation was controversial, because, in view of losing ground, Russia could come from threatening to acting. The potential danger of Slavdom evoked both the idea of a probable military showdown with Russia and the idea of the need for good neighbourliness. On the whole, German political writers argued for the necessity to take over the role of Russia in the Balkans, for economic, political and cultural expansionism in South-East, up to appeals for colonization and Germanization of the Slavic world.

Keywords: Russian problem, Slavic problem, German expansionism, national idea, Pan-Germanism, Drang nach Osten, German political journalism, Russian-German relationship.

Бондаренко Наталья Александровна

Институт языков и культур им. Л.Н. Толстого

b_natalia@mail.ru

НАСЛЕДИЕ ИВАНА ФРАНКО В КОНТЕКСТЕ ИДЕИ СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ

В статье дается краткий обзор публицистических работ философа, литератора, писателя, поэта, общественного деятеля Ивана Франко. Особое внимание уделено статьям, посвященным представителям иных славянских литератур (польской, словацкой, чешской, русской, украинской). Главной целью этих работ было познакомить читателей Галиции (Западной Украины) с самыми значительными писателями, поэтами, философами славянского мира.

Ключевые слова: Галиция, Иван Франко, славянские литературы, украинская литература.

Важнейшую роль в освоении историко-культурного наследия славянского мира на всем протяжении XIX в. сыграла идея славянской взаимности. Появление термина «славянская взаимность» связано с именем словацкого поэта и общественного деятеля Яна Коллара (1793–1852). В своем трактате «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (вышедшем в 1836 г. на чешском, в 1840 г. – на русском) он утверждал, что славяне почти ничего не знают друг о друге, поэтому необходимо популяризировать самобытное историко-культурное и литературное наследие славянских народов. На протяжении столетия идея славянской взаимности Я. Коллара была мощным стимулом развития национальных языков и культур, а также основой для широкого обмена культурными ценностями, взаимного познания и сближения славянских народов.

Идеи национального возрождения, охватившие славянские народы, проникают в Малороссию и на земли правобережной Украины, в Галицию. На этих территориях возникают просветительские организации: малороссийское Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847), основоположниками которого стали П. Кулиш и И. Гулак-Артемовский (с этим кругом был связан Т. Шевченко), кружок западноукраинской интеллигенции «Русская Троица» (1830-е гг., основатели М. Шашкевич, Я. Головацкий, И. Василевич) и др., – главной целью которых становится распространение грамотности и рост самосознания народов, населяющих эти земли.

Однако историческая ситуация в западной части Малороссии имела некоторые специфические черты: в Галиции большим авторитетом пользовалась греко-католическая церковь, которая после включения Галиции в состав Австрийской империи стала своеобразным институтом формирования национального самосознания. Благодаря молодым священникам (чьи интересы отличались от интересов духовенства «первой австро-

галицийской формации») и разночинной интеллигенции в 20-30-х гг. XIX в. Западная Украина включилась в движение славянского национального возрождения.

Одним из главных был языковой вопрос: в Галиции шла активная борьба против доминирующего польского языка. С одной стороны, предпринимались попытки включить в украинский заимствования из русского и церковнославянского языков, с другой, наблюдалось сближение литературного с народным языком, очищенным от польских заимствований. Неотъемлемой частью церковной жизни стало движение против ассимиляции восточного обряда латинским [1, с. 409]. Отметим, что в 1848 г. было создано общество «Галицко-Русская матица», а во Львовском университете в этом же году открылась кафедра украинской литературы.

Иван Яковлевич Франко (1856–1916) – писатель, поэт, философ, фольклорист, этнограф, переводчик, человек энциклопедических знаний – был одним из первых в Галиции, кто предпринял попытку включить зарождающуюся национальную украинскую литературу в единое пространство славянской литературы. Он был автором статей по эстетике и литературе Древнего Востока, античного Рима и Греции; творчеству Данте, Шекспира, Кальдерона, Байрона, Гейне и др. Глубоко осознавая, что галичане, в первую очередь, должны хорошо знать лучших представителей национальной литературы, в 1882 г. Франко решает написать историю украинской литературы.

В 1879–1881 гг. во втором расширенном издании выходит «История славянских литератур» А.Н. Пыпина с разделом по украинской литературе. В отличие от него И.Я. Франко намеревался писать единую историю, не расчленяя украинскую литературу на две части (восточную и западную) «случайной границей» (письмо М. Драгоманову). Однако к осуществлению этого замысла он смог приступить лишь спустя десятилетие. Очевидно, что среди статей, посвященных известным славянским писателям и поэтам, главенствующая роль принадлежала представителям национальной литературы – таким, как Т.Г. Шевченко, Марко Вовчок, Леся Украинка и др.

В 70-х гг. XIX в. литературно-критическая мысль в западноукраинских землях существенно отставала от русской. Одна из задач, которую ставили перед собой представители национального возрождения, следуя концепции славянской взаимности, – просвещение народа, ознакомление его с богатым историко-культурным наследием других наций, в первую очередь славянских. Статьи И. Франко о А. Мицкевиче, Ю. Словацком, М. Конопницкой, Б. Прусе, Я. Колларе, Я. Врхлицком, И.С. Тургеневе, М.Е. Салтыкове-Щедрине, Г. Успенском и др. поражают глубиной знания особенностей творчества каждого писателя, смелостью исследовательской мысли.

Большое значение Франко придавал переводам польских, чешских, русских классиков на украинский язык. Благодаря И.Я. Франко читатели правобережной Украины смогли познакомиться с лучшими произведениями А. Мицкевича, А. Асныка, К. Гавличека-Боровского, Я. Врхлицкого, Я. Неруды, Я. Махара и др. В своей работе «Литературное возрождение Южной Руси и Ян Коллар» он предпринял попытку выявить основные этапы зарождения славянской взаимности в Галиции, когда будущие священники, обучавшиеся в греко-католической семинарии, знакомились со славянской историей, этнографией, географией в библиотеке при Институте Оссолинских. По мнению автора, именно там у молодых поляков возникло желание перевести на украинский язык «Слово о полку Игореве», сонеты из «Дочери Славы» Яна Коллара, великорусские былины и «Краледворскую рукопись».

Иван Франко отмечает просветительскую роль польского журнала «Друг народа» («Przyjaciel ludu»), с которым сотрудничали многие молодые литераторы. Сообщения по географии, истории Польши, Чехии, Литвы, Галиции, России, очерки о Яне Амосе Коменском, «Чешских братьях», о Мазепе и славянских древностях способствовали

расширению знаний о родственных народах, формируя у молодых галичан чувство единения и сопричастности большой славянской семье [2, с. 533].

Живой отклик идеи Яна Коллара нашли в Харькове, в кружке славянолюбов, из которого вышли ученые-слависты И.И. Срезневский и В.Д. Костомаров. Основываясь на идеях Коллара, в 1845 г. Костомаров создает свою программу, где обосновывает необходимость ознакомления славян с историей, культурой других народов. Эта программа легла в основу «Братства св. Кирилла и Мефодия». Те же мысли в поэтической форме были высказаны Тарасом Шевченко в стихотворении «К Й. Шафарику»: «... чтобы все славяне стали / Братьями-друзьями, / Сыновьями солнца правды» (пер. П. Карабана) [2, с. 539]. Интересно, что в программе «Братства» был затронут вопрос создания славянской державы, которая была бы основана на взаимном уважении всех славян с учетом национальных особенностей каждого из народов, – то, о чем неоднократно писал Я. Коллар.

Бесспорно, для Ивана Франко важно было сообщить читателям о тех славянских писателях, которые «открывали» для своих народов имена представителей украинской литературы. Так, в развернутом биографическом очерке, посвященном Карелу Гавличеку-Боровскому – чешскому сатирику, журналисту, автору «Тирольских элегий и «Крещения св. князя Владимира», – Франко с особой теплотой пишет о нем как переводчике на чешский язык рассказов Н.В. Гоголя и «Мертвых душ».

Значительная часть литературного наследия Франко посвящена русской литературе. Он писал статьи и рецензии на произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, А.Н. Плещеева, М.Е. Щедрина, А.Н. Островского и др. В статье «Формальный и реальный национализм», полемизируя с противниками изучения русской литературы, отмечал, что если французская, английская, немецкая литературы формировала эстетический вкус, то «произведения русской пробуждали нашу совесть, любовь к обиженным» [2, с. 125].

Анализируя произведения И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина и других русских писателей, Франко подчеркивал их роль в отражении насущных явлений современной им действительности. В частности, в статье о творчестве И.С. Тургенева (журнал «Зоря», 1883 г.) он писал о причинах, породивших такое явление, как «лишние люди». Нет сомнений, что со своими размышлениями о причинах отрыва русского дворянства от народа он обращался к украинской интеллигенции Галиции, предостерегая ее от повторения подобных ошибок.

К слову, имя Тургенева Франко с глубоким уважением упоминает и в статье, посвященной украинской писательнице Марии Маркович (Марко Вовчок). Именно благодаря Тургеневу, который перевел на русский язык первый том ее «Украинских народных рассказов», и Н.Г. Добролюбову, написавшему о Маркович яркий очерк, писательница стала известна русскому читателю.

Среди замечательных представителей украинской литературы следует назвать имя малоизвестного писателя-полемиста конца XVI – начала XVII вв. Ивана Вишенского, личность которого поразила молодого галицкого литератора. Франко посвятил Вишенскому большую монографию, где назвал его ярким представителем эпохи национального возрождения и «защитником православия от латинской ереси: в свое время тот издал на церковнославянском языке Библию, написал несколько книг в защиту русского народа и православной веры [2, с. 150]. В одном из ранних произведений Ивана Вишенского упоминаются Сербия, Босния и Герцеговина, поскольку дорога на Афон, где неоднократно бывал автор, проходила именно через эти земли. А в сочинении под заглавием «Новина, или Весть об обретении тела Варлаама Охридского» Вишенский рассказывает об убийстве янычарами митрополита Варлаама,

тело которого сбросили в Вардар. Христиане похоронили его тайком, а спустя несколько лет перенесли в Охрид [2, с. 152].

Предоставив читателям возможность прикоснуться к истории украинского монаха, Иван Франко задается вопросом – чем примечательна жизнь этого человека? И сам отвечает, что Иван Вышинский «оставил этот свет потому, что пришел к убеждению, что этот мир развращен. ...он покинул все, что дорого в жизни человеку... и пошел исполнять наиболее полезную службу: служить молитвой и словом» [2, с. 159]. Для Ивана Франко это был бесспорный пример твердости духа, непоколебимости в вере и высокого служения своему Отечеству.

В завершение отметим, что литературно-критические работы одного из самых ярких писателей Галиции Ивана Яковлевича Франко явились реальным воплощением мыслей Яна Коллара о славянской взаимности. Переводы лучших произведений славянских писателей на украинский язык, статьи, адресованные как разночинной интеллигенции, так и простому читателю, расширяли представления о многообразии и единстве славянского мира, пробуждали чувства солидарности и национальной идентичности у народов правобережной Украины.

Список литературы

1. Дмитриев М.В. Украинская культура // История культур славянских народов. В 3-х тт. – Т. 2: От барокко к модерну. М.: ГАСК, 2005.
2. Франко И.Я. Собр. соч. в 10 тт. М.: ГИХЛ, 1950.

Bondarenko Nataliya

THE LEGACY OF IVAN FRANKO IN THE CONTEXT OF THE IDEA OF SLAVIC RECIPROCITY

The article gives a brief overview of the publicistic works of the philosopher, writer, poet, public figure Ivan Franko. Attention is drawn to articles devoted to representatives of other Slavic literature (Polish, Slovak, Czech, Russian, Ukrainian), the main purpose of which is to introduce readers of Galicia (Western Ukraine) with famous writers, poets, philosophers of the Slavic world.

Keywords: Galicia, Ivan Franko, Slavic literature, Ukrainian literature.

*Артемяева Ирина Павловна
МГУ имени М.В. Ломоносова
ns53@yandex.ru*

РУССКАЯ ДРАМАТУРГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА НА ТЕАТРАЛЬНЫХ СЦЕНАХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН

В статье говорится о постановках драматургических произведениях Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М. Горького в театрах славянских стран и дается краткий анализ некоторых театральных спектаклей.

Ключевые слова: русская драматургия, пьеса, театральное воплощение, психологический реализм, моноспектакль, гуманизм, социально-психологический анализ.

Русская драматургическая классика занимает особое место в мировом театральном репертуаре. Присущий ей глубокий социально-психологический анализ и философский взгляд на мир и человека дают возможность затронуть темы непреходящего значения,

осветить сложные социально-нравственные коллизии. Высшая человечность русской драмы, ее глубокий психологизм неизменно привлекают внимание режиссеров.

Произведения русской классической драматургии появились на сценах славянских театров еще в XIX в. Обладая собственной самобытной театральной историей, режиссеры и театральные коллективы Польши, Чехии, Болгарии, Словакии, Сербии тем не менее с огромным интересом относились и к русской драматургической классике.

Постановки чеховских пьес в театрах славянских стран имеют богатую сценическую традицию, начало которой было положено еще при жизни А.П. Чехова, в конце XIX в. Уже в 1890 г. произведения Чехова были переведены на немецкий, польский, чешский, сербский языки. Среди зарубежных театральных воплощений пьес Чехова в числе первых прозвучали постановки чешского театра. Премьера пьесы «Чайка» в Праге в 1898 г. состоялась одновременно с премьерой в Московском Художественно-общедоступном театре.

На польской сцене к 1909 г. была поставлена почти вся чеховская классика: «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад», «Медведь». Пьесы русского драматурга игрались в Кракове, Познани, Лодзи...

Во второй половине XX в. в славянских странах не было ни одного серьезного, зрелого по своей художественно-эстетической программе театра, который не прикоснулся бы к чеховской драматургии, не ощутил бы в этом соприкосновении явления огромной нравственной и духовной значимости. Психологический реализм чеховских пьес привнес в театральный мир славянских стран глубину гуманистического постижения человеческой личности.

Одним из самых интересных прочтений ранней пьесы Чехова «Иванов» стала постановка Словацкого Национального театра в Братиславе. Замечательный актер Карел Махаты раскрыл драму чеховского героя как трагедию человека, осознавшего никчемность прожитой им жизни без идеала. Со сцены зазвучала тема отчаянной борьбы человека с гнетущим, обезличивающим «безвременьем» [1, с. 131]. Пластический рисунок роли высвечивал различные, порой противоречивые душевные порывы героя. Актеру удалось открыть перед словацким зрителем целую гамму горьких, потаенных страданий Иванова.

Процесс постижения мира чеховских героев по-разному происходил в спектаклях различных национальных театров. В 1960-х гг. постановка пьесы «Платонов» в Варшавском драматическом театре вызвала немало споров среди театральных критиков и зрителей. Режиссер Ханушкевич выстроил условное сценическое действие, сделав акцент на контрасте между серой пошлой жизнью обывателей, представленной в серо-желтой гамме декораций и костюмов, и яркой, активной и страдающей фигурой главного героя. Роль Платонова стала бесспорной актерской удачей Густава Голубека.

Другой польский режиссер, Ежи Яроцкий, в своей интерпретации пьесы «Вишневый сад» в краковском Старом театре отказался от аскетичной условности. В спектакле была восстановлена печальная тонкость чеховской атмосферы и зазвучала щемящая струна расставания с прошлым.

Режиссерское и актерское воплощение русской драматургической классики на сценических площадках Польши, Чехии, Словакии и ряда других стран имело важное идейно-художественное и общекультурное значение. Процесс вживания в мир великого русского драматурга явился для режиссеров и актеров одним из значимых этапов в овладении трудным искусством психологического театра, основоположником которого стал А.П. Чехов.

Особое место в театральном мире занимает драматургия Н.В. Гоголя. В XX в. произведения Гоголя оказались на авансцене мировой театральной культуры [3, с. 17]. Его

творчество, неотразимое по своему эмоционально-эстетическому и философскому воздействию, было весьма актуально в прошлом столетии, и в XXI в. этот процесс только усиливается, потому что именно мир гоголевских персонажей дает широкий простор для актерских поисков и проявлений различных артистических индивидуальностей.

Среди драматургического наследия писателя комедия «Ревизор» – наверное, самая любимая и часто играемая пьеса. Невероятная история, рассказанная великим русским комедиографом, поучала и смешила болгарских, польских, чешских и многих других зрителей. Знаменательна была постановка этой комедии в болгарском Сатирическом театре в конце 80-х гг. XX в. Актуальное звучание спектакля было заключено не в том, что болгарские актеры в начальной сцене спектакля предстают перед зрителями в добротных современных костюмах. Центром спектакля стал Хлестаков, убийственно резко изобличенный и высмеянный. Актеру Георгию Колоянчеву удалось создать сочный, характерный жизненный тип, который погряз в грехе самоослепления, бахвальства и внутренней пустоты.

В творчестве Н.В. Гоголя особое место занимает петербургская повесть «Записки сумасшедшего». Жанр моноспектакля по этому произведению дает возможность актеру ощутить себя соавтором театральной постановки. Один из самых оригинальных и тонких болгарских актеров Наум Шопов при помощи богатейших игровых полутонов создал образ мучительно страдающего, но не потерявшего своей человеческой сущности бедного чиновника Поприщева.

Сценическое прочтение этой же повести в Польше прозвучало несколько иначе, с другими акцентами. Одноименный моноспектакль в исполнении известного польского актера театра и кино Марека Вальчевского сыгран жестко, почти клинически точно и достоверно. При острой социальной окрашенности спектакля, при полной, реалистически погруженной в быт игре герой Вальчевского приобретает какие-то возвышенные, истинно гоголевские фантазмагорические черты. Актеру удалось достигнуть обобщенности, доходящей до жуткого символа. Анализируя данные инсценировки, можно сказать, что гуманизм гоголевской повести нашел на театральных сценах Болгарии и Польши свое адекватное воплощение.

В 1974 г. югославский композитор Станойло Раичич написал оперу «Записки сумасшедшего», которая заняла особое место в ряду художественных воплощений гоголевской повести.

Необходимо отметить, что знакомство с русской драматургией имело важное значение для развития театрального искусства Югославии. Конец XIX и начало XX вв. были ознаменованы большим интересом к русской литературе и театру психологического реализма. Драматургические произведения Л.Н. Толстого «Власть тьмы», «Живой труп» и инсценировка романа «Воскресение» нашли свое театральное воплощение на сценах Сербского и Хорватского национальных театров. В начале XX столетия горьковские пьесы «На дне» и «Мещане» оказали несомненное воздействие на становление критического реализма в театральном искусстве Югославии. Творчество А.М. Горького вообще занимает особое место в развитии театрального искусства славянских стран. Этот писатель, работавший на рубеже двух эпох, внес в мировую драматургию мотив трудного, порой глубоко драматичного расставания с прошлым, отрыва от умирающей, уходящей эпохи. Работа над горьковскими текстами всегда открывала театрам широкие горизонты сопряжения прошлого и настоящего, возможность познания законов человеческой души, давала перспективу социального мышления и позволяла театру высказаться на волнующие темы современности. Какую бы пьесу писателя ни выбрали театры, узловым моментом творческого прочтения пьесы всегда остается проблема горьковского гуманизма – действенного, высоконравственного начала, с его светлой и мудрой любовью к людям.

Польская постановка пьесы «На дне» в середине 60-х гг. XX в. (режиссер Лидия Замков) отличалась оригинальностью трактовки ставших уже хрестоматийными образов героев. Решающую роль здесь играли декорационно-пластический облик спектакля и акцент на аллегорию в прочтении характеров персонажей. Перед зрителем разворачивалось повествование о человеческом унижении, жестокости, напрасных надеждах, об искушении прекрасной мечтой, которая становится недостижимой, т. к. герои сами по себе бездействуют. Центральная сцена спектакля, когда собираются вместе все обитатели ночлежки, визуально напоминала знаменитую «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи. Режиссер спектакля как бы подчеркивал вечность тех людских страданий и проблем, которые присущи самому человеческому существованию.

Большой интерес критики и зрительское внимание вызвала постановка в 1967 г. горьковской пьесы «Егор Булычев и другие» на сцене Софийского театра им. И. Вазова. Для работы над этим спектаклем был приглашен известный русский режиссер Борис Захава. По словам болгарского театрального критика того времени, постановщик привел актеров «на тот уровень проникновения в образ, когда глубокая внутренняя правда находит художественное равновесие с правдой внешней выразительности» [1, с. 138]. Работа над горьковскими образами, постижение личности крупного духовно-нравственного масштаба дали актерам возможность проявить свой богатый творческий потенциал. Булычев в исполнении талантливого болгарского актера Стефана Гецова полон нерастроченной земной силы, в нем проступает нечто эпическое и свободное. Актер не боится показать всю меру страданий своего героя. Через эти страдания он прикасается к проблемам войны и грядущей революции, ищет в горьковском образе ответы на вечные вопросы жизни и смерти. Пьеса Горького была прочитана театром как драма человеческого протеста, не сумевшего разорвать крепкие путы старого общества. Перед зрителем возникала не только картина жизни русского общества накануне трагических, грозных изменений, но и образ самого автора, который как мудрый и проницательный художник смог увидеть человека во всех его ипостасях.

Интерес к русской театральной классике остается неизменным и в XXI в. В рамках международного проекта XI Международного театрального фестиваля им. А.П. Чехова (Москва, май – июль 2013 г.) была представлена пьеса «Три сестры» в исполнении артистов Русского драматического театра им. Михаила Чехова. В ноябре 2006 г. в пражском Национальном театре состоялась премьера пьесы Гоголя «Ревизор». В роли Городничего выступил замечательный актер Мирослав Данутил, в роли Хлестакова – Саша Рашилов. В это же время в салоне Сословного театра, являющегося сегодня одной из сцен Национального театра, была открыта выставка об истории постановок пьес Николая Васильевича Гоголя на этой, одной из самых престижных драматических сцен страны.

В 2009 году в Киеве на сцене Дома актера прошел моноспектакль Симферопольского драматического театра «Записки сумасшедшего» (премьера состоялась в 2003 г.). Исполнитель Михаил Фиц, режиссер – постановщик Борис Мартынов.

В 2010 г. на сцене театра Й. Магена (г. Брно, Чехия) состоялась премьера спектакля «Ревизор». Патронаж над постановкой знаменитой комедии Н.В. Гоголя в исполнении артистов драматической труппы Национального театра взяло Генеральное консульство России в Брно. Оригинальное прочтение бессмертной гоголевской пьесы ведущими драматическими артистами театра придало спектаклю особое, актуальное звучание.

Интересна география постановок пьесы Чехова «Иванов». В последние два десятилетия пьеса с неизменным успехом шла в театрах Европы, в том числе в знаменитом чешском театре «На Збратли». Его режиссером-постановщиком стал Петр Лебл, в главных ролях – Богумил Клепл (Иванов) и Эва Голубова (Сарра). Не устаревает и чеховская «Чайка»: так, в рамках фестиваля болгарской культуры в России в 2010 г. состоялся показ

спектакля «Чайка» Театра болгарской армии. А в июне 2017 г. выпускники белградской Академии искусств представили постановку комедии «Чайка» как свою дипломную работу. Пьесы Чехова традиционно популярны в Сербии. По мнению участников спектакля, мысли великого русского драматурга не устаревают и не имеют национальной ограниченности. Они понятны зрителям во всем мире.

Таким образом, проникновение в неисчерпаемый социально-нравственный и философский мир русской классической драматургии продолжает обогащать творческую палитру режиссеров и артистов драматических театров славянских стран и в наши дни.

Список литературы

1. Башинджагян Н.З. Беседы о театре социалистических стран. М.: Знание, 1980.
2. Гоголь как явление мировой литературы. Сборник статей по материалам международной научной конференции 2002 г. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
3. Гоголь и мировая культура. Сборник докладов. Вторые Гоголевские чтения. М.: Книжный Дом «Университет», 2006.
4. История русского драматического театра. В семи томах. М.: Искусство, 1977.
5. Солнцева И.П. Театр Чехии и Словакии. М.: Искусство, 1977.
6. Чехов А.П. Пьесы. М.: Детская литература, 1989.

Artemyeva Irina

RUSSIAN DRAMATURGIC CLASSICS IN THEATRICAL SCENES OF THE SLAVIC COUNTRIES

The article talks about the dramatic works of Gogol, Chekhov, Gorky in the theaters of the Slavic countries and gives a brief analysis of some theatrical performances.

Keywords: Russian dramaturgy, play, theatrical incarnation, psychological realism, mono-performance, humanism, socio-psychological analysis.

*Воробьева Надежда Михайловна
МГУ имени М.В. Ломоносова
vorobiova52@gmail.com*

ОБРАЗ РОССИИ В РОМАНЕ ИВО АНДРИЧА «ТРАВНИЦКАЯ ХРОНИКА»

В статье рассматривается проблема создания образа России в романе Иво Андрича «Травницкая хроника». Роман о «наполеоновских войнах» создавался в Белграде во время второй мировой войны. Автор статьи связывает особенности художественных приемов писателя в данном произведении как с его творческим методом, так и с историческими событиями, в условиях которых создавался роман.

Ключевые слова: наполеоновские войны, боснийский город Травник, образ России, внутренний монолог, полифония голосов.

Название романа югославского писателя, нобелевского лауреата Иво Андрича «Травницкая хроника» говорит о том, какое важное место занимают история и исторические события в этом эпическом произведении. Его подзаголовок – «Консульские времена» –

указывает на конкретную эпоху, когда происходили эти исторические события: эпоху наполеоновских войн (ноябрь 1799 – июнь 1815 гг.).

Как отмечается в материалах Международной научной конференции «Наполеоновские войны на ментальных картах Европы. Историческое сознание и литературные мифы» (22–23 сентября 2011 г., Москва, РГГУ) [5], этот важнейший для мировой истории период нашел отражение не только в произведениях классиков мировой литературы В. Гюго, А. Дюма, А. Конан-Дойля, Л.Н. Толстого, но и в современных комиксах и видеоиграх. Иво Андрич обратился к теме наполеоновских войн в самый разгар Второй мировой войны, находясь в оккупированном немцами Белграде. Роман был закончен в апреле 1942 г. В этих условиях невозможно было, с одной стороны, не замечать сходства двух узурпаторов – Наполеона и Гитлера, а с другой, в условиях военного времени сложно было выразить объективную оценку роли России в разгроме Наполеона и места России на карте мира в ту эпоху.

В романе Иво Андрича нет прямого изображения грандиозных мировых потрясений, связанных с наполеоновскими войнами, и детального освещения роли России в их завершении. Действие романа происходит в боснийском городе Травнике, расположенном в наиболее отсталой и консервативной части Боснии, страны со своеобразной историей и по-своему трагической судьбой. В XV в. Босния последней из балканских государств потеряла свою независимость и стала провинцией Оттоманской империи. Во время наполеоновских войн там существовал особый уклад жизни: крайне отсталые экономические связи, смешение нескольких наций, а главное – религиозная нетерпимость, которая во многом определяла жизнь городов. Такой уклад формировал своеобразные характеры людей. В романе Иво Андрича созданы глубокие психологические образы не только европейских дипломатов, которые являются главными героями романа, но и турецких визирей, боснийских бегов, православных и католических монахов, представителей простого народа. Боснийский город Травник начала XIX в. становится ареной борьбы разных взглядов, идеалов, верований, симпатий. Автор рисует замечательные человеческие характеры: одни из них поражают психологизмом и детальностью разработки, другие – лаконичностью художественных средств в их создании и в то же время удивительной выразительностью и своеобразием. Эти образы становятся своеобразными проводниками авторского отношения к происходящим мировым событиям и к роли России в этих событиях.

Исследователи творчества Иво Андрича не раз отмечали сходство творческих манер Иво Андрича и Льва Николаевича Толстого. Но при обращении к наполеоновской эпохе у Иво Андрича не было возможности так открыто выразить свое отношение к завоевательным войнам, как у Льва Толстого. О.А. Кириллова отмечает, что «категориальным качеством созданного Андричем художественного мира является “рассказанность”. В “рассказанном” мире Андрича событие совершается за границами текста, читателю сообщается о нем как о чем-то известном от других (через длинную цепочку посредников), из рассказа очевидца или с помощью других приемов, функционально замещающих рассказчика (введение молвы, легенды)» [3]. Этот прием дает широкие возможности для создания образа России, когда нет возможности прямого авторского комментирования исторических событий.

Как уже было отмечено, в своем романе Иво Андрич не дает нам масштабной картины наполеоновских войн и не пишет прямо о роли России в падении Наполеона. Авторская позиция и отношение к происходящему прослеживается во внутренних монологах главного героя романа – французского консула Давиля, а также в отдельных высказываниях других героев романа. О.Л. Кириллова отмечает, что в своем художественном методе Иво Андрич идет по линии «расчленения всезнающего авторского сознания, по линии его замещения сознанием литературного героя, полифонией голосов, литературной игрой» [3].

Показателен в этом смысле разговор консула Давиля с визирем Ибрагим-пашой об операции против повстанцев в Сербии. Ибрагим-паша говорит о том, что русские ушли, осталась «обманутая райя» [1, с. 219] и его армии «не стоит пачкать руки» [1, с. 219], так как это «было бы ниже достоинства Оттоманской империи» [1, с. 219]. Далее автор замечает: «Давиль с удивлением смотрел на каменное воплощение муки, произносившее ложь с таким достоинством и так спокойно. Все, что говорил визирь, было прямо противоположно действительности» [1, с. 219].

В романе немало лаконичных упоминаний о России – и в размышлениях Давиля, и в рассуждениях боснийских визирей. Визирь Ибрагим-паша мечтает о скорейшем взятии Петербурга Наполеоном, рассуждает о потерянных возможностях своей армии, по его словам, «готовой выбросить русских из Молдавии и Валахии» [1, с. 219], рассказывает о самом организованном сербском отряде, обученном, по его словам, русскими офицерами, которые им командовали. Позже в разговоре с французским консулом тот же Ибрагим-паша говорит о том, что русские, помогавшие повстанцам в ведении операций, покинули Сербию. Автор, комментируя его высказывания о событиях в Сербии, замечает: «В его изложении все казалось мелким и незначительным» [1, с. 219]. Сам же Давиль уже в разговоре с тефтедаром Тахир-бегом дает прямую оценку действиям России на Балканах: «Известно, что главной целью русской политики является в данное время освобождение своих единоверцев, а значит и здешних краев, от турецкой власти» [1, с. 281].

В романе есть бесстрастная констатация исторических фактов, где прямо или косвенно упоминается Россия: «Наполеон, заключив мир с Россией, вызвал большое разочарование в Константинополе и сильное недовольство против Франции» [1, с. 216].

И все-таки и в разговорах французских дипломатов с турецкими властями в Травнике, и в размышлениях Давиля Россия предстает могучим исполином, которая может противостоять и Востоку, и Западу. Именно в таком ключе рассуждает о России французский консул Давиль: «Военные планы России направлены против Турции, а не против западноевропейских государств» [1, с. 216]. Россия может влиять на судьбы стран не только Европы, но и всего мира. После поражения Наполеона в России Давиль констатирует в своем внутреннем монологе: «Да, на сей раз дело закончилось не как обычно победоносным бюллетенем и мирным договором, по которому Франция приобретала новые территории и императорская армия пожинала новые лавры, а, наоборот, отступлением и разгромом» [1, с. 386–387]. Свои размышления французский консул заканчивает так: «Во всем мире наступила тишина и молчаливое ожидание неминуемого и страшного развала» [1, с. 387]. (Эти строки автор писал в канун Сталинградской битвы.) Отстраненность автора от этой оценки событий выражена в комментарии: «Так по крайней мере казалось Давиллю» [1, с. 387].

Молодой консул Дефоссе в разговоре с боснийским монахом Юлианом замечает: «Четыре веры быгуют на этом узком, гористом и бедном клочке земли... Центр духовной жизни каждой из этих вер далеко, в чужих краях – в Риме, Москве, Константинополе, Мекке, Иерусалиме» [1, с. 257]. Упоминание о Москве в соседстве с Римом и Константинополем напоминает не только об известном высказывании псковского монаха Филофея «Москва – третий Рим», но и, в условиях надвигающейся войны с Наполеоном в России (в романе) и идущей во время написания книги войны с Гитлером, о его же словах о будущей судьбе России: «Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» [3, с. 82]. Можно сказать, что молодой французский дипломат Дефоссе является своеобразным проводником взглядов автора на сложившуюся ситуацию в мире. Дефоссе симпатичен Иво Андричу: именно этот герой уезжает из Травника с верой в будущее его жителей, которые «должны будут найти общую основу для своего существования по более широкой, разумной и человеческой формуле» [1, с. 305].

О войне между Россией и Францией в романе говорится сначала достаточно неопределенно: «голоса о возможности новой войны» [1, с. 346], «русско-французские

столкновения», «надвигаются новые войны» [1, с. 250], «война где-то около европейских границ России [1, с. 351], «война начнется этим летом» [1, с. 350]. Затем появляется более конкретная информация: «Австрия в качестве союзника Наполеона участвует в походе с тридцатитысячным корпусом под командованием князя Шварценберга» [1, с. 374].

В оценках французского консула Давиля Россия предстает пока даже не противником, а чем-то вроде вассала Франции. «Неужели вы думаете, что русский царь захочет навлечь на себя гнев величайшего христианского государя и самую сильную армию в мире?» [1, с. 351] – заявляет он в беседе с тефтедаром Тахир-бегом. Вторит Давилю и переводчик французского консульства Давна, давно живущий в Боснии. Он заявляет, что в Травнике все «должны обратить взоры на всемогущего французского императора, а не на Россию, которую французы еще этим летом покорят как последнюю европейскую державу, ей не подчиненную» [1, с. 359].

Вера в победу России жила среди православного населения Травника. Показательна в этом смысле реакция на слова Давны о неминуемом поражении России иеромонаха травницкой церкви Пахомия, который сначала «засмеялся неожиданно громко, издевательски и весело» [1, с. 359], а потом заявил удивленному Давне: «Выкинь ты это из головы, сосед, вот что я тебе скажу» [1, с. 359]. Еще более определенно высказывается владыка Иоанникий, которого турки подозревали в сношениях с повстанцами в Сербии: «Стою ли я за русских, а я вам скажу, что мы за того, кто поможет нам продержаться и со временем освободиться» [1, с. 357]. Для православного населения Боснии Россия выступает как страна – освободительница от турецкого ига. Уже в самом начале романа, когда жители Травника ожидают приезда консулов, православные надеются, что среди них будет и русский консул, так как, по их мнению, «без русского консула ничего не выйдет» [1, с. 27]. На обеде у французского консула владыка Иоанникий выражается прямо и резко: «За Россию мы, господин консул, за освобождение православных христиан от нехристей. Вот мы за кого, а кто скажет по-другому, не верьте тому» [1, с. 358].

В романе также опосредованно сообщается о победе России над Наполеоном: переводчик Давна говорит о последнем русском бюллетене со всеми подробностями французского поражения и о разговорах в городе о поражении Наполеона в России и полном разгроме французской армии. На это французский консул дает распоряжение о распространении по городу слухов о якобы истинных причинах временных неудач Наполеона в России: «зима и дальность расстояния, а не какие-то там русские победы» [1, с. 356]. Такой образ России создает для жителей Травника французское консульство.

Роман заканчивается отъездом французского и австрийского консулов. Восстание Карагеоргия подавлено, Белград снова покорен турками, турецкие беги наслаждаются наступившей «прекрасной, победной тишиной» [1, с. 452]. Но в этой тишине ощущается приближение грядущих событий – изменения в исторических судьбах Сербии и Боснии. Сказать о России больше едва ли было возможно в оккупированном немцами Белграде, где создавался этот замечательный роман.

Список литературы

1. Андрич И. Травницкая хроника. М., 1958.
2. Гольдберг А.Л. Три «послания Филофея»: (опыт текстологического анализа) // ТОДРЛ. Т. 23. Л., 1974. С. 68–97.
3. Кириллова О.Л. Иво Андрич (писатель и человек) как идеальный выразитель балканской модели мира // Балканские чтения. Симпозиум по структуре текста. Тезисы и материалы. М., 1990. С. 147–150.

4. Кутасова О. Иво Андрич (предисловие к роману Иво Андрича «Травницкая хроника»). М., 1958. С. 3–14.
5. Материалы Международной научной конференции «Наполеоновские войны на ментальных картах Европы. Историческое сознание и литературные мифы» (22–23 сентября 2011 г., Москва, РГГУ).

Vorobiova Nadezhda

PORTRAYAL OF RUSSIA IN IVO ANDRIĆ'S NOVEL "TRAVNIK CHRONICLE"

The article deals with the problem of creating the portrayal of Russia in Ivo Andrić's novel "Travnik Chronicle". The novel about "Napoleonic Wars" was created in the years of the Second World War. The author of the article connects the specialties of novelist's artistical devices in this novel both with his creative method and historic events surrounding him.

Keywords: Napoleonic Wars, Bosnian town Travnik, portrayal of Russia, soliloquium, polyphony of voices.

*Боброва Светлана Владимировна
МГУ им. М.В. Ломоносова
bobrova_svetlana@mail.ru*

ЯЗЫКОВЫЕ ФОРМЫ САМОБЫТНОСТИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СТИХОТВОРЕНИЙ А.С. ПУШКИНА «ДЕРЕВНЯ» И Т.Г. ШЕВЧЕНКО «СЕЛО»)

В статье анализируются несколько художественных произведений, в которых сопоставляется семантическая организация текста, выделяются этимологически родственные слова, схожие морфологические и синтаксические формы, представляющие собой языковые факты самобытности восточных славян.

Ключевые слова: речевая коммуникация, речемыслительная деятельность, художественный текст, содержание текста, языковая и внеязыковая семантика, синхронический и диахронический анализ языковых единиц.

Восточнославянские народы представляют собой близкие этноязыковые общности. Единое место проживания, активная хозяйственная деятельность, общие привычки, взгляды и поведение влияют на мировоззрение, мировосприятие и построение общего образа окружающей действительности, общих смыслов, которые возникают в сознании этноса. В процессе общения, речемыслительной деятельности человека из смыслов, закрепленных в сознании в виде сенсорных образов, конструируются по определенным грамматическим законам и облакаются в языковые формы словесные значения. Так, в близкородственных языках можно выделить этимологически родственные слова, схожие морфологические и синтаксические формы.

Рассматривая языковые особенности русского и украинского языков, можно отметить, что к XIX веку, времени написания выбранных нами произведений, наши народы уже не представляли собой единый этнос, развиваясь относительно самостоятельно.

Сравним произведения украинского и русского авторов и проанализируем, какие языковые формы могут свидетельствовать о самобытности восточных славян. При этом мы понимаем, что уникальность любого текста состоит в том, что он, будучи единицей речевой

коммуникации, имеет несколько пластов содержания, включающих в себя языковую и внеязыковую семантику, со всей сложностью строения одной и другой, которые и определяют область сознания автора. Анализируя тексты и речевые произведения, постараемся исключить авторскую составляющую и остановимся только на общеславянских универсалиях. Известно, что ментальная самость личности проявляется в тот момент, когда автор употребляет специальные изобразительно-выразительные средства языка и особые фигуры речи. Так, отслеживая с помощью определенных приемов языковую деятельность автора, мы можем различить индивидуальные и общие представления об окружающем мире, которые свойственны этносу. Попробуем исключить эти моменты, останавливаясь на анализе только общепринятых конструкций [1, с. 32].

Остановимся на общих положениях, лежащих в основе метода исследования. Текст художественного произведения мы будем рассматривать с двух позиций – со стороны системы языка и как продукт речемыслительной деятельности человека. С лингвистической точки зрения для нас актуально лексическое наполнение произведения и его грамматическое выражение, а также стилистическая и фонетическая окраска. С другой стороны, анализируя текст как речевое произведение, наряду с теми языковыми средствами, при помощи которых автор передает свои мысли, мы уделим внимание именно механизмам транслирования представлений об окружающей действительности. Для того чтобы понять намерение автора, выражающего настроение народа, его чувства, мироощущение, нам необходимо рассматривать содержательную сторону произведения как деятельность. Это означает, что нас интересуют не только те или иные языковые средства выражения мысли, но и то, почему автор использовал именно данные единицы и конструкции, какую роль они сыграли в семантической составляющей текста.

Семантическое содержание или семантику текста мы рассматриваем как мыслительно-языковое и мыслительно-речевое целое, разными аспектами которого являются языковое и мыслительное содержание. Нельзя не согласиться с мнением А.В. Бондарко, который определяет языковое или семантическое содержание как «мыслительное или понятийное, смысловое в своей основе содержание, выражающееся средствами данного языка, структурирующееся языковыми единицами и их соотношениями, включающееся, таким образом, в систему данного языка и образующее его содержательную сторону» [2, с. 4]. Внутренняя сторона языковых единиц выявляется в дифференциации лексических, словообразовательных, морфологических и синтаксических значений. Мыслительное содержание проявляется в интерпретации понятийной основы содержания текста.

Для исследования деятельностной составляющей произведения используется содержательно-генетический метод, который заключается в анализе семантического содержания текста, выраженного средствами языка. С точки зрения речевой реализации этих значений нас интересуют причины возникновения и способы предьявления мыслительного содержания именно в этих конкретных лингвистических формах. Опираясь мы будем на речемыслительную способность человека в момент восприятия высказывания порождать различные смыслы. Дело в том, что читатель в процессе коммуникативной деятельности понимания текста может из его системных языковых, грамматических и лексических, значений воссоздать конкретный смысл высказывания.

Следует пояснить, что любое языковое значение для нас имеет процессуальный характер. Это значит, что в момент чтения произведения, в процессе герменевтического анализа текста и исследования значений языковых единиц, его внеязыкового содержания в нашем сознании возникает некий смысл как представление об окружающей действительности. Чтобы успешно это делать, нам важен и собственный опыт, и

накопленные в процессе жизни представления, и сложившееся в народе мнение об окружающей нас действительности.

Сравним стихотворения Т.Г. Шевченко «Село» и отрывок из стихотворения А.С. Пушкина «Деревня».

Село	
<i>Село! І серце одпочине...</i>	Село! И сердце отдохнет...
<i>Село на нашій Україні –</i>	Село на нашей Украине –
<i>Неначе писанка: село</i>	Как будто писанка: село
<i>Зеленим гаєм поросло;</i>	Зеленой рощей поросло;
<i>Цвітуть сади, біліють хати,</i>	Цветут сады, белеют дома,
<i>А на горі стоять палати</i>	А на горе стоят палаты,
<i>Неначе диво, а кругом</i>	Как будто чудо, а кругом
<i>Широколисті тополі;</i>	Широколистны тополя;
<i>А там і ліс, – і ліс, і поле,</i>	А там и лес, – и лес, и поле,
<i>І сині торі за Дніпром:</i>	И синие торы за Днепром:
<i>Сам Бог вітає над селом!..</i>	Сам Бог приветствует село!

Кобзарь, 1860 г.

Эти произведения на одну тему – о населенных пунктах, крестьянских селениях. Одно из них названо словом *деревня*, другое – *село*. Слово *деревня* – русское, в других славянских языках это значение выражается словами *село* и *веси* [4, с. 242]. Этимологически это название поселения восходит к глаголу *драть* и существительному *дерево* и имеет значение «место, очищенное от леса». По-видимому, восточные славяне, прежде чем устроить себе жилище, вынуждены были расчищать лес.

Слово *село* – общеславянское; по мнению историков языка, в этом слове сливаются два: одно со значением «населенное место», другое – «поле, земля», при этом *поле* восходит к существительному *пустой* (*полюй*) и имеет значение «открытое, безлесное место». Так, мы можем предположить, что в картине мира славян всегда есть лес, деревья и поля – расчищенные места для жилищ и обработки земли.

Вернемся к анализу текстов и отметим, что произведение Т.Г. Шевченко звучит как обращение к селу, приветствие, восклицание. Весь текст пронизан любовью к родным местам. Лирический герой признается, что его сердце отдыхает, когда он пребывает в украинском селе, которое сравнивает с раскрашенным пасхальным яйцом. У читателя возникает и ощущение праздника, воскресения души – среди зелени рощ виднеются цветущие сады, белые дома, большие богатые здания на горе, синие просторы Днепра. Взгляд автора позволяет читателю как птице подняться над селом, охватить его целиком, увидеть всю его прелесть, рассмотреть подробности и насладиться красотой.

Это то содержание, которое привносит в текст произведения автор, Т.Г. Шевченко, который родился и вырос в селе Моринцы Черкасской области.

Обратим внимание на языковые особенности этого произведения, в которых заметны явления самобытности славян.

Украинский глагол *одпочине* восходит к общеславянскому *почити* – «уснуть», «предаться отдыху», «успокоиться» и слову *покой* с индоевропейским корнем «состояние тишины, бездействия и бездеятельности, отсутствие внешних раздражений», «пребывание в условиях неподвижности, тишины, душевного равновесия». В русском языке существительное *покой* имеет значения «отдых», «кончина» [3, с. 475]. Использование слов с этим корнем в наших языках является свидетельством того, что сон ассоциируется с отдыхом, покоем, тишиной и бездействием, а в русском языке и со смертью.

Авторское сравнение (укр. *неначе* – «будто, словно, точно») села с раскрашенным пасхальным яйцом свидетельствует о христианских мотивах.

Роща, небольшой лиственный лес, названа *гаем*. Слово очень интересное, оно есть в украинском и белорусском языке, а в русском не сохранилось, хотя и было в древнерусском. Происхождение слова не ясно, его связывают и с глаголами со значением «ухаживать, охранять», и с «местом заклинания», «местом, где кричат грачи, птицы». Наличие этого слова в восточнославянских языках подчеркивает особенности ландшафта славянского этноса: это не только леса, но и поля, рощи, в которых селились птицы.

Дома селения названы хатами. *Хата* – это крестьянский дом, чаще мазанка (из обмазанного глиной самана, кирпича) в украинской или южнорусской деревне. Это слово южных и западных славян со значением «дом». В русском языке дом на селе называют избой. *Изба* – бревенчатый крестьянский дом в деревне. Восходит к слову со значением «дом, баня, отапливаемое помещение». Так, можно заметить, что климат южных славян теплее, для характеристики дома отопление не являлось главным признаком, восточные славяне селились в более холодных местах, поэтому и слово *изба* содержит сему «отапливаемое».

Диво (украинское) – то, что вызывает удивление, *чудо* (русское) – нечто небывалое, сверхъестественное. Слово общеславянское, происхождение его Н.М. Шанский связывает с индоевропейской основой *di* «бог». Можно предположить, что все малообъяснимое люди связывали с проявлениями высшей силы. Так, русское *чудо* восходит к *чуять* – «слышать, ощущать», *чудеса*, *чудесник* – «колдун, чародей» [5, с. 125].

Интересно слово *торы*, которое трудно было найти в словарях. Есть слово *торосы* (архангельское) – глыбы льда. Можно предположить, что слово восходит к глаголу *торить* – «прокладывать дорогу» или *тереть* – «разламывать». Возможно, так называются холмы, земляные нагромождения, похожие на ледяные торосы.

Идея божества, охраняющего родной край, подчеркивается строкой *Сам Бог витає над селом!* Общеславянский глагол *витать* имеет значение «пребывать, находиться, жить, обитать». В украинском языке за ним закрепляется значение «приветствовать», а в русском это слово высокого стиля – «парить, двигаться в вышине».

Вызывает интерес перевод этого стихотворения, сделанный С. Есениным.

Тарас Шевченко (перевод Сергея Есенина)

Село

*Село! В душе моей покой.
Село в Украине дорогой.
И, полный сказок и чудес,
Кругом села зеленый лес.
Цветут сады, белеют хаты,
А на горе стоят палаты,
И перед крашеным окном
В шелковых листьях тополя,
А там всё лес, и всё поля,
И степь, и горы за Днепром...
И в небе темно-голубом
Сам Бог витает над селом.*

Перевод сделан в 1914 году, в начале творческой деятельности Сергея Есенина. Видимо, стихотворение было созвучно тем чувствам, которые испытывал поэт вдали от родных мест. Автор подчеркивает, что пребывание на родине вызывает чувство спокойствия, умиротворения в отличие от всех проблем, с которыми пришлось столкнуться в Москве. Сказочный образ есенинского леса мы встретим позднее в стихотворении «Пороша». Будучи мастером звукописи, автор не только смог передать краски, которыми богато стихотворение Т.Г. Шевченко, но и привнес чарующие звуки родной деревни – читатель может насладиться тишиной, шелестом листьев, дуновением

ветерка. Есенин сохраняет в переводе слово *хата*, что свидетельствует о том, что рязанское село Константиново, родина поэта, ближе к местам обитания южных славян. Мы уже рассматривали глагол *витает*, который автор сохраняет в переводе, добавляя к семантике текста смысл того, что Господь парит над селом, охраняя его.

Так образ южных славян дополняется картинками их жизни, веры, мировоззрения.

Рассмотрим отрывок из стихотворения А.С. Пушкина «Деревня», начальную его часть, в которой содержится описание русского села.

Деревня

*Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой: я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты;
Везде следы довольства и труда...*

Содержание этого произведения глубоко и многогранно, но нас будет интересовать только то, что связано с бытописанием славян, с их образом жизни, менталитетом.

Лирический герой приветствует крестьянское поселение, которое он называет тихим, малолюдным уголком. Слово *угол* общеславянское, семантически восходит к «кривой, изогнутый». В современном русском языке это слово имеет значение «пристанище, место, где можно жить». Возможно, появление этого значения связано с тем, что места для проживания славяне отвоевывали у лесов и болот, и не всегда они были ровной геометрической формы.

Герой называет деревню приютом спокойствия. Слово *приют* – «пристанище, убежище» историки языка связывают с существительным *крыша* – найти крышу, *спокойное* место, где можно отдохнуть (см. ранее рассмотренное слово *покой*). Само слово *приют* встречается только в украинском и русском языках, происхождение его неясно. Некоторые связывают его со словом *приятель*, т.е. «найти» приют означает «найти спокойное место у друзей». Возможно, природные или общественные явления заставляли человека покидать дом и искать пристанище на стороне.

Для точного описания непрерывности и множественности дней, проведенных в деревне, автор использует слово *поток* в значении «непрерывное движение большого количества чего-либо». Это слово восходит к глаголу *течь* и возникло как сравнение с движением воды в реках и ручьях.

Интересна с семантической точки зрения интерпретация слова *счастье*. Слово это общеславянское и восходит к существительному *часть, удел*. Так, состояние

удовлетворенности жизнью, чувство удовольствия и радости восточные славяне связывали с хорошим уделом, благополучной участью. Другие народы это понятие связывают, например, с судьбой, удачей.

Слово *порочный* от *порок* – «порицание, упрек, укор» – общеславянское, восходит к существительному *речь*, – видимо, возникло сначала как осуждение нравственных недостатков, развратного поведения.

От глагола *пить* на славянской почве возникает слово *пир* со значением «большой званый обед с обильным угощением, обычно сопровождаемый различными увеселениями». Так мы можем добавить еще одну черту славян – позволять себе роскошные празднества. Видимо, с этой чертой связано и общеславянское слово *забава* – «развлечение, потеха», которое восходит к глаголу *быть* со значением «медлить, мешкать». Возможно, на этой основе из семы 'терять время, отвлекаясь от дела' развилось более позднее значение «развлекаться».

Из стихотворения А.С. Пушкина мы узнаем, что общеславянское понятие «лиственный лес, состоящий в основном из дубов» выражается словом *дубрава*. Сам корень *дуб* имел значение «лес», так и возникло особое название дубовой рощи.

В своей хозяйственной деятельности славяне занимались не только сбором даров леса, но и специально сажали, выращивали деревья, чаще плодовые. Так возникает слово *сад* – «дерево, растение», которое восходит к глаголам *садить*, *сидеть*.

А вот плодородные земли, которые распахивались, засеивались зерновыми, славяне называли *нива* – «засеянное поле, пашня». Слово общеславянское, восходит к словам «низина, пойменный луг», где *луг* – «участок земли, заросший травой». Само это слово этимологически связано с существительным *лужа (болото)* – «лесок в низине». Видимо, плодородные пойменные места использовались для выращивания хлеба.

Рассматривая особенности сопоставляемых произведений, мы можем отметить использование авторами нюансов грамматического значения числа. Так, единственное число слов *село* и *деревня* говорит о том, что оба автора ведут речь о конкретном месте. А вот большое количество слов множественного числа при описании местности свидетельствует и о большом размере населенных пунктов, и об их природном богатстве, что подчеркивает авторское восторженное, восхищенное отношение к родным местам.

Оба автора в описании села в большей части используют имена существительные: 18 существительных и 6 глаголов в стихотворении Т.Г. Шевченко и 48 существительных и 7 глаголов в отрывке из произведения А.С. Пушкина. Использование слов с грамматическим значением предметности говорит о желании художников представить картину жизни на селе, зафиксировать быт, нравы, обычаи людей в определенный период существования, описать детальные подробности и подчеркнуть постоянство устоев селян. Свидетельством этому является и использование назывных конструкций в текстах обоих авторов.

Многообразные формы выражения грамматического значения предикативности свидетельствуют о богатом внутреннем содержании народа, проявленном в ходе познания действительности. Так, в произведениях и А.С. Пушкина, и Т.Г. Шевченко мы замечаем использование широкого спектра односоставных и двусоставных конструкций при описании мест проживания славян.

Таким образом, подводя итоги, можно заметить, что восточнославянские народы к XIX веку распались на самостоятельные этносы со своими языковыми особенностями. Мы заметили, что в украинском и русском языках много слов с общеславянскими корнями, но заметны фонетические, словообразовательные, лексические индивидуальности наших языков. Сравним, например *лес* у А.С. Пушкина и *ліс* у Т.Г. Шевченко, русское окончание множественного числа *горы* – украинское *горі*, в русском глагол 3 лица единственного числа с твердым согласным на конце – *цветут* и украинский глагол *цвітуть*, русское *чудо* и

украинское *диво*; *изба* – *хата* и т.д. На глубинных грамматических структурах текста различия наших языков не выявляются.

Все сказанное свидетельствует о том, что единство бытия, нужды и потребности восточных славян обусловили общие принципы восприятия мира. Совокупность объективных воззрений на жизнь, накопленный речевой опыт составили некую языковую действительность, закрепившуюся в сознании всего этноса и являющуюся значимой для всех носителей языка.

Согласимся с Г.Ю. Яковлевым в том, что «национальные (этнические) языки есть частные проявления языка-процесса, характеризующиеся определенной стратегией своей реализации» [6, с. 94]. Мы можем заметить, что глубинные структуры текстов родственных языков, воплощающие внутренние процессы порождения речи, не различаются между собой. Это свидетельствует о действиях одних и тех же законов логики. Различия же двух близкородственных языков проявляются на уровне лексической, фонетической и словообразовательной семантики.

Список литературы

1. Боброва С.В. Культура речевого поведения и восприятие художественного текста // Сборник статей «Русский язык и культура речи: актуальные проблемы обучения». Отв. ред. Л.С. Крючкова. М., 2006.
2. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. / Под ред. Шведовой Н.Ю. М.: Русский язык, 1986.
4. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка в 2 томах. М.: Русский язык, 1994.
5. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. Под ред. чл.-корр. АН СССР С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971.
6. Яковлев Г.Ю. Принципы системного моделирования языковых процессов. М.: ВУ, 2008.

Bobrova Svetlana

LANGUAGE FORMS OF THE IDENTITY OF EASTERN SLAVS (ON THE EXAMPLE OF THE ANALYSIS OF POEMS “VILLAGE” BY A.S. PUSHKIN AND “VILLAGE” BY T.G. SHEVCHENKO)

The article analyzes several works of art in which the semantic organization of the text is compared, etymologically related words are distinguished, similar morphological and syntactic forms, representing the linguistic facts of the identity of the Eastern Slavs.

Keywords: speech communication, speech activity, artistic text, text content, linguistic and extralinguistic semantics, synchronic and diachronic analysis of linguistic units.

*Гуськова Екатерина Владимировна
МГУ имени М.В. Ломоносова
Katie.gus@yandex.ru*

АРХЕТИП «ВЕЩЕЙ ДЕВЫ» В ЛИТЕРАТУРЕ КИЕВСКОЙ РУСИ И СЛАВЯНСКАЯ МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

В статье предпринимается попытка литературоведческого анализа древнерусских текстов раннего периода на предмет мифопоэтической образности. В центре исследования – женские

персонажи древнерусской словесности, последовательно воплощающие в себе архетипические представления славян о типе «вещей девы».

Ключевые слова: древнерусская литература, женский образ, архетип, мифопоэтика, женский персонаж.

В последнее время все большую актуальность приобретают научные исследования, которые посвящены рассмотрению архетипических явлений, символики и мифопоэтики словесного художественного творчества. В силу изначальной символичности средневековой картины мира [1], мировоззренческого синкретизма данной культуры, а также размытости жанровых границ древнерусская литература раннего периода представляет для нас особый интерес в рамках изучения мифопоэтической традиции.

Напомним, что под мифопоэтической моделью мира понимается сумма представлений о мире, в значительной степени опирающаяся на миф как основной способ познания и мышления [14, с. 10]. В центре ее – взаимодействие природы и человека, макрокосмоса и микрокосмоса. Для мифа характерна система бинарных оппозиций, которые в свою очередь задают ценностную шкалу (например, пространственной бинарной оппозиции «верх – низ» или временной «день – ночь»), в мифе обнаруживаются и противопоставления социальные: мужской – женский, младший – старший, чужой – свой и т.д. При этом мифопоэтическая картина мира, оперируя бинарными оппозициями, сближает их между собой: социальный код «мужское – женское» может транслироваться через солярный код «солнце – луна» и наоборот [10, с. 65]. Противопоставление социального порядка выступает источником идеологической парадигмы. Отрицательное отношение к женскому началу как к своеобразной реакции на мужское сосуществует с взаимообусловленностью членов оппозиции: лишь во взаимодействии мифологических противопоставлений возможна мировая гармония.

Славянская мифология демонстрирует предпочтение мужскому в иерархии функционально тождественных парных персонажей: Водяной – русалки, Див – дивы, Род – рожаницы [14, с. 42]. При этом исследователи часто отмечают индивидуализированность мужских персонажей и собирательность образа женщин.

Так как бинарные оппозиции в мифологической системе семантически сближены между собой, женское начало оказывается отождествленным в астрономическом коде с луной. Луна, в свою очередь, концентрирует в себе жизненную энергию природных циклов (поскольку она «неистощима в своем обновлении», а значит, обладает волшебной силой постоянного возвращения из «мертвых» [15, с. 45]). Отсюда женщина в мифопоэтической картине наделяется даром прорицания и мудростью, а в рамках фольклорных текстов – способностью к языковой ловкости.

В науке давно замечен дар иносказательной и остроумной речи у героинь древнерусской книжности. В самой литературе Древней Руси эта особенность женщин не только выражена художественными средствами, но и прямо высказана в нравоучительных сочинениях «о злых женах», входящих в состав самых разных памятников уже с XI в. «Въ женахъ рѣдько обрящещи истину», – сообщается в Изборнике 1076 г., для которого, как и в целом для христианской традиции, характерно недоверчивое отношение к болтливости женщины и к истинности женских слов.

Склонность к говорению «клюками» свойственна княгине Ольге в «Повести временных лет»: ее загадки, основанные на метафорической схожести похоронного и свадебного обрядов, вписываются в традицию представления сказочного сюжета о сватовстве, когда жених для получения согласия на брак должен был пройти испытания как на силу, так и на смекалку. Хитрость Ольги не оперирует одной лишь похоронной символикой. Так, на вопрос древлян об убитых ранее сватах она отвечает: «Идутъ по мнѣ съ

дружиною мужа моего». Принимая во внимание, что древляне не могли не знать об убийстве Игоря и его дружины ими самими же, Ольга несколько не скрывает факт своей мести, просто облекает ее не в буквальную речевую форму. Каламбурно, по справедливому замечанию А.С. Демина [5, с. 104], звучит настойчивое утверждение Ольги о неприязнительности ее военных интересов по отношению к Искоростеню: «Хоцю дань имати помалу но мала у васъ прошо». Имя древлянского князя Мала позволяет нам говорить об очередной языковой игре княгини Ольги, где «мало» надо понимать не как количественное наречие, а как имя собственное.

Фольклорную мудрость девушки-невесты демонстрирует Ольга и во время своей поездки в Константинополь. Как известно, историческая достоверность данного эпизода ставится учеными под сомнение [6, с. 427]. Именно в силу своего сказочного, фольклорного характера мотив сватовства женатого Константина к уже довольно немолодой Ольге кажется лишенным правдивости. Еще более комической, неподходящей для серьезного исторического сочинения является развязка действия, когда хитрая Ольга «переключала» наивного императора.

Хитростью в рамках любовно-авантюрного сюжета наделена и героиня византийской повести «Девгениево Деяния», перевод которой был осуществлен, вероятно, в XI–XII в. Здесь невеста Стратиговна сама подсказывает эпическому богатырю Дигенису способ своего похищения: «Или чему ти исхитити менѣ: азъ сама еду с тобою, токмо в мужескую одежду облецы мя, зане имамъ мужескую дерзость».

Стоит признать, что женщины в древнерусских текстах если не загадывали загадки, как княгиня Феврония, то и прямою речью также не отличались. В повести «Чудо Георгия о змие», основанной на эпическом сказании о герое-змееборце, царская дочь не сразу говорит Георгию о причине опасности: «Отойди, господи мой, отсюду, скоро отойди, да не злѣ умреш».

Связь женщины с высшим знанием, а значит и способность к участию женщин в магических актах находит отражение в «Слове о полку Игореве».

Необходимо сразу заметить, что лирическое настроение данного памятника определяют именно женские персонажи, которые или воспевают возвращение Игоря на Родину, или оплакивают павших воинов. Общеизвестен заклинательный характер действий женщин в «Слове»: плач Ярославны имеет цель не столько оплакать убитого мужа, сколько избавить его от плена, «вымолить», как говорит Рикардо Пиккио, спасение Игоря у высших сил [12, с. 89]. Не случайно только после плача Ярославны князю удается бежать из плена.

Смысловая организация плача Ярославны строится в соответствии со структурой заговора: обращение к высшим силам, прославление их и конкретная просьба [13, с. 321]. Принципом трехкратности, усиливающим магическую силу слова, связан отрывок и с другими плачами древнерусского текста. Как и плач-заговор Ярославны, первое в «Слове» женское причитание принимает форму прямой речи, строящейся на ряде синтаксических параллелизмов: «Жены руския въсплакашась, аркучи: “Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!”». Вербальному выражению плача предшествуют, как указал Д.С. Лихачев [8, с. 53], и языческие действия призвания погребальных богов: “За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ”.

Отдельно стоит выделить и скорбь матери Ростислава, сына Всеволода и брата Владимира Мономаха. Хотя рассказ о смерти юноши приведен в Киево-Печерском патерике, однако в «Слове» это сообщение служит, вероятно, двум целям. Сюжетно, Игорь в своей речи к Донцу, чтобы «задобрить» его, противопоставляет ему «злую» реку Стугну. Но упоминание о злой реке не обязывало автора вспомнить о матери Ростислава.

На наш взгляд, автор здесь преследовал и вторую цель, а именно – завершить трехчленную композицию плача. Спасение Игоря, его радостное возвращение на Родину должно быть подчеркнуто последним плачем, радость будет полной лишь после «оплакивания» беды. Интересен и рефрен природного переживания (ср.: «ту пирь докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось» и «Уныша цвѣты жалобю, и древо с тугою къ земли прѣклонилось»). Кажется, что это все то же переживание поражения русских войск. Частные трагедии сводятся, обобщаются в эмоциональном плане в трагедию всего похода.

Таким образом, речь Ярославны не единственный плач в тексте «Слова». Установка на практическое значение монолога княгини, который призывает природные силы способствовать бегству мужа, подкрепляется трехкратностью самого жанра плача в тексте.

Особенным смыслом наделены обозначаемые в начале плача Ярославны действия. Обратившись в птицу, она хочет полететь по Дунаю, омочить рукав в Каяле и утереть раны на теле Игоря. Обратим внимание, что мотив оборотничества, превращения в птицу типичен для образа вещи девы. Фигура девы-лебедя широко распространена и во многих сказках, где завязку свадебного сюжета составляет мотив похищения героем чудесного наряда у вещи жены. В «Слове о полку Игореве» есть еще одно упоминание о небесной деве: «Въстала Обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону, плещучи, убуди жирня времена». Данное место остается в науке дискуссионным, однако ясно, что, в качестве версии, Обиду из «Слова» можно рассматривать в ряду мифопоэтических представлениях о вещи жене [2, с. 178]. Сближает Деву-Обиду с небесными женскими персонажами и само имя: «Название Обида согласуется с теми собственными именами, какие приданы небесным воинственным девам в преданиях греков и германцев; наприм., Распря, Победа и проч.» [1]. Не противоречит этому и интерпретация образа Девы-Обиды А.Н. Веселовским, который считал ее отвлеченным образом судьбы [3, с. 376].

Ценное разыскание в области восточнославянского представления образа волшебной невесты как художественной параллели к Деве-Обиде из «Слова о полку Игореве» осуществил А.С. Орлов [11, с. 27]. В своей статье исследователь приводит интересный русский сюжет былины, где встречаются мотивы, нетипичные для мифической биографии девы-лебедя: мудрая супруга богатыря Михаила Ивановича Потока, доставшаяся ему в волшебном образе пойманного лебедя, обернувшегося девушкой, впоследствии изменяет герою с царем золотой Орды, Кощею, и превращает мужа в камень. Жена Потока, именуемая то Авдотья, то Марья, то Лиходева, не только не помогает в данном случае богатырю, но и оказывается губительницей эпического героя. Неоднозначность мифопоэтического образа небесной невесты сказывается, как предполагает Орлов, в «Слове», где Обида и готские девы выражают радость перед горем русского народа.

Актом заклинательного свойства является в древнерусском тексте жанр славы. Согласно языческой функции слова, пропеть славу герою значит наделить его славой. Славу воинам поют дважды женщины: сначала готские девы, союзники половцев, радуются поражению войска Игоря, звеня русским златом на берегу моря, а затем уже девицы на Дунае поют славу Игорю. При этом мы наблюдаем пространственное передвижение звучащей речи женщин: голоса девушек вьются от Дуная до Киева, звон монет готских дев доносится с синего моря. Слышится на Дунае и плач Ярославны. Высшая, воздушная сфера заполняется песенными народными жанрами, исполняемыми женщинами. Векторами распространения звуков выступают водные каналы. По ним «вьются» голоса, соединяя физический мир «Слова» в единое объемное синкретическое пространство.

Водный топос в «Слове о полку Игореве» не только выступает транслятором звуков, но и несет в себе языческо-заклинательный комплекс представлений. Текущая вода может стать своеобразным магическим средством передачи заклинательной силы, источником связи. Поэтому все обрядовые действия выполняются в «Слове» около воды – синего моря или Дуная – и закреплены именно за женщинами. Женщины обращаются к своей родной стихии за магической помощью.

Вне социальной роли невесты или жены образ женщины, основанный на типе вещи дэвы, имел тенденцию к превращению в отрицательный персонаж, фольклорный антагонист. Злой ведьмой, а не мудрым помощником в позднем сказочном фольклоре предстает перед нами образ Бабы-Яги. Негативные коннотации в результате христианской идеологии переводной повести получает героиня «Девгениева Деяния» – мать царя Амира. Первая часть переводного памятника сообщает об умыкании знатной гречанки Стратиговны сирийским эмиром, которое заканчивается крещением жениха. В Гротто-Фератской версии мать Амира глубоко сожалеет о принятии христианства сыном и пытается словами «вразумить» сына. В русской переводе ее действия носят ярко архаичный характер. Она не просто сетует на крещение Амира, но отчаянно рвет на себе волосы и, как настоящая колдунья, с помощью волшебных коней пытается вернуть сына, отца Девгения. Появление волшебных коней, нареченных Ветреницей, Громом и Молнией, дает основание говорить о славянском происхождении данного мотива. А.Н. Афанасьев утверждает, что в славянском мифотворчестве небесные явления на поэтическом языке назывались небесными конями [1, с. 154]. Возможно, что автор перевода прибегает здесь к ярко выраженной мифопоэтической традиции изображения вещи старухи вследствие языческой веры самой героини, хотя в случае со Стратиговной мифопоэтический образ дэвы-богатырки не противоречит христианской набожности невесты в момент похищения ее Девгением.

Таким образом, древнерусские тексты, следуя мифопоэтической традиции, приписывают женским персонажам ряд черт, восходящим к архетипическим представлениям о женщине как носительнице сакральных знаний.

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1, 3. М., 1866, 1868.
2. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. М., 1861.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
5. Демин А.С. Женские загадки в древнерусской литературе XI–XIV вв. // Демин А.С. О художественности древнерусской литературы. М., 1998. С. 100–105.
6. Литаврин Г.Г. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // Византия и славяне. СПб., 2001. С. 427–437.
7. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
8. Лихачев Д.С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 53–92.
9. Лихачев Д.С. Комментарий исторический и географический // Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве. М., 1950.
10. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1995.
11. Орлов А.С. Дева-лебедь в Слове о полку Игореве // ТОДРЛ, 1936. Т. III. С. 27–36.
12. Пиккио Р. История древнерусской литературы. М., 2002.

13. Сапунов Б.В. Ярославна и древнерусское язычество // Слово о полку Игореве – памятник XII века: Сборник статей. М.; Л., 1962. С. 321–329.
14. Топоров В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. – Т. 2.
15. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.

Guskova Ekaterina

ARCHETYPE OF “A WISE MAIDEN” IN KIEVAN RUS’ LITERATURE AND SLAVONIC MYTHOPOETIC TRADITION

The article attempts to carry a philological analysis of ancient Russian literature in the aspect of mythopoetic figurativeness. The research focused its attention on female characters in Kievan Rus’ literature that embody archetypal Slavonic beliefs about “wise maiden”.

Keywords: ancient Russian literature, image of women, archetype, mythopoetic, female character.

*Сафуанова Альфия Ильдаровна
МГУ имени М.В. Ломоносова
alfia_safuanova@mail.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ СЛАВЯНСКОГО СКАЗОЧНОГО СЮЖЕТА О ДВЕНАДЦАТИ МЕСЯЦАХ В СКАЗКЕ БОЖЕНЫ НЕМЦОВОЙ «О ДВЕНАДЦАТИ МЕСЯЦАХ» И ПЬЕСЕ С.Я. МАРШАКА «ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ»

В статье рассматривается реализация фольклорного сказочного сюжета о двенадцати месяцах в двух авторских произведениях: прозаической сказке Божены Немцовой и драматической сказке С.Я. Маршака. Проанализированы система персонажей, сюжет, проблематика произведений и т. д. В результате исследования делается вывод, что С.Я. Маршак создал самостоятельное драматургическое произведение, опираясь на народный сказочный сюжет, тогда как сказка Б. Немцовой является скорее литературной обработкой этого сюжета.

Ключевые слова: драматическая сказка, сюжет, двенадцать месяцев, волшебная народная сказка, Маршак, Немцова.

Классический сюжет об испытании падчерицы двенадцатью месяцами в лесу принадлежит к числу традиционных сюжетов волшебных народных сказок, упомянут в «Указателе сказочных сюжетов по системе Аарне» Н.П. Андреева и может быть полностью описан в терминах, разработанных в фундаментальной работе В.Я. Проппа «Морфология сказки». Этот сюжет лег в основу двух известных авторских произведений: прозаической сказки «О двенадцати месяцах» чешской писательницы Божены Немцовой и драматической сказки русского советского поэта и драматурга С.Я. Маршака. В настоящей статье мы рассмотрим, каким образом авторы интерпретировали его в своих произведениях. По мере необходимости мы будем использовать в анализе и прозаическую сказку С.Я. Маршака, которая является предшественницей пьесы.

Сказка известной чешской писательницы Божены Немцовой представляет собой литературную обработку славянской легенды. Она опубликована в сборнике народных сказок «Lada píola» в 1857–58 гг., перевод на русский осуществил Н.С. Лесков в 1862 г.

С.Я. Маршак написал свою пьесу, опираясь на «мотивы славянской народной поэзии» [2, с. 479]. Писатель утверждал, что узнал об авторской сказке Б. Немцовой уже после

создания своего произведения, «а задолго до того слышал чешскую или богемскую легенду о двенадцати месяцах в чьей-то устной передаче» [2, с. 478]. Поэтому можно сказать, что поэт создал собственное произведение, опираясь на фольклорный сказочный сюжет.

Написанию драматической сказки предшествовало создание в 1943 г. сказки прозаической с тем же названием и подзаголовком «Славянская сказка в обработке С. Маршака». В сказке Б. Немцовой и прозаической сказке С.Я. Маршака мы видим традиционную для волшебной народной сказки завязку: злая мачеха и ее дочь ненавидят красивую и добрую падчерицу и пытаются погубить ее. Для этого они отправляют ее зимой в лес на поиски ягод, цветов, яблок. Похожая завязка присутствует, например, в русской народной сказке «Морозко».

В сказке Б. Немцовой падчерицу Морушку посылают в лес три раза: за фиалками, за ягодами и за яблоками. Трехкратное повторение действий характерно для волшебной народной сказки. В обеих сказках С.Я. Маршака Падчерицу отправляют в лес с невыполнимым заданием лишь однажды.

В пьесе С.Я. Маршака действия Мачехи и Дочки мотивированы иначе, чем в прозаических сказках обоих авторов. Ими движет не только желание избавиться от Падчерицы, но и стремление разбогатеть. Ведь за подснежники, которые девочка должна была найти в лесу, Королева обещала щедро заплатить. Таким образом, мотивировка событий в пьесе обогащается, становится современнее и реалистичнее. В прозаических же сказках мотив мачехи и дочери традиционен: это желание извести падчерицу.

Сюжет пьесы С.Я. Маршака по сравнению с литературными обработками народной сказки усложнен. Например, в него вводится повторное испытание Падчерицы: даже под страхом смерти она отказывается рассказать Королеве о костре месяцев. В литературных же обработках сюжета развязка не отличается от традиционной сказочной: дочка, а вслед за ней и мачеха сами уходят в лес, там вызывают гнев месяцев и замерзают насмерть. Падчерице достаются дом и все хозяйство, она выходит замуж и обретает счастье. Схожим образом завершается сказка «Морозко», где заглавный герой щедро одаривает красивую и кроткую падчерицу и насмерть застужает злую и грубую родную дочку.

В своей пьесе С.Я. Маршак коренным образом изменил развязку. Мачеха и Дочка превращены в собак, но им оставлена надежда на прощение: если они будут хорошо себя вести, Падчерица может попросить месяцев вернуть им человеческий облик. Королева же, получив важный моральный урок, благополучно возвращается во дворец.

Как писал сам Маршак в одном из своих писем, в пьесе «основное заключается в том, что в дремучем лесу после разгула стихий королевой оказывается скорей Падчерица, чем сама Королева, учителем – солдат с его житейским опытом, а не профессор, наделенный книжной премудростью. Все, что обещала Королева за подснежники – шубу, наряды, катанье в санях, – она получает в трудную минуту от великодушной Падчерицы» [2, с. 478].

Моральный урок, который можно вынести из пьесы, на наш взгляд, становится глубже и действеннее за счет того, что отрицательные герои не погибают, а получают возможность исправиться. К тому же, вероятно, такая концовка обусловлена и тем фактом, что пьеса адресована юным зрителям, для которых предпочтительно видеть не смерть отрицательных героев, а надежду на их исправление.

В драматическую сказку Маршака введено множество новых героев, наделенных яркими и запоминающимися характерами: например, Солдат, Профессор и др. Также в пьесе, как уже говорилось, появляется юная Королева, которая без преувеличения может быть названа второй главной героиней произведения. Морально-этический конфликт между ней и Падчерицей, а также внутренняя борьба, которую переживает Королева, углубляют сюжет пьесы и выводят ее драматизм на новый уровень.

В конце пьесы мы не только видим моральную и фактическую победу Падчерицы над Королевой, но и наблюдаем зарождение и развитие внутреннего конфликта в душе Королевы и намек на то, что характер этой героини может измениться. Такое явление не свойственно волшебной народной сказке, в которой характеры героев всегда статичны. Образ Королевы вообще достаточно сложен и противоречив. Не являясь положительной героиней, она в то же время вызывает сочувствие зрителя.

Индивидуальным и тщательно разработанным характером в драматической сказке С.Я. Маршака наделен каждый герой, в том числе и все двенадцать месяцев. В отношении Апреля и Падчерицы даже есть намек на влюбленность. Сам автор так писал про отношения персонажей: «Нельзя же было оставить падчерицу в царстве месяцев и выдать ее замуж за Апрель-месяца» [2, с. 481]. Писатель вспоминал также, что решил придать образам Января и Февраля сходство с деловитыми хозяйственниками: «как я Вам рассказывал, я всячески заботился о том, чтобы в характере каждого месяца была какая-то реальная основа. Они говорят друг с другом о своих делах так, как могли бы говорить люди, ответственные за крупные хозяйства» [2, с. 477].

В прозаических же сказках Б. Немцовой и С.Я. Маршака образы героев традиционны и лишены индивидуальных психологических характеристик. Они не выходят за рамки персонажей – носителей функций, какими их описал В.Я. Пропп в своей «Морфологии волшебной сказки». Так, Падчерица является «пострадавшим героем» (ее выгоняют из дома Мачеха и Дочка), Мачеха и Дочка – «отправителями», месяцы – «помощниками» и «дарителями» и т. д. [4, с. 38].

Отличается в рассматриваемых произведениях и образ падчерицы. В пьесе обращает на себя внимание бóльшая активность и решительность героини по сравнению с образом падчерицы в фольклоре, где она, как справедливо отмечает Е.М. Мелетинский, «прежде всего – жертва» [3, с. 187] и ее пассивность «отчасти выражает ее бескорыстие, отсутствие эгоистической заинтересованности» [3, с. 187]. В отличие, к примеру, от героини сказки «Морозко», основанной на сходном сюжете, Падчерица у Маршака не только добра, скромна, красива и трудолюбива, но и способна в определенной степени противостоять Мачехе, Дочке и Королеве. Так, она сопротивляется, когда Мачеха с Дочкой посылают ее в лес, не покоряется приказам и угрозам Королевы.

Таким образом, можно сказать, что прозаические сказки Б. Немцовой и С.Я. Маршака представляют собой литературные обработки народного сказочного сюжета, а пьеса является самостоятельным произведением драматурга. Если в своей сказке Б. Немцова следовала народным сказочным традициям, С.Я. Маршак опирался на фольклорный сюжет, чтобы создать самостоятельное произведение, в котором воплощены углубленные и заостренные конфликты, представлена развитая система персонажей, наделенных собственными запоминающимися характерами. При этом и в обеих литературных обработках, и в пьесе авторы использовали народный сюжет для того, чтобы снова показать силу нравственных законов, победу добра и правды.

Список литературы

1. Маршак С.Я. Двенадцать месяцев // Маршак С.Я. Сочинения в четырех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – Т. 2. С. 351–480.
2. Маршак С.Я. Письмо С.Я. Маршака к С.Б. Рассадину // Маршак С.Я. Собрание сочинений в 8 томах. – Т. 8. М.: Художественная литература, 1972. С. 477–481.
3. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958.
4. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Наука, 1969.

Safuanova Alfiya

**THE REALISATION OF THE SLAVIC FAIRYTALE PLOT
ABOUT THE TWELVE MONTHS
IN BOŽENA NĚMCOVÁ'S "ABOUT THE TWELVE MONTHS"
FAIRY TALE AND S.YA. MARSHAK'S "THE TWELVE MONTHS" PLAY**

It is discussed how the folklore fairytale plot about the twelve months is realized in works of two authors: in the prosaic fairy tale by Božena Němcová and drama fairy tale by S.Ya. Marshak. The system of characters, plot, the conflicts of works, etc. are analysed. It is revealed that S.Ya. Marshak had created an independent drama work, based on the folklore fairytale plot whereas the fairy tale by B. Němcová is rather literary elaboration of this story.

Keywords: fairytale drama, plot, the twelve months, folklore fairy tale, Marshak, Němcová.

*Хлебникова Варвара Борисовна
МГУ имени М.В. Ломоносова
istfilos@gmail.com*

**ПАВЕЛ РОВИНСКИЙ О ЧЕРНОГОРСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНЕ
КАК ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ**

На протяжении многих лет П.А. Ровинский собирал и публиковал народные песни Черногорского княжества. Он не только сохранил для следующих поколений это художественное наследие, но и начал научную обработку и осмысление накопленного материала. Актуальными и современными выглядят рассуждения ученого о том, в каком качестве фольклор может быть историческим источником. Не факты и имена, а ментальность народа, его идеалы и настроения реконструирует историк, обратившись к устному народному творчеству.

Ключевые слова: П.А. Ровинский, Черногория, героический эпос, историзм народной песни.

Павел Аполлонович Ровинский (1831–1916) – талантливый и неутомимый исследователь, проживший длинную, яркую, наполненную необычными, иногда авантюрными событиями жизнь. Он оставил следующим поколениям славистов богатое научное наследие, которое содержит удивительную по разнообразию и форме информацию. Ее значение возрастает по мере того, как отодвигается от нас рубеж XIX–XX вв. О П.А. Ровинском написаны десятки биографических и специальных работ, в которых освещены те или иные страницы его жизни и творчества [1]. И в то же время имя этого замечательного ученого вряд ли о чем-то говорит читателям, далеким от славистики. Поэтому задача изучения и популяризации его трудов остается актуальной [2]. В юности П.А. Ровинский был активным участником первой «Земли и воли», последовательным сторонником революционно-демократических идей, хитроумным конспиратором, сумевшим избежать ареста. По некоторым разрозненным и не очень надежным данным, он даже планировал организовать побег Н.Г. Чернышевского с каторги. Потом много путешествовал по миру, изучал Восточную Сибирь и Монголию, побывал в США. Главным делом своей жизни считал изучение славянских народов. Среди них первое место заняли черногорцы, с которыми, по воле случая, славист прожил более двадцати самых плодотворных в научном плане лет. В данной статье упоминание о революционных увлечениях ученого необходимо потому, что именно в Черногории он нашел общественные и исторические обстоятельства, максимально отвечавшие его представлениям о роли народа в историческом процессе. Народ для Ровинского – это не безликая масса, не отвлеченное понятие. Это совокупность ярких

индивидуальностей и творческих личностей, каждая из которых заслуживает особого внимания и уважения.

Простой, часто неграмотный черногорец в глазах русского исследователя – не только гостеприимный хозяин и надежный друг. Это человек с необычными, мифологическими представлениями об окружающем мире, о прошлом и настоящем своего края. Пастух и воин, ведущий постоянную борьбу за существование, ежедневно преодолевающий трудности, забытые большинством европейцев к началу XX в. Черногорцы жили в постоянной нужде и часто голодали, были готовы в любую минуту схватить оружие и защитить свой дом от врагов, соблюдали самые суровые племенные обычаи, в том числе обычай кровной мести. И при том оставались восприимчивыми к красоте природы, памятными хранителями преданий старины, поэтами и певцами своей патриархальной жизни. Их устное народное творчество, героический эпос, исторические предания, сказки, приметы, пословицы и поговорки так ясно раскрывали народный гений, что П.А. Ровинский не жалел физических и интеллектуальных сил для сбережения этого художественного богатства. Он много раз пешком обошел все селения Черногории, собирая и записывая тексты старинных песен и легенд. Путешествия в отдаленные пограничные края были тяжелым испытанием. Нападение волков, встреча с разбойниками-гайдуками, болезни и полное отсутствие медицинской помощи – все это были не вымышленные литературные препятствия, а суровые реалии балканской жизни рубежа XIX–XX вв. Однако риск был оправдан тем солидным результатом, которого добился ученый. Сборники народных песен, опубликованные им в начале XX в., до настоящего времени остаются предметом гордости и постоянного интереса как самих черногорцев, так и тех, кто изучает славянскую культуру и историю [3, 4].

Известный исследователь фольклора, в том числе и южнославянского, Б.Н. Путилов высоко оценил заслуги П.А. Ровинского в деле сохранения и изучения народной поэзии черногорцев. Изучая методологию слависта, Б.Н. Путилов на первое место поставил ее демократический принцип: собиратель должен жить в единстве с народом и уметь отличать в фольклоре подлинные произведения, прошедшие «народную критику». Поэтому работу своего предшественника Б.Н. Путилов назвал «блестящим вариантом черногорского хождения в народ» [5]. О тех же достоинствах трудов П.А. Ровинского писали и югославские авторы. Например, Р. Меденица, один из основателей первого исторического журнала Черногории, восхищался русским коллегой: «Трудно представить, что еще кто-либо из иностранцев так долго может оставаться в доброй памяти народа, так с ним сплотиться и так заслужить его любовь и уважение»; «Этот благородный человек был олицетворением скромности, гуманизма и готовности каждому в любое время прийти на помощь». Р. Меденица подчеркивал, что, собрав и опубликовав песни изолированного и воинственного племени Васоевичей [3], посещение которых в те времена было совсем не безопасно, П.А. Ровинский не только сохранил аутентичный, региональный, не похожий на другие сербские песни вариант черногорского эпоса. Он собрал ценнейший материал, дающий возможность изучать психологию и исторические особенности части народа, которая больше соприкасалась с враждебным внешним миром и позже других была интегрирована в собственный этнос [6].

Цель настоящего сообщения состоит в том, чтобы показать ценность собранного П.А. Ровинским фольклорного материала для современных историков, изучающих Черногорию в Средние века и Новое время. Это особенно важно, если вспомнить специфику исторических процессов, протекавших в юго-западном уголке Балкан под властью Османской империи, а также ожесточенную борьбу черногорских племен за освобождение. Изолированные в труднодоступных горных областях, черногорцы много десятилетий не имели полноценных связей с модернизировавшейся Европой. Они превратились в самобытное сообщество, ведущее почти непрерывную войну. Развитию образования и науки в этом сообществе не было места. Миф, предание, легенда, героическая песня оставались едва ли не единственной формой

исторической памяти, которую народ хранил, как правило, в устном виде, передавая из поколения в поколение. Немногочисленные письменные свидетельства о черногорцах принадлежали иностранцам, которые интерпретировали события на Балканах со своей точки зрения. Однако было бы грубой ошибкой полагаться на народную память и пытаться писать историю на основе фольклора. Заслуга П.А. Ровинского заключалась в том, что он провел четкую границу между художественным вымыслом и реальностью. Исследователь однозначно определил, в каком смысле народная песня может стать историческим источником. Песни, по его словам, – «венец свободного творчества народа в духовной его деятельности» [4, с. 1]. Искать в них факты, хронологию, имена исторических деятелей – занятие бесперспективное. В песне царит невероятная путаница событий и эпох. Например, речь идет о правителях XV – начала XVI вв. Црноевичах, но в тексте вдруг раздаётся проклятие в адрес турецкого султана: «Москови ти царство разорише» [4, с. 34]. Отношения с Россией начали складываться с 1711 г., герои XV в. никак не могли упоминать московских союзников, которые отомстят обидчикам. На фактах, упомянутых в песнях, неизбежно «лежит печать субъективности», более того, сами факты «часто создаются фантазией»; «чем отдаленнее факт, тем больше фантазии». Поэтому в песне следует изучать не событие, а «субъективное отношение к нему воспевающего его народа» [4, с. 2–3].

П.А. Ровинский настаивал на том, что в субъективности, предвзятости, «неисторичности» народной песни и кроется ее историзм. Это историзм особого рода, его трудно обнаружить в материальных памятниках культуры. В песне исследователь находит «не действительность, а субъективное понимание и представление ее певцом»; «народная песня, прежде всего, раскрывает перед нами душу народа...» [4, с. 2]. Таким образом, фольклор является важнейшим источником для изучения ментальности этноса в прошлом и настоящем. Применив этот подход П.А. Ровинского, попробуем сделать некоторые выводы об этнической самоидентификации черногорцев в XIX – начале XX вв. Ученый обратил внимание, что певцы предпочитали исполнять сербские песни, «которые поются как собственные» [4, с. 8]. Если обратиться к «хорошему певцу» с просьбой спеть «хорошую песню», он, скорее всего, запоет сербскую, повествующую о королевиче Марко, о царе Лазаре и т. д. Возможно, это будет косовская песня или песня черногорских турок, однако сербские исполнялись, по мнению слависта, гораздо чаще [4, с. 54]. Местные черногорские варианты занимали почетное второе место, причем не было одинаково популярных во всех уголках Черногории. Напротив, из местных песен «каждый край имеет свои любимые». Следовательно, черногорцы считали сербский эпос своим, любили и хорошо знали. Правители и герои минувших эпох были общими, народный язык – один, было осознание общей исторической судьбы, общая народная память. Понимая, что живет в других материальных условиях, привычками и бытом отличается от серба, черногорец не считал его иностранцем, не видел в нем чужака. Как это не похоже на сегодняшнюю ситуацию в Черногорской республике, где местная прозападная элита натужно изобретает «черногорский язык» и торопится зарегистрировать его в американских реестрах!

П.А. Ровинский, как и большинство исследователей XIX в., делил песни на лирические и эпические. В лирических сочинениях ученый находил немало информации о патриархальном характере черногорской семьи, о том, что родители сами решали судьбу своих детей, договариваясь о браке и не интересуясь чувствами молодежи [8, с. 245]. Поэтому неразделенная любовь и несчастная семейная жизнь были типичными сюжетами лирических произведений. Изучая отношения полов по текстам песен, славист подчеркивал строгие нравы черногорцев, для которых любовное влечение «должно закончиться браком, но часто родные мешают» [4, с. 13]. Забавно выглядели и социальные нюансы: «Разбирая женихов, сельские девушки не хотят выходить замуж за горожан, потому что они моты и все, что зарабатывают, тратят на табак и

кофе, а потом сидят голодные и смотрят на девушек» [4, с. 16]. В свадебных песнях славист нашел интересный материал об отношениях между племенами: «Одной из причин, почему не женились из своего племени, было то, что на брак смотрели, как на средство заключить союз с другим племенем, чтобы иметь в нем, в случае нужды, подпору и помощь» [7, с. 269]. Иногда с помощью брака «достигалось примирение» враждующих племен [8, с. 240]. Поездка за невестой в чужое племя в старину напоминала военную экспедицию. Сваты, выглядевшие как «целое войско, тронувшееся в поход», «нередко подвергались нападениям со стороны соперника, и дело решалось кровавым боем» [7, с. 269]. Еще трагичнее звучали песни, повествующие о том, как встретились две свадьбы: «ни та, ни другая не хотели уступить дорогу: дело решалось кровопролитной схваткой» [8, с. 251]. Но самые печальные песни рассказывали о молодых женщинах, отданных замуж в далекое село, окруженных недружелюбными родственниками мужа, среди которых главным недоброжелателем была свекровь. Участь молодой жены и младшей невестки выглядела незавидной.

В целом, содержание лирических песен, собранных П.А. Ровинским, вполне согласовывалось со всеми другими этнографическими и историческими данными о брачно-семейных, родовых и племенных отношениях, характерных для Черногории рубежа XIX–XX вв.

Эпос черногорцев тоже давал богатую пищу для исторических размышлений. Героические или юнацкие песни распевали только мужчины под гусли. По словам ученого, в Черногории не было «ни одного сельского дома без гуслей, и нет черногорца, который, хоть и плохо, не умел бы петь...»; «В Черногории каждый мальчик, начиная хватать отцовское оружие, хватается и за гусли» [4, с. 21]. Женщина не смела прикоснуться к этому музыкальному инструменту [4, с. 11]. П.А. Ровинский успешно толковал даже те тексты эпических произведений, которые другим фольклористам казались неясными и в чем-то нелепыми. Он показал, что в таких непонятных фрагментах отразился местный колорит (название почв, оврагов, старинных горных сел и т. п.). Ученый снова напоминал, что историческое содержание песен следует искать не в фактах и именах, это научный тупик: «Известно, что Вук Митюнович погиб со всеми черногорскими главарями в 1714 г., а между тем, он потом воскресает, чтобы в качестве арамбаши предводительствовать четой в 1758 г.» [4, с. 30]. Хороший певец, по мнению слависта, «всегда сам бывает хороший поэт» и «обращается с песней свободно, давая ей свою окраску» [4, с. 29]. Исполнитель мог забыть какие-то слова, мог соединить две песни в одну, в конце концов, ему мог больше нравиться иной вариант развития событий. Однако юнацкая песня совершенно достоверно передавала боевую повседневность черногорской жизни. Воспевались «битвы, которые случаются чуть не каждый день и возникают по поводу чисто практического значения: отбить овец, прогнать со своих пастбищ соседа или завладеть его пастбищами, воротить свою добычу и отомстить за нее добычей же, если можно, в большем размере ... и т. п.» [4, с. 36]. Эти «мелкие обычные экспедиции» быстро обрастали вымыслами: «погибнут 2–3 человека, а песня увеличит до 20–30». В повествовании исполнители не жалели слов, чтобы описать подробности схваток и, главное, виды оружия, способы его применения, тактику народной войны. Одну из военных песен ученый сравнил с описанием щита Ахиллеса в «Илиаде» за художественные подробности [4, с. 42]. П.А. Ровинский в полной мере использовал этот эмпирический материал в том разделе своей монографии, где анализировал военную историю и боевые качества черногорского народа [8, с. 1–161]. Статьи слависта о черногорской войне в русских журналах и соответствующие разделы монографии пользовались неизменным успехом у российских читателей.

Отдав должное извлечению из фольклора обстоятельств и деталей быта, показав, что устное народное творчество всегда отталкивалось от реалий народной жизни, ученый главное достоинство юнацких (героических) песен все-таки видел в эмоциональном фоне и аксиологическом наборе, который они передавали от поколения к поколению. Эпос рассказывал не об истории, а о настроении и душевных переживаниях: «Песня представляет

дело так, как оно могло и должно было происходить по мнению певца, проникнутого глубоким знанием своего народа, пониманием его души и идеалов» [4, с. 40]. Ни одна, даже самая подробная летопись не смогла бы так полно передать особенности психологического состояния этноса в ту или иную эпоху, как это сделало песенное творчество. П.А. Ровинский был убежден, что извлеченные из песен детали «прекрасно характеризуют душевное состояние черногорца ввиду решимости на неминуемую гибель. Эта сцена психологически верная действительности и в то же время очень картинная...» [4, с. 40–41]. Художественное настроение совпадало с реальным состоянием человека, готового умереть, защищая себя и свой дом; жизнь и творчество оказывались неразрывными.

П.А. Ровинский не только собрал, обработал и опубликовал народные песни черногорцев. Он сравнил результаты сочинительства в минувшее время и в начале XX в. Славист пришел к выводу, что переход от племенного уклада к государству негативно отразился на литературных процессах, наступила «фаза, неблагоприятная для народного поэтического творчества» [4, с. 54]. В стране сложился авторитарный режим правления, князь и его окружение старались контролировать общество во всем, в том числе и в художественной сфере. Была введена суровая цензура, те, кто вызывал недовольство властей, жестко преследовались. Не было «прежней свободы ни в выборе предмета, ни в его изображении по своей мысли и чувству». Певец был «вынужден попадать в тон не только правительства и стоящих во главе его личностей, но и соображаться даже с мелкими единицами, играющими какую-нибудь роль при отправлении различных должностей в осложнившемся государственном организме» [4, с. 55]. В доказательство П.А. Ровинский привел возмутительный эпизод. Некий торговец по фамилии Шобаич на собственные средства издал сборник песен о военных действиях против турок в 1876–1879 гг. В песнях упоминались участники боев, но старейшины города Никшича оскорбились, полагая, что о них было написано мало. «Имея в своих руках суд, городское управление, а также власть административную и военную, они составили решение изгнать из Черногории всех братьев Шобаичей (их было трое и все семейные люди)» [4, с. 55]. Только вмешательство князя, заступившегося за издателя сборника, спасло семейство от незаконной расправы. Славист отметил, что это был не единичный случай, а сложившаяся в бюрократическом государстве система, требовавшая от литераторов бесконечного восхваления власть имущих. «Герои» нового времени, окружавшие князя, разительно отличались от тех, кому посвящались юнацкие песни в прошлом. Прежние вожди, «представляя своей личностью воплощение доблестей и идеалов своего народа или своего племени, ни в ком не возбуждали ни ревности, ни сомнения». Авторитет этих людей был связан с боевыми заслугами: «Их слава составлялась независимо ни от каких внешних влияний, а вся держалась на их личных качествах и подвигах, и они пользовались ею, не получая от того никаких выгод и не гоняясь даже за почетом, не говоря уже каких бы то ни было внешних знаках отличия, которых в то время и не существовало» [4, с. 56]. Отдельно ученый подчеркнул особую скромность воинов старшего поколения, с которыми был лично знаком.

Перспективы художественной жизни княжества казались П.А. Ровинскому совсем не радужными. На его глазах происходила, если можно так выразиться, «монетизация» славы: участие в войне в качестве офицера (а не народного вожака) автоматически предполагало повышение по службе и награды. Поставить под сомнение доблести вышестоящего начальника означало попасть в немилость и навлечь на себя крупные неприятности. Поэтому «современная народная песня перестает быть поэтическим произведением и является только реляцией, с большей или меньшей точностью и верностью передающей факты и наблюдения, и с тенденцией угодить начальству» [4, с. 57]. Если добавить к сервильному характеру низкое качество стихов, сочиненных людьми малограмотными или вовсе неграмотными, то картина литературной жизни начала XX века выглядела как засилье графоманов, мечтающих показать

свои верноподданнические чувства и снискать расположение начальства. Единственное, что внушало слависту оптимизм, это оставшееся неизменным народное чувство правды и справедливости, верность прежним идеалам и художественный вкус, не дававший принять подделку за истинное творчество. Поэтому многочисленные псевдонародные песни, регулярно печатавшиеся в журналах, не пользовались популярностью. «...Здравый поэтический вкус одержал верх, и народ по-прежнему поет свои старые, но не стареющие песни», – утверждал П.А. Ровинский [4, с. 58].

Заключая, хотелось бы снова отметить блестящие результаты подвижнической деятельности российского ученого, потратившего много сил и времени на то, чтобы сберечь художественное достояние черногорцев. Он предстает перед нами не просто скрупулезным собирателем и исследователем. Славист поставил актуальные и современные вопросы о возможности изучения ментальности этноса в прошлом на основе литературного наследия и дал на эти вопросы положительный ответ.

Список литературы

1. Ровински П. Пјесме из Васојевића // Црногорка. 1884. №№ 6–22.
2. Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. Ч. 3. СПб, 1905.
3. Путилов Б.Н. П.А. Ровинский – собиратель, издатель и исследователь эпоса южных славян // Институт этнографии. Труды. Новая серия. Т. 104. Л., 1977. С. 145–57.
4. Меденица Р. Павле Ровински о народној појезији Васојевића // Народно стваралаштво. Фолклор. Београд, 1973. XII. Св. 47–48, 88–102.
5. Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. Ч. 2. СПб, 1901.
6. Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. Ч. 1. СПб, 1897.

Khlebnikova Varvara

PAVEL ROVINSKY ABOUT THE MONTENEGRIN FOLK SONG AS A HISTORICAL SOURCE

Over the years P.A. Rovinsky collected and published folk songs of the Montenegrin principedom. Not only he preserved this heritage for the next generations, but also began scientific exploration and comprehension of the accumulated material. The reasoning of the scientist about the role of folklore as a historical source keeps being actual nowadays. Not only facts and names, but also the mentality of the people, their ideals and moods can be reconstructed by the historian, studying the folklore.

Keywords: P.A. Rovinsky, Montenegro, the epic poetry, historicism of folk songs.

*Маслов Григорий Юрьевич
МГУ имени М.В. Ломоносова
grzegorz.mpelov@gmail.com*

ПРОЗА ПЕТРА ШАБАХА: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ

В статье поднимается проблема периодизации творчества современного чешского писателя Петра Шабаха. Предлагается и обосновывается вариант периодизации, включающий в себя два этапа, показанные в сопоставлении и противопоставлении. В качестве основания для выделения этапов перечисляются и сравниваются характерные для разных периодов творчества автора идейные и тематические доминанты, а также элементы поэтики. Обосновывается значимость предложенной периодизации прозы Шабаха для понимания ее художественного единства и эволюции.

Ключевые слова: Петр Шабах, современная чешская литература, периодизация.

Данная статья – часть более широкого исследования творчества современного чешского писателя Петра Шабаха (1951–2017), в котором изучается соотношение категорий автора, повествователя и героя в его прозе. В процессе исследования возникла необходимость периодизации творчества Петра Шабаха; этой проблеме и посвящена настоящая статья.

Петр Шабах – один из самых издаваемых и читаемых современных чешских писателей [6, с. 707]. Так, его книга «Бабушки» была переиздана девять раз, а сборник «Говно горит» – двенадцать. О высокой оценке критиков свидетельствует то, что в 2016 году Шабах получил премию Карела Чапека – она вручается чешским ПЕН-клубом – «за вклад в продвижение демократических и гуманистических ценностей в Республике и их защиту» [5, с. 7]. Также Шабах известен как автор сценариев к фильмам по мотивам собственных книг. В России же Шабаха практически не знают: он может быть знаком отечественному читателю разве что благодаря новелле «Вода с сиропом» (пер. А. Ширяев), опубликованной в 2005 году в журнале «Иностранная литература».

Среди особенностей творческой манеры Петра Шабаха можно назвать тесную связь жизненного опыта автора с тематикой его произведений, ярко выраженную автобиографичность сюжетов и героев, при этом универсальную их близость многим чешским читателям, узнаваемый авторский юмор, основанный на иронической, а в поздних произведениях – сатирической и скептической рефлексии чешских реалий [3, с. 4], а также специфический взгляд автора на мир – «снизу», с «лягушачьей перспективы», что наряду с использованием разговорного языка и привычных обывателю пространств (для чехов это, в первую очередь, пивная [1, с. 12]) сближает авторское видение мира с восприятием большинства читателей. Из чешских классиков критики чаще всего сопоставляют Шабаха с Ярославом Гашеком и Богумилом Грабалом, из современников – с Михалом Вивегом [2, с. 207].

В процессе исследования проблемы соотношения автора и героя в книгах Шабаха у автора статьи возникла необходимость рассмотреть прозу писателя с точки зрения эволюции его тематики и поэтики, что смогло стать основой для периодизации его творчества. Изучение текстов автора, вышедших в период с 1986 по 2015 год, реакции критиков на эти тексты, а также немногочисленных научных исследований, интервью Шабаха в периодических изданиях и статьей об авторе в справочниках позволило выделить следующие параметры для периодизации творчества писателя:

- идейно-тематические доминанты прозы;
- образ главного героя;
- пространственно-временная локализация;
- специфика юмора;
- избрание автором определенных литературных форм, типов повествования и композиции.

С помощью этих критериев удалось выделить два хронологически маркированных этапа творчества Петра Шабаха, отличающихся друг от друга по всем вышеперечисленным параметрам. К **первому этапу** относятся произведения автора, вышедшие до 2001 года (сборники «Как утопить Австралию» (1986, также его расширенное издание «Шакальи годы» 1993 года) и «Говно горит» (1994), романы «Особая проблема Франтишека С.» (1996) и «Бабушки» (1998), а также «Пьяные бананы» (2001). Ко **второму этапу** – произведения, вышедшие в период с 2003 (книга «Четверо мужчин на воде, или Пьяные бананы возвращаются», 2003) по 2015 год. Сюда входят также книги «Рамон» (2004), «Гражданский паспорт» (2006), «Три рождественских рассказа», «Жаль любви» (2009), «С одним ухом остро» (2011), «Маслом вниз» (2012), «Бутылка Ротшильда» (2014), «Наконец-то Рождество» и «Королевство за историю». Эти два этапа могут быть сопоставлены по

каждому из предлагаемых нами критериев:

1. *Идейно-тематические доминанты прозы.* Для первого периода характерно доминирование тем семейных отношений и взросления в коммунистической Чехословакии (сюда относится подавляющее большинство текстов, за исключением «Особой проблемы...» и новеллы «Зумф» из сборника «Шакальи годы»), тогда как для второго периода это тема поисков себя взрослым, состоявшимся индивидом в современном мире и отношений его с обществом (исключением являются сборники, повествующие о детстве).

2. *Образ главного героя и его отношения с миром.* В ранних произведениях главным героем зачастую является подросток или ребенок, чья личность находится в процессе формирования и на которого влияет внешний контекст, также в текстах с доминирующей темой семейных отношений главный герой – отец семейства. В поздних книгах герой, как правило, ровесник автора, отношения с семьей отступают на второй план ввиду их окончательного оформления, в центре же повествования оказываются отношения с друзьями. Кроме того, в поздних прозах автор подчеркивает не динамику, а стабильность отношений и связей.

3. *Пространственно-временная локализация.* На первом этапе творчества в качестве места действия выбирается, как правило, пражский район Дейвице, где рос сам Шабах, а действие разыгрывается в период с 1951 до 1989 г. (со дня рождения реального автора до «бархатной революции»). На втором этапе творчества пространство расширяется значительно чаще: помимо Дейвиц, действие происходит в Лондоне (вторая половина «Бутылки Ротшильда»), Америке («Наконец-то Рождество»), Монголии («Халдзан дзах» (Chaldzandzach) из сборника «Королевство за историю») и в вымышленной деревне Козлодеи («Рамон»).

4. *Специфика юмора.* Доминантой отношения героя к миру у раннего Шабаха является ирония, а у позднего – сатира и скепсис.

5. *Типы повествования и композиция.* В раннем творчестве Шабаха наблюдается разнообразие литературных форм (романы, рассказы, новеллы, повести), типов повествования (например, от первого лица – «Особая проблема...», «Вода с сиропом»; от третьего лица – «Бабушки», Bellevue), композиций (в «Бабушках» композиция фрагментарная, в то время как «Особая проблема...» – более целостное произведение с параболической композицией), художественных приемов (в этот период творчества Шабах неоднократно прибегает к постмодернистским приемам вроде появления на страницах книги образа «автора-творца», как в «Воде с сиропом», отсылок к библейским сюжетам, как в «Особой проблеме...», культуре рок-н-ролла в «Как потопить Австралию» или комиксам в «Зумфе»). Во втором периоде творчества у Шабаха появляется доминирующий жанр – роман с фрагментарной композицией, представляющий собой набор анекдотов [4, с. 19]; для этого периода также характерно однообразие типов повествования, повторение тем и мотивов.

Таким образом, нами предлагается следующий вариант периодизации творчества Петра Шабаха. В первый (ранний) период входят тексты, написанные Шабахом до 2001 года. Он характеризуется становлением поэтики и присущим этому процессу разнообразием, а также ориентацией на осмысление молодости в контексте коммунистического прошлого. Второй период – зрелый, или современный, – охватывает тексты, написанные и впервые вышедшие с 2003 по 2017 год, и характеризуется жанровым, стилистическим и тематическим единством без введения новых тем и сюжетов, а также доминированием темы самоопределения взрослого человека в контексте современных общественных порядков.

Есть основания полагать, что данный вариант периодизации и предложенные критерии позволят более детально сравнивать конкретные аспекты творчества Петра Шабаха на разных этапах его творческого пути, изучать их эволюцию, а также сопоставлять творчество этого писателя с современниками и классиками.

Список литературы

1. Automat svět: Výbor z povídek. Hrabal, Bohumil. Doslov E. Frynta. 1. vyd. Praha: Mladá fronta, 1966.
2. Gilk E. Prodloužená čára života? // Labyrint revue. 2003. Č. 13–14.
3. Jůzl J. Hovno prý hoří // Labyrint. 1995. Č. 1.
4. Peňás J. V čem se dobře cítí humorista aneb ráje plandavosti // Mladá fronta Dnes. – 10. ledna 1995.
5. Petr Šabach dnes převezme Čapkovu cenu. ČTK // Lidové noviny. – 2016 (roč. 29). – Č. 5.
6. V souřadnicích volnosti – V souřadnicích volnosti: česká literatura devadesátých let dvacátého století v interpretacích / Vodička, Libor (ed.). Praha: Academia, 2008.

Maslov Grigory

PETR ŠABACH'S PROSE: PROBLEM OF WRITING PERIODIZATION

The article touches upon the problem of the modern Czech author Petr Šabach's prose periodization. A periodization variant which includes two periods is being suggested and justified, both periods of writing are represented in comparison and contrast. The periodization is based on those ideological and thematic dominants and poetic manner elements characteristic of each of the periods of Šabach's writing. The article justifies how the suggested periodization can contribute to an interpretation of the integrity and evolution of Šabach's prose.

Keywords: Petr Šabach, contemporary Czech literature, periodization.

Королькова Полина Владимировна

*Российский государственный гуманитарный университет
korolkovapolina@mail.ru*

РУССКАЯ ТЕМА В ХОРВАТСКОЙ РОК-ОПЕРЕ: СЕКРЕТЫ УСПЕХА МЮЗИКЛА «ЯЛТА, ЯЛТА»

В статье рассматриваются причины успеха мюзикла «Ялта, Ялта», который на протяжении почти двадцати пяти лет, начиная с 1971 г., не сходил с хорватской сцены и был восстановлен в Загребе уже в наши дни (2009 г.), вновь обретя популярность. Судьбоносные события 1945 г. даже не упоминаются в рок-опере; «Ялта, Ялта» превращается в сказку на все времена со счастливым финалом – сказку на экзотическом («русская тема» в целом достаточно слабо представлена в хорватской культуре), однако знакомом и актуальном историческом материале. Блестящее либретто вместе с запоминающимися мелодиями, яркой режиссурой и звездным актерским составом подарили мюзиклу долгую жизнь.

Ключевые слова: культура Хорватии, мюзикл, Ялтинская конференция.

Премьера хорватского мюзикла «Ялта, Ялта» состоялась 28 декабря 1971 г., почти пятьдесят лет назад, в Загребе в театре «Комедия». Этот мюзикл имел огромный успех не только на родине, где во время гастролей театра исполнялся практически во всех крупных городах Хорватии и во многих городах союзных республик Югославии, но и в других европейских странах (Австрии, Италии, Норвегии). Его появление в значительной степени изменило в целом негативное отношение к развлекательной и так называемой «легкой» музыке, доминировавшее в стране в те годы. На протяжении практически четверти века в

исполнении одних и тех же певцов и актеров он не сходил с хорватской сцены и пережил даже годы войны в первой половине 1990-х. В общей сложности за это время прошло 534 представления (более ста в течение первого года) – по частоте исполнения мюзикл всего за два десятилетия занял третье место после знаменитой национальной оперы «Никола Шубич Зринский» Ивана Зайца, исполняемой начиная с 1876 г., и комической оперы Якова Готоваца «Эро с того света», премьера которой состоялась в 1935 г.

После окончания войны, в 1995 г., мюзикл «Ялта, Ялта» перестал исполняться: представителей культуры и в целом хорватское общество интересовала совсем иная и, конечно, более злободневная тематика. Однако не так давно, в 2009 г., мюзикл был восстановлен в Загребе и вновь обрел невероятную популярность у нескольких поколений хорватских зрителей. Почему же «русская тема», в целом весьма небогато представленная в хорватской культуре, волновала создателей мюзикла и почему именно она нашла отражение уже во втором произведении, созданном в Хорватии в этом жанре?³⁷ В чем специфика ее воплощения в опере? Почему непосредственно исторические перипетии так мало занимали автора либретто? Почему, наконец, «Ялта, Ялта» на протяжении вот уже почти полувека пользуется неизменным успехом у хорватского зрителя, а шлягеры из нее известны и старшему, и младшему поколению? На эти и некоторые другие вопросы мы попытаемся предложить ответы в данной статье.

Конечно, в большой степени секрет успеха рок-оперы заключается в запоминающихся мелодиях замечательного композитора Алфи Кабилю³⁸, прекрасной яркой режиссуре Владо Штефанчича (несмотря на 80-летний возраст, именно он восстанавливал «Ялту, Ялту» в 2009 г.) и обаянии исполнительницы главной женской роли Санды Миладинов-Лангерхольц, которая блистала в спектакле на протяжении 23 лет (сегодня роли исполняют, конечно, другие, но тоже очень талантливые актеры театра «Комедия»). Подкупает тонкий юмор и комические эффекты, связанные с использованием многочисленных элементов русского и английского языков. (Знание самих этих языков, конечно, вовсе необязательно для понимания зрителем смысла спектакля³⁹, однако на уровне звучания использование существующих, а зачастую и выдуманных «русских» и «английских» слов, имитация русского, английского и американского произношения создает поистине неповторимый эффект, в том числе и чисто музыкальный, и дополняет и без того объемные образы главных героев.)

Однако представляется, что первоначально привлекала зрителей прежде всего тема «Ялты, Ялты». Интересно и, конечно, вовсе не случайно, что непосредственно исторические перипетии так мало занимали автора либретто, хорватского драматурга и сценариста, преданного сотрудника загребского театра «Комедия» Милана Гргича. В основе либретто лежит историческая встреча Иосифа Сталина, Уинстона Черчилля и Теодора Рузвельта в Ялте в феврале 1945 г., однако имена политических деятелей, как и судьбоносные события того времени, даже не упоминаются в опере. Вместо них возникает собирательный образ неких трех генералов, договаривающихся о послевоенном разделе мира на сферы влияния. Главными же героями становятся три адъютант-камердинера – русский Гриша, англичанин Стэнли и американец Ларри, которые вынуждены вместе жить на вилле «Арамовски». Их основная обязанность заключается в том, чтобы просушивать и проветривать генеральское белье. Подобно тому как в высших сферах в атмосфере дипломатических интриг идет

³⁷ Первым национальным мюзиклом можно назвать «Большую гонку» (Velika trka) 1969 г. композитора Алфи Кабилю, который через два года создал «Ялту, Ялту».

³⁸ Высокое качество партитуры подтверждает и тот факт, что в городе Осиек (Хорватия) версия «Ялты, Ялты» исполняется в Хорватском национальном театре оперными певцами.

³⁹ Впрочем, старшее поколение обычно помнит отдельные слова по урокам русского языка, входившего в школьную программу в Югославии, а младшее поколение чаще всего прекрасно владеет английским.

процесс раздела мира, главные герои мюзикла не на жизнь, а на смерть борются друг с другом за бельевую веревку и пытаются добиться благосклонности директрисы виллы, красавицы Нины Филипповны. Четверо персонажей связаны одной тайной: они верят, что в районе Антарктиды существует некая «зеленая поляна», полная цветов, – земля обетованная, на которой не властно зло и куда каждый из камердинеров мечтает попасть вместе с Ниной Филипповной.

Добросердечная Нина Филипповна старается поддерживать хорошие отношения среди своих беспокойных поклонников, однако после того как русский камердинер Гриша ночью развешивает мокрое белье на принадлежащей англичанину и американцу части веревки, это становится решительно невозможно. В конце концов конфликт разрешается, генералы договариваются о том, что «зеленая поляна» не будет принадлежать ни одной из мировых держав, а Нина Филипповна и камердинеры решают, что в один прекрасный день они все вместе поедут на волшебную поляну и обретут там покой и счастье.

Для того чтобы понять, что на самом деле стоит за подобным сюжетом, который с точки зрения русского зрителя выглядит, возможно, наивно, а кому-то может показаться и достаточно странным (а представить такой сюжет в Советском Союзе начала 70-х гг. уж тем более невозможно), нужно обратиться к историческим событиям конца 1960-х – начала 1970-х гг. в Хорватии, входившей тогда в состав СФРЮ. Это было время политического движения «Хорватская весна» (или «массовое движение» – «маспок»), ставившее своей целью расширение прав хорватов в федерации, проведение экономических и демократических реформ. Год 1971 прошел под знаком студенческих демонстраций в Загребе, которые были подавлены полицией, в Хорватской компартии и местной администрации прошли чистки, многие студенческие активисты были арестованы и приговорены к лишению свободы. Период после подавления движения Хорватской весны, охватывающий почти двадцать лет, был назван временем «Хорватского молчания».

Итак, символичным оказывается сам выбор сюжета и угол зрения, под которым тема предстает перед зрителем: событие мирового значения, заявленное в названии, отодвигается на второй план, а на первый план выходят судьбы «маленьких людей», их внутренний мир, переживания и бытовые конфликты, в результате чего получается «рассказанная средствами музыки, песни, танца современная сказка» [3, с. 10]. (Здесь и далее перевод наш. – П.К.). Необходимо учесть, что в сознании хорватов (да и в целом, наверное, любого иностранца, специально не интересующегося историей и культурой России) после Второй мировой войны город Ялта мог вызывать только одну ассоциацию – с Ялтинской конференцией. Кроме того, за этим названием неизбежно возникал и ряд ассоциаций, связанных с образом послевоенного СССР в Югославии – образа, который неизменно ухудшался после конфликта Тито со Сталиным, событий Венгерского восстания 1956 г. и особенно событий в Чехословакии 1968 г., реакция на которые была резко отрицательной как на дипломатическом уровне, так и в югославском обществе.

Таким образом, повторенное дважды в названии мюзикла слово «Ялта» не могло не спровоцировать определенные зрительские ожидания, которые впоследствии нарушались за счет резкого переноса акцента с событий «большого мира» на события «малого мира» обитателей виллы Арамовски. Зрителя перестают волновать перипетии переговоров лидеров великих держав, он искренне сочувствует обманутым Стэнли и Ларри, лишившимся своей части веревки, а затем и Грише, не добившемуся благосклонности Нины Филипповны.

Наивно-оптимистический финал призван внушить зрителю веру в то, что в период самых тяжелых испытаний остается надежда – где-то в мире есть «зеленая поляна», о существовании которой не догадываются власть предержащие и которая открыта только простому человеку. Показательно, что в обеих рецензиях на мюзикл, вышедших по случаю пятисотого представления весной 1992 г., во время трагических военных событий, звучит

идея о том, что только оптимизм и радость способны бороться с ужасом настоящего и что во время войны надежда и вера нужны народу, как никогда. Эта идея, конечно, как нельзя более актуальна в Хорватии и сегодня, поэтому шлягер «Neka cijeli svijet» («Пусть весь мир»), завершающий оперу, могут с удовольствием напеть сегодня многие хорваты, мечтая о времени, когда «вся наша Земля станет счастливой...» и в один прекрасный день «весь мир превратится в зеленую поляну» [1]. По словам композитора Альфи Кабилю, произнесенным по случаю представления мюзикла на площади короля Томислава в Загребе 4 июля 2018 г., «“Ялта” всегда актуальна, потому что всегда будет существовать скрытый конфликт великих держав, который отражается на судьбах малых народов и государств. Однако, несмотря ни на что, всегда нужно радоваться, надеяться и верить в добро и мир во всем мире» [2]. В целом, как вспоминает в интервью режиссер Владо Штефанчич, не только во время репетиций, но и на протяжении самих спектаклей актеры импровизировали и добавляли в текст высказывания на остро актуальные темы, создавая единое игровое «пространство понимания и узнавания», разрушая границы между сценой и зрительным залом [3, с. 4]. Ни одно представление не было похоже на предыдущие. Подобные элементы импровизации, а также актуализации сюжета можно заметить на представлениях и сегодня, когда «крымская тема» возникла в Европе уже в связи с событиями 2014 г. Так, например, по сравнению с Ниной Филипповной 1971–95 гг. современная Нина Филипповна обрела украинскую косу, как у Юлии Тимошенко, и уже в самом начале мюзикла подчеркивается, что она является не русской, а украинкой.

Итак, можно утверждать, что значимым в свете вышесказанного становится не просто неожиданный поворот темы как таковой, а сам принципиальный отказ автора либретто от «серьезной» разработки «большой» темы. Для этого жанр легкого и веселого мюзикла – современной и немного экзотической сказки для взрослых с историческим сюжетом и политическим подтекстом, актуальным во все времена, – оказывается как нельзя более подходящим.

Список литературы

1. Grgić M. Neka cijeli ovaj svijet // [Электронный ресурс] URL: <https://tekstovi.net/2,3450,42558/html> (дата обращения: 15.06.2018).
2. “Jalta, Jalta” u srijedu na Tomislavcu! // [Электронный ресурс] URL: <http://www.komedija.hr/www/jalta-jalta-u-srijedu-na-tomislavcu/> (дата обращения: 15.06.2018).
3. Lušetić T. Jalta, Jalta! Zagreb, 2017.

Korolkova Polina

THE RUSSIAN THEME IN A CROATIAN ROCK OPERA: THE SECRETS OF SUCCESS OF THE MUSICAL “YALTA, YALTA”

This article analyzes the success of the musical “Yalta, Yalta” (1971) which was staged in Zagreb for almost 25 years and after a break was triumphantly renewed in 2009. The 1945 historical events pass all but unnoticed in this rock opera, which becomes a timeless fairy tale with a happy end. The story is exotic insofar as the “Russian theme” is marginal to the Croatian culture, yet it is embedded in the familiar historical material of current interest. Brilliant libretto along with the easy-to-remember melodies, outstanding directing and famous actors combined to secure the musical its enduring success.

Keywords: Croatian culture, musical, Yalta Conference.

СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ананьева Наталья Евгеньевна
МГУ имени М.В. Ломоносова
ananeva.46@mail.ru

ПОЛОНИЗМЫ В РАССКАЗЕ Н.С. ЛЕСКОВА «АНТУКА»

В статье анализируются полонизмы, употребленные в рассказе Н.С. Лескова «Антука» в целях передачи локального колорита и этнической маркированности персонажей польского происхождения. Рассматривается ряд способов введения полонизмов в текст: без объяснения, с авторским объяснением, с неполным (частичным) объяснением, с приведением русского эквивалента в узком или более широком контексте. Среди вводимых польских существительных выделяются ономастическая и апеллятивная лексика

Ключевые слова: польский язык, полонизм, русская литература, собственное имя существительное, нарицательное имя существительное, часть речи.

В русской художественной литературе XIX–XXI вв. (и даже в более ранний период) представлен значительный слой полонизмов, что обусловлено тесным взаимодействием польского и русского этносов на протяжении длительного исторического периода. В XVI–XVII вв. польский язык оказывал огромное влияние на русский: в русский язык входило множество полонизмов, одновременно польский язык служил проводником в русский многих слов из европейских языков (латыни, немецкого). Интерес к польскому языку и польской культуре не угасает в российском обществе и после утраты Речью Посполитой независимости в конце XVIII в. Достаточно вспомнить то обстоятельство, что многие русские писатели (например, И.А. Бунин) изучали польский язык специально для того, чтобы читать в подлиннике произведения А. Мицкевича.

Польский интертекст в гипертексте русской художественной литературы XIX–XXI вв. представляет собой единый формально-смысловой комплекс, в котором совокупность разноуровневых формальных средств (план выражения) служит для передачи определенных смыслов (план содержания). При этом следует различать план содержания, соотносящийся с языковым знаком («план языкового содержания»), и план содержания, соотносящийся с текстом художественного произведения («план текстового содержания»). К плану текстового содержания относятся функции, которые выполняют полонизмы в произведениях русской художественной литературы (о функциях полонизмов в гипертексте русской художественной литературы см. [1, с. 11–23]), а в пределах наиболее частотной из выделенных нами функций передачи локального колорита и национальной маркированности польского персонажа – система стереотипных образов поляков (гордого польского пана, прекрасной и одновременно нередко коварной польки, нечистого на руку управляющего, ксёндза и др.). Подробнее о составляющих польского интертекста в русской художественной литературе см. [2, с. 249–262].

Как уже неоднократно нами отмечалось, с польским языком в наибольшей степени были знакомы русские писатели, тем или иным образом (по рождению, по месту службы и т. д.) связанные с восточными окраинами бывшей Речи Посполитой – так называемыми Кресами. Н.С. Лесков, полонизмы которого в рассказе «Антука» являются предметом анализа в данной статье, продолжительное время служил в Киеве, где и овладел польской речью.

В рассказе Н.С. Лескова «Антука» полонизмы и польские реалии используются для передачи «гения места» – локального колорита и этнической маркированности персонажей

польского происхождения. Действие рассказа происходит в корчме, расположенной в районе галицийских соляных копий. Как и у других писателей XIX в., полонизмы здесь приводятся в транслитерации (гражданский вариант кириллицы). Только один раз Лесков использовал словосочетание, написанное по-польски, т. е. латиницей: «*Stara Polska*» – «давняя Польша». Об экзотичности лексемы, ее принадлежности иноязычному (польскому) языковому коду или нерусскому (польскому) персонажу сигнализирует заключение соответствующего слова в кавычки. Вводимое польское слово (в кавычках или без них) может не объясняться автором (например: *полендвица*, *шинка*, *каплица*). При этом ряд таких слов поясняют редактор или автор комментариев к рассказу (мы пользуемся сборником произведений Н.С. Лескова [3, с. 443–471], составителем которого и автором комментариев является А.А. Шелаева). Тем не менее некоторые польские слова остаются не объясненными ни в авторском тексте, ни в комментариях (например, слово *каплица* или так называемые «скрытые полонизмы», о которых см. ниже). При наличии объяснения выделяются следующие ситуации:

- Наличие авторского объяснения, которое может непосредственно предшествовать вводимому полонизму (препозитивное употребление русского эквивалента в контактном типе контекста); пример: «он [Игнаций – Н.А.] ходил... в панталонах, заправленных в *сапоги*, которые называются “*бутами*”» [3, с. 445]. (Здесь и далее курсив наш. – Н.А.).

- Неполное (частичное) авторское пояснение. Пример: «Перед оконцем полка и на ней неизысканная выставка закусок: жареный гусь, обложенный кисло-сладкой капустой; *бигос* из колбас и капусты» [3, с. 443]; «Есть также *бигос* с капустою» [3, с. 443]. Автор не объясняет точно, что такое *бигос*, но дает представление о его основных ингредиентах: капуста (какая? Неясно: сырая, вареная, тушеная?), колбаса. Не случайно автор комментариев сочла нужным объяснить это слово: «бигос – блюдо вроде мясной солянки». На самом деле это не солянка (первое блюдо), а второе блюдо (тушеная капуста с колбасой и специями). Также частично объясняется лексема *маслач* (в прејскуранте «значится несколько венгерских вин, между которыми подчеркнут «*маслач*» [3, с. 443]). Однако какого рода это венгерское вино (сладкое), из контекста неясно.

- Русский эквивалент заменяет полонизм в узком или более широком контексте. Русский эквивалент может приводиться в препозиции или постпозиции по отношению к полонизму. Пример объяснения лексемы *щупак* – польск. *szczupak* ‘щука’: «Но есть также... и жидовский *щупак* с шафраном... Что? Как вам это нравится? *Щупак* отлично приготовлен. Знаете – *щука* в своей коже. Я вам особенно рекомендую эту *штуку*» [3, с. 449] (русский эквивалент употреблен в постпозиции относительно полонизма в дистантном типе контекста). Кроме того, обращает на себя внимание «забава в фонетику»: *щупак* – *щука* – *штука*.

Полонизмы являются компонентами ономастического пространства рассказа и относятся к субстантивной апеллятивной лексике. Из онимов – это в первую очередь антропонимы – имена действующих лиц: корчмарь *Игнаций* (польск. *Ignacy*), жандарм *Гонорат* (польск. *Honorat*), *Цезарий* (польск. *Cezary*), охотник *Целестин* (польск. *Celestyn*), ксёндз *Флориан* (польск. *Florian*; ср. также притяжательное от антропонимического прилагательное *Флорианов* («Флорианов голос» [3, с. 469]), мазур *Якуб* (польск. *Jakub*), модификации от имен Станислав и Ян – *Стаська* (сын Гонората) и *Яська* (сын Морица).

Любопытна форма имени поляка-корчмаря *Мориц* – его имя отличается от польского варианта *Маурицы* (польск. *Maurycy*) и совпадает с немецким (ср. имя исторического персонажа, маршала Франции, но немца по происхождению, внебрачного сына польского короля и курфюрста саксонского Августа II Сильного и Авроры фон Кёнигсмарк Морица Саксонского, одного из предков Жорж Санд). Это совпадение не случайно: оно является показателем «прусского» (познанского) происхождения корчмаря и одновременно его некоего «космополитизма». Ср. характеристику Морица, данную повествователем: «Он с одинаковым удобством может быть принят за поляка, как и за чеха или за венского немца...

Мориц говорит с *одинаковою бойкостью и свободою как по-польски, так и по-немецки*, и притом не выказывает ни к одному из этих языков никакого предпочтения... Судовольствием и улыбкою он только произносит некоторые фразы по-французски... Фразы эти Мориц, по собственной его откровенности, усвоил в Париже, где он побывал, состоя барабанщиком при одном из “победоносных региментов”, повергших Францию в лапы прусского орла... *Мориц – познанский поляк...*» [3, с. 446]).

Антропоним *Мориц*, противопоставленный собственно польскому имени *Игнаций*, подчеркивает разницу между лишенным ярких национальных черт носителем первого имени и «матерым, чистокровным поляком», обладающим вторым именем.

Функцию маркера «нерусскости» выполняет искажение фамилии русского полководца Суворова в устах поляка Гонората: «Ну, *Суваров!*»; «Кто же у них вместо *Суварова?*» [3, с. 452]; «А не хочешь ли ты, я тебе расскажу кое-что постыднее, чем не знать про *Суварова?*» [3, с. 453].

Имя польской королевы Боны (второй жены Сигизмунда Старого) употреблено в составе микропонима (пример см. ниже).

Меньшую группу по сравнению с антропонимами составляют топонимы, ассоциирующиеся с Польшей. Название страны – *Polska* ‘Польша’ («*Stara Polska*»), название региона – *Галиция*, астионимы – *Гродно*, *Злочев* (ср. «Пошел слух в народе, что под *Злочевом* в лесу на пасеке поселился человек святой жизни» [3, с. 466]). Ср. также адъектив, образованный от астионима Познань, – *познанский* («*Мориц – познанский поляк*» [3, с. 446]).

Отмечено также два микропонима – название заповедника *Беловежская пуца*: «Если только вы не бывали в забранном крае за Гродном, в *Беловежской пуце*, то и не можете есть» [3, с. 449] (слова Морица) и название холма *конец королевы Боны*: «...я видел сегодня на заре, как он сидел, глядя на *конец королевы Боны*» [3, с. 452] (слова Морица).

Словосочетание «чешская Прага» («вы лучшей шуки не найдете даже в самой *чешской Праге* на жидовском базаре» [3, с. 444] – слова Морица) предполагает знание о существовании «польской Праги» (т. е. района Варшавы, расположенного на правом берегу Вислы).

В рассказе встретилась также одна из двух наиболее распространенных в русской литературе номинаций польских икон: *Остробрамская Божья Матерь* (*Matka Boska Ostrobramska* – находится в Вильно, совр. Вильнюс). *Остробрамская Божья Матерь* и *Ченстоховская Божья Матерь* (*Matka Boska Częstochowska* – находится в Ченстохове, в монастыре паулинов на Ясной Горе), являясь наиболее почитаемыми польскими католиками иконами, нередко упоминаются в русской литературе XIX–XX вв., описывающей поляков и польские реалии (ср. В.Г. Короленко, К.Г. Паустовский, А. Бруштейн). Пример из текста рассказа: «А я видел *Остробрамскую Божию Матерь*, она мне приказывает» [3, с. 457] (слова ксёндза Флориана).

Наконец, в тексте представлены этнонимы, ассоциирующиеся с Польшей (*поляк*, производное этнонимическое наречие *по-польски*, *мазур* с производным адъективом *мазурский*) или с польским языком (*жид* – польск. *Żyd* ‘еврей’). Последняя лексема известна русскому языку как пейоративная, хотя во времена А.С. Пушкина широко употреблялась, по всей видимости, и без негативной семантики. Наличие у Н.С. Лескова только слова *жид*, а также производных адъектива (*жидовский*) и наречия (*по-жидовски*) поддерживается польскими нейтральными лексемами *Żyd* ‘еврей’, *żydowski* ‘еврейский’, *po żydowsku* ‘по-еврейски’.

Проанализируем состав апеллятивной лексики, используемой автором для создания местного польского колорита. Наибольшее число полонизмов – это субстантивы, а также образованные от них прилагательные и наречия. Среди существительных выделяются следующие лексико-семантические группы:

1. Названия блюд, еды, напитков.

Это наиболее репрезентативный лексический пласт, высокая частотность которого обусловлена местом действия (корчма, хозяин которой предлагает клиентам разнообразные блюда), а также другими поворотами сюжета (рассказ Гонората о голоде в повстанческом отряде).

Лексемы: *бигос* (польск. *bigos*), *капустняк* (польск. *kapuśniak* ‘щи’), *курка* (польск. *kurka* ‘курочка’), *лозанки* (польск. *lazanki* ‘лапша’), *маслач* (польск. *maślacz* ‘сладкое венгерское вино’), *полендвица* (польск. *połędwica* ‘филейная вырезка’), *шинка* (польск. *szynka* ‘ветчина’), *щупак* (польск. *szczupak* ‘щука’).

В ряде случаев лексема, выглядящая по-русски, тем не менее является полонизмом (так называемый «скрытый полонизм»). Так, блюдо *воловьья печень* («есть зразы, есть *воловьья печень*» [3, с. 448]) представляет собой транслитерацию польск. *pieczeń wołowa* ‘говяжье жаркое’ (с изменением в соответствии с русским языком порядка следования существительного и прилагательного), а указанная в перечне закусок «жареная *серна*» ассоциируется с польск. *sarna* ‘косуля’ (хотя слово «серна» безусловно известно русскому языку, но в таком кулинарном контексте естественнее выглядела бы «косуля»).

2. Названия одежды: *чемарка* (польск. *czamarka* ‘венгерка’), *буты* (польск. *buty* ‘сапоги; ботинки’).

Пример из текста: «Он (Игнаций. – Н.А.) ходил в темной *чемарке* из довольно грубого, но зато настоящего, “хозяйственного” польского сукна, в панталонах, заправленных в сапоги, которые называются “*бутами*”, и в поясе с бляхой» [3, с. 445].

3. Названия помещений: *хата* (польск. *chata*), *халуна* (польск. *chalupa*), *каплиця* (польск. *kaplica* ‘часовня’).

Хотя слова *хата* и *халуна* широко известны в русском языке, само употребление только этих слов и отсутствие распространенного в России германизма *изба* ‘дом’ – показатель «ожного» (малороссийско-польского) колорита (в польском *izba* – ‘комната’). Примеры из текста: «иди, отпochни у меня в *халупке*» [3, с. 467] (слова ксёндза Флориана); «не студите бедной шляхетской *хаты*» [3, с. 451] (Мориц Гонорату).

Как уже отмечено выше, ни Н.С. Лесков, ни составитель издания А.А. Шелаева не дают объяснения лексеме *каплиця*, которая, хотя и довольно часто используется русскими писателями, описывающими польские реалии (от В.Г. Короленко до К.Г. Паустовского), тем не менее при отсутствии русского эквивалента может стать преградой для адекватного восприятия текста. Из нижеприведенного контекста можно сделать вывод о том, что *каплиця* – это какое-то место, связанное с отправлением религиозного культа. Но что это за место, остается неясным. Пример контекста: «В Париже не учился (ксёндз Флориан. – Н.А.), а молодчина: он весь свой век все пел в *каплице* да дома сливы мариновал с экономкою, а однако знал все тропинки в полях и все лесные входы и выходы» [3, с. 458] (слова Гонората о ксёндзе Флориане).

4. Наименование транспортных средств: *фурманка* (польск. *furmanka* ‘телега; подвода’). Примеры из текста (все контексты из рассказа Гонората о восстании): «Снимите с двух *фурманок* вожжи» [3, с. 460]; «Все и стали сокрывать, – кто полой голову накроет, будто спит, кто под *фурманку* отползет и тоже будто заснет» [3, с. 459].

5. Названия военных подразделений: *отдел* (польск. *oddział* ‘отряд’), *регимент* (польск. устар. *regiment*). Выглядящее совсем «русским» и потому никак не объясненное ни автором, ни составителем слово *отдел* (ср. то же с «воловьей печенью» и «серной») тем не менее соотносится с польск. *oddział*, причем речь идет о военном подразделении. Примеры из текста: «Фразы эти Мориц... усвоил в Париже, где он побывал, состоя барабанщиком при одном из “победоносных *региментов*”, повергших Францию в лапы прусского орла» [3, с. 446] (кавычки указывают на принадлежность слова *регимент* речи Морица); «Гонорат начал с того, как он был в повстанье в *отделе* у какого-то пана Цезария, и очень его хвалил» [3, с. 455].

6. Названия политических реалий и событий: *повстанье* (польск. *powstanie* 'восстание'), *забранный край* (польск. *zabrany kraj* 'оккупированный край'), ср. польск. *zabrać* 'занять, оккупировать' и производное от глагола существительное *zabór*.

Примеры контекстов:

• *повстанье*: «Гонорат начал с того, как он был в *повстанье*» [3, с. 455]. Ср. производное прилагательное *повстанский* («польско-русский» гибрид, имеющий корень, соотносящийся с польск. *powstanie*, и общеславянский суффикс, не употребляющийся с этим корнем ни в польском, ни в русском: *повстанческий*, *powstańczy*): «Клянусь, что это что-нибудь из вашей *повстанской* службы» [3, с. 455].

• *забранный край*: «Если только вы не бывали в *забранном крае* за Гродном...» [3, с. 449] (слова Морица).

7. Наименования лиц:

а) по возрастной характеристике: *панянка* (польск. *panienka* 'девушка'), *хлопец* (польск. *chłopiec* 'мальчик'), *паныч* – зд. 'молодой человек' (польск. *panicz*).

б) по социальному положению: *ксёндз* (польск. *ksiądz*) и притяжательное прилагательное *ксендзов*, *пан* и прилагательное *панский* (польск. *pan*; употребляется также в качестве формы обращения к мужчине), *принципал* (польск. *pryncypał* 'хозяин'), *шляхтич* (польск. *szlachcic* 'дворянин, шляхтич'), собир. *шляхта* (польск. *szlachta*) и производный адъектив *шляхетский* (польск. *szlachecki*). На вышестоящее по отношению к говорящему положение указывает также лексема *добродзей* (польск. *dobrodziej* 'благодетель, милостивец'). Но употребленная в тексте только в функции обращения «*пане добродзею*», она обозначает лишь вежливое (устаревшее в настоящее время) обращение «сударь, милостивый государь; батюшка, батенька». Большая часть вышеуказанных слов вошла в русский язык в качестве маркеров польских реалий или приметы национальной принадлежности персонажей.

Не менее часто, чем маркер национальной принадлежности лица, лексема *пан* употребляется в функции обращения, обычно в прямой речи, адресованной собеседнику – участнику коммуникации. При этом *пан* может функционировать как в форме имен. п. ед. ч., так и в специфической для польского языка форме вокатива (с окончанием *-e*) и сопровождается либо личным именем, либо указанием на должность / профессию адресата, названия которых также употреблены или в имен. п., или в звательной форме.

Примеры с имен. п. ед. ч. в функции обращения: «Почтенный *пан Целестин*, вы не можете судить чужую душу» [3, с. 465] (прямая речь Гонората); «Вы, *пан Целестин*, напрасно с Бутько взыскиваете, – заметил Мориц» [3, с. 449]; «В чей же бенефис, *пан капитан*, вы нас хотите повесить? – спросил Мориц. – А это для меня безразлично, *пан трактирщик*, – отвечал шаловливо Гонорат» [3, с. 470].

Примеры звательной формы *пане*: «Эх, *пане Целестин*, да где нынче взять людей, которые не врут!» [Там же, с. 449] (прямая речь Морица); «И я их (рохлей. – Н.А.) терпеть не могу, *пане капитане*» [3, с. 454] (слова Морица, обращенные к Гонорату); «Просим, просим вас, *пане капитане*» [3, с. 451] (Мориц – Гонорату).

В речи Морица, адресованной жандарму Гонорату, наряду с обращениями «*пан капитан*», «*пане капитане*» (а также формами вокатива без *пан*, которые приводятся ниже, при рассмотрении специфических средств прямой речи), трижды использован также русский эквивалент «господин капитан».

Русскому языку известна лексема *принципал*, но в значении 'хозяин' она употреблена не без влияния польского соответствия. Кроме того, сочетание латинского высокого слова с номинацией *корчма* придает характеристике владельца этого заведения иронический

оттенок. Пример из текста: «Теперешний *принципал корчмы*, пан Мориц, с первого взгляда производил иное, как будто легкомысленное впечатление» [3, с. 445].

в) По вероисповеданию: *католик* (польск. *katolik*).

Вошедшая в русский язык лексема *католик* является дополнительным маркером этнической (в данном случае польской) принадлежности персонажа. В тексте употребляется в словосочетании *добрый католик* (о семантике определения скажем ниже), что равнозначно этнониму «поляк».

Распределенные нами по разным рубрикам лексемы *каплица*, *ксёндз*, *католик* можно было выделить и в отдельную тематическую группу «религиозная терминология».

Прилагательные, для которых в тексте отсутствуют производящие существительные, – это гипокористики, сочетающиеся с номинациями лица: *наияснейший* (польск. *najjaśniejszy*; ср. «нашего *наияснейшего* цезаря» [3, с. 452]), *шановный* (польск. *szanowny* ‘уважаемый’). Последнее прилагательное употреблено в «глупой песенке», которую пел сынишка Морица Яська: «Наш *шановный пан* налил воды в жбан» [3, с. 453]. Обычная сфера функционирования подобных определений – обращение к данному лицу. По образцу польск. *wielmożny* Н.С. Лесковым остроумно создана сверхвежливая адъективная форма в обращении *высокомогучный капитане*: «Ей-богу не знаю, как вам и сказать, *высокомогучный капитане*, вы знаете, что всем любопытно и прелюбопытно вас слушать» [3, с. 453] (Мориц – Гонорату). Не исключено, что и аналогичное образование «*высокопочтенный*» создано по образцу *wielce szanowny*.

Особого объяснения требует прилагательное *добрый* (особенно в словосочетании *добрый католик*), которое в рассказе употребляется только в значении, совпадающем с польским, а именно ‘хороший’. То же значение представлено и в таких словосочетаниях, как *добрый товарищ*, *добрый патриот*, *добрая полендвица*. Пример из текста: «...есть *добрая полендвица*» [3, с. 448–449] (слова Морица).

Представлен в тексте и один этнически маркированный глагол – императив *отпочни*, употребленный в речи ксёндза Флориана, адресованной Гонорату (польск. *odpocząć* ‘отдохнуть’, 2 л. ед. ч. императива – *odpocznij*): «Тебе надо покой, – иди *отпочни* у меня в халупке» [3, с. 467].

В тексте рассказа отмечена в несколько модифицированном виде польская пословица, определяющая тип прежнего владельца корчмы Игнация, – «*шляхтич на огороде, равный воеводе*» (польск. *szlachcic na zagrodzie równy wojewodzie*, где *na zagrodzie* = ‘в своей усадьбе, во дворе’, а не ‘на огороде’). Но если учесть этимологию *огорода* как «огороженного места» (а польск. *zagroda* имеет и такое значение), то эквивалент, позволяющий сохранить рифмованный характер пословичного речения, выглядит весьма удачным. В таком виде эта пословица отмечается и у других авторов (например, у Ф.В. Булгарина).

Особый пласт составляют слова, известные как русскому, так и польскому языку, но либо употребляемые Н.С. Лесковым в не свойственной русскому узусу функции, либо предпочтенные другим русским синонимам по причине своего совпадения с польскими формами. Как правило, во втором случае русская и польская лексемы относятся к разным стилям.

Пример первого рода – функционирование лексемы *цезарь* в следующем контексте: «первый кандидат в капитаны жандармерии его пресветлого величества нашего наияснейшего *цезаря*» [3, с. 452] (Мориц о Гонорате). В русском языке *цезарь*, как правило, употребляется по отношению к римским императорам, в то время как в польском лексема *cesarz* означает любого императора, в том числе и австрийского, о котором идет речь в тексте.

В этом же предложении словосочетание *капитан жандармерии* вместо привычного *жандармский капитан*, вероятно, также поддерживается польским соответствием (*kapitan żandarmerii* при невозможности **żandarmski kapitan*).

Ко второго рода примерам относятся употребляемые Н.С. Лесковым соматизмы *чело* и *уста*. Выбор именно этих слов, уже в XIX в. относившихся в русском языке к приметам высокого стиля, в отличие от нейтральных *лоб* и *рот*, обусловлен их совпадением с нейтральными польскими *czoło* 'лоб' и *usta* 'рот' (ср. аналогичное широкое употребление украинско-польского слова *очи*, а не *глаза* у Н.В. Гоголя в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», при этом *очи* отнюдь не характеризуют, например, красавицу Оксану, а относятся, в частности, к кузнецу Вакуле, что свидетельствует об их нейтральной функции).

Примеры из текста:

«Мориц мановением *чела* отослал бабу назад, откуда она пришла» [3, с. 449]; «Высокий лоб его (Игнация. – Н.А.) осенял высокий же с проседью черный чуб, а над *устами* его простирались огромные черные с проседью усы» [3, с. 445].

Не случайно, по всей видимости, и употребление Морицем сначала лексемы *пес* (польск. *pies*) по отношению к Бутько, а лишь затем в продолжении диалога и функционирующего в русском языке тюркизма (но отсутствующего в литературном польском языке) *собака*: «Бутько добрый и даже почтенный *пес*; поверьте, что он знает, какой дух в человеке... *Собака* никогда не смешает честного человека с мерзавцем» [3, с. 449–450].

Специфическим маркером диалогической речи (реже монологической – с воображаемым собеседником или с адресатом, совпадающим с говорящим) являются формы вокатива, вышеуказанные определения лица-адресата (*шановный, наияснейший*), особые этикетные формулы («фигуры речи»), императив; такие средства экспрессии, как междометия. Пример с императивом 2 л. ед. ч. *отпочни* приведен выше. Кроме приведенных выше форм звательного падежа «пане + имя», «пане капитане», ср. также «*пане добродзею*» – *pan dobrodziej* 'сударь': «Есть у меня, *пане добродзею*, гусь, и самый прекрасный гусь, кормленный чистым хлебом» [3, с. 448] (слова Морица); «Я подумал себе: “Э, нет, *братку!*”» [3, с. 461] (монологическая речь Гонората, обращенная к себе); частотное *капитане* (с *пане* – 2 раза, а без – 9 раз): «Кто же его выучил? – Ваш Стаська, мой добрый *капитане*» [3, с. 453] (диалог Гонората и Морица); «Вы все знаете и ни в чем не ошибаетесь, *капитане*» [3, с. 453] (Мориц – Гонорату); «Что еще позволите знать, *капитане?*.. О, я молодец! Мне это еще раньше вас говорили, *капитане*» [3, с. 454] (Мориц – Гонорату); «С восторгом, мой *капитане!*» [3, с. 455] (Мориц – Гонорату); «О, *капитане*, я это уже сделал» [Там же, с. 453] (в той же коммуникативной ситуации); «Ей-богу не знаю, как вам и сказать, высокомогущий *капитане...*» [3, с. 454] (Мориц – Гонорату); «Ты, барабанщик, понимаешь, что называется деморализацией? – Понимаю, *капитане*; только у нас в Пруссии ее не было» [3, с. 455] (диалог Гонората с Морицем); «А вы, *капитане*, чистосердечно раскаялись? – спросил Мориц» [3, с. 465].

Подобно тому как наряду с *пане капитане* употребляется *пан капитан* и однократно *господин капитан*, на 9 форм вокатива *капитане* приходится одна форма имен. п. ед. ч. *капитан* в функции звательного падежа: «Вы, может быть, ошиблись, *капитан?*» [3, с. 467] (Мориц – Гонорату).

Казалось бы, форма *отче* известна русскому языку, хотя бы в молитве «*Отче* наш». Однако употребление ее по отношению к священнослужителю (например: «Позвольте-ка, *отче*, позвольте минуточку» [3, с. 457] – мазур Якуб обращается к ксёндзу Флориану; «*отче*» – постоянное обращение к Флориану Гонората, ср. [3, с. 467]) маркирует принадлежность этого служителя к католической церкви (польск. *ojcze*), поскольку в православной церкви обычно обращение «батюшка».

Типичная формула речевого этикета *до услуг панских* (польск. *do usług pańskich* 'к Вашим услугам') употреблена Морицем при обращении к посетителю корчмы («Есть также бигос с капустою *до услуг панских*» [3, с. 448]).

В речи Морица отмечена также и междометная форма *фу́й* (польск. *fuj, pfuj* 'фу'): «Фу́й! И я их (рохлей. – Н.А.) терпеть не могу, пане капитане» [3, с. 454].

Знаменательно, что такие «внешние показатели» эмоционального состояния, как междометия, а также близкие к ним слова (в частности, слова призыва, понукания и отгона животных) нередко используются в качестве маркеров «польскости» в русской литературе (ср. *вю!* 'но!' у В.Г. Короленко и К.Г. Паустовского).

В тексте рассказа отмечены и отдельные морфологические формы, и синтаксические конструкции, соотносящиеся с польским языком: твор. п. ед. ч. от несклоняемого в русском языке астионима *Гродно* (за *Гродном* – польск. *za Grodnem*), вышеуказанные маскулинные формы вокатива на *-e* (в твердой разновидности) и *-u* (в мягкой разновидности и в существительных с задненебной финалью основы) – *пане капитане, пане добродзею, братку*, русифицированная по флексии форма 2 л. ед. ч. императива *отпочни* (*-и* вместо польск. *-ий*). Кроме специфической польской конструкции с предлогом *до* (польск. *do*) + род. п., которой соответствует русская конструкция «предлог *к* + дат. п.» (*do usług pańskich* 'к вашим услугам' – пример контекста см. выше), обращает на себя внимание предложение «Это *ничего* не мешает», сказанное ксендзом Флорианом, в котором вместо дат. *ничему* употреблена форма род. п. Предполагаем, что за этим высказыванием стоит польское соответствие *To nic nie przeszkadza*. Польск. *nic* часто соответствует русск. *ничего*, в том числе с отрицанием при глаголе. Ср. *Nie chcesz nic mówić* 'Ты не хочешь **ничего** говорить'; *To nic* 'Это **ничего**'; *Nic ciekawego* '**ничего** интересного'; *Nikomui nic do tego* 'Никому **ничего** (т. е. никакого дела) до этого'; *Nic nie widzę* 'Я **ничего** не вижу' и т. д. и т. п.

Таким образом, для создания локального колорита, что является одним из принципов реалистического изображения описываемых событий и персонажей, Н.С. Лесков использует ряд лексем, форм и конструкций, как непосредственно заимствованных из польского языка, так и, казалось бы, «русских» по форме, но имеющих семантику, которая им присуща в польском языке при отсутствии этого значения в русском (*отдел* – *oddział* 'отряд', *воловьа печень* – *pieczeń wołowa* 'говяжье жаркое'). Польскую ауру создают специфические имена собственные (антропонимы, топонимы, иконим, этнонимы), номинации польских реалий (*бигос, маслач, копец королевы Боны, чемарка*). Своеобразным художественным приемом является выбор из имеющихся в русском языке синонимов только той лексемы, для которой существует формальное польское соответствие (*цезарь, уста, серна, жид, чело, пес, капитан жандармерии*). Иногда польское соответствие используется в целях иронической характеристики персонажа (*принципал корчмы* – о владельце трактира Морице).

Мастер словотворчества, Н.С. Лесков прибегает и в этом рассказе к своему излюбленному приему – изобретению «говорящих» лексем (ср. *предместник* – контаминация *наместника* и *предшественника*). Новые слова писатель образует и по типу польских слов (*высокомощный; возможно, и высокопочтенный*).

Список литературы

1. Ананьева Н.Е. Польские языковые элементы в русской художественной литературе // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты. М., 2011.
2. Ананьева Н.Е. Польский интертекст в русской литературе XIX–XXI вв. // *Rach Latina & Rach Orthodoxa: Славистические исследования: История, культура, литература: В честь 80-летия со дня рождения Александра Владимировича Липатова*. М., 2017.
3. Лесков Н.С. Записки неизвестного. Рассказы, очерки и повесть. М., 1989.

Ananyeva Nataliya

POLONISMS IN THE STORY BY N.S. LESKOV “ANTUKA” (“EN TOUT CAS”)

The article analyses Polonisms used in the story “Antuka” by N.S. Leskov for the purpose of showing local colour and ethnic traits of characters Polish by birth. The following ways of introducing of Polonisms into the text are considered: without explanation, with the author’s comments, partial (not full) explanation, with Russian equivalent given in a narrow or a wider context. Among introduced Polish nouns proper and common ones are distinguished.

Keywords: Polish, Polonisms, Russian literature, proper noun, common noun, part of speech.

Скорвид Сергей Сергеевич

Российский государственный гуманитарный университет

sergej.skorvid@gmail.com

ОСТРОВНЫЕ ГОВОРЫ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье характеризуются островные чешские и польские говоры, сохраняющиеся в современной России. Первые представлены на территории, с одной стороны, Краснодарского края, а с другой – Омской области в Западной Сибири, вторые – в Западной и Восточной Сибири. При различных диалектных корнях этих идиомов, как чешских, так и польских, общими для них являются результаты взаимодействия с восточнославянской языковой средой, в первую очередь с русским языком, которым автор уделяет основное внимание.

Ключевые слова: славянские переселенческие говоры в России, Северный Кавказ, Западная и Восточная Сибирь, диалектные системы, языковой контакт, межъязыковая интерференция.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., лишь два западнославянских народа, поляки и чехи (включая заявивших себя «мораванами»), представлены в современной России достаточно заметным числом лиц, декларировавших свою принадлежность к одному из них и указавших соответствующий язык в качестве родного. Поляков по состоянию на 2010 г. насчитывалось в общей сложности 47 125 чел., из них живущих в сельской местности – 11 083 чел., с польским как родным языком – порядка 4 600 чел.; чехов всего 1 898 чел., в сельской местности – 555 чел., с чешским как родным языком – порядка 450 чел. Выделение негородского населения с точки зрения темы настоящей статьи важно, поскольку именно в сельских районах доньше сохраняются небольшие «острова» компактно проживающих носителей традиционных польских и чешских говоров, предки которых поселились в этих местах в результате крестьянских миграций второй половины XIX и начала XX в. Ниже объектами внимания будут следующие идиомы, постепенно выявленные и уже сравнительно подробно изученные (во многом благодаря многолетним усилиям работников кафедр славянской филологии МГУ имени М.В. Ломоносова, славистики и центральноевропейских исследований РГГУ и Института славяноведения РАН), которыми перечень существующих в наши дни западнославянских островных говоров в России, по всей видимости, исчерпывается:

1) восточносибирский польский говор (далее ВСП) в д. Вершина и двух соседних населенных пунктах Боханского р-на Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской обл., около 200 говорящих среднего и старшего возраста – приблизительно 2/3 из 328 жителей деревни, основанной в 1910 г. выходцами из района Домбровского угольного бассейна на границе Малопольши и Силезии;

2) западносибирский польский, или мазурский, говор (далее ЗСП) в дд. Александровка Краснотуранского р-на Красноярского края и Знаменка Богградского р-на Республики Хакасия, всего около 60 говорящих в возрасте от 45 до 80 лет – потомков мазуров, переселившихся в XIX в. из Восточной Пруссии на Волынь, а отсюда в 90-е годы того же века на территорию Енисейской губернии;

3) западносибирский, или среднеприиртышский, чешский говор (далее ЗСЧ) в дд. Репинка, Новоградка и Воскресенка, образующих Репинское сельское поселение Калачинского р-на Омской обл., около 25 говорящих в возрасте от 60 до 80 лет, являющихся потомками «вторичных мигрантов» преимущественно из Чехограда (ныне Новгородковка Мелитопольского р-на Запорожской обл.) на юго-востоке Украины;

4) северокавказские чешские говоры (далее СКЧ) на Северном Кавказе, выступающие в двух разновидностях, из которых одна сохраняется прежде всего в пос. Кирилловка, входящем в МО Новороссийск, и д. Варваровка в составе МО Анапа, тогда как вторая – в д. Анастасиевка Туапсинского р-на Краснодарского края и на хуторе Мамацев Шовгеновского р-на Республики Адыгея, всего около 50 говорящих в возрасте от 60 до 90 лет, причем предки нынешних носителей этих говоров происходили из разных областей Чехии.

Названные польские говоры Сибири описаны в двух диссертациях сибирских же авторов, защищенных в Польше: в вышедшем в качестве монографии исследовании С.Б. Митренги-Улитиной [1] и в рукописной работе Е.В. Ступинского [2]. В разных аспектах они освещались также в других публикациях польских и российских лингвистов, таких как [3], [4], [5], [6]. Чешские говоры в Сибири и на Северном Кавказе были достаточно подробно охарактеризованы в нескольких моих публикациях (в частности [7], [8], [9]) и в магистерских работах выпускников Карлова университета в Праге Б. Гакеновой [10] и Университета Палацкого в Оломоуце Р. Андрейса [11]. При этом почти всеми авторами вплоть до последнего времени данные идиомы либо рассматривались по отдельности, либо, при сопоставительном описании, группировались по принадлежности к диалектам того или иного языка, польского или чешского. Так, констатировалась и подтверждалась анализом собранного материала генетическая связь ВСП с южнопольскими, малопольско-силезскими, а ЗСП – с севернопольскими (западномазурскими) диалектами; что касается чешских идиомов, то у ЗСЧ и части СКЧ (говоры Анастасиевки и Мамацева) были выявлены северовосточночешские корни, а у другой части СКЧ (говоры окрестностей Анапы и Новороссийска) – юго-западночешские. Только в недавних моих работах [12], [13] была сделана попытка создать, в известной мере отвлекаясь от генетической специфики всех этих говоров, сравнительную типологию их развития как островных идиомов в ситуации непрерывного контакта с господствующим языком окружения – русским в той или иной его региональной разновидности, диалектной или обиходной, включая сюда и смешанные восточнославянские (русско-украинские) языковые образования, такие как, в первую очередь, «балачка» на Северном Кавказе.

Пока были намечены лишь начатки такой типологии применительно к фонетико-фонологическому и морфологическому, в меньшей степени – к синтаксическому уровню. В частности, удалось установить, что сходное воздействие на системы описываемых островных говоров оказывают: 1) русский тип ударения с редукцией безударных гласных, которая через русизмы распространяется и на сохраняющие свое место ударения исконные лексемы; 2) русская система мягких согласных и их сочетаемость с последующим гласным; 3) русский тип выражения/невыражения категории одушевленности существительных во множественном числе; 4) русский тип образования глагольных форм прошедшего времени и сослагательного наклонения; 5) русское видоупотребление и выражение различных способов глагольного действия; 6) русские посессивные конструкции с именем обладателя в

родительном падеже с предлогом *у*; 7) русские предложения без глагола-связки 'быть' в настоящем времени и др. В наибольшей же степени влияние русского языка на западнославянские островные говоры затрагивает лексику.

Следует признать, что в силу полного двуязычия носителей указанных идиомов в наши дни практически весь запас лексических единиц, известных им из региональных устных или из более «высоких» форм русского языка, вместе с сочетаемостью и нередко с сохранением русского грамматического оформления и фонетического их облика, является неотъемлемой составной частью того или иного говора. К этому источнику говорящий на родном идиоме без колебаний прибегает, зачастую не осознавая того, что он черпает из арсенала заимствованных средств, и не воспринимая их как чужие. В данной связи при характеристике функционирования обсуждаемых говоров на речевом уровне встает вопрос о дифференциации, с одной стороны, в разной мере адаптированных русизмов, а с другой – фактов переключения кода (ПК; англ. code-switching – CS) с родного на русский или в обратном направлении и смешения кодов (СК; англ. code-mixing – CM) в диалектном инославянском дискурсе.

Этот вопрос поднимает польский социолингвист М. Глушковски в ряде своих работ, в [3] по отношению к ВСП, а в [14] и [15] – к типологически сопоставимому идиому русских старообрядцев в Польше. В первой из них исследователь указывает на сложность разграничения ПК и СК в конкретных высказываниях. Рассматривая фразу *p'ec'orka, jak 'ona – šampj'on po r'usku*, он пишет: «While “locally meaningful” switches between clauses and phrases (CS) and inside simpler units (CM) are only prototypes, the example (...) shall be located on a continuum between CS and insertional CM» [3, с. 439]. Между тем фраза *oduv'ančik, t'ak'e žulč'utk'e kv'at'eck'i*, с точки зрения автора статьи, представляет пример вкрапления (insertional CM), отличаясь от предыдущей тем, что говорящий здесь описательно объясняет значение русского слова собеседнику, тогда как в примере выше русский фитоним употреблен наряду с польским. Эту оценку хочется несколько уточнить: во фразе о шампиньоне информант дает просто русский перевод польского названия в привычной ему нелитературной форме (не «искаженной» – *distorted*, как это описывает М. Глушковски), по всей вероятности, не принимая во внимание, какая из этих лексем будет понятнее интервьюеру (скорее сам для себя, но при этом осознавая, что второе слово – русское); что касается фразы об одуванчике, остается под вопросом, известно ли вообще говорящему польское название этого растения. Если нет, то перед нами не русскоязычное вкрапление, или вставка, как один из случаев СК, а заимствование, которое в этом контексте даже не приходится адаптировать.

Проблему различения иноязычных вкраплений и заимствований в речи носителей островных говоров М. Глушковски ставит в другой своей статье, основанной на материале высказываний русских старообрядцев в Польше [15, с. 163–164]. На сей раз автор проводит лишь нерезкую границу между СК и ПК с опорой на положения П. Ауэра и П. Муйскена, в целом в соответствии с дефиницией, данной в [3], добавляя, что СК имеет неосознанный характер, а ПК может быть сознательным. Кроме вкраплений, М. Глушковски обсуждает также иные выделяемые в теоретических исследованиях типы СК (или ПК): «альтернацию», когда с элементом другого кода в высказывание привносятся и грамматические черты такового, и «конгруэнтную лексикализацию», когда один и тот же элемент может трактоваться как принадлежащий обоим кодам. Далее в ходе комментирования наших записей западнославянских говоров в РФ случаи «конгруэнтной лексикализации» типа польск. *babka* [барка] = рус. *бабка*, не учитываются, случаи же «альтернации», такие как *na s'ev'er'e* (= *на севере*) из ВСП, толкуются как вкрапления с сохранением морфологического оформления вставной лексемы, присущего ей в другом идиоме (в отличие от морфологически адаптируемых заимствований типа *na s'ev'eru* из СКЧ в Кирилловке).

В остальном записанные образцы вышеназванных говоров изобилуют неоднозначными случаями контаминации двух языковых кодов, в которых зачастую не приходится усматривать ни вкрапления, ни переключение кода, сознательное или нет: в частности, если «перекодировка» наступает внутри слова. Ввиду этого ниже речь пойдет в основном о смешении кодов – в отличие от подхода М. Глушковского в [14], который считает более общим понятием ПК.

В развитие наблюдений М. Глушковского в [3] приведу прежде всего примеры из наших записей, сделанных в ходе экспедиции в Вершину 2010 г. Вначале – сокращенный рассказ информантки 1936 г. р. о своем ссыльном деде и истории его женитьбы (комментируемые далее фрагменты выделены):

(1) *pov'ežau že krul cy car' / n'e um'i rukovožić / i za to byu zesunany tutaj / do jerkucka / a bapka byuа žoуxon tutaj / pšyjexauа dovno ze sfoim'i rodnym'i / i tu jej še n'e spodobaуо <...> nu i spotkaуа še tam v' irkucku / to je f'čer'emxov'e bo to byuа ta / **перес'ыльный ну(н)кт** там byuа f'čer'emxov'e / tam otprav'al'i kovo kaj / i tam še spotkaуу i tam še pobraуу*

В данном высказывании можно с уверенностью усмотреть лишь одно русскоязычное вкрапление цитатного характера: это терминологическое наименование *перес'ыльный ну(н)кт*, поясняемое освоенным заимствованием *otprav'al'i* со специфическим внутрисловным смешением кодов (Р ↔ П) в *k'ovo kaj* 'кого куда'. Лексема *car'* может быть интерпретирована как не адаптированная заимствованная номинация (система ВСП допускает мягкий *r'*, в том числе в конце слова), используемая для обозначения русской реалии при собственно польском наименовании верховного правителя *krul*, ср. рядом адаптированный русский глагол *rukovožić*, зд. со значением 'править'. Как адаптированное заимствование, видимо, следует расценить название родных *rodne* (зд. в совпадающей с русской форме тв. п.); при этом польская лексема *rodzina* понятна носителям ВСП в узком значении 'семья', хотя они сами говорят, например, *семья byuа v'elgo*, а наименования с корнем *kwew-* (*kwewni* и т. п.) им неизвестны. Точно так же не знают информанты исконно польских названий сторон света; соответственно позицию обстоятельства во фразе *на с'евере / brad żyje i dv'e šostry* замещает морфологически не адаптированное цитатное вкрапление. Употребительные в ВСП исконные лексемы, впрочем, зачастую также свободно чередуются с различными русизмами, ср. глаголы со значением '(не) понравиться': (2) *une mu še toto n'e spodobaуо* и (3) *pšoji polsk'e im'en'a daval'i <a teraz?> oj, fs'ak'e dajum / inostrancy tak'e <...> jak še ponrav'i jak coš...;* названия праздника: (4) *uot pšyjexauу tu tera tego / pogošćić <na święta?> uot tutaj na te šf'inta / sto lot*, но также (5) *lod juš jetnašće-dvanašće jag uon tutaj rukovoži / i un co na ten pr'azn'ik n'e pošet* и (6) *xoz'ain muj v bol'n'icy / my tam n'e byli / jo tyž v dumu <...> my tam n'e byli na pr'azn'iku*. В примерах (3), (5) и (6) выделены полностью или частично адаптированные заимствования; наряду с ними и русизмами, которые в ВСП явно не имеют собственно польских соответствий (*xoz'ain*, *bol'n'ica* и т. д.), однако, в (3) заслуживает внимания пример, который, по М. Глушковскому, должен быть помещен «between CS and insertional CM»: *im'en'a (daval'i)*, а в (6) – пример неявной, в том числе для информантки, смены кода в направлении П → Р (и далее вновь → П). Польский характер начала этого высказывания маркирует фактически только фонетический облик местоимения *muj*; фрагмент *my tam n'e byli* – скорее польский ввиду ударения на предпоследнем слоге формы глагола, которое при повторении тех же слов смещается на отрицательную частицу, как в русском языке (*мы там н'е были*), завершает же высказывание морфологически – но не акцентно – адаптированный русизм.

Аналогичные примеры представляют записи других западнославянских говоров в России. Так, носительница ЗСП 1956 г. р. из Знаменки в Хакасии встретила интервьюеров словами (7) *прахад'ите / прахад'ите <...> davajta o tu poš'ežim / o tu*. Приглашение войти

здесь – цитатное вкрапление формулы, известной говорящей из русского речевого этикета. Далее беседа велась со стороны информантки на родном говоре, хотя, разумеется, с русизмами. Ср. ее рассказ о награждении отца орденом Ленина:

(8) *tata zarobž'uju 'brdin l'ěnina / sama lepša nagr'ada / uot <...> za to co robž'uju na kam'b'ajne / xlěp ubž'ěrau / v ž'osne na tr'aktori robž'uju / paħau / nu oraу ž'ěn' / uot / vopš'em uot robž'uju mиханиз'атор <...> jigo v moskve v'iz'ivali / un tam dostavaу / v moskš'e / ук'ас призьидиума вирх'овнава сав'ета биу / i u n'ego f papš'erax / в дакум'ентах / fš'en'že zapš'isano co un uot награжд'енный*

Цитатными вкраплениями в этом фрагменте можно признать название самого ордена и указа, на основании которого он был вручен, как и полную форму причастия *награжд'енный*, причем ее предикативное употребление, вероятно, отражает распространение в ЗСП синтаксической конструкции, характерной для русских говоров Сибири. Иного рода – служащие именной частью сказуемого с глаголом *gobíc* 'работать' в диалектной форме слова *миханиз'атор*, *на кам'байне*, *на тр'актори* (≠ польск. *mechanizator*, *na kombajnie*, *na traktorze*), *нагр'ада* в сочетании с русифицированной формой превосходной степени прилагательного и др. В этих случаях речь идет о вкраплениях, к которым информантка прибегает тогда, когда она не знает, как назвать это иначе, или же знает (*paħau / nu oraу ž'ěn'*), но первым ей приходит в голову русское слово, в данном высказывании выступающее в полонизированной форме. Так как во всех таких случаях трудно однозначно ответить на вопрос, осознают ли носители диалекта (и если да, то в какой мере) факт переключения языкового кода, предпочтительным здесь кажется понятие СК. Впрочем, как бы то ни было, следует думать, что для говорящих в момент высказывания даже осознанные русские вкрапления не звучат как чуждые их родной речи элементы. Еще более освоенными заимствованиями являются такие дискурсивные слова, как *vopš'em*, *uot*: их употребление, по-видимому, вообще не связано с ПК или СК.

Из записей чешских идиомов интересна застольная беседа носителей ЗСЧ в Новоградке Омской обл. друг с другом, без участия интервьюера. Она начинается по-русски с вкраплением элементов ЗСЧ, после чего говорящие обмениваются репликами на обоих языках, а затем в высказываниях одних и тех же лиц наблюдается цитатного характера ПК между предложениями и на первый взгляд ничем не мотивированное ПК или СК внутри предложений даже между подлежащим и сказуемым (все эти случаи подчеркнуты):

(9) *nu zam'o lid'i ž'yli др'ужна / – да! / – в'есело! / – вод был'a н'ицета / nexvatalo fšexno / a lid'i ž'yli н'амногоу лучиш / – дружн'ее / – дружн'ее / др'уу др'ууу хад'или / – а щас нет / – ау'a / ten si koupil mašiklet / хо / а со ja / otstanu? dávej mašinu / ten koupil mašinu / dávej ja ešče lepši mašinu <...> ukážem že já žiju lepši než druhí žijou / – а вот дав'аите у ко'о маш'ыны мы / – будем друж'ыть у коу'о маш'ыны <...> – vedle cháte proxázej mimo / ой ходь бы к нам нэ зашл'и / našlarou tadi / – ubirat nada / da / – da jix nada potom úhoš'at <...> – как р'аньше б'ыло / да? / poroc'ěnka 'эма / zabijou / sebíraj se p'оцтвенику / м'ожна пад'умать že sn'ed'i <...> адн'ако нет / sebíraj se zrouna / tam bratři или там хмо / ау'a / у ж'оны p'řišli / nawařej / d'elaj tu / po česki itrn'ici да ўс'якие 'эму / i tadi vařej tadi po'оуку řikali nada / аha / – nu kolbasi vařili myd'a сюд'a <...> – да! – у с'ало / sádlo p'řetopjej i fšecko ud'elaj / i potom sedaj za stúl <...> – у хаpaш'o! / fs'o za jeden den'*

Внутрифразовой смене кода в контекстах типа *и ж'оны p'řišli* во многом близко sporadически встречающееся в записях явление ПК внутри слова, на стыке префикса с корнем, как, например, в высказывании носительницы ЗСП о профессии мужа (10) *уч'итель / f'iz'ik'e pše- / преподав'ал*, либо даже перед окончанием: ср. ответ чешки 1926 г. р. из Кирилловки под Новороссийском гостье, которая не хотела сидеть рядом с кондиционером,

потому что оттуда дует: (11) *nefoúká / vot já té posadím hdě nefouká <...> a diš tak já to vyklučím*. Заимствованный глагол *выключить*, который информантка произносит до последнего звука корня по-русски, получает чешское окончание формы 1-го л. ед. ч. *-ím*. Как интерпретировать эти и другие рассмотренные случаи?

Если учитывать всю палитру разноуровневых явлений инославянско-русской интерференции в обсуждаемых идиомах, можно сделать вывод, что за полтора века со времени прибытия предков их нынешних носителей на территорию Российской империи исходные диалекты поселенцев (там, где они не исчезли) претерпели эволюцию, которая привела к возникновению на настоящем этапе смешанных идиомов.

М. Глушковски, рассуждая о характере русско-польского билингвизма у русских старообрядцев в Польше, констатировал, что, хотя некоторые их тексты «выявляют признаки смешанного кода, было бы преувеличением отнести это понятие ко всей системе» их говора [14, с. 37]. По отношению к западнославянским – польским и чешским – островным говорам в России, напротив, такой вывод представляется вполне правомерным. В полной мере это смешение, как было продемонстрировано выше, сказывается в лексике, в меньшей степени проявляется в морфологии и в наименьшей – в фонетике.

Список литературы

1. Mitrenga-Ulitina S. Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii. Lublin, 2015.
2. Stupiński E. Polszczyzna okolic Krasnojarska. Rozprawa doktorska napisana w Katedrze Dialektologii Polskiej UŁ. Łódź, 2009.
3. Głuszkowski M. Verzhina, a Polish village in Siberia, as a language (dialect) island // Zeitschrift für Slawistik. 2012. Vol. 57. No. 4. S. 427–442.
4. Ананьева Н.Е. Островной польский диалект // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Кн. II. М., 2015. С. 9–18.
5. Егоров И. М. Польский переселенческий говор в Республике Хакасия и в Красноярском крае РФ // Slavia Occidentalis. 2016. No. 73/1. S. 45–59.
6. Skorwid S. Składniki tożsamości narodowej potomków polskich przesiedleńców z Mazur w Republice Chakasji i Krasnojarskim kraju FR // Acta Neophilologica XVIII/1. Olsztyn, 2016. S. 125–134.
7. Скорвид С.С. Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири // Славяноведение. 2014. № 1. С. 44–58.
8. Skorwid S. Czech immigrant dialects in the Northern Caucasus and Western Siberia // International Journal of the Sociology of Language. 2016. Issue 238. P. 127–143.
9. Skorwid S. A nejčkyn ešče neco vo češskym jazyku na Kaukázoj i ponad Irtyšem // Uličný O. (ed.). Struktura v jazyce, jazyk v komunikaci. Liberec, 2017. S. 161–172.
10. Hakenová B. Jazyk české menšiny ve vesnici Repinka na Sibiři. Magisterská diplomová práce. Filozofická fakulta Univerzity Karlovy v Praze, Ústav českého jazyka a teorie komunikace. Praha, 2015.
11. Andrejs R. Vliv ruského jazyka na mluvu česky mluvících obyvatel obce Anastasijevka. Magisterská diplomová práce. Filozofická fakulta Univerzity Palackého v Olomouci. Katedra slavistiky. Olomouc, 2016.
12. Скорвид С.С. К типологии инославянских переселенческих говоров в России // Slovĕne = Словѣне. Vol. 6. No 1 (2017). P. 449–484.
13. Skorwid S. Do typologii zachodniosłowiańskich gwar przesiedleńczych w Rosji // Rembiszewska D. K. (ed.). Dynamika rozwoju gwar słowiańskich w XXI wieku. Warszawa, 2017. S. 19–40.

14. Głuszkowski M. Przełączanie kodów czy kod mieszany? Aktualny stan bilingwizmu staroobrzędowców w regionie suwalsko-augustowskim // Acta Baltico-Slavica. No 36 (2012). S. 27–39.
15. Głuszkowski M. Uwagi teoretyczne na temat zmiany kodu w monologach starowierców mieszkających w Polsce // Acta Baltico-Slavica. No 39 (2015). S. 159–173.

Skorvid Sergey

WEST SLAVIC INSULAR DIALECTS IN RUSSIA NOWADAYS

The paper characterizes Czech and Polish insular dialects in contemporary Russia. The first ones are spoken in the Krasnodar Krai in the Northern Caucasus and in the Omsk Oblast in West Siberia, the second ones both in West and East Siberia. All of them, despite of their different dialectal roots, show similar results of their interaction with East Slavic language surroundings, first and foremost with the Russian language, to which the author's main attention is drawn.

Keywords: Slavic immigrant dialects in Russia, Northern Caucasus, Western and Eastern Siberia, dialectal systems, language contact, interlanguage influence.

Лифанов Константин Васильевич
МГУ имени М.В. Ломоносова
lifanov@hotmail.com

ИЗМЕНЕНИЯ СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ В XX ВЕКЕ И ИХ СООТНОШЕНИЕ С ЧЕШСКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ

Статья посвящена синтаксическим особенностям словацкого литературного языка, которые претерпели изменения на протяжении XX в. Среди изменений были выявлены общие с чешским языком, включая делатинизацию синтаксиса, а также такие, которые отдалили словацкий литературный язык от чешского.

Ключевые слова: словацкий язык, синтаксис, делатинизация, чешский язык, контраст.

В лингвистической литературе неоднократно высказывалась мысль о том, что синтаксический уровень является наиболее устойчивым по сравнению с другими уровнями языка, в связи с чем синтаксические изменения осуществляются медленнее других [5, с. 23]. Не ставя под сомнение данное утверждение, заметим, что оно не является универсальным, поскольку характеризует спокойное, постепенное развитие языка и не учитывает того, что в определенные периоды язык может переживать бурное развитие, самым существенным образом затрагивающее и синтаксический уровень. В истории словацкого литературного языка таким периодом был XX век, особенно его первая половина, что объясняется спецификой развития языка. Хорошо известно, что современный словацкий литературный язык возник в середине XIX в. вследствие кодификации Л. Штура (1844–46 гг.) и последовавшей вскоре после этого языковой реформы 1852 г. Как справедливо указывал Г.А. Хабургаев, кодификаторы славянских литературных языков в эпоху национального возрождения хотя и настаивали на необходимости стабилизации национальных языковых норм, хорошо понимали, что это касается только «формы» – орфографических, орфоэпических и грамматических правил, но не словарного состава, который должен постоянно расширяться в процессе социального и культурного развития общества, которое

соответствующий язык обслуживает [1, с. 32–33]. Что касается словацкого литературного языка, то его лексика долгое время оставалась некодифицированной. И не только лексика. Слабо кодифицированным был и его синтаксис, в результате чего создавалась специфическая ситуация, которую С. Цамбел в 1902 г. охарактеризовал следующим образом: «Словацкий язык стал словацким, к сожалению, только по форме, по содержанию же он словацким не является» [2, с. 222]. «Правописание и морфология развивались так, как нужно, как этого требовали принципы живого языка, – писал он, – но в синтаксисе необходимо многое исправить, и еще больше в словарном составе» [2, с. 218]. Не удивительно, что помимо словарного состава и словообразования именно в синтаксисе словацкого литературного языка в XX в. произошли наиболее значительные изменения, связанные прежде всего с осознанием ряда синтаксических явлений как результата воздействия иных языков, прежде всего чешского.

XX век, и главным образом его первая половина, стал периодом эмансипации словацкого литературного языка от чешского, что проявилось в ярко выраженной тенденции асимметрической дивергенции, суть которой заключалась в том, что многие явления морфологического, словообразовательного, лексического и синтаксического уровней подвергались изменениям в словацком литературном языке, но сохранялись в чешском. И это несмотря на чрезвычайно тесный языковой контакт между двумя языками, большую часть XX в. функционировавшими в пределах одного государства. Вследствие этого возникали многочисленные явления контактного характера, которые, однако, существовали преимущественно на уровне конкретных лексем и словоформ, тогда как общие, системные изменения имели дивергентный характер. При этом синтаксический уровень характеризовался тем, что среди явлений, подвергшихся изменению, были и такие, которые не приводили к отдалению словацкого литературного языка от чешского, а были либо параллельными с соответствующими чешскими, либо сближали словацкий и чешский литературные языки.

Для выявления изменений в синтаксисе словацкого литературного языка в XX в. мы сопоставили язык газеты «Католицке новины» за 1889 – 1890 гг. с современным словацким литературным языком. «Словацкий публицистический стиль во второй половине XIX и в начале XX в. можно ... считать репрезентативным для установления общего характера литературного языка. Изучая язык статей в периодиках, мы можем определить, в каком направлении развивалась та часть словацкого литературного языка, которая не представляла собой язык художественных произведений, но которая включала в себя элементы всех стилей» [3, с. 21]. Газета «Католицке новины», главным редактором которой многие годы был католический священник и общественный деятель Мартин Коллар, выходила с 1870 по 1906 гг. Ее целевой аудиторией были словацкие католики, составлявшие около 75% населения Словакии.

Изменения, произошедшие в словацком литературном языке в XX в. на синтаксическом уровне, были разнообразны и осуществлялись на уровне как сложных, так и простых предложений, а также на уровне словосочетаний и управления отдельных глаголов. Заметим однако, что необычные с современной точки зрения явления в рассматриваемых текстах параллельно сосуществовали с аналогичными современными, т. е. не были единственно возможными. Сопоставление изменений, осуществившихся в словацком литературном языке, с чешским литературным языком показывает, что, с одной стороны, для словацкого литературного языка, как и для чешского, была характерна делатинизация синтаксиса, а с другой – в нем рождались явления, которые отличали его синтаксис от чешского.

Общая для чешского и словацкого языков делатинизация синтаксиса осуществлялась на уровне предложения. Это прежде всего утрата финальной позиции глагола в придаточных

предложениях – явление, довольно часто представленное в рассмотренных текстах. Ср. примеры:

Na sriaďujúcom shromaždení predsedal gróf Pergen, pozdravivší prítomných s „Pochválen buď Ježiš Kristus! Vďaka Bohu!“ a ďakovavší účastníkom, ktorí zo všetkých končín Rakúska a zo všetkých národov ku sjazdu sa dostavili (1889, с. 77)⁴⁰; Všetky ustanovizne moderného života, ktoré životné výhľady medzi bohatým a chudobným vyrovnáť chcú, nedajú sa srovnáť so stavom hospodárskym, ktorý pracujúcim triedam za zvýšené výkony jedine biedu a neistotu poskytnúť v stave je (1889, с. 85); Zdenko nevedel dosť narozprávať sa, jak rozumným a verným sprievodčím mu Jaromír bol a nezamlčal ani, z jak veľkého nebezpečenstva ho v onen večer vytrhnul, keď nadzmiernená zvada povstala (1889, с. 53); Myslite vari, že je to ľahká vec medzi katolíckymi Slováckmi noviny vydávať a udržiavať? (1890, с. 196).

Если ранее типичной была постанова причастия перед формой вспомогательного глагола в страдательном залоге, то теперь эта особенность была также утрачена обоими языками:

Prvé povstanie ľudu namierené bolo proti jich hroznému úžerníctvu (1889, с. 84); Dňa 29. apríla podvečer zahájený bol druhý všeobecný rakúsky katolícky sjazd (1889, с. 77); Vp. Jozef Cellý praesentovaný je na faru v Kuklove a vp. Štefan Sztavcsek, novokňaz, poslaný je za kaplána do Búr Sv. Mikuláša (1889, с. 71); Mrtvola zosnulého privezená bola do Budínpešti, kde ju vystrelili v maďarskej vedeckej akademii (1890, с. 41); Za zkušateľov organa požiadani boli pp. Ignác Boldis, riaditeľ mešťanskej školy v Turč. sv. Martine a Ján Ratskay, učbár z učiteľskej prípravovne kláštorskej (1890, с. 186).

И наконец, согласованное определение часто находилось в позиции после определяемого слова:

Dňa 9. apríla dostali konečne odpoveď, sostavenú vládou liberálnou, ktorá sľubuje síce ohľad brať na žiadosti biskupov, necháva však skoro všetko pri starom (1889, с. 69); Rozum bez srdca je slnce zimné bez teploty (1889, с. 82); Dôkladné slovo o veci tejto v odbore školskom bol prehovoril redaktor P. Panholzer (1889, с. 84); Andrej počas rozprávky bratovej len tak slinky prehltal od samej chuti po zajacoch... (1889, с. 87); Akýsi cit všeobecnej úcty previeval chýrom tým (1889, с. 67).

В словацком и чешском литературном языках шли и иные параллельные процессы, не связанные с делатинизацией. Так, в словацком языке существовала возможность дистантного употребления определения и определяемого слова, разделенных зависимыми от определения словами:

Je to teda zriedkavosť, keď nekde z rozptýlených po okršleku zemskom židov jeden lebo druhý vstúpi do lona Cirkve katolickej (1889, с. 43); ...farári ale neľahajúci doplatok z náboženského fondu, nemajú uvalenú na sebe podobnú ľarchu (1889, с. 52); Toto je len dobroprajné pokynutie slavnej redakcii, aby vyberala do „Besednice“ to, čo je sošľachtujúce, vzdelávajúce a zábavné, nie to, čo dráždi driemajúce v tme prišery a mátohy! (1889, с. 63); Ohľadom na vykonané už pred tým služby, prijali ma za stotníka (1890, с. 181); Medzi prvou a druhou bránou stály rozostavané na oboch stranách cesty v sviatočných šatoch oblečené deti a spievaly ku cieľu tomu zhotovenú pieseň (1890, с. 196).

В настоящее время подобное употребление невозможно в обоих языках.

В словацком литературном языке конца XIX – начала XX вв., главным образом в безличных предложениях или в предложениях с числовым обозначением, был возможен пропуск формы вспомогательного глагола; при этом употреблялось краткое причастие, полностью утраченное словацким литературным языком к 40-м гг. XX в. Ср. примеры:

• *Tuto spomenuto, čo inde nenajdeš (1889, 58); Nerozhodnuto však ešte, kto to všetko maľoval? (1889, с. 83); Tu uzavreno, že sjazdy katolícké majú vydržiavať sa pravidelne každý rok*

⁴⁰После каждого приведенного в качестве примера предложения в скобках указываются год издания и страница.

(1889, с. 84); *Kto nepredpojate uvážil, čo povedano, nebude na rozpakoch, čo má súdiť o učení bludára Jána Husa...* (1990, с. 14).

• *Dňa 19. júna pokrstené v missijnej stanici Trappistov v Marianhille v Afrike 36 dietok* (1890, с. 166); *V horiacich rumoch mesta pochovano asi 2000 mrtvôl* (1889, с. 96); *Ovšem dlhujem ďalšou kresbou Oravky, o nejž podano už viacej zpráv; posledne v čísle 24. m. r.* (1889, с. 83).

В обоих литературных языках происходит утрата генитива отрицания. Ср. примеры:

K tomu nemáš času? (1889, с. 66); *Bieda; naša kníhtlačiareň nemá gréckych litier* (1889, с. 92); *Pani kňažno, – to nerobí mi žiadnej výčitky, – to môžem vám čestne a uprimne do očí povedať* (1890, с. 68); *Kto nesleduje dejin, jazyka a vývinu národa a vlasti svojej a nemôže o sebe povedať, že národu svojemu, že vlasti svojej slúžil, vyhlasuje sa za púheho darmochleba* (1889, с. 102).

Одновременно с утратой ряда синтаксических явлений, представленных в словацком и чешском литературных языках, происходит усиление контраста между названными языками вследствие процессов, затронувших словацкий литературный язык, но не реализовавшихся в чешском. К их числу отнесем утрату глагола-связки при модальном слове *treba*; ср. примеры:

K živobytiu je treba chleba a vody (1890, с. 2); *Ponevác človek pozostáva nielen z duše, ale i z tela, ovšem je mu treba i toho chleba vzdajšieho* (1890, с. 2).

Примечательно, что с синонимичным этому слову и исключительно словацким словом *načím* связка в рассмотренных текстах обнаружена не была: *Dodať načím, že ďalším údolím Velkého Ondrejovského blíž k prameňom rieky Velkej Oravky založili Turzovci obce: Podskle a Bukovinu* (1889, с. 93); *Konečne ohľadom piaristov v našich Tatranských krajoch podotknúť načím mesto Trenčín, kde r. 1776. J. Velič. Maria Teresia Otcom pobožných škôl oddala ústav, pôvodne r. 1625 skroz arcibiskupa ostrih. Jura Lippayho pre otcov Jesuitov založený a nadaný* (1890, с. 192).

В словацком литературном языке происходит также утрата частицы *není* в различных фонетических огласовках (*není, nenie*), которая в единственном числе могла выполнять функцию глагола-связки, как в чешском языке:

O zvláštnějších udalostách v Itálii dočítať sa môžete v politických novinách, a jak viete, neni sú ony veselé (1889, с. 61); *...móda politická štátna a vládne chůtky neni sú vždy zákonom viažucim i Cirkev, platným i pre život cirkevný* (1890, с. 5); *S malou odchýlkou foriem tak samo v gréčtine, čo však rozberať nenie tuná na mieste* (1889, с. 58).

Словацкий литературный язык утрачивает и придаточные предложения, вводимые специфицированными относительными местоимениями, сохранившимися в чешском:

Pod Ludányim visitoval v Nižnej archidiakon nitranský, prépošt kanonik ostrihomský Imr. Pongrátz, ktorý mladému farárovi nakladá, aby slávil aj Panny Marie sviatky, jejž „krásnu sochu majú, vraj, na oltári“ (1890, с. 21); *Redaktor Palárik, jehož pera práce inde oceňujeme, hlásal mužne: „Rečou sa ľud učí, šlechtí, vzdelávajú jeho mravy, - jazyk jeho je kľúč zlatý, ktorým sa mu zámok svatý – otvára osvetu a slávy...“* (1890, с. 52); *Navštívila tiež ešte raz svoje priateľkyne, s nimiž do školy chodila a rozlúčila sa s nimi* (1889, с. 13).

Очевидным отдалением от чешского литературного языка является изменение в словацком глагольного управления, которое в конце XIX в. в обоих языках было идентичным:

Kiežby si tohoto starostlivého, otcovského a múdreho hlasu svedomite všimli (совр. сл. *všimnúť si dačo*) *tiež v seminároch uhorských, lebo Pán Boh na kazateľni, v zповедnici a pri katechisme nebude činiť taký zázrak, jaký učinil nekdy v Jerusaleme* (1890, с. 36); *...biskup katolícky nakladá klerikom v školách cirkevných, aby sa učili reči* (совр. сл. *učiť sa dačo*), *ktorá je vládou vytvorená z verejného života a zo všetkých škôl...* (1890, с. 5); *Pred vynalezením zvonov, ba aj potom, keď Carhrad padol už bol do rúk Turkom, ktorým zvonenie je dačo nesnesiteľného,*

používali grécki kresťania dvoch nástrojov (совр. сл. používať dačo) k svolávaniu veriacich (1889, с. 62).

Особо подчеркнем регулярное управление неопределенными местоимениями *niečo* (*nečo*) и *dačo* родительным падежом прилагательных аналогично чешскому языку. Впоследствии в словацком этот вид связи был заменен формой согласования. Ср. примеры:

Musíme sa niečo iného zahrať; kto vie nejakú peknú hru? (1890, с. 30); To sa tu zdálo byť, no i je ono v skutku, nečo vznešeného, unášajúceho... (1890, с. 12); Horko-ťažko sniesol si ju dolu, klnúc tú hodinu, kedy bol na ňu dačo zlého pomyslel a kedy sa bol s bratom svojim potkal (1889, с. 87).

Наконец, в словацком языке произошла замена некоторых словосочетаний с предлогом *v*, сохранившихся в чешском языке, сочетаниями с предлогом *do*:

Bývalý profesor-direktor v Budíne, Jozef Grigely, rodom z Oravy, učil a písal svojho času mnoho pre školy, čo však i s jeho skromnou osobou upadlo v zapomenutie a je dnes mimo úžitku (1889, с. 58); No nevyčítala mu to, vediac, že to len z lásky k nej robí, len tu a tam mu slovom nadrazila, že by bolo lepšie, keby nočnou hodinou doma zostával a nevydával sa v nebezpečie (1889, с. 87); I to sa mi nezdá, žeby bol pápež Ján X. († 956) povolal Uhrov, aby obsadili Rím, keby boli bývali pohanimi, jako i to, žeby patriarcha voglejský vstúpil s nimi vo smluvu, keby boli bývali pohanimi (1889, с. 92).

Приведем также некоторые другие союзы, утраченные словацким литературным языком, но сохранившиеся в чешском:

Ačpráve (чеш. ачп rávé, совр. слов. hoci) je tu viera veľmi soslábnutá, v týchto dňoch si predsa i ten najzarytejší neverec kedy-tedy do kostola dokvitne, keď už i nie s citom povinnosti, to aspoň s citom všetečnosti (1889, с. 60); ... „aby každý mních, jakonáhle (чеш. jakonáhle, совр. слов. len čo) počuje hlas trúby, svolávajúci k modlitbe, opustil svoju cellu“ (1889, с. 62); Ženy indiánske, kladú-li (чеш. -li, совр. слов. keď) dieťa od prs, bedlive prstom mu vždy zatvorí ústa, aby nemohlo dýchať ústami (1890, с. 8); Jestliže (чеш. jestliže, совр. слов. ak) nekedy kliatba Slovanov, rozkolníctvo, odstránené bude, čomu sa protivia nie len sami Rímu nepriateľskí nektorí vodcovia Slovanov, ale i národním fanatismom zaslepení neslovanskí katolíci, – bude to popredná zásluha Strossmayerova (1890, с. 105); Kukuricu sadia do vinohradov pod vinní ker, poneváč (чеш. poněvadž, совр. слов. pretože) v Tyrolsku veľmi vysoko roste vinič (1889, с. 21).

Отметим также две любопытные конструкции, представленные в словацком литературном языке, но впоследствии им утраченные. Для интерпретации данного явления с точки зрения соотношения словацкого и чешского литературных языков у нас в настоящее время нет достаточной информации об их употреблении в чешском языке.

Для словацкого литературного языка конца XIX в. были характерны конструкции сослагательного наклонения с кратким прилагательным *rád* и инфинитивом, заменившим причастие на *-l*:

Zreteľnejšie povedano: sluha urobí návrh kráľovi, žeby rád nečo spreviest', čo sa mu ľúbi, kráľ to schváli, potvrdí, sám mu pri tom pomáha – už či je to dobré alebo zlé – alebo to zakáže, zatratí (1889, с. 50); Rád by som ho odprosit' a zločiny svoje vyznat' (1889, с. 38); Ó, tú bych i ja tak ráda videt'! (1890, с. 37).

Более того, форма смыслового глагола вообще могла отсутствовать в предложении:

Rímsky Otec by rád pokoj; shodu s Italiou pre veľké nebespečenstvo duší, ale marno (1889, с. 61); Pán A. u krajčira: „Pane B., rád bych kabát!“ (1889, с. 64); Mne to komorna tajne pichla, a ja dobre som badala, že by ráda, abych ti to podstrčila (1890, с. 61).

В настоящее время подобные конструкции находятся за пределами словацкого литературного языка.

С точки зрения синтаксиса словацкого литературного языка необычной является конструкция обособленного приложения, в котором соединительную функцию выполняет постпозитивное местоимение *to* [4, с. 161]. В рассматриваемый период такие конструкции были довольно распространены, а в настоящее время воспринимаются как архаизмы. Ср. примеры:

Z Bostonu, mesta to v Severnej Amerike, poslaly v čase vianočnom predošlého roku služobné dievčence, pochádzajúce z Irska, svojim rodičom, príbuzným a známym v domovine vyše 200.000 zl. (1889, с. 64); Preto sv. apoštoli boli Duchom Sv. poučení všetkým rečam, lebo len tak sa jim bolo možno dostať k srdcu a duši človeka a získať ho pre kráľovstvo nebeské, jediný a hlavný to cieľ, pre ktorý je stvorený (1889, с. 68); V Nitranskom-Veselom, rodisku to slavného biskupa Moysesa, žili počiatkom bežiaceho storočia dva náčelní mužovia, rodom z Oravy (1889, с. 100); Príčina, prečo v tejto luteranizácii presiaklej zemi, v zemi to Gustava Adolfa, ktorý svojho času bol viacej nežli pápežom evang. reformácie v Nemecku, – sami protestanti podporujú vec katolícku, spočíva v tom, že ľudu naskytla sa príležitosť poznať a preskúmať zásady pravej svobody a bratskej lásky v Cirkvi katol. ... (1889, с. 94).

Таким образом, в XX в. синтаксис словацкого литературного языка подвергся существенной словакизации. Произошедшие изменения частично совпадали с соответствующими изменениями в чешском литературном языке, что имело место, например, при делатинизации синтаксиса, но не только, а частично, напротив, представляли собой отдаление от чешского языка вследствие закрепления в синтаксисе собственно словацких синтаксических явлений.

Список литературы

1. Хабургаев Г.А. Старославянский – церковнославянский – русский литературный // История русского языка в древнейший период. М., 1984. С. 5–35.
2. Czambel S. Slováci a ich reč. Budapešť, 1903.
3. Lipowski J. Konvergence a divergence češtiny a slovenštiny v československém státě. Slavica Wratislaviensia CXXXII. Wrocław, 2005.
4. Oravec J., Bajzíkova E. Súčasný slovenský spisovný jazyk. Syntax. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1982.
5. Tibenská E. Slovenčina v zrkadle vnútorných a vonkajších vzťahov. Slovački jezik u zrcalu unutrašnjih i vanjskih odnosa. Zagreb, 2012.

Lifanov Konstantin

CHANGING THE SLOVAK LITERARY LANGUAGE ON THE SYNTACTIC LEVEL AND ITS ATTITUDE TO CZECH ONE

The article is devoted to the syntactic features of the Slovak literary language that have changed during the 20th century. Among the changes, common ones were found with the changes that took place in the Czech language, including delatinization of syntax, as well as those that alienated the Slovak literary language from the Czech.

Keywords: Slovak language, syntax, delatinization, Czech language, contrast.

Бондарева Вероника Валерьевна
Российский университет дружбы народов
bondareva_vv@rudn.university

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕЛОДИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ФРАЗОВОЙ ИНТОНАЦИИ РУССКОГО, ПОЛЬСКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье рассматривается алгоритм проведения типологического анализа мелодической составляющей фразовой интонации на примере русского, польского и чешского языков.

Ключевые слова: русский язык, польский язык, чешский язык, фразовая интонация, мелодический компонент.

В отечественном и зарубежном языкознании интонация долгое время рассматривалась учеными и исследователями либо как психофизическое, либо как фонетическое явление. Она не расценивалась как знак, имеющий и план содержания, и план выражения.

Вопрос, касающийся природы интонации, до сих пор остается не решенным: некоторые ученые оставляют интонацию «на периферии языковой системы» [6, с. 9], другие говорят о ней как о полноценном языковом знаке, имеющем не только план выражения, но и план содержания. В пользу характеристики интонации как полноценного языкового знака говорит ее возможность отражать в сознании человека объективные связи и отношения между предметами и явлениями окружающей действительности. Впервые вопрос необходимости изучения интонационного оформления предложения в потоке речи для разработки грамматической теории поднял А.М. Пешковский в своей статье «Интонация и грамматика».

Исходя из языкового характера интонации, можно выделить следующие ее функции: интонация делит звуковой поток на высказывания и синтагмы, при этом она осуществляет связь между расчлененными единицами, делая поток речи единым целым, а также передает смысловые отношения в вычлененных единицах и между ними.

План выражения интонации состоит из нескольких компонентов: мелодический контур, акцентный контур, временные характеристики и тембровые характеристики. В нашей статье будет рассмотрен только мелодический контур и его характеристики.

Говоря о типологической характеристике мелодической составляющей интонации некоторых славянских языков, а именно русского, польского и чешского, мы будем придерживаться подхода Т.М. Николаевой, согласно которому необходимо провести трехуровневый анализ: найти универсалии, связанные с мелодическим компонентом фразовой интонации, выделить типы мелодических контуров и определить индивидуальные особенности мелодики в конкретном языке [3, с. 36–37].

Под интонационными универсалиями, вслед за С.С. Хромовым, мы будем понимать совокупность общих черт, объединяющих большую группу языков [6, с. 61].

С некоторыми оговорками, внесенными С.С. Хромовым, классификация Б.А. Успенского, описывающая типы языковых универсалий в форме дихотомических оппозиций по нескольким основаниям, может быть применима и к интонологической теории. Тогда интонационные универсалии можно разделить на:

- 1) дедуктивные / индуктивные;
- 2) абсолютные (полные) / статистические (неполные);
- 3) простые / сложные;
- 4) синхронические / диахронические;
- 5) лингвистические / экстралингвистические [5, с. 17–27].

Дедуктивные универсалии устанавливают общие понятия, характерные скорее для языковой системы как таковой, чем для конкретного языка, поскольку они отличаются высокой степенью абстрактности.

Так, к дедуктивным интонологическим универсалиям можно отнести следующие:

1. Интонация является системой знаков.
2. Интонационная единица выделяется с помощью интонационных оппозиций, различающихся минимальным набором дифференциальных признаков, среди которых есть ведущие и неведущие.
3. Интонационная оппозиция предполагает наличие противопоставления единиц немаркированного класса маркированному.
4. Любая маркированная интонационная единица менее частотна, чем немаркированная; их количество также подчиняется определенной закономерности: маркированных интонационных единиц всегда меньше, чем немаркированных.
5. Интонационные единицы реализуются в единстве парадигматических и синтагматических отношений [7, с. 85].

Индуктивные универсалии описываются чаще с позиции эмпирического опыта:

1. Интонация состоит из ограниченного числа компонентов: мелодика, интенсивность, длительность, темп, тембр, паузы.
2. Согласно идее Л.Р. Зиндера, интонация является наиболее типичным признаком языка на фонетическом уровне [1, с. 307].
3. Исходя из функций интонации, можно говорить о ее прерывности и непрерывности одновременно.

Опираясь именно на эмпирические данные, ученые делают выводы о повышении мелодики в общих вопросах в отличие от повествовательных предложений; в незавершенных синтагмах в отличие от завершенных; подчеркивают участие интонации в выражении эмоций, а также в реализации значений завершенности или незавершенности [7, с. 85].

Абсолютные, или полные, интонационные универсалии должны быть применимы ко всем существующим языкам, а статистические, или неполные, только к ограниченной группе языков (как правило, родственных).

Говорить о статистических интонационных универсалиях проще, чем об абсолютных, поскольку наиболее полно на сегодняшний день описаны универсалии нетоновых языков [4, с. 198]. Однако некоторые ученые попытались охарактеризовать эти абсолютные универсалии:

1. Сегментация и организации потока речи.
2. Нейтральность и эмоциональность речи.
3. Два типа изменения тона в зависимости от поставленной цели (оформить законченную фразу или же сделать акцент на определенной ее части) [2, с. 321].

Простые интонационные универсалии дают нам понимание о наличии определенного феномена в конкретном языке, а сложные устанавливают взаимозависимость феноменов разного порядка (например, теория Т.М. Николаевой о взаимозависимости интонации и просодической характеристики слова).

Противопоставленность и одновременно единство двух основных аспектов исторической лингвистики, синхронии и диахронии, лежат в основе дихотомической оппозиции синхронических и диахронических интонационных универсалий. Как показывает практика, большая часть выделяемых универсалий в области интонологии относятся к синхроническим в силу специфики самого предмета исследования (отсутствие письменной фиксации). Попытки реконструкции интонации и выделения на основе реконструированных форм интонационных универсалий предпринимали такие

исследователи, как В.Г. Таранец, В.В. Потапов, Т.М. Николаева. Однако выделенные универсалии (компрессия речи, проявляющаяся на разных уровнях, развитие пресуппозиции и смещение акцента) зависят от контекста и имеют скорее частный характер, что позволяет нам не останавливаться на них более подробно [Хромов, с. 87].

Если лингвистические универсалии непосредственно связаны с языком (или языками), в котором они функционируют, и его особенностями, то экстралингвистические универсалии находятся на стыке смежных с лингвистикой дисциплин, таких как психология, социология, культурология. В качестве основы для выделения экстралингвистических интонационных универсалий могут выступать пол, возраст, социальное положение, религия, культурный уровень, профессиональная деятельность индивида и т. д. К экстралингвистическим универсалиям, возможно, в некоторой степени затрагивающим мелодику, можно отнести оппозицию эмоциональность/нейтральность речи. Тем не менее универсалия эмоциональности носит индивидуальный характер, что не позволяет нам выделить необходимые для типологического анализа общие мелодические контуры.

На основе рассмотренных универсалий проявляются типы мелодических контуров, характерные для рассматриваемых нами языков:

1. Нисходящая мелодика завершенности повествовательной фразы (ИК-1 или ИК-2).
2. Мелодика вопроса с вопросительным словом (ИК-2).
3. Мелодика восклицательной фразы (ИК-5 или ИК-6).
4. Восходящая мелодика при общем вопросе, переспросе, перечислении и вопросе с «а» (ИК-3 и / или ИК-4).
5. Общая мелодика фразы.

Анализ этих типов предполагает выделение общего для всех трех языков и специфического для каждого конкретного языка. Остановимся более подробно на каждом мелодическом типе.

1. Нисходящая мелодика завершенности повествовательной фразы сопровождается **начальным повышением тона и отсутствием повышения тона на ударной части** во всех рассматриваемых нами языках.

Тем не менее для русского языка при определенных условиях характерно **повышение тона заударной части** (в том случае, когда ударение и акцентная точка совпадают на одном слог). Исследования показывают, что в польском и чешском языках повышение заударной части нисходящей мелодики завершенности отсутствует.

2. Мелодика вопроса с вопросительным словом во всех трех языках имеет **два мелодических центра: первый произносится на максимально повышенном тоне и приходится на вопросительное слово в русском языке, а в польском и чешском – на следующее за вопросительным слово; второй – на последний слог** (во всех языках).

В русском и чешском языках наблюдается **понижение тона во втором мелодическом центре** (для русского языка больше подходит «падение» – большой интервал, что составляет трудность для иностранцев, изучающих русский язык). Для польского языка в вопросе с вопросительным словом **второй центр сопровождается повышением тона** (которое реализуется на последнем слог, реже – на последнем звуке, и в количественном соотношении может достигать трех тонов).

3. Мелодика восклицательной фразы **в русском, польском и чешском языках характеризуется особым «дугообразным» рисунком**, который встречается только при данном типе мелодического сопровождения. Тем не менее, несмотря на одинаковый мелодический контур, в русском языке центр получившейся «дуги» приходится **на ударный слог слова-носителя оценки или эмоции**. Мелодический центр восклицательной фразы

польского и чешского языков падает **на наименее насыщенное оценкой или эмоцией слово**, образуя рисунок с неустойчивым семантическим центром.

4. Восходящая мелодика характерна для нескольких семантических типов фразы: общий вопрос, перечисление, переспрос и вопрос с «а». В каждом конкретном случае она реализуется возможным вариантом восходящего мелодического контура, зависящего от наполнения и семантики фразы (осуществляется ли сдвиг мелодического центра, присутствует ли заударная часть мелодического контура и т. д.). Все варианты можно разделить на две группы: те, которые встречаются во всех языках, но имеют разные функции, и те, которые характерны только для одного конкретного языка и выполняют одну функцию исключительно в данном языке. Из всех рассмотренных нами восходящих мелодик **только в чешском языке в вопросе с «а» реализуется вариант восходящей мелодики, не повторяющийся ни в русском, ни в польском.**

Тот мелодический контур, который используется в русском языке для оформления общего вопроса и перечисления, используется в польском и чешском языках при переспросе, а мелодический контур, который используется в польском и чешском языках при общем вопросе и перечислении, оформляет вопрос с «а» и переспрос в русском языке.

5. Распределение мелодической структуры фразы в общем может происходить по двум сценариям: распределение мелодического рисунка исключительно по ударным слогам (то, что происходит в русском языке) и распределение мелодического рисунка на любые слоги: и ударные, и безударные (польский, чешский и др. западнославянские языки).

Экспериментальные исследования подтвердили, что хотя в силу географического фактора и ареально-генетической близости польский и чешский языки имеют различия мелодических контуров фразовой интонации, большинство типов у них совпадает. Русский же язык относится к восточнославянской группе. Помимо этого, результаты типологической разнородности обусловлены высокой силой воздействия фразовой интонации в русском языке на словесную.

Данное исследование материалов и анализ экспериментальных данных опираются на функциональный подход: языки рассматриваются не только с позиции интенсивности интонационного оформления фразы, учитываются также характер ударения и роль интонации при выборе коммуникативных средств.

Список литературы

1. Зиндер Л.Р. Общая фонетика и избранные статьи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2007.
2. Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Потапов В.В., Трунин-Донской В.Н. Общая и прикладная фонетика. М.: Изд-во МГУ, 1997.
3. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М.: Наука, 1977.
4. Торсуева И.Г. Интонация: Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
5. Успенский Б.А. Проблемы универсалий в языкознании // Новое в лингвистике. – № 5. – М.: Прогресс, 1970. С. 5–30.
6. Хромов С.С. Интонация в системе языка и проблемы методического прогнозирования. М.: Изд-во РУДН, 2000.
7. Хромов С.С. Интонация как универсалия // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2. Языкознание. 2013. – № 1 (17). С. 84–91.

Bondareva Veronika

TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE MELODICAL COMPONENT OF PHRASE INTONATION IN RUSSIAN, POLISH AND CZECH LANGUAGES

The article deals with the algorithm for typological analysis of the melodic component of the phrase intonation in the Russian, Polish and Czech languages.

Keywords: Russian language, Polish language, Czech language, phrase intonation, melodic component.

Баданина Ирина Васильевна

МГУ имени М.В. Ломоносова

irinabadanina@gmail.com

Митурска-Бояновска Йоланта

независимый исследователь

jmb@zut.edu.pl

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НОМИНАЦИЙ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Одним из проявлений антропоцентризма языка на современном этапе является дальнейшее развитие номинаций женщин. Русский и польский языки обнаруживают в этом плане типологическое сходство. В обоих языках существительные, называющие женщин по видам деятельности, могут быть женского и мужского рода, причем в русском языке чаще, чем в польском, употребляются слова мужского рода. В разговорном варианте обоих литературных языков номинации женского рода употребляются активно, в письменном же литературном языке сохраняются ограничения на их употребление.

Ключевые слова: номинации женщин, русский язык, польский язык.

В современном русском языке функционирование существительных женского рода со значением лица противоречиво: с одной стороны, они активно образуются и употребляются в разговорной речи, а с другой – их употребление в письменной форме литературного языка ограничивается множеством различных запретов.

Вместе с тем для выявления актуальных тенденций в развитии этой группы лексики целесообразно предпринимать специальные исследования, потому что это одна из наиболее важных и динамично развивающихся групп лексики.

Рассмотрим некоторые вопросы этого развития на примере текстов СМИ (интернет-версии газет, журналов), сравнивая ситуацию в русском и польском языках. Поскольку оба языка славянские, представляется интересным сопоставление развития в них интересующей нас лексической группы на современном этапе.

В русском языке номинации женского рода имеют стилистический статус, равный с однокоренными словами рода мужского, лишь в двух идеографических группах – «искусство» и «спорт», причем речь идет не обо всех словах женского рода, а лишь о тех, которые называют традиционно женские профессии и виды деятельности: *певица, актриса, артистка, пианистка, арфистка; гимнастка, спортсменка, фигуристка, теннисистка* и нек. др. То же наблюдаем в польском языке, где слова женского рода также стилистически нейтральны и равны по статусу словам мужского рода, называющим эти же виды деятельности: *aktorka* (актриса), *śpiewaczka* (певица), *tancerka* (танцовка) *zawodniczka* (спортсменка), *tenisistka* (теннисистка), *gimnastyczka* (гимнастка).

Существительные женского рода, называющие профессии, в польском языке создаются по тому же принципу, что и в русском. В обоих языках номинации женщин образуются обычно на базе номинаций мужчин с помощью суффиксов, которые частично совпадают: *-к-а* (рус.) / *-k-a* (польск.), *kelner – kelnerka* (официант – официантка), *wizażysta – wizażystka* (визажист – визажистка); есть также похожие суффиксы *-ин-я/-ын-я*, *-ini/-yni*, непродуктивные в обоих языках: *рабыня, княгиня, графиня; dozorca – dozorczyńi* (сторож – сторожиха), *wychowawca – wychowawczyńi* (воспитатель – воспитательница), *sprzedawca – sprzedawczyńi* (продавец – продавщица).

Слова женского рода с суффиксом *-к-а/-k-a* активно образуются в обоих языках, но полного соответствия между русским и польским нет: те слова, которые в польском языке образуются с этим суффиксом, в русском образованы с другими, также продуктивными суффиксами: *nauczyciel – nauczycielka* (учитель – учительница), *pisarz – pisarka* (писатель – писательница), *poseł – posłanka* (посол), *kierownik – kierowniczka* (начальник – начальница). В польском языке подобные лексемы нормативны, в русском также, но при этом номинации женского рода стилистически снижены сравнительно с номинациями мужского рода, имеющими статус официальных наименований соответствующих видов деятельности.

В разговорном варианте литературных русского и польского языков употребляются номинации женского рода типа *врачиха – lekarka, секретарша – sekretarka*. При этом в обоих языках есть описательные, аналитические способы назвать эти профессии: в русском *женщина-врач, женщина-секретарь*. В польском языке (это также нормативно) некоторые женские соответствия образуются путем прибавления к мужской форме профессии вежливой формы *pani*, напр. *(pani) psycholog, socjolog, politolog, reżyser, filozof, dyrektor*; они предпочитают как нейтральные. В разговорной же речи существуют формы *psycholożka, socjolożka, politolożka, reżyserka, filozofka, dyrektorka*, созданные по законам словообразования с соблюдением чередований звуков. Такие слова часто воспринимаются как неодобрительные, поэтому могут употребляться с известной осторожностью.

Созданию женских соответствий иногда препятствует фонетическая сторона: например, трудно было бы произнести слова *adiunktka* (от *adiunkt*), *architektka* (от *architekt* – архитектор), *pediatrka* (от *pediatr* – педиатр). В русском языке есть существительные женского рода *претендентка, студентка, журналистка*, но редко употребляются такие слова, как *юристка*, и уж совсем странными воспринимаются лексемы типа *менеджерка, президентка, психологичка, стоматологичка, философичка*. Именно по морфонологическим причинам названия видов деятельности мужского рода на *-лог, -фил, -граф, -соф, -ном* не принимают в строгом литературном языке «женских» суффиксов, отчего профессии женщин остаются в мужском роде: *социолог, философ, географ, агроном*. Эта же причина мешает частотному употреблению русских слов типа *филологичка, стоматологичка*. Лексемы типа *химичка, физичка, русичка*, принятые в школьном жаргоне, также носят явный разговорный оттенок и не приняты в общеречевом обиходе.

Как в русском, так и в польском языке традиционно мужские ранее профессии до сих пор сохраняют названия в мужском роде; эти формы звучат более вежливо, нежели их женские соответствия: *летчик, министр, председатель, водитель*.

В обоих языках на пол называемого лица в предложении указывает морфологический род сказуемого и определений, например: *Surowa profesor uśmiechnęła się* (*uśmiechnęła się* – он: *uśmiechnął się*; *surowa* – он: *surowy*). – *Суровая профессор улыбнулась*. В отличие от польского, в русском языке определение перед существительным мужского рода, называющим женщину, обычно употребляется в мужском роде: *Znana teatrolog odwiedziła naszą uczelnię* (*odwiedziła* – он: *odwiedził*; *znana* – он: *znany*). – *Известный театровед посетила наше заведение*.

В русском и польском языках не всегда совпадают суффиксы, образующие номинации женского рода, и у этих номинаций различный стилистический статус. Так, в русском языке все

существительные женского рода, исключая сравнительно немногочисленные слова из упомянутых выше тематических групп «спорт» и «искусство» типа *певица*, *балерина*, *спортсменка*, *теннисистка*, *фигуристка*, стоят на стилистическом уровне ниже однокоренных слов мужского рода и не являются официальными наименованиями профессий: например, уже давно привычные, частотные в языке слова *учительница*, *преподавательница*, *секретарша* и подобные имеют оттенок разговорности, официальные же названия профессий – *учитель*, *преподаватель*, *секретарь*. Продуктивные «женские» суффиксы образуют слова женского рода, частотные в разговорной речи; по-прежнему официальные названия профессий – это слова мужского рода.

В польском языке ситуация в этом аспекте несколько иная: здесь есть официальные наименования традиционно женских профессий – феминитивы с суффиксом *-ka*: *malarka* (художница), *nauczycielka* (учительница), *pisarka* (писательница), *spikerka* (дикторша). Не являются исключением наименования социально менее престижных профессий: *sprzątaczką* (уборщица), *fryzjerka* (парикмахерша), *ekspedientka* (продавщица), *kelnerka* (официантка). В русском языке снижающий стилистический статус имеют суффиксы *-ш-а*, *-их-а*. Исключения редки: *секретарша* в некоторых толковых словарях дается без стилистической пометы, как нейтральное; слова *пловчиха*, *ткачиха* также считаются стилистически нейтральными в силу социальной престижности называемых видов деятельности: *пловчиха* – слово из области спорта, а *ткачиха* – из социалистического прошлого, когда эта профессия была известна и уважаема, ткачихи участвовали в социалистическом соревновании, становились депутатами Верховного Совета СССР, удостоивались высших государственных наград.

В обоих языках есть пары слов мужского и женского рода, в которых парность кажущаяся, основанная на многозначности или омонимии корней. Частично эти пары совпадают в двух языках: *машинист* и *машинистка* в русском – это «водитель поезда» и «женщина, печатающая на пишущей машинке», то есть слово мужского рода образовано от слова *машина* «поезд», а женского рода – от *машинка* «пишущая машина». То же в польском языке: *maszynistka* – женщина, которая переписывает тексты на машинке, а *maszynista* – тот, кто управляет поездом. Как в русском, так и в польском есть типично мужские профессии и должности без женских эквивалентов: *шахтер* – *górnik*, *грузчик* – *ładowacz*, *носильщик* – *tragarz*, *генерал* – *general*, *солдат* – *żołnierz*, а также типично женские. В русском языке это *няня* – *opiekunka do dziecka*, а в польском есть специальное слово *przedszkolanka* – «учительница в детском саду», и хотя мужчины также могут работать в этой должности, до сих пор отсутствует мужской вариант названия. Есть, правда, слово *przedszkolak*, но оно переводится как «тот, кто ходит в детский сад». На базе слова женского рода *pielęgniarka* – *медсестра* возникла правильная номинация мужского рода *pielęgniarz*. В русском языке, как известно, до сих пор сохраняется единственное официальное название профессии – *медсестра* (аббревиатура от *медицинская сестра*), а широко распространенное название *медбрат*, созданное по аналогии с *медсестра*, не имеет статуса официального наименования профессии.

В обоих языках во множественном числе употребляется слово мужского рода как обобщенное название лиц обоего пола – представителей того или иного вида деятельности: *профессора* – *profesorowie*, *танцовщицы* – *tancerze* (ср. мн. ч. для женского рода: *танцовщицы*, *tancerki*), *музыканты* – *muzycy*, *писатели* – *pisarze* (ср. ж. мн. ч. *писательницы*, *pisarki*).

В историческом прошлом в обоих языках были слова женского рода, называвшие жен по профессиям их мужей: в русском языке это, например, *аптекарьша* – жена аптекаря, *полковница* – жена полковника, *бригадирша* – жена бригадира; в польском слова женского рода с этим же значением образовывались с формантом *-owa*, *-ina/-yna*: *krawcowa* от *krawiec* – портной, *doktorowa* – жена доктора, *ministrowa* – жена министра, *sędzina* – жена судьи. В

современном польском языке существительное *krawcowa* имеет значение «женщина-портной», в прошлом в этом значении употреблялось *krawczyni*. Выбор слова *krawcowa* можно объяснить большей простотой в произношении, то есть действием закона экономии усилий. В современном русском разговорном языке слова типа *докторша*, *директорша*, *генеральша* имеют два значения: 1) жена мужчины, названного производящим словом мужского рода; 2) женщина – представитель профессии, названной производящим словом мужского рода. В русском языке пару к *директор* составляют два слова женского рода – *директорша* и *директриса*, первое из которых в словарях трактуется как разговорное, а второе в некоторых словарях уже дается без специальной пометы, как стилистически нейтральное. Однако по-прежнему слово мужского рода *директор* является официальным названием должности как мужчины, так и женщины. В польском языке ситуация аналогичная: разными словарями по-разному определяется статус слова *dyrektorka* – в одних со стилистической окраской разговорности, в других без нее. Попытки придать феминитивам стилистический статус, равный словам мужского рода, пока не дали положительных результатов: в польском языке такие феминитивы, например названия должности женщины-министра *ministra*, *ministerka* от *minister* – единственно правильной формы, вызывают негативную реакцию.

Таким образом, в двух славянских языках, русском и польском, отмечается сходство происходящих в сфере номинаций женщин процессов, что свидетельствует об универсальном характере актуальных тенденций в развитии обоих языков.

*Badanina Irina
Miturska-Bojanowska Jolanta*

FUNCTIONING OF THE NOMINATIONS OF WOMEN IN CONTEMPORARY RUSSIAN AND POLISH

One of the manifestations of anthropocentrism of language at the present stage is the further development of nominations of women. Russian and Polish languages show typological similarity in this respect. In both languages, nouns that refer to women by type of activity can be female and male, and in the Russian language more often than in Polish, the words of the masculine are used. In the colloquial version of both literary languages, nominations of the female gender are actively used, while in the written literary language, restrictions on their use remain.

Keywords: the category of women, Russian language, Polish language.

*Воронова Александра Владимировна
Российский университет дружбы народов
av.voronova@bk.ru*

ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ АНТРОПОНИМОВ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В данной статье подробно описывается периодизация становления восточнославянских антропонимов. История русской антропонимии теснейшим образом связана с историей русского языка. Имена собственные являются ярким примером лингвокультурной идентификации: они называют предмет, лицо и явление как индивидуальное. Ономастика как наука, в свою очередь, имеет обширный круг компонентов, отражающих в этой науке не только лингвистический, но и лингвокультурологический аспект. Имена собственные передают информацию о социуме, его культуре, традициях через язык. Изучение социальной природы имен собственных привлекает

внимание ученых на протяжении многих десятилетий. Актуальность данной темы определяется неослабевающим интересом к ономастике в целом и антропонимике в частности. Существовая в рамках лексической системы и развиваясь по языковым законам, в своем понятийном аппарате имена собственные содержат также этнографические, исторические, географические, социальные и культурологические данные. Антропонимы всегда очень живо реагируют на изменения, которые происходят как в языке, так и в обществе.

Ключевые слова: антропонимия, лингвокультурологический аспект, восточнославянские антропонимы, периодизация.

Антропонимы являются ярким примером лингвокультурной идентификации, называя предмет, лицо или явление как единичное и индивидуальное. Многообразие имен собственных, их широкое распространение, частое употребление и сложность этого аспекта языка привели к появлению особой науки – ономастики. Ономастика как наука включает в себя исторический, социологический, этнографический, географический, языковой компоненты. Данное положение выводит ономастику за рамки только лишь лингвистических исследований и дает некоторую самостоятельность и автономность комплексу включенных в нее компонентов, особенно отражая лингвокультурологический аспект. В ономастике существует раздел антропонимика, исследующий имена собственные, их происхождение, историю (эволюцию), закономерности их функционирования, географическое распространение и частотность использования.

Труды ученых в области истории русских антропонимов появились задолго до приобретения ономастикой научного статуса в 30-е годы XX в. Еще в начале XIX века церковный историк Е. А. Болховитинов посвятил свою работу изучению личных собственных имен у славяно-руссов, а М.В. Ломоносов и А.Х. Востоков работали над описанием русских антропонимов в рамках грамматического учения. Ф.И. Буслаев в своей работе рассматривает древнейшие исторические и географические личные имена в качестве важнейшего источника для истории языка. Необходимость изучения личных имен для истории народа обоснована в предисловии к «Славянскому именованию...» священником М.Я. Морошкиным. В.А. Никонов трактовал имена собственные как социальный знак в связи с историей общества: «Имя связывает носителя с другими носителями того же имени и с той группой общества, в которой оно принято, независимо от его исходного этимологического значения...» [9, с. 14]. Ученый говорил о задачах и методах антропонимики, анализируя княжеские и летописные имена.

В лингвистической литературе (М.В. Горбаневский, В.Д. Бондалетов, В.В. Иванов и В.Н. Топоров, Н.И. Костомарова, А.Я. Шайкевич) принята следующая периодизация становления восточнославянских антропонимов: 1) древнейший период (до 980 г.); 2) период параллельного бытования мирских и христианских имен (от 988 г. до конца XVII в.); 3) период монополюсного бытования христианских имен (XVIII в. – 1918 г.); 4) период после отделения церкви от государства в 1918 г.

С начала древнейшего периода антропонимы являлись основным способом именованья человека. Имена в этот период стали известны благодаря историческим памятникам VI–X вв. (преимущественно греко-византийским: «Мириобиблон» Фотия, свод византийских житий Симеона Метафраста). Существенный вклад в развитие русской антропонимической науки внес российский филолог Н.М. Тупиков, представив в 1899 году в Императорской академии наук рукопись главного своего труда «Словарь древнерусских личных собственных имен», посвященного русскому нехристианскому именованию. Уникальный своей библиографической редкостью, этот словарь содержит огромный корпус антропонимов почти за восемьсот лет русской истории. В нем рассматриваются происхождение и значение имен. Приведена информация о том, где впервые упоминаются имена мужские, женские и отчества: «Блудъ (972) – Блудъ, воевода Ярополка. Лавр.лѣт.75... Всеволодь (980) – Всеволодь, сынъ Владимира Св.980. Лавр. лѣтоп.78. Всеволодь, сынъ великаго князя Ярослава, род. 1030. Лавр.

лѣтоп.146. «Всеволодь Ольговичь», сынъ Олега Святославича. 1127. Лавр.283. Всеволодь Всеволодовичь, князь Червенскій, XII в. Ипат. Лѣт. 483... Маль (945) – Маль, князь Древлянскій. 945. Лавр.53». [10, с. 49, 97, 242].

Славянские имена древнейшего периода относятся к определенным группам, например:

1. Имена, отражающие животный или растительный мир (*Щука, Ери, Заяц, Волк, Орел, Орех*).
 2. Имена, которые давались по порядку рождения (*Первуша, Вторак, Третьяк*).
 3. Имена в честь языческих богов и богинь (*Лада, Ярило*).
 4. Имена, дававшиеся по человеческим качествам (*Храбр, Молчан, Несмеяна, Стоян, Забава*).
 5. Имена, которые давались ребенку в зависимости от отношения к нему в семье (*Любим, Неждан, Хотен, Поспел, Чаян*).
 6. Имена, дававшиеся в зависимости от времени рождения ребенка, по природным явлениям: (*Зима, Мороз, Вешняк, Заря*).
 7. И основная группа имен – двухосновные (*Святослав, Доброжир, Тихомир, Ратибор, Ярополк, Гостомысл, Велемудр, Всеволод, Богдан, Доброгнева, Любомила, Миролоб, Светозар*) и их производные (*Святоша, Добрыня, Тишило, Ратиша, Путята, Ярилка*).
- *Для образования производного имени у двухосновного слова необходимо отсечь вторую часть и прибавить уменьшительный суффикс и окончание (-ло, -та, -тка, -ша, -ята, -ня, -ка); если имя имеет одну основу, суффикс прибавляется к ней – Святослав: Свято+ша=Святоша; Ярило: Ярил+ка=Ярилка.*

Количество корневых основ двухосновных славянских имен велико – всего насчитывается около нескольких сотен корней. При этом наиболее распространенными являются основы:

- 1) *-мир* (Тихомир, Творимир, Ратимир, Миродар, Миромир);
- 2) *-влад* (Владивой, Владимир, Владислав, Рогволод);
- 3) *-слав* (Славимир, Славомил, Богуслав, Борислав, Всеслав).

Часто встречаются также основы *-бог, -бор, -гост, -град, -добр, -рад, -свят, -яр* и другие. Двухосновные имена иногда относят к «княжеским», но в летописных источниках можно найти большое количество упоминаний людей со «статусными» именами, среди которых встречаются бояре, воеводы, посадники, а «по месту жительства» – новгородцы и псковичи, поэтому считать подобные антропонимы исключительно «княжескими» не вполне корректно. И все же заметна тенденция к образованию имен с основой на *-слав* среди киевских князей и князей прибалтийских славян. Уже в древнерусский период в именнике восточных славян были представлены антропонимы, имеющие параллели в других языках: иранских (муж.: *Прастен, Фроутан*; жен.: *Сфандра*), венето-иллирийских (*Егри, Уто, Кол, Гуды*), скандинавских (*Игорь, Глеб, Олег, Ольга*).

Особенности ономастического узуса древнейшего периода объясняются мифологическими представлениями о природе имени, то есть отождествлением имени и его носителя, верой в существование связи между именем и человеком. В то время считалось, что имя имеет некие магические свойства и используется как инструмент магии: охраняет, отгоняет зло, продуцирует, лечит.

Народная антропонимия славян подверглась сильнейшему влиянию христианской культуры, пришедшему с крещением Руси. Это касается как состава имен, так и их узуса, но при этом антропонимия практически полностью сохранила отношение к имени, имянаречению и именованию, свойственное дохристианской мифопоэтической традиции. Согласно славянским народным представлениям, реконструируемым из языкового, обрядового и фольклорного материала, имя окончательно формирует человека. Наречение

именем в данный период времени стало являться важнейшим актом, придающим новорожденному статус человека. И, конечно, в контексте христианской культуры такой акт отождествлялся с церковным обрядом крещения. В народном представлении крещение и было прежде всего имянаречением. Сакральность подобного действия, которая восходит к древнейшей мифопоэтической традиции, находит свое продолжение в народных верованиях и обрядах, связанных с крещением.

Имена, привнесенные новой религией, стали заимствовать из разных языков – к примеру, греческого (*Александр – Αλέξανδρος, Андрей – Ανδρέας, Василий – Βασίλι, Анастасия – Αναστασία, Екатерина – Αικατερίνη, Ксения – Xenia* и др.), латинского (*Виктор – Victor, Константин – Constantinus, Максим – Maximus, Марина – Marinus, Наталья – Natalia* и др.), древнееврейского (*Даниил – דָּנִיֵּאל (Данийель), Иван – יְהוָה (Йоханан), Илья – אֵלִיָּהוּ (Элияху); Анна – חַנָּה (Ханна), Елизавета – אֵלִישֶׁבֶת (Элишеба), Мария – מִרְיָם (Мирьям)* и др.) и некоторых других. Христианские имена распространились благодаря культу христианских святых. Согласно христианской религии, православные и католики каждый день отмечают день памяти того или иного христианского святого. Доказательством этого служит существование специальных сборников житий святых, предназначенных для ежедневного домашнего (не богослужебного) чтения – Минеи-Четьи (от греческого *μηναιος* – месячный и старославянского *четьи* - чтения). Жития святых здесь изложены в порядке празднования их памяти по православному церковному календарю. Поэтому с течением времени появился обычай называть детей из христианских семей именами, стоящими в календаре близко ко дню рождения или дню крещения ребенка. Такой календарь теперь называют месяцесловом, а в народе он зовется святцами.

Однако христианские имена на Руси утвердились не сразу, а постепенно, по мере распространения и утверждения христианской религии. Наблюдается длительный период одновременного существования имен христианских (крестильных) и мирских (некрестильных). В жизни славян это выглядело следующим образом: человек носил два имени – крестильное и мирское. При этом, по словам известного русского историка Н.И. Костомарова, в XVI и XVII вв. мирские имена употреблялись чаще крестильных: «Несмотря на предпочтение духовного рождения плотскому, у русских долго было в обычае кроме христианского имени иметь еще прозвище, или некрестное имя; обычай этот водился в удельные времена между князьями, которые кроме крещеного имени всегда имели еще княжее старославянское и более были известны под последним. В XVI и XVII веках мы встречаем множество имен или прозвищ, которые существовали вместе с крещеным именем и употреблялись чаще последнего, так что и в деловых бумагах назывался человек не христианским своим именем, а прозвищем; напр., Первый, Смирный, Девятый, Злодей, Козел, Паук, Русин, Злоба, Шестак, Неупокой, Нехорошко, Беляница, Дунай, Май, Поспелка, Роспута, Мясоед, Кобяк» [6, с. 156]. Но к концу XVII века мирские имена почти не употреблялись. Из большого количества исконно русских (или славянских) имен в христианский именовослов вошли только единичные. Это в основном двухосновные имена русских или славянских князей, причисленных к лику святых (*Владимир, Вячеслав, Людмила*), а также имена *Горазд, Кукиша*. Состав мирских имен анализируемого периода известен по ряду специальных словарей и исследований. Наиболее употребительными являлись *Бажен, Баран, Бык, Волк, Дружина, Ждан, Истома, Неждан, Некрас, Нечай, Смирной, Томило* и другие. Сведения о составе мирских женских имен более скудны, поскольку лица женского пола в исторических памятниках встречаются крайне редко. В уже упомянутом словаре Н. М. Тупикова приведено лишь сорок семь женских древнерусских имен (*Безручка, Белуха, Всеслава, Голуба, Гостена, Забава, Любава, Милава, Несмеяна, Рогнеда, Смиренка, Чернява* и др.).

Позднее, после XVII в., мирские имена почти полностью вышли из употребления, хотя в XVIII–XIX вв. факты использования неканонических (нецерковных) имен все-таки

наблюдались. Господство при имянаречении получили имена из православного календаря. Но использовались далеко не все имена, присутствовавшие в святцах. Сформировался достаточно компактный именовослов, куда вошли имена, наиболее удачно вписавшиеся в русский язык по своим фонетическим характеристикам. Многие мужские церковные имена вряд ли использовались для наречения из-за своей неблагозвучности (например, *Авундий, Апроиан, Астион, Варсис, Епенет, Еспер, Зевин, Иакихсол, Игафракс, Исавр, Мариав, Нерангиос, Реас, Сеннис, Суимвл, Троадий, Фавмасий*). Другая ситуация наблюдается с женскими именами, которых в святцах намного меньше, чем мужских. Однако и здесь можно выделить наиболее частотное ядро. В.А. Никонов на примере женских имен XVIII в. показал, что в разных социальных классах популярностью пользовались разные имена. Среди крестьянских детей самыми распространенными были имена *Василиса, Гликерия, Мавра, Федосья, Фекла*. У крестьянок и купчих – *Прасковья, Ирина, Матрена, Марфа, Дарья*. Для дворянских же дочерей выбирали имена *Мария, Наталия, Варвара*. Ситуацию с выбором мужских имен, вызванную социальным расслоением, показал А.Я. Шайкевич. Так, имена *Александр, Николай, Константин* очень часто встречались среди представителей царского двора, архитекторов, преподавателей гимназий, военных и врачей. В рассматриваемый период наблюдались и географические различия в употреблении имен. Однако в целом они не столь существенны.

Состав русских имен претерпел существенные изменения после Октябрьской революции 1917 г. Прежде всего этому способствовал один из первых декретов Советской власти – об отделении церкви от государства. Согласно новому порядку новорожденного необходимо было сначала зарегистрировать в ЗАГСе, а только потом крестить в церкви. Таким образом, церковь лишилась монополии в сфере имянаречения. Результатом стал выход из употребления многих имен, чье бытование поддерживалось главным образом авторитетом церкви и усилиями священников. На их место пришли новые имена, в том числе заимствованные из других языков (прежде всего из западноевропейских). Нужно отметить новый пласт имен, связанный с революционными событиями (мужские *Авангард, Борьба, Вилен, Вилий, Гем, Гранит, Зинаид, Ким, Мюд, Новомир, Октябрин, Рев, Револьд, Труд, Фицюз, Электрон*; женские *Воля, Владлена, Декабрина, Диамира, Идея, Искр, Красномира, Нинель, Новелла, Октябрина, Поэма, Ревмира, Сталина, Электрина, Эра, Эспирантина, Январина*). Многие из перечисленных имен возникли в результате влияния коммунистической идеологии. Самый активный период преобразования именника русских пришелся на середину 20-х – начало 40-х гг. прошлого столетия. Этот период в научной литературе был назван «антропонимическим взрывом» [5, с. 152]. Позже процесс изменения именника протекал спокойнее. С 60-х гг. прошлого века стали активно проводиться исследования системы личных имен русских. Учеными была обнаружена такая нежелательная тенденция, как сужение репертуара имен, используемых для наречения. Это произошло после того, как спал накал имятворчества двух первых десятилетий после революции. Но с течением времени ситуация менялась, и список имен все же расширялся.

В.Д. Бондалетов провел исследование русской антропонимии в советский период и подчеркнул следующие ее особенности: «1) полная дехристианизация именника как по его идеологическому звучанию, так и по конкретной практике наречения (по мотивам выбора имен); 2) внесловный характер его реализации; 3) уменьшение различий между именником города и села; 4) процессы ономастических преобразований (проявившиеся в создании новых имен и смелом заимствовании из западноевропейских языков, в использовании русских и славянских имен, не предусмотренных святцами, в отказе от значительной доли старых, ставших непопулярными христианских имен и замене канонических вариантов календарных имен на народные); 5) распространение

антропонимических новшеств на всю территорию страны; 6) активное взаимодействие с антропонимией народов Советского Союза и взаимообогащение русского и национальных именников; 7) распространение трехчленной формулы официального именования человека среди всех наций и народностей нашей страны; 8) дальнейшее совершенствование стилистических возможностей антропонимической системы в процессе ее использования во всех функциональных стилях современного русского языка» [2, с. 128–129].

Имена собственные передают информацию через язык о социуме, его культуре, традициях. Антропонимы всегда очень живо реагируют на изменения, которые происходят как в языке, так и в обществе. Изучение личных имен не может проводиться только в синхроническом аспекте. Огромное значение приобретает изучение собственных имен в диахронии, так как история русской антропонимии теснейшим образом связана с историей русского языка.

Список литературы

1. Болховитинов Е.А. О личных собственных именах у Славяноруссов // Вестн. Европы, 1813. – Ч. LXX. – № 13.
2. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М., 1983.
3. Буслаев Ф.И. Значение собственных имен «лютичи», «вильцы» и «волчки» в истории языка. // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1851. – Кн. 9–10.
4. Востоков А.Х. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим онаго письменным памятникам. // Тр. ОЛРС при Моск. ун-те. М., 1820. – Т. 17.
5. Востоков А.Х. Русская грамматика. СПб., 1831.
6. Горбаневский М.В. В мире имен и названий. М.: Знание, 1989.
7. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях М.: Республика, 1992.
8. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1952.
9. Морошкин М. Славянский именослов. СПб., 1867.
10. Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974.
11. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004.

Voronova Alexandra

THE HISTORY OF THE EAST SLAVIC ANTHROPNYMY IN THE ASPECT OF LINGUOCULTURAL IDENTIFICATION

In this article the periodization of formation of East Slavic anthroponymy is described. The history of the Russian anthroponymy is closely connected with Russian history. Proper nouns are a striking example of linguocultural identification: they call a subject or the person and the phenomenon as individual. The onomastics as science, in turn, has a lot of components, reflecting in this science not only linguistic, but also linguoculturological aspect. Proper nouns transmit information through language about society, its culture, traditions. Studying of the social nature of own names draws attention of scientists for many decades. The relevance of this subject is defined by the interest in onomastics in general and an anthroponymy in particular. Existing within lexical system and developing on the language laws, proper nouns contain also ethnographic, historical, geographical, social and culturological information. Anthroponyms always react to changes which happen both in language and in society.

Keywords: anthroponymy, linguoculturological aspect, East Slavic anthroponymy, periodization.

Егорова Ксения Борисовна
ИРЛИ РАН
xenia.egorova@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ: РОЛЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЯЗЫКОВЫХ СПОРАХ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ⁴¹

Подкарпатская Русь являлась частью Первой Чехословацкой республики в соответствии с текстом Сен-Жерменского мирного договора (1919 г.). Будучи политической автономией в составе республики, эта область получала все права, декларировавшиеся в Конституции нового славянского государства, в частности, право использовать национальный язык. Языковая ситуация в Подкарпатской Руси и проблемы кодификации русинского языка до сих пор не исследованы в полной мере. Настоящая работа ставит своей целью анализ дискуссий вокруг русинского вопроса в среде чехословацкой интеллигенции.

Ключевые слова: Подкарпатская Русь, русская эмиграция, славянские культуры, национальная идентичность.

Вопрос о языке и культурном самоопределении Подкарпатской Руси, входившей в качестве автономной области в состав Первой Чехословацкой республики, с первых дней ее существования был тесно связан с политикой и решался как проблема прежде всего политическая, что создало непростые условия для кодификации русинского языка и создания методологической базы для обучения детей в русинских школах, а также признания русинской литературы как самостоятельного явления, а не части иных национальных литератур.

Существует обширная литература по карпаторусскому вопросу. Исследователи-фольклористы, антропологи и историки обращались к изучению этого региона в различные исторические периоды. О том, насколько объемна современная литература по русинскому вопросу, можно судить по аннотированной пятитомной библиографии карпаторусских исследований, составленной и изданной Полем Магочим [7]. Анализ этих материалов показывает, что вопросы культурной и политической жизни Подкарпатской Руси в их соотношении с внутривосточной обстановкой в Первой Чехословацкой республике остались на периферии исследовательского внимания и нуждаются в специальной разработке.

За последние годы появились узкоспециальные исследования, в которых представлены результаты работы по осмыслению языковой ситуации в Подкарпатской Руси. Так, авторы монографии «Наш місцевий Вавилон: Історія мовної політики на території сучасного Закарпаття у першій половині ХХ століття (до 1944 року)» [6] посвятили главу политике правительства Т.Г. Масарика в области кодификации языка Подкарпатской Руси.

Подобные исследования содержат ценный статистический материал и опираются на архивы, однако не учитывают существования такого компонента, как влияние русской и украинской эмиграции на формирование языкового и национального подсознания жителей карпаторусского края. Сама дискуссия вокруг русинского языка, развернувшаяся в 1920-х гг. и очень быстро ставшая полем для политических дебатов, столкнула русские и украинские интересы в этой области; любое участие деятелей культуры, оказавшихся в Чехословакии в эмиграции и разделивших украинофильские или русофильские взгляды русинской интеллигенции, оказывалось поводом для обсуждения и включалось в число аргументов в пользу кодификации русинского языка на основе русской или украинской грамматик.

⁴¹ Доклад был подготовлен в рамках гранта РГНФ 16-04-50095 «История одного славянского пограничья: Подкарпатская Русь в контексте литературных и эстетических исканий русской и украинской эмиграции».

Гораздо тише в этих дискуссиях звучали голоса приверженцев русинского направления, считавших, что их язык, равно как и литература, представляют собой полноценные славянские язык и литературу, а не диалект или извод великорусского или малорусского.

Сожаление о том, что важные для молодого славянского государства проблемы культурной жизни русинской автономии, которые должны решаться с научной точки зрения и не становиться политически ангажированными, одними из первых высказали чешские и словацкие журналисты, ученые, общественные деятели, командированные в Подкарпатскую Русь от различных правительственных учреждений Чехословакии для оценки культурного и политического климата в регионе, изучения традиций, культуры и русинского быта (изучением региона в 1920-е гг. занимались Антонин Гартл, Йиржи Крал, Франтишек Тихий, Йозеф Пешек, Йиржи Нечас, Алоиз Гора, а также русские эмигранты Д.Н. Вергун, С.К. Маковский, В.А. Францев).

Антонин Гартл заявил о напряженной ситуации вокруг русинского языка, которая вышла за рамки лингвистической проблематики и оказалась в центре политических дебатов, стала предметом агитации в непростой для Чехословакии ситуации. В Подкарпатской Руси лидировала коммунистическая партия, что составляло угрозу самому политическому строю молодого славянского государства, поскольку русины могли примкнуть к соседнему советскому государству. Такой опыт у Подкарпатской Руси уже был, советская власть просуществовала в Подкарпатье с марта по май 1919 г. и успела по-своему разрешить языковой вопрос, не вдаваясь в дискуссии об особенностях русинского национального самосознания: был издан указ об обучении языку в школах в том виде, как он был кодифицирован в 1901 г. стоявшим на украинофильской точке зрения Августином Ивановичем Волошиным.

Гартл – сотрудник МИД Чехословакии, отвечавший за работу чешских журналистов в Подкарпатской Руси, – в брошюре «Культурная жизнь освобожденной Подкарпатской Руси» [9] настаивал на дипломатическом подходе к языковому вопросу и предостерегал от поспешного принятия решения, поскольку отсутствие продуманной стратегии может привести к нестабильности в регионе: «...борьба за язык и его культивацию делает культурно-просветительскую работу мерой небезопасной, поскольку она перешла на поле политики и стала препятствовать развитию культуры...» [9, с. 7].

О наметившемся напряжении в регионе в 1920-е гг. высказывался чешский политик Яромир Нечас, в работах которого по карпаторусскому вопросу подробно анализировались все общественные и политические движения в регионе, перспективы развития внедренных Чехословакией образовательных программ и особенности языковой ситуации в подкарпатской области [10, с. 11].

Сама позиция Нечаса, ориентированная на поддержку украинского компонента русинской культуры, вызывала много споров как у чешских политиков и культурных деятелей⁴², так и в среде русинской интеллигенции. Несмотря на свою приверженность украинофильским взглядам в решении карпаторусского вопроса, Нечас уже в первой своей полемической работе «Угорская Русь и чешская журналистика» (1919 г.) высказывал опасения по поводу излишней политизации культурных процессов, наметившихся в регионе во время Первой мировой войны, а также выхода чехословацких политиков за рамки культурно-просветительской, нейтральной деятельности в регионе. Нечас опирался на свой опыт жизни и работы в этих пограничных славянских областях (по окончании университета в 1913 г. он работал в качестве инженера в австрийской Буковине и Галиции) и не питал надежд на быстрые темпы культурного роста и

⁴² Полемика вокруг украинофильской позиции будущего министра началась с одной из первых его публикаций по карпаторусскому вопросу, где он открыто критикует своих чешских коллег-авторов публикаций в чешской периодической печати [12].

политической грамотности в регионе. Он считал, что приобщение русинского населения к «демократическим ценностям» было большой ошибкой чехословацкого правительства; именно это привело Подкарпатскую Русь за несколько лет автономии к «политическому хаосу и анархии» [11, с. 9].

Неподготовленность чехословацких властей к решению карпаторусского вопроса, который оказался сложнее, чем виделся политикам во время Парижской мирной конференции, сказалась на ситуации вокруг русинского языка – его признании, кодификации, написании грамматики и подготовке методологических основ для обучения населения. Нечас назвал культурный кризис начала 1920-х гг., с которым столкнулась Подкарпатская Русь, «политической филологией»; от нее, по мнению политика, страдали все слои населения региона: «Языковые споры льют воду на мельницу врагов республики, поскольку отравляют общественную жизнь и ведут к ее усложнению в то время, когда Подкарпатская Русь требует прежде всего удовлетворения базовых потребностей народных масс» [11, с. 60].

Призыв Нечаса немедленно «отполитизировать» языковые споры относился прежде всего к разгоревшемуся в среде русинской интеллигенции конфликту между секретарем общества А. Духновича в Береговском округе Игорем Ивановичем Гусьнаем, выступившим в печати с остро-полюемической брошюрой «Языковой вопрос в Подкарпатской Руси» [5], и Августином Волошиным, уже имевшим успешный опыт написания грамматик русинского языка и его кодификации на основе украинского. Гусьнай заявлял: «В Подкарпатской Руси замечается в последнее время полный хаос в языковом отношении» [5, с. 1], – и однозначно решал вопрос о судьбе отдельного русинского языка (орфография авторская): «На деле расходится здесь только о две культурные ориентации, русскую или украинскую, ибо третий узкотерриториальный “русинский” провинциализм никогда плодоносным быть не может» [5, с. 1].

О том, насколько велико было влияние языкового вопроса на стабильность региона, свидетельствуют строки из меморандума, направленного в канцелярию президента республики членами русофильского общества им. Александра Духновича в Ужгороде: «То, что творится сейчас в школьном образовании, вызывает у нас недоверие и разочарование. Вместо литературного русского языка повсеместно введен в наших школах вымышленный “русинский язык”. Наши учителя в большинстве своем – украинские сепаратисты, которые пришли из Галиции и стараются создать новый “русинский язык”» [8, с. 46].

Вероятно, речь идет о деятельности Августина Ивановича Волошина, директора учительской семинарии в Ужгороде. Этот русинский культурный деятель, действительно, был автором целого ряда учебников и школьных хрестоматий. Наиболее известна его работа 1901 г. «Методическая грамматика угро-русского литературного языка для народных школ» [1, 2, 3]. Это пособие были переиздано в 1919 г. под несколько измененным названием «Методическая грамматика карпато-русского языка для народных школ». Представляется, что именно это издание вызвало негодование в пророссийски настроенной среде и стало причиной появления довольно радикальной брошюры Гусьная, отстаивавшего необходимость повсеместного введения великорусского языка. Волошин вступил в дискуссию с Гусьнаем и в 1921 г. издал основательное пояснение своей позиции по вопросам карпато-русского языка: «О письменном языке подкарпатских русинов» [4]. В этой работе Волошин открыто полемизировал с Гусьнаем и пытался найти альтернативное решение проблем, поставленных «русинскими московфилами». Высказавшись в печати о состоянии русинского языка, Волошин показал, что понимает, к кому была обращен полемический задор Гусьная.

В 1921 г. Волошин придерживался умеренной позиции и считал, что ни русский, ни украинский не смогут заменить народного наречия русинов, а значит, следует искать иной путь для разрешения конфликта. Он предлагал следующий вариант: «урядовый язык повинен

быть малоруській с этимологичным правописом» [4, с. 9]. При этом Волошин очень осторожно замечал, что в ряды русинской элиты проникла «якась неприяТЕЛЬска сила», которая вызвала все эти споры, разделив общество, и добавлял, что до присоединения к Чехословакии подобного хаоса не было [4, с. 10].

Представляется, что именно «политизация» языковых дискуссий, спровоцированная крайне размытой в 1919–1920-х гг. подкарпатской политикой правительства Чехословакии, стала причиной разделения русинской интеллигенции на два лагеря: «галицийских псевдоукраинских сепаратистов» и «москвофилов-фанатиков» (оба выражения принадлежат Августину Волошину, который активно использовал их на страницах своей книги «О письменном языке подкарпатских русинов» [4]).

Изучение чехословацкой «политической филологии» может иметь несколько направлений: лингвистическое, затрагивающее вопросы кодификации русинского языка; культурологическое и историко-литературное, предметом которого могут служить работы русских и украинских ученых, приехавших в Чехословакию в рамках «русской акции» чехословацкого правительства и участвовавших в культурной и научной жизни региона. Последний вопрос актуален для отечественной славистики, поскольку практически не существует исследований, материалом для которых стали бы научные взгляды русских ученых-эмигрантов на литературу и историю Подкарпатской Руси, фольклор и прикладное искусство региона.

О Подкарпатской Руси говорили Д.Н. Вергун, Е.А. Ляцкий, С.К. Маковский, В.А. Францев. Одним из наиболее активных защитников интересов карпатороссов был Дмитрий Николаевич Вергун (1871–1951). Выходец из Галиции, он жил и работал в России, где сделал многое для того, чтобы общество узнало о жителях пограничных карпатских областей, их истории и культурным устремлениях. В Санкт-Петербурге хранится крупнейшее собрание материалов, позволяющих описать и проанализировать литературное творчество и просветительскую деятельность этого славянского общественного деятеля (РГИА, ИРЛИ РАН). Начало общественной деятельности Вергуна было положено в Вене, где он выступил в качестве издателя журнала «Славянский век», который должен был стать, по мысли его организатора, всеславянским печатным органом, учрежденным для защиты славянских культурных интересов. В 1907 г. Вергун переехал в Санкт-Петербург и продолжил свою просветительскую деятельность: писал статьи и выступал с лекциями о православном населении Австро-Венгерской империи. По окончании Первой мировой войны Вергун был одним из наиболее активных участников русинского движения за независимость карпаторусского края, в 1919 г. он участвовал в Парижской мирной конференции в качестве делегата будущей автономной республики Подкарпатская Русь, вошедшей в состав Чехословакии. Эмигрировав из революционного Петрограда, Вергун стоял у истоков национального и политического самоопределения подкарпатских русинов.

В межвоенной Чехословакии он отстаивал не только право русинской литературы и культуры на признание, но и принадлежность русин к великорусской (в терминологии той эпохи) культуре. Основным аргументом Вергуна стал подход русской эмиграции к феномену русской литературы вне России. Вергун утверждал, что если русская эмигрантская литература является частью единого русского литературного процесса, то и существование русинской русской литературы также стоит признать.

В настоящее время не существует отдельных исследований, посвященных взглядам Д.Н. Вергуна на культуру и историю славянского мира, его вкладу в изучение карпаторусского края, литературной деятельности (при жизни Вергуна были изданы сборники его стихотворений «Червоно-русские отзвуки» (1901) и «Карпатские отзвуки» (1920), просветительской работе в Вене, Санкт-Петербурге, а позже в Праге. Изучение

архивных документов поможет восполнить эту лакуну, существенно дополнить наши знания о развитии неославизма в начале XX века, а также обратиться к истории русинской литературы, видным представителем которой был Д.Н. Вергун.

Основной корпус документов, связанных с жизнью и творчеством этого карпаторусского общественного деятеля и литератора, хранится в РГИА (Ф. 909, Вергун Д.Н.). Среди материалов, содержащихся в личном фонде Вергуна в РГИА, есть статьи и заметки, касающиеся проблем русинских земель (например, статьи «Православие в Австро-Венгрии и в оккупированных ею землях», «Смысл славянской азбуки»). Не все работы Вергуна по русинскому вопросу и истории православного населения австрийских земель были опубликованы при жизни автора. Многие статьи остались только в рукописях, некоторые набраны и подготовлены к печати. Все эти документы позволяют сделать выводы о доэмигрантских взглядах Вергуна на проблемы русинской национальной идентичности, культуры и литературы галицких русин, их истории в составе Австро-Венгерской империи.

Список литературы

1. Волошин А.И. Методическая грамматика угро-русского литературного языка для народных школ. Унгвар, 1901.
2. Волошин А. И. Азбука угро-русского и церковно-славянского чтения. Унгвар, 1906.
3. Волошин А.И. Материнский язык в народной школе: короткія руководящія заметки для народных учителей. Унгвар, 1902.
4. Волошин А.И. О письменном языке подкарпатских русинов. Ужгород, 1921.
5. Гусьнай И.И. Языковой вопрос в Подкарпатской Руси. Пряшев, 1921.
6. Черничко С., Фединець Ч. Наш місцевий Вавилон: Історія мовної політики на території сучасного Закарпаття у першій половині ХХ століття (до 1944 року). Ужгород, 2014.
7. Carpatho-Rusyn Studies: An Annotated Bibliography / ed. P.R.Magosci. London; New York: Garland Publishing, 1988–2012.
8. Dokumenty o Podkarpatské Rusi. Praha: Česká Expedice, 1997.
9. Hartl A. Kulturní život osvobozené Podkarpatské Rusi. Praha, 1924.
10. Nečas J. Podkarpatská Rus: obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových / redigovali Jos. Chmelař, Stan. Klíma, Jar. Nečas. Praha, 1923.
11. Nečas J. Politická situace na Podkarpatské Rusi (rok 1921). Praha, 1997.
12. Nečas J. Uherská Rus a Česká žurnalistika: neuzavírejte kruh našich nepřátel! Užhorod, 1919.

Egorova Xeniya

POLITICAL PHILOLOGY: THE ROLE OF RUSSIAN EMIGRANTS IN LANGUAGE DEBATES IN SUBCARPATHIAN RUS

Subcarpathian Rus was integrated into the First Czechoslovak Republic as a result of the Treaty of Saint-Germain-en-Laye (1919). The next year Subcarpathian Rus being a part of Czechoslovakia was declared a self-government autonomy with a certain number of democratic rights established by the Constitution. Among them was a right to use national language. Codification of Subcarpathian Ruthenian language has not yet been completed and it is highly discussed problem for contemporary linguistics. Cultural policy of Czechoslovak President towards Subcarpathian Rus has not been analyzed and described yet. The study will examine the strategy of Czechoslovak government and its role in the forming of Ruthenian national identity.

Keywords: Subcarpathian Rus, Russian emigration, Slavonic cultures, national identity.

Хазанова Маргарита Игоревна
Российский государственный гуманитарный университет
margaritakhazanova@yandex.ru

ЛЕКСЕМА ПОЛІЦІЯ И ЕЕ ДЕРИВАТЫ: К ВОПРОСУ О ПОДВИЖНОСТИ СТАНДАРТА В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Процесс пересмотра украинского литературного стандарта, начавшийся в 1990-е гг., не теряет своей актуальности до сих пор. Ведущую роль в нем по-прежнему играют СМИ.

Пересмотр литературного стандарта носит в украинском государстве выражено пуристический оттенок как в том, что касается заимствованной лексики, так и исконно украинской.

Украинский литературный стандарт оказывается чрезвычайно подвижен под влиянием экстралингвистических факторов. Одним из значимых событий стала недавняя полицейская реформа, которая проходила в русле «вестернизации» правоохранительной системы. «Вестернизация» полицейского устройства повлекла дискуссию о языковых наименованиях, которые соответствовали бы реформированному облику украинской полиции.

Ключевые слова: украинский язык, языковой стандарт, узус.

В период возникновения независимого украинского государства украинский язык оказался в новых для себя условиях: он стал единственным государственным языком [8; 6], изменилась государственная языковая политика, повышается престиж украинского языка. Формальное доминирование украинского языка в ситуации двуязычия большинства населения осложняется тем, что для значительной части украинских граждан первым родным, как и языком повседневного общения, является не украинский, а какой-то другой язык, часто – близкородственный русский.

В качестве иллюстрации языкового состава населения Украины можно привести данные исследования 2012 г., проведенного социологической группой «РЕЙТИНГ» (как одного из самых недавних) [12]:

- 50% опрошенных считают родным языком украинский, 29% – русский. При этом 20% считают родным языком в равной степени как украинский, так русский. Еще 1% считают родным другой язык.

- На Западе (96%), в Центре (75%) и на Севере (58%) родным считают преимущественно украинский язык. В то же время на Востоке (36%), Юге (56%) и в Донбассе (67%) – преимущественно русский.

- Украинский язык считают родным преимущественно жители сел, пожилые люди.

- 45% опрошенных обычно разговаривают дома на украинском языке, 39% – на русском и 15% – в равной степени на русском и украинском.

- На Западе (91%), в Центре (73%) и на Севере (51%) дома общаются преимущественно на украинском, на Востоке (65%), Юге (67%) и в Донбассе (83%) – на русском.

- Таким образом, на украинском языке общается меньше опрошенных, чем считает его родным. И наоборот – на русском общается больше респондентов, чем считает его родным.

Хотя с момента проведения данного опроса прошло уже больше пяти лет, определенные выводы относительно языковых предпочтений граждан Украины можно сделать также на основании опросов Киевского международного института социологии [17] и Центра Разумкова [19] (в основном это опросы по вопросу предоставления русскому языку статуса второго государственного).

Расхождение между формальным и реальным статусом украинского языка в независимом государстве привело к тому, что этому языку уделяется огромное внимание, и не

только со стороны тех институтов, для которых работа с языком является основной сферой деятельности, но и даже среди рядовых носителей. Именно поэтому такие разнородные явления, как выработка нового правописания, теле-, радиопрограммы и пособия, посвященные культуре речи, выступления политиков и дискуссии в интернет-пространстве, мы предлагаем рассматривать как свидетельство повышенного интереса к украинскому языку во всем обществе. В пользу такой точки зрения говорит и то обстоятельство, что во всех перечисленных выше случаях очевидно присутствует пуристический аспект.

Пуристические тенденции в развитии современного украинского языка сближают его с другими, в первую очередь – славянскими. Под пуризмом мы будем, вслед за ведущим исследователем в области языкового пуризма Дж. Томасом [1, с. 2], понимать попытки избавить язык от определенных типов элементов – таких, как, например, нежелательные иностранные заимствования, просторечные элементы или сленг. Пуристическая деятельность часто ассоциируется с письменным, стандартным языком и воспринимается как неотъемлемая часть процесса кодификации.

Идея о необходимости реформирования литературного стандарта была тесно связана с историей работы над украинским правописанием [10]. Так, правописные правила 1922 г. сознательно приближали украинский литературный язык к русскому. В дальнейшем «Украинское правописание» 1933 г. служило основой для всех версий украинского правописания до обретения независимости. Именно это обстоятельство привело к необходимости пересмотра литературного стандарта, закончившегося публикацией в 1999 г. проекта новой редакции украинского правописания. В 2000–2002 гг. в СМИ выступил ряд как сторонников, так и противников предлагаемых изменений в правописании. Сейчас этой версией правописания пользуется несколько издательств, частично – новостная программа телеканала *СТБ*, некоторые писатели, определенные интернет-ресурсы.

Впрочем, кроме пуристической деятельности на положение современного украинского языка влияет и языковая политика государства, направленная на защиту и укрепление доминирующей позиции украинского языка в обществе. В этой связи можно вспомнить законы, регламентирующие использование украинского языка в теле- и радиозфире [5; 7], налоговые послабления для печатной продукции на украинском языке [4], переименования топонимов [13] и т. д.

Однако важно отметить, что подобные процессы поддерживаются не только «сверху», т. е. со стороны лингвистов, исследователей и законодателей, но и «снизу», со стороны рядовых носителей. Достаточно вспомнить, что язык вообще и его отдельные единицы часто становятся предметом ожесточенных дискуссий в пространстве Интернета (на форумах, в соцсетях, в блогах и т. д.).

В настоящей же статье хотелось бы обратиться к ситуации, когда языковая дивергенция поддерживается одновременно «сверху» и «снизу».

Реформа правоохранительной системы 2015 г., в ходе которой от старого названия – *міліція* – отказались в пользу наименования *поліція*, пробудила интерес ко всему словообразовательному гнезду, которое включает название самой правоохранительной структуры, ее сотрудников и производное относительное прилагательное. До реформы этот ряд был аналогичен тому, который имелся в русском языке: *міліція*, *міліціонер* (с пометкой *разг.*) и *міліцейський*. Вместе с тем *Словник української мови* [16, с. 85] фиксирует слово *міліційний* с пометой *ист.*

В ходе подобной реформы в России от названия *милиция* так же отказались в пользу слова *полиция*, в результате чего возник и постепенно приживается весь ряд: *полиция* – *полицейский* (наименование лица) – *полицейский* (относительное прилагательное).

В украинском языке процесс переименования вызвал живой интерес и у носителей, и у «законодателей» языковой моды – у СМИ.

О роли СМИ в воспитании «языкового вкуса» нужно сказать отдельно, особенно – о СМИ, ориентированных на телевидение (в первую очередь речь о новостных программах). Так, у трех самых популярных украинских телеканалов – *1+1*, *СТБ* и *Україна* – наблюдаются определенные отличия в редакционной языковой политике, а именно ориентация на разные региональные разновидности литературного стандарта. Эти различия снова возвращают нас к работе правописной комиссии 1990-х гг. Ее члены работали не просто над пересмотром литературного стандарта, а предлагали вернуть (хотя бы отчасти) нормы «Харьковского правописания» 1928 г., в котором закрепились на равноправной вариативной основе черты как западного, так и восточного ареалов бытования украинского языка. Однако в 1933 г. «Харьковское правописание» было переработано в пользу максимального сближения литературного стандарта с русским языком, а черты, присущие западному варианту украинского языка, были признаны выходящими за рамки литературного языка [10].

Однако после завершения советского периода истории Украины снова возник интерес именно к западному варианту украинского языка, который был созвучен стремлению к сближению со странами Западной и Центральной Европы, а также с украинской диаспорой за рубежом, в первую очередь – в обеих Америках.

Но хотя работа правописной комиссии 1990-х не привела к полному возвращению к Харьковскому правописанию, отдельные его черты встречаются в речи ведущих каналов *СТБ* и *1+1*, а языковая политика этих СМИ становится выражением некоторой общекультурной позиции. Именно в речи дикторов *СТБ* и *1+1* встретились два варианта словообразовательного ряда от корня *поліція*:

поліція – поліцейський – поліцейський
поліція – поліційний – поліціант (поліціант)

Первый вариант, *поліція – поліцейський – поліцейський*, явно близок русскому языку, в нем одна лексема выступает и в роли прилагательного, и в роли существительного со значением лица.

Однако больший интерес вызывает второй ряд (*поліція – поліційний – поліціант (поліціант)*), прямого аналога в русском языке не имеющий. Как уже было отмечено, оба ряда используются на равных, часто даже в речи одного и того же ведущего в одном новостном сюжете. Следовательно, само по себе наличие вариантов не только демонстрирует относительную языковую неосвоенность данных лексем, но и указывает на незавершенный поиск лучшего обозначения, который бы соответствовал «духу времени», «духу полицейской реформы», постоянно находящейся на слуху телезрителя: ведь ее часто упоминают в контексте реформаторской политики украинского кабинета министров.

Таким образом, можно сказать, что речь телеведущих демонстрирует зрителям саму возможность синонимического расширения речи, пробуждает творческий поиск языковых средств для более полного и точного выражения мысли.

Что характерно, подобный посыл ощущается зрителями, подтверждением чему служит возникшая на телеканале *1+1* в утренней программе *Сніданок з 1+1* дискуссия, посвященная как раз адекватному словообразовательному гнезду от лексемы *поліція*. В этой программе телеведущий Александр Авраменко, известный украинский филолог, педагог и просветитель, отвечает на вопрос телезрительницы о том, какой из словообразовательных рядов является более адекватным. Обращаясь к словарям, Авраменко отмечает, что находит в них лишь варианты из первого ряда. Однако, утверждает он, «авторитетные лингвисты советуют отдавать предпочтение форме

поліційний, потому что так называемая частичка *-ей-* (как в *поліцейський*) не свойственна украинскому языку и ее используют в русских словах» [5].

Таким образом, воспитание языкового вкуса носителей переходит в диалог со зрителем, привлечение его к осмыслению языковых фактов и объяснение «правильных» вариантов.

Также требует комментария наименование сотрудника полиции *поліціант* (*поліціант*). Вариант с формантом *-янт* соответствует «Харьковскому правописанию» с его недопущением гласного зияния, которое считается не свойственным украинской фонетике, однако в действительности встречается и вариант с формантом *-ант*, который больше присущ общепринятому украинскому стандарту (ср. *офіціант*, *бенефіціант*, *негоціант* и т. д.) и часто связывается с русским влиянием.

Подведем итоги. Пример словообразовательного гнезда с корнем *поліція* наглядно иллюстрирует текущие процессы в украинском литературном стандарте. Когда после обретения независимости в украинском государстве усилился интерес к культурной жизни, на первый план вышел вопрос об адекватности литературного языка внеязыковой действительности. Попытки пересмотра языковой нормы и официальной установки на отталкивание от русского языка пробудили интерес к языковой системе в целом, а то, что начиналось как пуризм, стало обогащением литературного стандарта, поиском внутриязыковых ресурсов, увеличением синонимии. И выбор подходящего языкового средства может совершаться каждым носителем в соответствии с его целями и взглядами.

Список литературы

1. Thomas G. Linguistic purism. Longman, 1991.
2. Авраменко О. «Поліцейський» или «поліціант» – экспресс-урок // Сніданок з 1+1 [відеозапис]. 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SWNz9jogFkg> (дата обращения 15.02.2018).
3. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. та голов. ред. В. Бусел. К.: Ірпінь – Перун, 2005.
4. Закон України № 2856-VI від 23.12.2010 «Про внесення змін до Бюджетного кодексу України та деяких інших законодавчих актів України». [Электронный ресурс] URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T102856.html (дата обращения 17.02.2018).
5. Закон України № 3760-XII від 21.12.1993 «Про телебачення і радіомовлення». [Электронный ресурс] URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T375900.html (дата обращения 15.02.2018).
6. Закон України № 4651-VI від 13.04.2012 «Про засади державної мовної політики». [Электронный ресурс] URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/5029-17> (дата обращения 15.02.2018).
7. Закон України № 5313 від 27.10.2016 «Про внесення змін до деяких законів України щодо мови аудіовізуальних (електронних) засобів масової інформації». [Электронный ресурс] URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/JH43L00A.html (дата обращения 15.02.2018).
8. Закон Української Радянської Соціалістичної Республіки №8313-11 від 28.10.1989 «Про мови в Українській РСР». [Электронный ресурс] URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/8312-11?test=4/UMfPEGznhhiqH.Zi7Q.x50HI4jEs80msh8Ie6> (дата обращения 15.02.2018).

9. Коробова І.О. Словотвірне освоєння новітніх запозичень сучасною українською мовою // Науковий вісник кафедри Юнеско КНЛУ. Серія Філологія. Педагогіка. Психологія. 2013. Вип. 27. С. 158–162.
10. Німчук В.В. Передне слово // Історія українського правопису: XVI–XX століття. Хрестоматія. К.: Наукова думка, 2004. [Електронний ресурс] URL: <http://litopys.org.ua/rizne/nimch.htm> (дата звернення 15.02.2018).
11. Олексенко В., Лисюк К. Новозапозичення в мас-медійних текстах кінця XX – початку XXI століття // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Лінгвістика». 2008. Вип. 6. С. 278–281.
12. Питання мови: результати останніх досліджень 2012 року // РЕЙТИНГ. 2012. [Електронний ресурс] URL: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/yazykovoy_vopros_rezultaty_poslednih_issledovaniy_2012.html (дата звернення 17.02.2018).
13. Постанова Верховної Ради України № 1353-VIII від 12.05.2016 «Про перейменування деяких населених пунктів». [Електронний ресурс] URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T161353.html (дата звернення 17.02.2018).
14. Раківська Н. Активізація процесів запозичення в мову українських засобів масової інформації на початку XXI століття // Матеріали ІХ Всеукраїнської наукової конференції «Проблеми та перспективи наук в умовах глобалізації», Тернопіль, 18–22 листопада 2013 р. [Електронний ресурс] URL: http://nauka.uagate.com/?page_id=237 (дата звернення 15.02.2018).
15. Русанівський В.М. Стосунок «Проекту» до реального українського правопису // Мовознавство. 2002. № 6. С. 92–98.
16. Словник української мови / Під ред. Білодід І.К. та ін. У 11 томах. К.: Наукова думка, 1970–1980. Т. 7.
17. Ставлення до статусу російської мови в Україні // Київський міжнародний інститут соціології. 2015. [Електронний ресурс] URL: <http://www.kiis.com.ua/?&cat=reports&id=517&page=1> (дата звернення 17.02.2018).
18. Українська мова у XX сторіччі: історія лінгвоциду / Під ред. Масенко Л.Т. К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2005.
19. Яким чином повинні співіснувати українська і російська мови в Україні? // Центр Разумкова. 2012. [Електронний ресурс] URL: http://old.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=289 (дата звернення 17.02.2018).

Khazanova Margarita

LEXEME ПОЛІЦІЯ AND DERIVATIVES: ON THE PROBLEM OF FLEXIBILITY OF THE STANDARD UKRAINIAN LANGUAGE

The process of revising of the Ukrainian literary standard that began in the 1990s does not lose its relevance to the present day. Media still plays the leading role in the process.

Revision of the literary standard in the Ukrainian state has puristic tendencies to it, regarding both borrowed Ukrainian vocabulary and native elements.

The Ukrainian literary standard turns out to be extremely mobile under the influence of extralinguistic factors. Recent police reform, which took place in line with the “Westernization” of the law enforcement system, was one of such extralinguistic factors. “Westernization” of the police system led to a discussion about linguistic means that correspond to the reformed image of the Ukrainian police.

Keywords: Ukrainian language, standard language, language usage.

Иванова Ирина Евгеньевна
МГУ имени М.В. Ломоносова
iva53@inbox.ru

РУССКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ

Лексическая система современного сербского литературного языка включает значительное число русизмов, что объясняется как родством языков, так и исторической и духовной близостью двух народов. Обращение сербского языка к русскому как источнику недостающих языковых средств происходило прежде всего в период становления собственного литературного языка. Пришедший из России через богослужебную литературу церковнославянский язык русской редакции начинает обслуживать сербскую церковную организацию и используется в обычном делопроизводстве. В дальнейшем проникновение русской лексики в сербский язык происходило в результате действия нескольких факторов. Один из них – популярность русской художественной литературы и интерференция в переводы понятных, близких по форме слов родственного русского языка. Исторические судьбы двух народов способствовали усвоению сербским языком русской военной лексики. Огромную роль в научной и художественной жизни Сербии сыграла российская эмиграция. Можно с большой уверенностью предполагать, что в сербский язык из русского проникло значительное число балетных терминов. После Второй мировой войны, в период установления социалистического строя, начался новый активный процесс заимствования русской лексики.

Ключевые слова: сербский язык, русизмы, военная терминология, балетная терминология, языковые контакты.

Лексическая система современного сербского литературного языка, в отличие от западноевропейских языков, включает значительное число русизмов, что объясняется как родством языков, так и исторической и духовной близостью двух народов. Процесс заимствования происходил на протяжении столетий в результате многочисленных контактов, поэтому сербские русизмы разнообразны по тематике, по стилистической принадлежности и пришли в сербский язык как письменным, так и устным путем.

Естественное развитие сербского литературного языка было остановлено турецким игом, длившимся более четырех столетий. Условия для становления у сербов собственной школы, писательской деятельности возникают лишь в XVIII в. на территории Воеводины, входившей в состав Австро-Венгрии. Не имея развитого литературного языка, учебной литературы, преподавательских кадров, находясь в условиях угрозы германизации и мадьяризации, сербы принимают русский язык в качестве языка учебно-просветительской, популярно-исторической, научной литературы. В.П. Гудков отмечает, что можно говорить о возникновении «сербско-русской культурной общности» [3, с. 72]. «Сознание сербско-русской общности, опирающейся на принадлежность и сербов и русских к славянству, на их языковое родство и тождество вероисповедания, приобрело актуальное и активное идеологическое значение» [3, с. 72]. Пришедший из России через богослужебную литературу церковнославянский язык русской редакции начинает обслуживать сербскую церковную организацию и используется в обычном делопроизводстве [3, с. 73].

Черты русского и русскоцерковнославянского языков часто присутствуют и в произведениях того же периода, написанных на собственно сербском (народном) языке. Из Воеводины через образованных людей, поступавших на государственную службу в освобожденной Сербии, русское языковое влияние распространялось на остальную сербскую территорию.

Конец XVIII и начало XIX в. являются периодом преобладания гражданского, славяносербского языка, включавшего русскоцерковнославянские, сербские и русские элементы. Славяносербский язык не был регламентирован, не имел четкой системы,

предполагал вариантность на различных уровнях. Трудности пользования таким языком, невозможность создания основных школьных пособий по его изучению ставили задачу упорядочения литературного языка [4, с. 171–173].

Эту миссию выполнил Вук Стефанович Караджич, реформировавший сербский литературный язык на сербской диалектной базе. Стремясь избавить его от всего чуждого народной основе, Караджич предполагал сохранение в языке лишь тех старославянских элементов, которые уже вошли в речь простого народа. Со временем он был вынужден несколько отступить с позиций абсолютного пуризма и использовал ряд старославянизмов в своем переводе Нового Завета (1847).

К периоду становления сербского литературного языка относятся русизмы, связанные с государственным аппаратом: *Правителствујушчи совјет, нацрт, награда, лента, ражаловати, секретар, указ, попечитель*; юридическая терминология: *виновник, невин, супруг, супруга, брак, определить, развод*; лексика, связанная с религией: *јуродиви, обред, раскол, раскольник, вероисповест*; филологическая терминология: *пословица, слог, тачка, зборник, басна, склоненије (склањање), запета*.

Возможно, этим же путем пришла в сербский язык русская лексика, проникшая затем и в хорватский: *пријем, стремљење, произвољан, убеђивати, обезбеђивати, предсказати, требовати, благодарити, баћушка* (русский солдат; русский) [9, с. 145–160].

Активная переводческая деятельность началась в Сербии в XIX – первой половине XX в. и продолжается в настоящее время. Горан Милорадович, автор статьи «Руски/совјетски културни утицај у Србији/Југославији у XX и XXI веку» («Русское/советское культурное влияние в Сербии/Югославии в XX–XXI вв.») называет российских авторов, произведения которых вышли из печати в Сербии в 1990–2000-е гг. Это А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, М.А. Шолохов, М.А. Булгаков, С.А. Есенин, В.В. Набоков, Д.И. Хармс, М.И. Цветаева, А.Р. Беляев, Э.В. Лимонов, А.И. Солженицын, П.А. Ровинский, Л.С. Выготский, Н.А. Бердяев, М.Н. Эпштейн, П.А. Флоренский, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.Ф. Федоров, А.П. Чехов, В.О. Пелевин, Л.Е. Улицкая, В.Г. Сутеев, Б.Л. Пастернак, И.А. Бунин, И.С. Тургенев, Ч.Т. Айтматов, Н.Н. Афанасьев, Г.И. Газданов, В.Н. Войнович, В.Г. Сорокин, Ю.М. Поляков, В.К. Черных, епископ Игнатий (Брянчанинов), Феофан Затворник, А.Д. Шмеман, Б.П. Вышеславцев, Г.И. Гурджиев, архиепископ Аверкий [5, с. 4–8].

Еще один из факторов, повлиявших на процесс заимствования лексики из русского языка, – сотрудничество в сфере военного дела. Прежде всего речь идет об участии российских регулярных войск и добровольцев в освобождении Сербии от османского владычества. В период Первого сербского восстания на территории Сербии действовал русский отряд численностью около тысячи человек, а с начала сербско-турецкой войны 1876 г. в Сербию прибыло 3000 российских подданных [2]. Россия помогала Сербии в создании первой постоянной армии. С 1830 по 1836 гг. при помощи России были сформированы пехотный батальон, кавалерийский эскадрон и артиллерийская батарея. В Россию отправилась группа молодых людей в составе двенадцати человек для обучения военной науке. В середине XIX в. в Сербии открываются военные училища, в которых русские офицеры преподают военное дело по российскому образцу [1, с. 246–247]. После 1867 г. Россия помогает освободившейся «Сербии создать боеспособную армию и вооружить ее... в Белграде постоянно находятся российские военные инструкторы» [2].

Сербско-русские контакты в военной области продолжались и позже, во время Первой и Второй мировых войн. Поэтому современный сербский язык содержит значительное число единиц русской военной терминологии. На основании исследований Карины Авагян, автора публикации о влиянии иностранной лексики на сербскую военную терминологию, можно заключить, что в этой сфере собственно русизмов немного – *одељење*,

потпуковник, пуковник, потпоручник, редов, катјуша (обычно имеет форму *каћуша*. – И.И.), *козак, малютка* (ракета), *калашњиков*. К. Авагян называет также пришедшие в русский из кавказских языков *шашка, кинжал* [1, с. 251, 252, 255]. Но и западноевропейская терминология, прежде всего французская, приходит в сербский язык преимущественно посредством русского языка. Автор статьи перечисляет лексику, зафиксированную другими словарями (в основном этимологическим словарем П. Скока), как пришедшую через русский язык: *батальон, бригада, дивизија, армија, шинель* (это слово чаще имеет форму *шиньел*. – И.И.), *грб, кокарда, кадет, маршал* [1, с. 248–254]. Интересно примечание К. Авагян относительно последней лексемы: в сербской армии существовал единственный маршал – Иосиф Броз Тито, который именовался так по аналогии с Иосифом Сталиным [1, с. 250].

Хотя в отношении большинства западноевропейских заимствований отсутствуют подтверждения относительно их появления в сербском языке через русский, это вполне вероятно. В статье К. Авагян они фигурируют как галлицизмы: *артиљерија, армија, бригада, гарнизон, десант, мина, еполете, медаља, калибар, картеч, капрал, кокарда, пелерина, командир, карабин, петарда, пилот, формација, марш* [1, с. 255]. По нашему мнению, к перечисленным в предыдущем абзаце заимствованиям русского происхождения следует добавить слова *чин, сразити се, засада, присезати, прапоришчик, шанац, миг* (вертолет), *стајанка (авиона), окружење*, фразеологическую кальку *неприкосновена резерва* (от русского «неприкосновенный запас»). Немецкое *Schanze* пришло в сербский, скорее всего, через русский язык, в котором существовало устаревшее сегодня *шанец*. Немецкие существительные женского рода оформляются в сербском также по женскому роду, поэтому в случае непосредственного заимствования из немецкого это слово должно было бы иметь форму **шанца* (ср. нем. *Haubitze* > серб. *хаубица*, нем. *Schminke* > серб. *шминка*).

С пометой *рус.* в Словаре Матицы Сербской находим такие слова, как *гаслук* (воротник солдатской блузы), *ђађа* (в армии – человек, обучающий новобранцев), *бојеви* (боевой) – *бојеви метак* (боевой заряд), *бојева муниција* (боеприпасы), *братушка* (фамильярное русский), *војени* (устаревшее военный) – *војена болница, војени командант, стројеви* (строевой) – *стројеви корак, награда* [7]. К. Авагян ссылается в своей статье на Б. Йововича, который относит *лични састав, бојева готовност, смакнути поредак, авио-полетање, маскирање, запречна ватра, оружана сила/борба, вршити дејство, вршити извиђање, минска опасност* к калькам с русского и лишь слово *стајанка* считает заимствованием [1, с. 245].

По-видимому, к заимствованиям из русского принадлежат и военные команды *вольно* (рус. *вольно*), *готовс* (рус. *готовьсь*), *на десно равнајс* (рус. *равняйсь*), *налево* (рус. *налево*), *напред марш* (рус. *вперед марш*), *к нози* (рус. *к ноге* – ср. рус. *карабин в положении «к ноге»*). Относительно форм типа *готовс* в переданных мне однажды заметках Владимир Павлович Гудков писал следующее: «Мне представляется достойной уважительного внимания редукция -е. Часто редуцируется -и- (*остав', оставте*). Можно услышать *год'на* вместо *година* и т.п.) Но вот это -е-? Не могу вспомнить, чтобы я встретил *се > с* (например, в *зуби се!*). Поэтому мне и видится в *готовс* русский след».

После революции 1917 года Сербия стала одним из наиболее крупных центров русской эмиграции. В стране были созданы благоприятные условия для приема беженцев из России: «К середине 1925 года на земле Королевства СХС действовало 17 русских школ, в которых обучались 2820 воспитанников» [2], были созданы Русские кадетские корпуса. Таким образом, русские в Сербии сохраняли свою идентичность, сознание принадлежности к русской нации, свой язык и культуру. Широко известно, что российская эмиграция сыграла огромную роль в научной и художественной жизни Сербии. 16 сентября 1928 г. в Белграде был открыт Русский научный институт. «На протяжении 20–30 гг. 15 российских ученых

стали членами Сербской академии наук, ни одна национальная группа Югославии в пропорциональном отношении не была в Академии столь многочисленна, как российские эмигранты» [2]. В белградских театрах работали русские режиссеры, заслуга создания сербского балета принадлежит русским мастерам, русские архитекторы создают урбанистический облик Белграда.

Исходя из исторических фактов, можно с большой долей уверенности предполагать, что в сербский язык из русского проникло значительное число балетных терминов. Сложность заключается в том, что большинство из них представляют собой галлицизмы и традиционно сохраняют в сербском, как и в других языках, французское написание (*assemblée, passé, batman, coupé, tombé, glissade, pas de chat, pas de basque, pas de bourrée, arabesque* и многие другие). Относительно некоторых слов можно определенно говорить об их появлении из русского или через русский язык. Это название балетной юбки – *пачка*, словосочетание *примабалерина асолюта* (рус. *прима-балерина ассолюта*, звание, применявшееся первоначально в России), *класичан балет* (рус. *классический балет* представляет собой термин, возникший в России и используемый во всем мире) [10, с. 4]. Относительно употребления наименования партнера в танце *кавальер* можно привести пример из работы Анны Пфлуг, посвященной истории балета: «U klasičnom baletu, ples balerina i baletskih plesača se razlikuje. Tome je najviše doprineo čuveni koreograf i pedagog Marius Petipa, uvođenjem “kavaljerskog plesa” i “rokoko žene-balerine” («В классическом балете танец балерины и танцовщика различается. Наибольшая заслуга в этом принадлежит знаменитому хореографу и педагогу Мариусу Петипа, который ввел в балет “танец кавалера” и “танец-рококо балерины”» [9]. В мемуарах М. Петипа, действительно, встречаем термин «кавалер» в значении «партнер»: «Вариация для *кавалера*», «Как можно кружиться вправо вокруг *кавалеров*, стоящих на колене?» [6]. На русский как на язык-посредник указывает здесь и мягкое *ль* (как и в слове *артильерија*).

После Второй мировой войны, в период установления социалистического строя, начинается новый активный процесс заимствования русской лексики. Русский язык мог дать готовые наименования для новых явлений в области государственного устройства и производства. В сербский язык вошли слова из общественно-политической сферы: *агитка, врхушка* (политическое или военное руководство при недемократических режимах; партийная власть в коммунистических странах), *кадрови, кадровик, пропаганда, кружок, политбиро, самоодређење све до отцепљења, агитка, чистка, троцкизам, агитпроп, апаратчик, уравниловка, буквојед* (формалист, ради буквы забывающий о смысле), *бумашка* (клочок бумаги, ассигнация, пренебрежительно о деловых документах), *попутчик* (лояльный коммунистическому режиму беспартийный), *беспризорни, беспризорник* и др. Из области экономики: *социјалистичка изградња, ударник, ударништво, стахановац, суботник, трудодан, јединоличник, средњак, кулак, кулаштво, прекоплански, ванплански, запланирати, пјатилетка/петолетка, самиздат* (способ издания литературного произведения за счет автора; изданное таким образом произведение) и др. Из области сельского хозяйства: *јаровизација, култивација, рејонизирати, чернозем, подзол, озима пшеница, белорус* (в значении «трактор “Беларусь”»), *совхоз* и др. Из области культуры: *дом културе, фискултура, фискултурник, спартакијада, соцреализам, кружок, масовик, масовка* (массовка в кино, театре), *натуришчик* (непрофессиональный актер) и др. Из сферы авиации и космонавтики: *авијетка, козмодром, козмонаут, козмички брод, спутник, «Восток», «Салут», «Сајуз», тупољев* (самолет Туполева), *приземљење, Луноход, Луњик*.

Представленный в статье материал показывает, что сербский язык заимствовал из русского языка большое количество слов. Это результат длительных, разнообразных контактов между двумя народами в разные периоды их истории, свидетельствующий о

значимости для сербского общества достижений России в культуре, науке и искусстве, явлений социальной и экономической жизни.

Список литературы

1. Авагјан К. Утицај страних лексема на војну лексику српског језика // Војно дело. 2014 № 1, Година LXVI. С. 243–257. [Электронный ресурс] URL: http://www.odbrana.mod.gov.rs/odbrana-stari/vojni_casopisi/arhiva/VD_2014-prolece/66-2014-1-14-Avagjan.pdf (дата обращения: 10.11.2017).
2. Бондарев Н.В. Россия и русские в истории Сербии. Часть I. // Русский мир, 2008. [Электронный ресурс] URL: <https://ruskiymir.ru/publications/85032/> (дата обращения: 10.11.2017).
3. Гудков В.П. К изучению русского лексического наследия в сербохорватском языке // Вестник МГУ. М., 1978. – № 4. С. 72–82.
4. Ивић П. Српски народ и његов језик. Београд, Српска књижевна задруга, 1971. С. 171–173.
5. Милорадовић Г. Руски / совјетски културни утицај у Србији / Југославији у XX и XXI веку // Сарадња у области културе и религије између Русије и Србије. 2017. Извештај VII. С. 19–28. [Электронный ресурс] URL: <http://www.isac-fund.org/download/VII-Goran-Miloradovic-CIR.pdf> (дата обращения: 10.11.2017).
6. Петипа М. Материалы. Воспоминания. Статьи. М.: Искусство, 1971. [Электронный ресурс] URL: <http://www.wysotsky.com/0009/180.htm#00> (дата обращения: 10.11.2017).
7. Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад. Загреб, 1967–1976. I – 871 с., II – 867 с., III – 916 с., IV – 1013 с., V – 1043 с., VI.
8. Dostojevski F.M. Zapisi iz mrtvog doma. Beograd, 2009.
9. Pflug A. O razvoju baletske umetnosti i njenim odlikama / P.U.L.S.. [Электронный ресурс] URL: <http://pulse.rs/o-razvoju-baletske-umetnosti/> (дата обращения: 10.11.2017).
10. Radovanović A. Kondiciona priprema baletskih igrača. Београд, 2012. [Электронный ресурс] URL: <https://fedorabg.bg.ac.rs/fedora/get/o:2485/bdef:Content/get>
11. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1988.

Ivanova Irina

RUSSIAN LOANWORDS IN SERBIAN

The lexical system of the modern Serbian literary language includes a significant number of Russian loan words, which is due to the fact, that the two languages are closely related and also to the close historic and spiritual ties between the two nations. The Serbian language turned to the Russian language as to the source of the missing linguistic means mainly in the times of forming its own literary language. Church Slavonic language of the Russian edition came to Serbia from Russia through liturgical literature and began to serve Serbian church, as well as to be used in ordinary clerical work. In later years Russian lexis continued to join the Serbian word-stock as a result of several factors. One of them is the popularity of the Russian literature and interference of clear and formally close Russian words into Serbian through translation. The course of history of the two nations also contributed to the absorption of Russian military lexis by the Serbian language. Russian emigrants played an enormous part in the scientific and artistic life of Serbia. The period after the WWII, when the country turned to socialism, saw another phase of active borrowing of the Russian lexis. We can surely assume that the Serbian language borrowed a significant number of Russian ballet terms as well.

Keywords: Serbian, Russian loanwords, military terms, ballet terms, language contacts.

Маркова Елена Михайловна
Московский государственный областной университет
Elena-m-m@mail.ru

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТАНОВЛЕНИИ ЧЕШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В докладе речь идет о влиянии русского языка на кодификацию чешского литературного языка, на становление его стилистической системы. Складывание чешского литературного языка шло в направлении «отталкивания» от господствующих в то время в чешском языке германизмов и обращения к русскому языку, сохранившему «славянское» звучание. Автор останавливается на деятельности представителей чешского Возрождения XIX в., видевших в русском языке образец для создания чешского литературного языка. Обращение к рассматриваемому периоду русско-чешских языковых контактов, имеющему интеграционный характер, обретает особую значимость и актуальность в свете современных дезинтеграционных процессов в славянских странах.

Ключевые слова: славянские языки, языковые контакты, кодификация.

Чешское национальное возрождение вошло в историю своего народа как время необычайно интенсивной духовной борьбы за самостоятельность против немецкого господства. Эта борьба велась в двух направлениях:

1) необходимо было строить свою культуру и создавать литературу, возвращая утраченные звенья национальной традиции, «воскрешая» родной язык;

2) освоить культурные достижения других славянских народов, намного опередивших чехов в этой области.

Предшествующий период, характеризовавшийся немецким господством в Чехии, был отмечен притоком большого количества германизмов в чешский язык. Поэтому задачей всех культурных сил страны было возрождение «общеславянского звучания» чешского языка, заимствование общеславянских по происхождению, но утраченных чешским языком лексических элементов из языков других славянских народов.

Чешский литературный язык, избавляясь от многочисленных германизмов, ориентировался в значительной степени на русский язык. При этом необходимо отметить, что развитие чешского литературного языка отражает специфику развития всех славянских языков, заключающуюся в том, что «при создании их как литературных одной из центральных ставилась задача очистки родного языка от чужеродных элементов с ориентацией на использование взамен их лексических образцов других славянских языков» [1, с. 206].

Период чешского возрождения, пришедшийся на первые десятилетия XIX века, ознаменовался активным пуристическим движением, повышенным интересом ко всему национально значимому, национально своеобразному. Славянский элемент воспринимался как свой, родственник, близкий. Стремление к развитию культурных связей именно в этом направлении породило целые программы культурного сотрудничества славянских народов: концепцию славянской взаимности, зародившуюся в Чехии и Словакии, славянофильство в России.

Русский язык сыграл значительную роль в становлении чешской поэтики и складывании норм чешского литературного языка. Как подчеркивают чешские исследователи, «родство русского и чешского языков сыграло большую роль в развитии чешского языка, которое происходило в тесной связи с историческим развитием чешского народа, и эта роль русского языка была особенно значительна в начале XIX века, в период национального возрождения, и позднее, вплоть до сегодняшнего дня» [4, с. 31]. В представлении «будителей» (так назывались

активные деятели чешского национального возрождения) – Й. Добровского, Й. Юнгмана, Я. Коллара, К. Маха, П.Й. Шафарика – Россия была могучей славянской державой, оплотом всего славянства, стремившегося к обновлению нарушенных родственных связей. Как отмечает Г.А. Лилич, «важным компонентом чешского «русофильства» было сознательное стремление подчеркнуть языковое родство чешского и русского народов, для этого в чешском языке оживлялись те архаические элементы, которые имели соответствия в русском языке, а также воспринимались отдельные русские языковые черты для обогащения средств чешского литературного языка» [3, с. 10]. Обращение к русскому языку было вызвано в большой степени стремлением к имитации и стилизации архаического чешского языка. Непривычное архаизированное звучание слов заостряло внимание читателя на их корневых значениях, дополнительно высвечивая эти значения.

При этом переводе как одному из инструментов развития языка придавалось первостепенное значение: «Перевод обеспечивал нам культурную связь с остальным миром и возможности духовного роста... В период национального возрождения новый язык создавался благодаря переводам, и прежде всего переводам поэтическим» [5, с. 20].

Характерной чертой чешского языкового развития первых десятилетий XIX в. стало активное словотворчество – создание целого ряда наименований, обогащение лексических выразительных средств. Процесс интенсивного пополнения словарного состава чешского литературного языка в рассматриваемый период был в значительной степени отмечен влиянием русского языка через переводы на чешский язык. Поскольку становление русского литературного языка к тому времени в целом завершилось, а литература являлась отражением состояния языка, то чехи в первую очередь обратились к переводам русских произведений.

Во многом благодаря многочисленным переводам, прежде всего произведений А.С. Пушкина, сделанным Ф. Челаковским, В. Бендлом и другими чешскими поэтами XIX в., в период чешского возрождения ориентировавшимися на русскую культуру, русский язык сыграл значительную роль в становлении чешской поэтики и складывании норм чешского литературного языка.

Чехия принадлежит к числу тех славянских стран, где А.С. Пушкина узнали и полюбили еще при его жизни (первое упоминание о нем в Чехии относится к 1823 г.). Первое стихотворение на иностранном языке на смерть Пушкина принадлежит перу чешского поэта Л. Штура. Среди крупных поэтов и писателей Чехии XIX в. мало таких, которые бы не имели переводов одного-двух произведений Пушкина. К началу XX в. в Чехии насчитывалось около 200 переводов произведений великого русского поэта [2, с. 125].

В творчестве Пушкина чешских поэтов и писателей этого периода поначалу больше всего привлекали обращение к славянской тематике, интерес поэта к народной словесности, большое поэтическое мастерство и, наконец, обусловленная родством чешского и русского языков, а также простотой пушкинского стиха доступность пушкинских произведений. Поэтому «можно без преувеличения сказать, что Пушкин был одним из союзников деятелей чешского национального возрождения, а позже – всех прогрессивных культурных сил Чехии в их борьбе за свою самобытную культуру» [2, с. 138].

Для чехов, как и для других славянских (да и неславянских) народов, имя Пушкина стало символом России, на которую смотрели с надеждой как на символ славянского единства. Об этом замечательно сказал чешский поэт XIX в. Я. Врхлицкий в стихотворении «Благодарность Пушкину»:

Твой гений дал плоды такие,

Что скажешь – Пушкин! – слышишь – вся Россия.

Первые переводы русской поэзии, в том числе и произведений Пушкина, на чешский язык не отличались глубиной проникновения в оригинал. При их создании главным был

вопрос формирования языка чешской поэзии, и русский язык использовался для создания новых слов и средств поэтического выражения.

Наиболее деятельным пропагандистом русской поэзии в 20–30-е гг. XIX века стал Ф. Челаковский. Его переводы были еще далеки от адекватности русским оригиналам в силу неразвитости поэтического языка и принципов перевода. Они отличались избытком русизмов, которые сознательно сохранялись с целью воспроизведения русского колорита и пополнения чешского языка поэтическими синонимами. Ф. Челаковский прославился переводом ряда произведений А.С. Пушкина еще при жизни поэта.

Благодаря этим переводам чешский поэтический язык обогатился многочисленными заимствованиями из русского языка. Ряд русизмов занял прочное место в системе современного чешского языка, к ним относятся, например: *babočka* (из рус. бабочка), *záliv* (от рус. залив), *úsluha* (от рус. услуга), *útes* (от рус. утес), *vzduch* (от рус. воздух, вытеснившее исконное *povětrí*), *příroda* (из рус. природа), *plody* (из рус. плоды), *vkus* (из рус. вкус), *pyl* (от рус. пыль, но в значении «пыльца цветов и растений»), *příbor* (от рус. прибор), *podnos* (от рус. поднос), *šum* (из рус. шум) и др. [6]. Большое количество русизмов в чешском языке, которые, однако, в основной своей массе сохранились в функции книжных архаизмов и поэтизмов, во многом объясняется той ролью, которую сыграл русский язык в это время.

Таким образом, синонимом борьбы чешского народа за свою независимость стала борьба за язык, за его чисто славянское «звучание», и в этой борьбе русский язык играл ключевую роль. В целом рассматриваемый период в истории славянских языков являет собой образец плодотворных межславянских языковых связей, взаимного влияния и обогащения, способствовавших их языковой интеграции, что коренным образом отличается от нашего времени, отмеченного дезинтеграционными процессами в славянском мире, в том числе и в языковом отношении. Однако дезинтеграция современных славянских языков скорее внешняя, т. к. при рассмотрении внутренних языковых тенденций между ними оказывается много общего, конвергентного.

Список литературы

1. Историческая типология славянских языков: Фонетика, словообразование, лексика, фразеология / Под ред. А.С. Мельничука. Киев, 1986.
2. Кишкин Л.С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты. Разыскания, исследования, сообщения. М., 1983.
3. Лилич Г.А. Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (кон. XVIII – нач. XIX в.). Л., 1982.
4. Травничек Ф. Чешский и русский языки // Славяне. – 1954. – № 4. С. 29–32.
5. Dohnal B. Zápas o tvar. Praha, 1977.
6. Příruční slovník jazyka českého. – Т. 1–9. – Praha, 1935–1957.
7. Spisy A.S. Puškina. Praha, 1954–1979.

Markova Elena

THE ROLE OF RUSSIAN LANGUAGE IN THE CODIFICATION OF CZECH LANGUAGE

The report deals with the influence of the Russian language on the codification of the Czech language, on the formation of its stylistic system. The folding of the Czech literary language went in the direction of “repulsion” from the German borrowings, that were dominant in the Czech language then and an

appeal to the Russian language, which preserved the “Slavic” sound. The author concentrates on the activity of representatives of the Czech Revival of the 19th century who saw in the Russian language a model for the codification of the Czech language. The appeal to this period of Russian-Czech language contacts, which has an integrative character, acquires special significance and relevance in the light of contemporary disintegration processes in the Slavic countries.

Keywords: Slavic languages, language contacts, codification.

Якушкина Екатерина Ивановна
МГУ имени М.В.Ломоносова
jkatia@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ РУССКО-СЕРБСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ОБЛАСТИ АБСТРАКТНОЙ ЛЕКСИКИ

Лексико-семантические системы русского и сербского языков значительно отличаются, в том числе вследствие историко-культурных причин. Одним из важных факторов, определивших отличия русской и сербской лексической семантики, является связь русской литературной лексики с церковнославянским языком. Сербский язык лишен такой лексической связи и пользуется преимущественно словами диалектного или позднего литературного происхождения. Во многих сербских абстрактных словах отражено народное балканское мировосприятие, которое с трудом может быть передано русской лексикой. В статье подробно рассматривается семантика двух таких синонимичных слов: *мерак* ‘страстное желание, наслаждение, тоска’ и *ћеш* ‘сильное желание, прихоть, наслаждение’, заимствованных из турецкого языка и распространившихся на Балканах.

Ключевые слова: сербский язык, балканская культура, турцизмы, лексика, лингвоспецифические лексеммы.

Сопоставление русского и сербского языков позволяет обнаружить в каждом из них особенности, которые при отсутствии материала для сравнения вряд ли привлекли бы к себе внимание. Сербский язык семантически значительно отличается от русского. Это связано с историей развития сербского диалектного языка, который, в частности, испытал значительное влияние турецкого, и с происхождением современного сербского литературного языка, который сложился на базе народных говоров, в полном разрыве с языком книжности XIII–XVIII вв. Красноречивее всего о различиях между сербским и русским свидетельствует лексика, точнее, круг понятий, которые могут выразить оба языка. В русском языке книжная по происхождению лексика служит неисчерпаемым источником синонимии и стилистических вариаций, являясь основой высокого стиля. Сотни понятий могут быть выражены по-русски различными способами и соответственно производить впечатление повседневности или поэтичности: ср. *вознегодовать* и *рассердиться*; *превозмочь* и *победить*; *являть* и *показывать*, *обнаруживать*; *вспять* и *назад*; *художество* и *искусство*; *урон* и *ущерб*; *вообще* и *напрасно*; *возмездие* и *месть*, *лукавить* и *хитрить*. На сербский язык каждая из этих пар синонимов может быть переведена только словом нейтрального стиля: *наљутити се* ‘рассердиться’, *победити* ‘победить’, *испољавати* ‘проявлять, выражать’, *натраг* ‘назад’, *уметност* ‘искусство’, *губитак* ‘потеря’, *без наде* ‘безнадежно’, *освета* ‘месть’, *претварати се* ‘претворяться’ (примеры заимствованы из переводов произведений М. Цветаевой на сербский язык, проанализированных в [1, с. 331–338]). Но различия носят не только стилистический характер. Сербов, изучающих русский язык, поражает разница между *истиной* (высшим философским знанием) и *правдой* (соответствием факта реальности), которая в сербском отсутствует: ср. серб. *тражити истину* ‘искать истину’ и *кажи ми истину* ‘скажи

мне правду». Благодаря церковнославянским словам носители русского языка лексически, а следовательно и понятийно, различают уважение к человеку и к святыне, которую *почитают* (ср. серб. *поштовати човека* ‘уважать человека’ и *поштовати светитеља, икону* ‘почитать святого, икону’), *восторг* и *восхищение* (серб. *усхићење*), *вдохновение* и *наитие* (серб. *инспирација*).

Но и сербская абстрактная лексика также содержит немало число примеров лингвоспецифических слов, обозначающих понятия, которые с трудом могут быть выражены по-русски. Многие из этих слов отражают народное балканское мировосприятие и широко распространены в диалектном и литературном языке. Часто они заимствованы из турецкого языка. Ниже мы рассмотрим две синонимичные лексемы, *мерак* и *ћеф*, обозначающие сильное, непреодолимое желание, влечение.

Лексема *мерак* ‘желание, наслаждение’ имеет турецкое происхождение (тур. *merak* ‘интерес, любопытство, влечение’) и распространена в разных балканских языках. В отличие от своих славянских синонимов, в частности, сербского *жеља*, она выражает лингвоспецифическое значение сильного желания, связанного с получением удовольствия (обычно телесного, ср. турцизм *лезет* ‘удовольствие, получаемое от еды и напитков’). Подобно другим абстрактным лексемам турецкого происхождения, таким, как *инат* ‘упрямство’, *кисмет* ‘судьба’, *севдах* ‘любовная тоска’, на основе этого значения у сербов сформировался важный культурный концепт. Данная лексема характерна и для хорватского языка.

Основное значение лексемы *мерак* – это сильное, страстное желание (по-сербски *махнита жеља* – ‘безумное желание’), непреодолимое влечение к совершению какого-то действия или обладания каким-то предметом. Объект *мерака*, как правило, носит страстный характер: это карты, алкоголь, еда и женщины – или, если субъектом *мерака* является женщина (что бывает очень редко), мужчины (*фрлити мерак на некога* ‘положить глаз на кого-то’ [2, s.v. *мерак*], *piti, jesti s merakom* ‘есть медленно, с удовольствием’, *piti crni kavu s merakom* ‘пить кофе не спеша, получая удовольствие’ [3, с. 460–461]). *Имам мерак да пијем прије јела ладну пиву* переводится как «Мне бы хотелось выпить перед едой холодного пива» [4, с. 158]. *Видио сам свега доста ал ми на те мерак оста* – «Я многое видел в жизни, но тебя продолжаю любить». *По мераку сам узео девојку* – «Я женился на девушке, которая мне понравилась» [2, s.v. *мерак*]. *Zna on što je merak i kako se kava piје* – «Он знает, что такое наслаждение и как нужно пить кофе» (Якша Кушан [Hrvatski korpus]). В качестве предиката *мерака* часто выступает глагол *вуче* ‘тянет’: *Ама хоћу да играм [карата]... мерак ме вуче* – «Страсть как хочется поиграть в карты» [2, s.v. *мерак*]. Но в принципе объектом *мерака* может быть любой предмет или действие. *Оћеш ти да ми дадеш... рукавице мерак ми је* – «Не отдашь ли ты мне перчатки, очень они мне нравятся» [5, s.v. *мерак*]. *Имо сам мерак да купим ону Алексину њиву, али нијесам успио* – «Я хотел купить поле Алексы, но не вышло» [4, с. 158]. *Е, баш кад ти је мерак, ето узми је* – «Раз тебе так хочется, возьми это» [2, s.v. *мерак*].

Во втором значении слова *мерак* ‘наслаждение, большая радость, удовольствие, хорошее настроение’ (серб. *уживање, задовољство, угодно расположење*) отражена обычная связь обладания желаемым объектом и положительных эмоций, ср. *чинити мерак* ‘наслаждаться (*уживати*)’. *Пуцао је од мерака у ваздух* – «От избытка радостных чувств он стрелял в воздух» [2, s.v. *мерак*]. *Мерак ми је тако да га задевам* – «Мне нравится над ним подшучивать» [6, с. 399]. Разновидность этого значения – желание получать удовольствие, наслаждаться. *На мерак сам остао, не знам шта ће дете тамо учинит* – «Я остался с вами посидеть, не знаю, что там ребенок сотворит» [6, с. 399], *кафански мерак* ‘кутеж’. В третьем значении ‘тоска, уныние, отчаяние’ (серб. *меланхолија, потиштеност од велике жудње*) также заложена идея эмоциональных последствий желания, в данном случае невыполненного. *Али ће тада умрети од мерака* –

«Тогда он умрет от тоски» [2, s.v. мерак]. *Остаде ми мерак што не отидо у Дечане* «Мне очень жаль, что я не съездил в Дечаны» [5, s.v. мерак]. Вариантом этого значения может быть и 'несчастливая любовь': *болна лежи од мерака болна лежи од севдаха* – «Она болеет от тоски, болеет от любви» [5, s.v. мерак].

Реже мерак сочетается с нейтральными объектами и обозначает простое желание: *имам мерак на шљиве* – «мне хочется слив» [2, s.v. мерак], *имао би мерак да је видим* – «я хотел бы с ней увидеться», *нема мерак за работу* – «Нет желания работать» [6, с. 399].

Присутствие в человеке развитой желательной силы оценивается традицией положительно, как норма: *Како си тако човек без мерака?* – «Как же ты так живешь без желаний?» [6, с. 399]. *Ко не зна шта мерак је тај није пробао све* – «Кто не знает, что такое страсть, тот не знает жизни» (З. Чолич). Склонность к наслаждению жизнью приписывается традицией сербскому народу как национальная черта: ср. *српски мерак* (название музыкальной композиции в народном стиле).

Желание обладать каким-то объектом или использовать его в своих целях, а также желание заниматься каким-то делом выражается также глаголом *мерачит* 'желать чего-то'. *Одавно Милан мерачи на Милицу, изгледа ће је запросит* – «Давно уже Милану нравится Милица, наверное, попросит ее руки». *Мерачи Марко на Миличино имање, а не на њу* – «Марко хочет именье Милицы, а не ее саму». *Мерачим ово теле, процењујем колико је тешко* – «Смотрю на этого теленка, хочу оценить, сколько он весит» [7, с. 226–227].

В семантике и устойчивой сочетаемости дериватов слова мерак и прежде всего в названии деятеля *мераклија* 'тот, кто умеет получать удовольствие от жизни' идея наслаждения и разгула, получения удовольствия от общения с женщинами, музыки и напитков проявляется особенно ярко. Носитель такой жизненной позиции – прежде всего мужчина. Со словом *мераклија* связывается образ завсегдака «кафан» (сербских традиционных кафе, трактиров), гурмана, любителя приятной беседы или кутежей. *За веће мераклије било је и кафана изван чаршије* – «Для больших кутил были заведения и подальше от центра города» [2, s.v. мераклија]. Ср.: *мераклијска кафана* – «кафана, где собираются любители покутить»; фактически это то же самое, что «настоящая кафана» (*Код мераклије* – название кафаны в Косовской Митровице [5, s.v. мераклијски]), *мераклијско лумповање* 'кутеж' – также плеоназм, *мераклијске навике* 'привычки завсегдака кафаны' [8, с. 698].

Часто эта лексема требует выражения объекта ('любитель/знаток/ценитель чего'). *Сава је био мераклија за пиће и јело* – «Сава был любитель выпить и поесть» [4, с. 158]. *Мераклија за песму, за свирку, на ракију, на сарму, на рум, на девојке, за вино* 'любитель/ценитель песен, музыки, ракии, сармы (название блюда), рома, девушек, вина' [2, 5, s.v. мераклија]. *Много ја мераклија за ракију* – «Я большой любитель ракии» [6, с. 399]. *Радован је био мераклија и за пиће, и за људе, и за жене* – «Радован был ценителем спиртного и женщин, любителем мужского общества». *Мало је био мераклија за друштво, ка што је био покојни Томаш* – «Мало было таких любителей общества, как покойный Томаш» [7, с. 226–227]. Но это слово может употребляться и без объекта. *Од њега по мераклију човека неће нађеш* – «Большого любителя хорошо провести время найти трудно». *Ђурица бијаše велики kavopija i meraklija, znao je kad kava valja, a za duhan je mogao odrediti, ne samo sortu, već i od kojeg je branja* – «Джурица был большой любитель кофе и жизнелюб, он разбирался в кофе и мог определить не только сорт табака, но и какого он урожая» (Мирко Ковач [Hrvatski korpus]). *Он је увјек први отварао игранку, а играо је – veseljak – да су све pocikivali: Gledaj načelnika, alaj veze, meraklija!* – «Он всегда первым начинал танцевать, и танцевал, весельчак, так что все приговаривали: «Посмотри на начальника, умеет погулять!» (Войин Елич [Hrvatski korpus]). *Прогута два-три*

гутљаја и мераклијски рече: Добра-а! – «Сделал два-три глотка и с наслаждением произнес: Хорошая». *Мераклиски запуцкета језиком* – «с удовольствием прищелкнул языком» [2, s.v. *мераклијски*].

Второе значение слова *мераклија* – охотник до женского пола, бабник (тот, кто любит смотреть на женщин и проводить время с ними): *стари мераклија* [2, s.v. *мераклија*]. Носителем этого признака может быть и женщина: *мераклика* ‘женщина легкого поведения’ [9, с. 179].

Процитируем толкование слова *мерак*, предлагаемое в русскоязычном Интернете. «Мерак – это не просто отдых, это умение наслаждаться самыми простыми вещами: чашечкой утреннего кофе, пением за свадебным столом, общением с хорошим другом, футбольным матчем, обществом своих детей, поджаренной «кобасицей» и т. д., и т. п. И если японцы способны отдаться целиком любованию сакурой, то сербы (и не только) знают толк, скажем так, в позитивном расслаблении. Так что не верьте, что все жители Балкан страшно ленивы. Это не наплевательское отношение к работе, это МЕРАК – искусство предаваться отдыху по полной программе» (<https://jugoslovo.com/два-самых-балканских-слова/>).

Значение сильного желания в сербском и других балканославянских языках также выражает турцизм *ћеф* (араб. *kauf*, тур. *keyif* ‘веселое настроение, желание, прихоть’, болг. *кеф* ‘хорошее расположение духа’, ‘воля, хотение, прихоть’ [10, с. 363]): *терати ћеф* ‘самовольничать, самоуправствовать’, *није му то по ћефу* ‘это ему не нравится’. *Дође му ћеф да се жени* – «Захотелось ему жениться» [2, s.v. *ћеф*]. В данной лексеме семантика желания может получать форму прихоти: *Имају увек доста новаца за личне ћефове* – «У них всегда достаточно денег на свои прихоти» [2, s.v. *ћеф*]. Обозначая прихоть, каприз, *ћеф* по значению приближается к слову *инат* ‘упрямство’: *Шта ти би, Лујо, да гласаш комунисте?.. Од ћефи, рече Лука* – «Почему ты, Луйо, голосовал за коммунистов?.. Захотелось, – ответил Лука». Ср. также глагол *ћефнути се* ‘захотеться’: *Станодавац узима за кирију... колико највише може да добије, а када му се ћефне – да отказ* – «Хозяин квартиры берет за аренду... так много, как только может, а когда ему захочется – отказывает» [11, с. 361–362]. *Мајка: Узми, сине, поједи то из танјира. Син: Јећу кад је мене љеф и што је мене љеф* – «Мама: Возьми, сынок, поешь это из тарелки. Сын: Я буду есть, когда хочу и что хочу» [<http://vukajlija.com/cef>]. ... *dok mi se na kraju ne pričini da je on sam i samo za svoj љеф sve te bačve otvorio i svu tu rumeniku isprolijevaо* – «...пока ему наконец не показалось, что он сам и только для своей прихоти открыл эти бочки и вылил все вино» (Иван Раос [Hrvatski korpus]).

Во втором значении лексемы *ћеф* и ее дериватов заключена идея получения удовольствия, как и в слове *мерак* [2, s.v. *ћеф*]. *Не могу гледати да Турци с главом његовом себе ћеф чине* – «Не могу смотреть, как турки с его головой развлекаются» [2, s.v. *ћеф*]. *Ali ja sam se više naslađивао u onom času njegovim smetenim licem nego onim novcima, što bi mi ih dao. To je balkanski љеф* – «Но в это время я все больше наслаждался его сметенным лицом, а не этими деньгами, которые он мне дал. Это балканское наслаждение» (Улдериго Донадини [Hrvatski korpus]). *Ма матором је то ћеф, оде тако сваке недеље на пецање, понесе флашу ракије, забаци удицу у воду и сам се лепо са собом напије* – «Ну, старику это в удовольствие, ходит каждую неделю на рыбалку, несет бутылку ракии, забрасывает удочку в воду и сам с собой прекрасно напивается» (из Интернета). Удовольствие, называемое словом *ћеф*, часто связывается со спиртным: *ћефити се* ‘развлекаться, веселиться’, *ћефлија* ‘в хорошем настроении, подвыпивший’: *[Испод вињага] се свако вече окупљале еснафлије и ћефиле се уз ракију и мезе* – «В винограднике каждый вечер собирались ремесленники, веселились под ракию и закуску»; *ћефлисан* ‘веселый, в хорошем настроении вследствие действия алкоголя, подвыпивший’: *Ћефлеисани радници,*

касно у ноћи, враћају се у своје квартире – «Подвыпившие работники поздно ночью возвращаются на свои квартиры». *У углу вагона... седи жгољав човек, ђефлија* – «В углу вагона... сидит костлявый человек, подвыпивший» [11, с. 362].

Мотив получения удовольствия от жизни чрезвычайно устойчив в сербском языке. Помимо указанных слов он также выражается славянским глаголом *уживати* 'получать удовольствие, наслаждаться'. Особенность его семантики, по сравнению с русским, заключается в том, что объектом наслаждения являются прежде всего повседневные радости. Когда сербский подросток говорит: *Дођи код мене да гледамо филм, једемо кокице и уживамо!* («Приходи ко мне, посмотрим фильм, купим поп-корн, отлично проведем время»), русский не может при переводе этого предложения использовать глагол *наслаждаться*, потому что он предназначен для обозначения высшего наслаждения и не применяется к повседневным удовольствиям, но зато широко используется в поэзии.

Список литературы

1. Якушкина Е.И. О проблемах перевода на русский язык прозаических произведений М. Цветаевой, опубликованных в журнале «Русский архив» // Часопис «Руски архив» (1928–1937) и култура руске емиграције у Краљевини СХС/Југославији. Београд, 2015. С. 321–330.
2. Речник српског језика. [Электронный ресурс] URL: <http://www.srpskijezik.com>.
3. Anić V., Pranjković I., Samardžija M. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 1994.
4. Далмација С. Рјечник говора Поткозарја. Бања Лука, 2004. С. 363.
5. Чемерикић Д. Збирка речи из Призрена. [Электронный ресурс] URL: <http://www.prepis.org>.
6. Елезовић Гл. Речник косовско-метохијског дијалекта, књ. II // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1935. Књ. 6.
7. Ђупић Ж., Д., Ђупић Ж. Речник говора Загарача // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1997. Књ. 44.
8. Речник српског језика. Београд, 2007.
9. Митровић Б. Речник лесковачког говора. Лесковац, 1984.
10. Геров Н. Речник на българский язык. Т. 2. Пловдив, 1904.
11. Речник српскохрватског књижевног језика. Нови Сад, 1976. Т. 6.

Yakushkina Yekaterina

PROBLEMS OF RUSSIAN AND SERBIAN EQUIVALENCE IN ABSTRACT LEXIS

Lexico-semantic systems of Russian and Serbian languages are very different, because of historical and cultural reasons. One of the important factors that determined the differences between Russian and Serbian lexical semantics is the connection between Russian literary vocabulary and the Church Slavonic language. The Serbian language doesn't have such a lexical connection and uses primarily the words of dialectal or late literary origin. Many Serbian abstract words reflect the popular Balkan worldview, which can hardly be conveyed by Russian vocabulary. The paper describes the semantics of two synonymous words: *merak* "passionate desire, pleasure" and *ćef* "strong desire, whim, pleasure", borrowed from the Turkish language and spread in the Balkans.

Keywords: Serbian language, Balkan culture, Turkish words, lexis, language-specific lexemes.

Вольская Наталья Павловна
МГУ имени М.В.Ломоносова
panivolska@gmail.com

КАКОВ ЧЕЛОВЕК, ТАКОВА И ЕГО РЕЧЬ. ЛИГВИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

В статье анализируются проблемы идентификации языковой личности в современных условиях межкультурного взаимодействия, рассматриваются ситуации коммуникации в зависимости от условий её протекания (внутрикультурная, субкультурная, межкультурная). Описываются особенности интерпретации картины мира в зависимости от культуры говорящего, а также раскрываются и гендерные аспекты личности в практике межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: языковая личность, лингвокультура, межкультурная коммуникация, субкультура, языковая компетентность.

«Заговори, чтобы я тебя увидел», – сказал однажды Сократ молчавшему молодому человеку. Зрительный образ – всего лишь оболочка, которая скрывает истинное лицо человека. Именно слова, произносимые собеседником, свидетельствуют о его внутреннем мире, именно речь является его отражением. «Каков человек, такова и его речь», – говорил известный древнегреческий философ.

Человек, который пользуется языком и создает этот язык, и есть языковая личность. Понятие «языковая личность» всегда интересовало ученых. В.В. Виноградов различал понятия «коллективная языковая личность» и «индивидуальная языковая личность». Эдвард Сепир отмечал, что речевые привычки являются бессознательными маркерами личности или части языкового коллектива, объединенного общими признаками (социальными, гендерными, возрастными). И.А. Бодуэн де Куртенэ считал, что язык в развитии есть трансформация психических процессов в языковую материю. Ю.Н. Караулов, выделявший три уровня рассмотрения языковой личности: вербально-семантический, когнитивный и мотивационный, – понимал под этим термином совокупность способностей и характеристик человека, которые обуславливают создание и восприятие речевых произведений (текстов). Тексты различаются по степени структурно-языковой сложности, по глубине и точности отражения действительности, по определенной целевой направленности. Речевое поведение, как правило, обусловлено психическими и мыслительными стереотипами, которые сложились в языковом коллективе. Набор данных стереотипов постоянно меняется.

Лингвокультурная идентичность говорящего постоянно меняется: она формируется через взаимопонимание в ходе межкультурной коммуникации. Абсолютного взаимопонимания между коммуникантами из разных лингвокультурных пространств быть не может. Можно говорить о многочисленности интерпретаций, о большей или меньшей степени приближения к постижению иных культурных смыслов, поскольку человек воспринимает другую культуру, сохраняя доминанты собственной. Основным инструментом межличностной коммуникации является вербальное общение, а главным субъектом коммуникации – человек; следовательно, от способности каждого субъекта коммуникации описать, объяснить и предсказать особенности коммуникативного поведения партнера по коммуникации, а также адаптировать свое коммуникативное поведение к нормам иной культуры зависит исход межкультурного взаимодействия и полнота достигаемого взаимопонимания.

Каждый субъект коммуникации представляет собой определенный культурный тип в том смысле, что в процессе инкультурации присваивает себе как определенные модели организации взаимодействия с другими членами социума, так и принципы варьирования этих моделей. Это позволяет ему адаптироваться к постоянно меняющимся обстоятельствам

и достигать своих целей в конкретных условиях, используя принятые в «своей» культуре неречевые и речевые действия, адекватные месту, времени, виду выполняемой деятельности, типу интеракции, особенностям ее участников и т. д.

Практика межкультурного взаимодействия показывает, что человек действует в инокультурной среде по «своим» моделям дискурсивной деятельности и не осознает этого до тех пор, пока не обнаружит, что его взаимодействие неуспешно.

С первых контактов с представителями других культур субъект коммуникации быстро убеждается, что в каждой культуре есть собственные системы ценностей и нормы как вербального, так и невербального коммуникативного поведения, которые существенно отличаются от тех, которые приняты в его родной культуре. В процессе межкультурной коммуникации человек попадает в мир, где существуют иные правила и нормы, испытывая при этом самые разные переживания чужого окружения. Это переживание чужого сопровождается также переживанием «своего» как контрастно противоположного «чужому». Сам процесс переживания «чужого» осуществляется путем выделения черт другой культуры через соотнесение со специфическими чертами культуры собственной. При этом за положительный эталон принимаются собственные культурные образцы. В таких ситуациях расхождения или несовпадения каких-либо явлений другой культуры с принятыми в «своей» культуре, возникает понятие «чужой». Это понятие можно определить как культурно-значимый и негативно-заряженный фактор, который существенен для первичной и вторичной социализации при распознавании культурной идентичности индивида на основании совокупности разнородных культурно-значимых признаков: субъект социальной перцепции осознается как не принадлежащий к культуре или субкультуре познающего субъекта.

Фактор «свой» мы понимаем как культурно значимый, как правило, позитивно заряженный фактор, существенный для первичной и вторичной социализации при распознавании культурной идентичности индивида на основании совокупности разнородных культурно значимых признаков: субъект социального восприятия признается как принадлежащий к той же культуре или субкультуре, что и субъект познания.

В межкультурной коммуникации понятие «чужой» имеет ключевое значение, поскольку при восприятии различных инокультурных явлений действуют когнитивные фильтры, позволяющие индивиду выделить себя из среды «других» и «чужих». Полученные в результате такой фильтрации сведения складываются в определенные когнитивные модели, служащие основой для оценки воспринимаемой действительности. Таким образом, «чужая» культура всегда познается и оценивается на фоне «своей». Для межкультурной коммуникации чужеродность означает не какое-то изолированное качество, а состояние отношений между двумя партнерами, которые ощущают «чужеродность» друг друга на основе имеющихся между ними различий культурного, социального или этнического характера. Способность различения «своего» и «чужого» является основой определения собственной лингвокультурной идентичности.

Каждая ситуация коммуникации независимо от условий ее протекания (внутрикультурная, субкультурная, межкультурная) помещается субъектом коммуникации в контекст «свой/чужой», а восприятие «чужого» в свою очередь встраивается в парадигму «восхищение – ксенофобия (нетерпимость)» со всеми возможными градациями проявления соответствующих параметров.

Принимая во внимание погруженность социальной перцепции в контекст «свой/чужой», а также множественность интерпретаций картины мира, как внутри одной культуры, так и при межкультурной коммуникации можно получить чрезвычайно сложную игру разнонаправленных параметров.

Интерпретация того или иного события, факта, поведения человека будет зависеть от того, идет ли речь о «своей» или «чужой» культуре, а также от того, с какими ценностными ориентациями в родной культуре это явление связано, и от существующего в «своей» культуре отношения к культуре «чужой». Порицаемое в «своей» культуре может трактоваться как исключение или недоразумение, а в «чужой» культуре, имеющей низкую ценность для «своей», то же явление будет интерпретироваться как типичное и резко осуждаемое.

Эта проблема чрезвычайно важна для изучения условий достижения взаимопонимания коммуникантов с различной лингвокультурной идентичностью в рамках межкультурной коммуникации. Индивиду требуется дважды учитывать модальные рамки одной и той же информации. С одной стороны, он принимает или не принимает тот или иной факт лингвокультуры, а с другой – принимает или не принимает оценку этого же факта представителями «чужой» лингвокультуры. К чужой культуре он, в свою очередь, относится с той или иной степенью восхищения либо неприязни, со всеми возможными промежуточными вариантами этой оппозиции. Проиллюстрировать эти особенности интерпретации можно на следующих примерах. Стремление сэкономить финансы является положительным качеством и в русской, и в немецкой культуре, однако русские оцениваются немцами как расточительные, а немцы русскими – как скупые. Умение добиться выгодной сделки для «своего» воспринимается в «своей» культуре как предприимчивость и маркируется положительным знаком, а для «чужого» или в «чужой» культуре – как нечестность, хитрость, непорядочность и маркируется отрицательно. День рождения в разных культурах празднуется по-разному, хотя сам сценарий имеет ряд черт, общих для всех культур. В русской культуре принято несколько раз предлагать угощение и настаивать на своем, единичный отказ интерпретируется как вежливость, и это оценивается «своими» либо как «хорошо», либо как «нормально». Однако в других культурах (немецкой, англоязычных) угощение предлагается только один раз, и отказ воспринимается именно как отказ, а вторичное предложение понимается как невежливое. Поэтому повторное, нередко настойчивое угощение, принятое в русской культуре, представителями «чужих» культур оценивается негативно, а однократно предлагаемое угощение, являющееся в других культурах нормой, интерпретируется представителями русской культуры как проявление скупости, не гостеприимства.

Большое значение для характеристики человека имеет возрастной и гендерный аспект. Различия между мужской и женской речью проявляются на разных уровнях языка. Считается, что чаще всего гендерные различия встречаются на уровне лексики. Женщинам свойственно употребление уменьшительных форм, особенно в разговоре с детьми и животными, использование приблизительных обозначений, тенденция к гиперболизированной экспрессии, высокая концентрация эмоционально оценочных слов. Мужчинам – огрубление речи лексическими средствами, тенденция к точности номинации, употребление терминов, использование стилистически нейтральной оценочной лексики, экспрессивных, обычно стилистически сниженных средств, активное использование багажа профессиональных знаний вне сферы профессионального общения. Также гендерные различия касаются и словарного состава, семантических полей и ассоциативных рядов. В силу того, что женщина больше мужчины сосредоточена на своем внутреннем мире, в ее словарном запасе встречается и больше слов, описывающих чувства, эмоции, она чаще употребляет глаголы, передающие эмоционально-психологическое состояние человека. Так, женское ассоциативное поле выглядит более обобщенным и «гуманистическим» (природа, животные, повседневная жизнь), в то время как мужчины ассоциируют себя со спортом, охотой, профессиональной и военной сферами. Кроме того, женщины чаще по сравнению с мужчинами используют инверсии, употребляют восклицательные и вопросительные предложения, для них характерны развернутые, подробные и

экспрессивные предложения и тексты. Отдельные предложения и тексты мужчин лаконичны, предметны и менее динамичны. Участвуя в разговоре, женщина чаще задает вопросы, как правило, чтобы продолжить беседу, свое несогласие с мнением собеседника женщина чаще выражает молчанием, а не словесным протестом, как мужчина. Мужчина старается доминировать в беседе, а у женщин более вежливый характер реплик, хотя и более напористый.

Существуют также различия в произношении мужчин и женщин. Например, женщинам свойственны придыхание, лабиализация и назализация. Особенности женского произношения наиболее ярко проявляются в области вокализма, а мужского – в сферах консонантизма: для многих мужчин характерен меньший раствор рта при производстве звуков, чем для женщин, что приводит к образованию более «узких» гласных, менее богатых по тембру; а большая консонантная насыщенность мужской речи обусловлена тем, что для мужчин характерна более сильная деформация гласных в потоке речи, их количественная и качественная редукция, выпадение гласных. Женщинам более свойственны фактические речевые акты, они легче переключаются, меняют роли в процессе коммуникации. Женщины чаще приводят примеры конкретных случаев из личного опыта или из жизни своих знакомых. В мужской речи отмечается терминологичность, стремление к точности называния, стремление к использованию экспрессивных средств языка, стремление к огрублению речи.

В коммуникации также большое значение имеют экстралингвистические факторы. Степень использования параязыковых средств зависит от эмоционального фона коммуникативного акта, а также от языковой личности и ее социального статуса. Так, немолодые люди характеризуются весьма умеренным использованием паравербальных средств, а люди с невысоким уровнем образования имеют склонность к использованию жестов, которыми сопровождают вербальные высказывания.

Определению национальной принадлежности могут способствовать невербальные средства, которые имеют общую инвариантную основу. Сюда относятся расстояние между говорящими, личное пространство, кинесические проявления, мимика, жесты и другие. Речевая ситуация далеко не всегда позволяет в полной мере использовать вербальные средства. Механизм формирования невербальных средств, так же как и формирование экстралингвистических средств, формируется социальными и культурными характеристиками народа. Вспомните трактовку движения головы у болгар и русских («да» и «нет»). Разную трактовку могут иметь и жесты. Например, поднятый большой палец руки в Китае и России означает «все хорошо», в Германии – цифру 1, в Греции – «замолчи» или «уходи», а в мусульманских странах – неприличный жест или угрозу насилия.

Будьте внимательны! Какова речь, таков и человек.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Наука, 1994.
2. Бодуэн де Куртене И.А. Введение в языковедение. М.: Красанд, 2014.
3. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2017.
5. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.
6. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ обучения. М.: Русский язык, 1979.

Volskaya Nataliya

THE WAY A PERSON TALKS, REFLECTS HIS PERSONALITY. LINGUISTIC IDENTIFICATION OF A PERSON

The paper issues the problems of identifying a linguistic personality in the current conditions of intercultural interaction, examines the situation of communication, depending on the conditions of its flow (intra-cultural, subcultural, intercultural). Features of interpretation of the world picture depending on the culture of the speaker are described, as well as gender aspects of the individual in the practice of intercultural interaction.

Keywords: linguistic personality, linguaculture, intercultural communication, subculture, language competence.

Чиварзина Александра Игоревна
Институт славяноведения РАН
mss-vah@yandex.ru

ЦВЕТ В ОБОЗНАЧЕНИЯХ ЧЕЛОВЕКА (ТРАДИЦИЯ ЮГО-ВОСТОКА СЕРБИИ)⁴³

В статье рассматриваются цветолексемы, свидетельствующие о восприятии человека как носителя определенных цветовых характеристик, на материале диалектных словарей архаического юго-востока Сербии и с привлечением сведений из соседних балканославянских языков. В регионе сербско-македонско-болгарского пограничья сохраняются уникальные явления из области духовной культуры; это архаическая зона переходных говоров трех славянских языков и территория контактов с другими балканскими народами: албанцами и влахами. Языковые и культурные контакты проживающих на этой территории носителей разных языков и диалектов отражаются в цветообозначениях человека и окружающего его мира.

Ключевые слова: цвет, цветообозначения, славянские языки, балканские языки, славянские архаические зоны.

Цвета, которые лежат в основе номинации характеристик человека, могут служить для оценки как его внешности, так и душевных качеств. В настоящей статье предлагается рассмотреть цветолексемы, свидетельствующие о восприятии человека как носителя определенных цветовых характеристик на материале диалектных словарей архаического юга Сербии и с привлечением сведений из соседних балканославянских языков. В нашем распоряжении были следующие диалектные словари: *Гаговић С.* Из лексики Пиве (село Безује) (2004); *Динић Ј.* Речник тимочког говора (1990); *Живковић Н.* Речник Пиротског говора (1987); Речник косовског-метохиског дијалекта (1932); *Жугић Р.* Речник говора Јабланичког краја (2005); *Златановић М.* Речник говора југа Србије (провинцијализми, дијалектизми, варваризми и др.) (2014); *Златковић Д.* Фразеологија страха и наде у пиротском говору (1989); *Јовановић В.* Речник села Каменице код Ниша (2004); *Петровић С.* Турцизми у српском призренском говору (2012). Все эти словари описывают лексику архаического юго-восточного ареала в Сербии.

Имеющиеся лексические данные можно разделить на две группы в соответствии с их происхождением: в первую попадают слова, образованные от исконных славянских корней, во вторую – турцизмы. Турецкий язык, долгий исторический период

⁴³ Авторская работа выполнена при поддержке РФФ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», № 17-18-01373.

остававшийся престижным языком региона, глубоко вошел в повседневную практику общения. На сегодняшний момент многие турецкие заимствования присутствуют и в литературном языке, и в диалектах рассматриваемой территории [16, с. 205–234]. В данной статье мы исследуем турцизмы-цветообозначения, зафиксированные в диалектных словарях юго-востока Сербии.

I. Практически все цветолексемы могут служить для характеристики цвета кожи человека. При этом следует понимать, что не так легко отличить, например, болезненные зеленые и желтые оттенки, хотя язык и прибегает к этим цветообозначениям и, более того, использует компаративные обороты с характерными объектами соответствующего цвета типа зеленой травы или желтой дыни: ю.-серб. *пожутел кько тиква* (Каменица) [9, с. 545] ‘пожелтел как тыква’, мак. *Зелен како зелка, и тоа кисела*. [22] ‘Он [парень] зеленый как капуста, и та кислая’.

Человеческое лицо может быть любого цвета, в зависимости от здоровья / нездоровья: ю.-серб. *жутко* (Каменица, Буяновац) [9, с. 398; 7, с. 188] ‘больной ребенок’, ю.-серб. *црвенко* [19, с. 424], ю.-серб. *црвењак* [6, с. 433] ‘здоровый человек’, ю.-серб. *модрењак* (Вране) [7, с. 382] ‘синий, нездоровый’, хорошего / плохого настроения: ю.-серб. *позеленел од љутине* (Каменица) [9, с. 546] ‘позеленел от злости’. Цвет кожи меняется в момент острого эмоционального напряжения (ю.-серб. *ужари се* (Каменица) [9, с. 656] ‘покраснеть от стыда’; ю.-серб. *Нећу да црвеним ни за куга* (Каменица) [9, с. 669] ‘Не хочу ни за кого краснеть’) или под воздействием внешних температурных факторов (ю.-серб. *црвенишњк му нос од зиму* [4, с. 198] ‘нос у него красный от мороза’, ю.-серб. *помодрет од студи* [19, с. 102] ‘посинел от холода’). Выбор цвета зависит также от субъективного отношения автора высказывания к описываемой личности: ю.-серб. *Дошъл земљен у лице* [4, с. 43] ‘Пришел с лицом цвета земли’ – значение этого выражения можно трактовать и как непосредственное обозначение цвета лица, и как характеристику состояния человека (ср. сербское выражение *пијан као земља* ‘пьян как земля’, появление которого возводят к праславянскому периоду развития языка [20, с. 412–417]), ю.-серб. *црвенчњк у лице од пијење* [4, с. 198] ‘лицом красный от пьянки’. Очень часто такие наименования используются как прозвища или в дальнейшем становятся фамилиями. В рассматриваемом регионе фиксируются следующие имена собственные: *Црвенко* [19, с. 424], *Руменлика* (Црна Трева) [7, с. 572] и др.

Существуют цветолексемы, обозначающие признак цвета, и те, которые образованы от существительных, называющих объекты соответствующего цвета: ю.-серб. *жлтуљав* [5, с. 39] ‘бледный; ю.-серб. *земљосан* [3, с. 97], ю.-серб. *земљен у лице* [4, с. 43] ‘с лицом цвета земли’.

Большую группу составляют однословные наименования для характеристики людей по цвету волос и кожи: ю.-серб. *плавуша* [19, с. 79] ‘блондинка’, ю.-серб. *белча* [7, с. 48] ‘человек с признаками альбинизма’, ю.-серб. *црнгелја* [18, с. 425] ‘человек со темными волосами’ и др. Однословные наименования встречаются и от турецких корней: ю.-серб. *ђувезлица* (Маняк) [7, с. 173], ю.-серб. *ђувезличе* (Кочура) [7, с. 173] ‘румяная, красивая девушка’ (от *güvez* (тур.) ‘темно-красный’), ю.-серб. *ђокуша* (Владовце) [7, с. 173] ‘смуглая девушка’, ю.-серб. *ђокалика* (Мали Трновац) [7, с. 173] ‘брюнетка’. Это производные от тур. *gök* ‘светлый’, но в данных говорах этот турецкий корень используется в противоположном значении, о чем свидетельствуют также примеры противоположной характеристики животного по цвету, отраженной в турцизмах: ю.-серб. *ђока* [7, с. 173] – черный конь (Левосое), черный пес (Велико Буштрание) [7, с. 172]; и ю.-серб. *ђог, џогат* [18, с. 173] – белый, светлый конь. Такое использование одного и того же термина в совершенно противоположных значениях в разных говорах сербского языка подчеркивает заимствованный характер лексемы. Кроме того, сложившуюся ситуацию можно объяснить и неоднозначностью самой исходной лексемы: в литературном языке тур. *gök* в первую

очередь означает «небо», а по диалектам слово может иметь значение «голубой», «серый» или «зеленый».

Также в группу однословных наименований попадают сложные лексемы, состоящие из компонента цвета и компонента части тела: ю.-серб. *белотрепоња* [6, с. 18] 'человек с белыми бровями (?)', ю.-серб. *белолик* [3, с. 23] 'человек с белым лицом', ю.-серб. *белонога* [18, с. 40] 'женщина с белыми ногами', ю.-серб. *беловеђа* (Вране) [7, с. 47] 'человек с белыми бровями'.

Отправной точкой для выявления признака цвета могут служить не только волосы или кожа, но и цвет глаз, а иногда и губ: ю.-серб. *зелембаћ* (Безуйе) [2, с. 90] 'человек с зелеными глазами', ю.-серб. *модерљан* (Каменица) [9, с. 470], ю.-серб. *модрињав* (Буяновац) [7, с. 382] 'человек с синими глазами', ю.-серб. *аловит* [14, с. 42–43] 'накрашенный' (от тур. *al* 'красный, румяный', ср. ю.-серб. *алосати* [15, с. 42–43] 'краситься, румяниться', ю.-серб. *ален* [6, с. 5] или мак. *ал* [11, с. 10] 'светло-красный'), ю.-серб. *подбели* [4, с. 118] 'выпучить глаза', т. е. сделать видимым белок глаза, ю.-серб. *карађозлија* (Вране) [7, с. 277] 'человек с черными глазами' (от тур. *kara* 'черный' и *göz* 'глаз').

Зафиксированный в словарях лексический материал включает цветообозначения, основанные непосредственно на цвете (ю.-серб. *црномањас* (Каменица) [9, с. 670] 'человек с черными волосами') и цветообозначения, основанные на сравнениях с предметами соответствующего цвета: ю.-серб. *гавранит* [5, с. 19] 'черный' (ср. серб. *гавран* 'ворон'), ю.-серб. *ћумурџија* [19, с. 370] (ср. серб. *ћумур*, от тур. *kötmür* 'уголь') 'человек с темными волосами'.

В словаре косовско-метохийских говоров фиксируется сравнение *црвен кај вампир* [19, с. 423] 'красный как вампир'. Существование данного выражения связано с представлениями о демонических существах, вампирах, наполненных кровью, а потому красных по цвету. Такие поверья распространены и в восточной, и в юго-восточной Сербии, и в Македонии [17, с. 634–635, 639; 15, с. 92–98].

Также балканским языкам свойственно характеризовать репутацию человека, его честное имя через фразеологическую единицу, включающую компоненты 'белый' / 'черный' и 'щека/лицо': ю.-серб. *бео ти образ* [18, с. 42] / мак. *има бел образ* 'иметь чистую репутацию, ю.-серб. *обелит образ* [19, с. 2] 'обелить честь'. Подобные обороты можно сравнить с аналогичным выражением из албанского языка *me faqe të bardhë* [24, с. 278] 'с чистой репутацией' (букв. 'с белой щекой'); в последнем часто компонент «щека / лицо» заменяется на «душу» *me shpirt të bardhë* [24, с. 955] (букв. 'с белой душой') или «сердце» *me zemër të bardhë* [24, с. 1131] (букв. 'с белым сердцем'). Наличие подобных выражений является не только примером ментальной оппозиции белый / черный, но и их переносного значения в «чистый / нечистый».

II. В регионе сербско-македонско-болгарского пограничья сохраняются уникальные явления из области духовной культуры; это архаическая зона переходных говоров трех славянских языков и территория контактов с другими балканскими народами: албанцами и влахами. Такие языковые и культурные контакты отражаются в лексике проживающих на этой территории носителей разных языков и диалектов. В качестве примера приведем наименования представителей другого народа по традиционным цветам в одежде или по местности проживания: ю.-серб. *белюлинац* [18, с. 40] 'человек, который носит белые одежды; албанец', ю.-серб. *белокрилка* [3, с. 23] 'житель Буджака' – белый является преобладающим цветом в традиционной одежде албанцев-переселенцев, которые также проживают в Буджаке [12, с. 71–76; 13, с. 153–420]; ю.-серб. *беляк* [5, с. 8] 'человек, который носит белые одежды; сельский житель' – т. е. человек в традиционной одежде, ю.-серб. *белодрешка* (Каменица) [9, с. 346] (ю.-серб. *дреха* – одежда) 'гайдук после 1841 г.' – повстанцы 1841 г. были из крестьян и,

соответственно, носили национальную одежду белого цвета; ю.-серб. *Карадак* [18, с. 281] ‘черногорец’ (от тур. *kara* ‘черный’ и *dağ* ‘гора’); ю.-серб. *Карађуз* или *Карађоз* [18, с. 281] ‘цыган’ (от тур. *kara* ‘черный’ и *göz* ‘глаз’) – ср. в том же косовском диалекте *карађоз* [18, с. 281] ‘некрасивый, страшный’.

III. Человек получает определенную характеристику по цвету и в связи с различными событиями в своей жизни. В южнославянских языках встречается лексема *белосвецки* [6, с. 18], в разных диалектах она используется в разных значениях: для обозначения многочисленности людей или скота (ю.-серб. *белисвет* [9, с. 346; 18, с. 39; 3, с. 23] ‘много’), для обозначения далеких мест, чужбины (ю.-серб. *Отишъл у белисвет, па се не јавља.* [9, с. 346] ‘Ушел на чужбину и не дает о себе знать’) или даже странного поведения индивида: в Ябланицком крае прилагательное ю.-серб. *белосвецки* [6, с. 18] используется для характеристики странника, путешественника, а существительное ю.-серб. *белосвечанин* [6, с. 18] – чужака. В косовских говорах это же слово используется с пейоративным значением: *Рђа белосвецка!* [19, с. 40] ‘Проклятая карга!’.

Негативные события в жизни человека символически обозначаются как «темные, черные»: ю.-серб. *црник* [19, с. 426] ‘несчастный’, ю.-серб. *црница* [19, с. 426], ю.-серб. *карадертлика* (Вране) [7, с. 277] ‘несчастливая женщина’ (от тур. *kara* ‘черный’ и *dert* ‘горе’), ю.-серб. *нацрнит* [18, с. 455] ‘покалечить’, ю.-серб. *оцрни* (Каменица) [9, с. 521] ‘причинить боль’. Это противопоставление гораздо шире (добро – зло) и прослеживается в том числе в названиях мифологических персонажей – носителей зла, в персонифицированных образах болезней, которые по диалектам до сих пор воспринимаются как женщины: мак. *црна кашлица* [11, с. 898] ‘черный кашель, коклюш’, ю.-серб. *А те црна [чума] изела!* [7, с. 9, 74] ‘Чтоб тебя черная [чума] съела’.

Считается, что поседевшая голова – это признак возраста и, следовательно, приобретенной мудрости: ю.-серб. *бела глава* (Каменица) [9, с. 345] ‘умный человек’. Цвет волос передается как через традиционный признак белизны (ю.-серб. *бел* [9, с. 345] ‘седой’), так и через реже встречающийся серый цвет (ю.-серб. *Глава ти сура, а акъл ти не дође* (Вране) [7, с. 643] ‘Голова у тебя поседела (посерела), а ум не пришел’) и иногда даже через зеленый (ю.-серб. *озелени* (Каменица) [9, с. 502] ‘посесть’: *Млого му рано озеленела глава.* [9, с. 502] ‘Очень рано поседела (позеленела) у него голова’). Такой пример свидетельствует о распространении специфического балканского обозначения неясных сероватых оттенков через признак зеленого [23]. Это тем более удивительно, что молодость, незрелость и неопытность также традиционно передаются через признак зеленого цвета.

Изолированными являются примеры ю.-серб. *сивча* (Каменица) и ю.-серб. *сивоња* (Каменица) [9, с. 614] ‘дурак, сильный человек’. Цветообозначение (корень *сив* ‘серый’) присутствует в этих однословных наименованиях через метафорическое сравнение с конем. В диалектах юга Сербии эти животные серого цвета называются аналогично.

Таким образом, в ходе анализа лексем выяснилось, что в языке особое значение придается темным цветам для характеристики внешнего образа человека. Так, примерно половина зафиксированных лексем используется для обозначения человека с темной кожей или волосами. При сопоставлении с данными номинаций из животноводческой лексики [21] интересно отметить, что в последней в большей степени акцентируются светлые оттенки. Отсутствие цвета, седина волос человека или светлые тона передаются преимущественно через славянский корень *бел*. Желтый, зеленый и синий цвета используются для характеристики болезненных оттенков кожи, а красный – преимущественно для передачи идеи полноты жизни и здоровья. Были выявлены лексемы, характеризующие человека по традиционным цветам национальной одежды, где цвет становится главной отличительной чертой целой группы, иногда народа. В данной лексической группе рассматриваемых сербских диалектов не было обнаружено заимствований из других балканских языков, кроме турецкого (ср. лексику

овцеводства в этом же регионе, где много заимствований из румынского и албанского) [10]. Можно предположить, что в отличие от животноводческой лексики, охватывающей обширные территории полуострова ввиду пастушества перегонного типа, лексика, относящаяся к людям, имеет более локализованный характер и поэтому не нуждается в материале соседних языков.

Список литературы

1. Белова О.В. Черный цвет // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 2012. – Т. 5. (С–Я). С. 513–518.
2. Гаговић С. Из лексике Пиве (село Безује) // Српски дијалектолошки зборник. Књ. LI. Расправе и грађа. Београд, 2004. С. 3–329.
3. Динић Ј. Речник тимочког говора // Српски дијалектолошки зборник. Књ. XXXIV. Београд, 1990. С. 3–340.
4. Динић Ј. Речник тимочког говора (други додатак) // Српски дијалектолошки зборник. Књ. XXXIII. Београд, 1992. С. 3–208.
5. Живковић Н. Речник Пиротског говора. Ниш, 1987.
6. Жугић Р. Речник говора Јабланичког краја // Српски дијалектолошки зборник LI. Београд, 2005. С. 3–470.
7. Златановић М. Речник говора југа Србије (провинцијализми, дијалектизми, варваризми и др.). Врање, 2014.
8. Златковић Д. Фразеологија страха и наде у пиротском говору. Београд, 1989.
9. Јовановић В. Речник села Каменице код Ниша // Српски дијалектолошки зборник. Књ. LI. Расправе и грађа. Београд, 2004. С. 330–693.
10. Клепикова Г. П. Славянская пастушеская терминология (ее генезис и распространение в языках карпатского ареала). М., 1974.
11. Мургоски З. Речник на македонскиот јазик. Скопје, 2005.
12. Новик А.А. Балканский спектр: от света к цвету // Балканские чтения 11. Тезисы и материалы. М., 2011. С. 71–76.
13. Новик А.А., Бучатская Ю.В., Ермолин Д.С., Дугушина А.С., Морозова М.С. «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины. Часть I. СПб., 2016. – Т. 2.
14. Петровић С. Турцизми у српском призренском говору. На материјалу из рукописне збирке речи Димитрија Чемериќића. Београд, 2012.
15. Плотникова А.А. Мифологическая лексика сербско-болгарского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. 10. Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян. М., 2004. С. 92–142.
16. Плотникова А.А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016.
17. Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
18. Речник косовског-метохиског дијалекта. – Београд, 1932. – Свеска I.
19. Плотникова А.А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016.
20. Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
21. Речник косовског-метохиског дијалекта. – Београд, 1932. – Свеска I.
22. Речник косовског-метохиског дијалекта. – Београд, 1932. – Свеска II.
23. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
24. Чиварзина А.И. Номинации домашних животных южных диалектах сербского языка // Славянский Альманах. 2017. Вып. 3–4. М., 2017. С. 431–448.
25. Bluebird.blog.mk (дата публикации – 23.03.10).
26. Ivić M. O zelenom konju. Novi lingvistički ogledi. Beograd, 1995. – 335 s.
27. Thomai J. Fjalor frazeologjik i gjuhës shqipe. Tiranë, 1999. – 2278 f.

Chivarzina Alexandra

HUMAN COLOURS (SERBIAN SOUTHEASTERN TRADITION)

The article provides an analysis of the colour lexems illustrating the perception of a person as a carrier of certain colour characteristics, on the dialectal material of the archaic Southeastern zone of Serbia and neighboring Balkan Slavic languages. In the region of the Serbian-Macedonian-Bulgarian border there are preserved unique phenomena of the folk culture; this is an archaic zone for transitional dialects of these three Slavic languages and the contact territory with other Balkan peoples: Albanians and Vlachs. These linguistic and cultural contacts of the speakers of different languages and dialects existing on this territory are reflected in the vocabulary and colour nominations of a human and his environment.

Keywords: colour, colour terms, the Slavic languages, the Balkan languages, Slavic archaic zones.

Штудинер Михаил Абрамович
МГУ имени М.В. Ломоносова
studiner@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-СЕРБСКИХ КУЛЬТУРНЫХ И ДУХОВНЫХ СВЯЗЕЙ

В статье анализируются книги, изданные на русском языке филологическим факультетом Белградского университета к Московской книжной выставке-ярмарке 2016 г., почетным гостем которой была Республика Сербия: книга воспоминаний «В плену у цареубийц» Сергея Николаевича Смирнова – секретаря сербской принцессы Елены Петровны, супруги великого князя Иоанна Константиновича, рассказывающая о трагической судьбе членов царской семьи, и филологические заметки Бобана Чурича «Из жизни русского Белграда».

Ключевые слова: русская эмигрантская литература, взаимообогащение культур, русский Белград, издание, С.Н. Смирнов.

На Московской книжной выставке-ярмарке 2016 года почетным гостем была Республика Сербия. В связи с этим филологический факультет Белградского университета выпустил на русском языке под общей редакцией профессора Александры Вранеш серию книг «Язык и литература» («Језик и књижевност»). Это издание очень наглядно показало близость и тесное сотрудничество русских и сербских писателей, лингвистов, литературоведов и переводчиков. Издание состоит из четырнадцати томов. Оно включает в себя три тома, в которых представлена сербская художественная литература – средневековая литература, народная проза и поэзия. В серию вошли также исследования сербской женской литературы с середины XIV в. до 1915 г. Три тома содержат исследования по сербскому языку сербских и российских лингвистов.

Значительная часть издания посвящена русской тематике. Это впервые опубликованные документальные и художественные произведения русских авторов – представителей эмиграции первой волны, в том числе книга воспоминаний «В плену у цареубийц» Сергея Николаевича Смирнова – секретаря княгини Елены Петровны, супруги великого князя Иоанна Константиновича, рассказывающая о трагической судьбе членов царской семьи. Это и пьесы, рассказы, статьи Евгения Васильевича Аничкова. Серия содержит также филологические заметки Бобана Чурича «Из жизни русского Белграда», исследования по русской литературе и русскому языку российских и сербских ученых.

Для специалистов по истории Сербии и по истории России несомненный интерес представляет публикация мемуаров «В плену у цареубийц», подготовленная профессором кафедры славистики Белградского университета Корнелией Ичин. Воспоминания С.Н. Смирнова написаны в форме писем к жене – Наталье Александровне Смирновой. Это придает запискам особую достоверность, убеждает читателя в отсутствии каких бы то ни было прикрас.

Воспоминания С.Н. Смирнова хранятся в Национальной библиотеке Сербии. Это 439 страниц машинописного текста.

Первое письмо датировано 4 (17) марта 1919 года. Вот его начало:

«Милая и дорогая моя Натуша! Сегодня, через 10 месяцев после отъезда моего из Таганрога и в день моего рождения (уже 42 года), – сегодня только могу я наконец вновь писать тебе и детям. Прежде всего, видишь, я жив и здоров, хотя за это время всё систематически складывалось так, чтобы не оставалось ни жизни, ни здоровья. И если и то, и другое сохранено, то в этом нельзя не видеть, говоря совершенно искренно, чего-то безусловно чудесного» [с. 11].

Чудо оказалось возможно только потому, что Смирнов был сербским подданным. Благодаря ему в 1918 году удалось спастись великой княгине - сербской принцессе Елене Петровне Романовой, а также представителям Сербской военной миссии. Смирнов был рядом с великой княгиней на Урале, куда она поехала вслед за сосланным мужем. Из книги Смирнова мы узнаем много интересных подробностей о жизни сербской принцессы под арестом, о тюремном быте в Перми, о бесконечных расстрелах, о деятельности ВЧК, о слухах, об ожидании норвежского консула, о посещении Датского красного креста и, наконец, о том, какими путями ему и великой княгине удалось добраться до Сербии.

В Сербии С.Н. Смирнов вошел в близкое окружение короля Александра I Карагеоргиевича. Ему было поручено заниматься внутренним убранством церкви св. Георгия – усыпальницы Карагеоргиевичей в Тополе. В этом храме воспроизведены в виде мозаик копии средневековых сербских фресок из древнейших церквей и монастырей X, XI и XII вв. Увлечшись восстановлением пострадавших памятников культуры, Смирнов глубоко изучил особенности церковной архитектуры в Сербии, Македонии и Черногории. В круг его интересов входят палеография и эпиграфика. Его перу принадлежат серьезные исследования «Сербские святые в русских летописях» и «Изображения корон сербских средневековых государей на фресках, в грамотах и миниатюрах».

В период с 1924 по 1936 гг. С.Н. Смирнов руководит строительством королевской резиденции в Белграде и оформлением внутреннего убранства дворцовой церкви св. Андрея Первозванного. Примерно в эти же годы он реализует генеральный план развития Белграда, в основу которого был положен архитектурный стиль русского академизма.

Параллельно с этим С.Н. Смирнов работал в Канцелярии русского государственного уполномоченного по делам русских беженцев. Он помогал принимать русских эмигрантов в Сербии. Последнее из опубликованных в вышеупомянутом издании писем Смирнова (или последняя многостраничная дневниковая запись?) датируется 5 мая 1919 года. Здесь С.Н. Смирнов дает характеристики некоторым сербам, с которыми его сталкивала жизнь. В частности, он упоминает выдающихся сербских языковедов Радована Кошутича и Александра Белича: «Профессора Кошутич и Белич, с которыми я имел дело в Сербии и в России, несомненно серьезные, дельные и порядочные люди» [с. 329]. О сербских государственных деятелях Смирнов отзывался тоже очень благожелательно: «Есть и государственные люди: Пашич, Веснич, здесь знают, куда ведут страну» [с. 329]. С большим сочувствием Смирнов относился к сербам, оказавшимся в России в трудное время.

А вот как он характеризует сербских воинов: «...приглядевшись к ним поближе, я вижу в них много таких сторон, которых, посещая их за мои четыре поездки на Балканы, я прежде не замечал. Они вели себя героями на войне, но также хорошо умирали и дрались до революции и наши солдаты, сражавшиеся не менее героически чуть ли не с палками» [с. 23]. Такие русско-сербские пересечения мы находим на многих страницах воспоминаний секретаря сербской принцессы Елены Петровны.

Например, когда она находилась на Урале, в Алапаевске, «раза два через забор бросили цветы» [с. 27]. «Раз кто-то прислал старую “Ниву”, кажется 1911 года, где И<оанн> К<онстантинович> и Е<лена> П<етровна> изображены в вестибюле Дворца в Белграде. Ответили неизвестным, что это действительно их снимок» [с. 27]. То есть сердобольные русские люди таким образом старались выразить сочувствие, поддержку великому князю и его сербской жене.

Русско-сербским пересечениям, взаимовлиянию культур двух народов посвящена еще одна книга, вышедшая в серии «Язык и литература» и представленная на Международной книжной выставке-ярмарке 2016 г. Это работа доцента кафедры славистики филологического факультета Белградского университета, доктора филологических наук Бобана Чурича «Из жизни русского Белграда».

В цикле очерков, написанных по материалам периодической печати, рассказывается о политической, духовной и культурной жизни русской диаспоры Белграда между двумя войнами.

Понятие «русский Белград» автор рассматривает как культурный феномен определенной эпохи и конкретного географического пространства. Для него русский Белград – это и русская эмиграция, и восприятие русской культуры, науки, литературы и искусства в культурной среде сербской столицы, и русско-сербский культурный диалог, живой, динамичный и плодотворный.

Из очерков Бобана Чурича мы узнаем о реакции белградской прессы на прибытие генерала Петра Николаевича Врангеля в Королевство сербов, хорватов и словенцев в 1922 г., о съезде русских писателей и журналистов за границей и его месте в сербской и русской культуре, о творчестве Дмитрия Сергеевича Мережковского в эмиграции, о постановке его драмы «Царевич Алексей» на сцене белградского Национального театра, о праздновании 100-летия со дня рождения Льва Николаевича Толстого в Белграде в 1928 г., о визите Константина Дмитриевича Бальмонта в Белград в 1929 г., о деятельности Русского дома, о пребывании Ивана Алексеевича Бунина в Белграде в 1937 г., о выступлении русских эмигрантов в защиту русского языка, о записках Русского научного института в Белграде, о докладах русских славистов-эмигрантов на Третьем съезде славистов.

Особое внимание в книге «Из жизни русского Белграда» уделяется вопросу о духовной близости сербского и русского народов. По мнению автора, именно поэтому уже в первые годы эмиграции в Сербии была создана новая русская церковная организация – Архиерейский синод русской зарубежной церкви. 4 января 1925 г. была освящена русская церковь Святой Троицы на Ташмайдане, которая была построена главным образом на добровольные пожертвования как русских, так и многих сербов.

Помимо этого храма в жизни русского Белграда важную роль играла и Иверская часовня, которая была построена в 1930–1931 гг. на русском участке «Нового кладбища» («Ново гробље») по образцу снесенной большевиками в 1929 г. московской Иверской часовни у Воскресенских ворот Красной площади. В фундамент белградской Иверской часовни была опущена горсточка русской земли. В этой церкви были помещены копии великих русских святынь: иконы Иверской Божией Матери с Афона, икона Успения Пресвятой Богородицы из Иерусалима и икона Спаса Нерукотворного – копия образа, находившегося в домике Петра Первого в Санкт-Петербурге.

Оба русских храма в Белграде – церковь Святой Троицы на Ташмайдане и Иверская часовня на Новом кладбище – пережили все исторические перипетии и в настоящее время играют существенную роль в духовной жизни русской общины в Сербии. Эти храмы – важные символы русско-сербского духовного диалога.

Shtudiner Mikhail

ON THE HISTORY OF RUSSIAN-SERBIAN CULTURAL AND SPIRITUAL TIES

The report analyses the publications in the series of books “Language and Literature” («Язык и книжность»), published in Russian by the Philological Department of the University of Belgrade for the Moscow Book Fair 2016, where the Republic of Serbia was the honorary guest: a memoir “In the captivity of the Regicides” by Sergei Nikolaevich Smirnov – the secretary of Serbian Princess Elena Petrovna, the wife of Grand Duke Ioann Constantinovich, which tells about the tragic fate of the members of the royal family. The series also contains philological notes by Boban Church “From the Life of Russian Belgrade”.

Keywords: literature of Russian emigration, mutual enrichment of cultures, Russian Belgrade, publication, S.N. Smirnov.

Юдова Юлия Юрьевна

Высшие курсы иностранных языков МИД РФ

yulia.yudova@yandex.ru

Юдов Максим Александрович

Музей им. А. Рублева

publizitat@yandex.ru

РУССКО-СЕРБСКИЕ КОНТАКТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В работе рассматриваются взаимоотношения русского и сербского народов начиная с конца XII в. до наших дней. В 1191 г. сын средневекового сербского правителя Стефана Немани Растко (впоследствии самый почитаемый сербский святой Савва) под влиянием русских монахов ушел в монастырь на горе Афон. Эта дата считается началом контактов представителей русского и сербского народов. В дальнейшем, особенно с эпохи правления Петра Великого, активно развиваются политические, экономические и культурные отношения между Россией и Сербией. Несмотря на сложные моменты в истории взаимоотношений СССР и Югославии, которые пришлось пережить в XX в., представители русского и сербского народа всегда питали теплые чувства друг к другу, а Сербия, хотя и стремится в настоящее время вступить в Евросоюз, не желает отказываться от традиционно добрых отношений с Россией и остается ее ближайшим партнером и союзником на Балканах.

Ключевые слова: русско-сербские отношения, Растко Неманич, Савва Рагузинский.

Датой начала русско-сербских отношений считают конец XII в., а точнее 1191 год, когда сын средневекового сербского правителя Стефана Немани Растко Неманич под влиянием одного русского монаха ушел в монастырь Святого Пантелеймона на горе Афон. Растко стал монахом и получил имя Савва. В монастыре он прятался от погони, организованной его отцом, намеревавшимся вернуть сына домой. Первыми духовными учителями Саввы были русские монахи, а первыми духовными книгами – русские церковные книги. Впоследствии Святой Савва (по-сербски Сава) стал самым почитаемым сербским святым, а его имя носит один из самых больших православных храмов в мире, находящийся

в Белграде. Стоит отметить, что Святого Савву издревле почитает и русская православная церковь. Так, иконописное изображение святого имеется в Архангельском соборе московского Кремля, на псковских иконах XVII в.

Таким образом, первое сближение представителей русского и сербского народов произошло на почве общей православной веры, алфавита (во второй половине IX в., в эпоху правления князя Мутимира, сербы приняли кириллицу), языка. Символичным можно считать тот факт, что Святой Савва нашел защиту от отца, противившегося его монашескому служению, именно у русских монахов. В дальнейшем роль русского государства (в то время московского княжества) как защитника и покровителя южных славянских народов, в том числе сербов, усилилась и была определена несколькими факторами. В результате поражения в битве на Косовом поле в 1389 г. и падения крепости Смедерево в 1459 г. сербы утратили свою государственность и попали под власть Османской империи. Как писал Й. Радониц, единственными культурными представителями сербского народа уже в конце XIV в. являлись сербские монахи. Они обратились к России за помощью. «В трудные дни турецкого гнета, когда рушились храмы, церковная утварь и богослужебные книги погибали, не было более щедрого ктитора, чем был московский царь» [2, с. 21].

Росту влияния Москвы на Балканах способствовала также женитьба московского князя Ивана III на византийской принцессе Софье Палеолог в 1472 г. Так московский князь обозначил себя защитником православия и наследником византийских императоров [2, с. 22]. «С тех пор глаза православных христиан с пространства Балкан будут веками с надеждой обращены на Восток, на Россию» [2, с. 23].

Родственные узы связывали русских князей также и с сербскими феодалами. Так, в браке князя Василия Ивановича и Елены Глинской, внучки сербского воеводы Стефана Якшича, родился будущий русский царь-самодержец Иван Грозный. То есть бабушкой Ивана Грозного была сербская княгиня. Видимо, в том числе и поэтому во время его правления сербам оказывалась значительная помощь. Происходило это преимущественно по каналам сербской православной церкви. Сербские монахи и церковнослужители привозили из России деньги, книги, иконы, церковную утварь. Важным событием для сербов стало издание в 1557 г. при русском дворе специальной грамоты о помощи для восстановления патриархии в городе Печ, которая пострадала от турок [3, с. 7].

Если примерно до конца XVII в. русско-сербские отношения можно назвать эпохой духовных связей, когда контакты развивались в первую очередь на уровне православных церквей, то с XVIII в. начинается период развития политических отношений. Это происходит во время правления российского императора Петра Великого. Во многом благодаря советам и искусной дипломатии советника и сподвижника Петра серба Саввы Владиславича Рагузинского (1668–1738) Россия стала проводить активную политику на Балканах. Деятельность Саввы Рагузинского охватывала различные сферы жизни – от политики, дипломатии, разведки до экономики и культуры, однако в контексте русско-сербских отношений стоит отметить как его важнейшую заслугу то, что он фактически привлек внимание российского императора к Балканам, заинтересовал Петра судьбой православного населения на этой территории [4, с. 6]. Будучи ближайшим доверенным лицом Петра, Савва убедил царя в необходимости сотрудничать со славянскими народами, проживающими на Балканах – сербами, черногорцами, – помочь им освободиться от османского ига. Важным шагом в этом направлении стала помощь России в организации восстания против турок в Черногории в 1711 г. Тогда в Черногорию отправились российские эмиссары, сербы по национальности М. Милорадович и И. Лукачевич. Они везли черногорскому владыке митрополиту Даниле (1670–1735) от царя Петра послание и деньги. В послании, написанном Саввой Рагузинским, содержалось предложение царя о совместном участии русских и черногорцев в борьбе против турок. «Впервые после мучительного многовекового рабства

сербы приехали в Черногорию как посланники могущественного русского царя и предложили защиту. К людям, которые веками страдали от турок, осквернявших их святыни, презираемым «друзьями» венецианцами... обратился самый могущественный православный правитель в мире. Это было судьбоносное событие» [5, с. 62].

Черногорцы очень быстро откликнулись на призыв и поднялись на восстание против турецких поработителей. И хотя восстание в Черногории в итоге потерпело поражение, однако оно имело большое моральное и психологическое значение. Черногорцы почувствовали себя близкими могущественной России, у них был общий с Россией враг, в борьбе с которым в дальнейшем они могли рассчитывать на помощь. В российском императоре они увидели своего защитника и покровителя. Османская империя и Венеция стали более серьезно и внимательно относиться к Черногории, которая теперь оказалась под защитой России и стала играть более важную роль на Адриатике [6, с. 162].

Как дальновидный политик и стратег, Савва Рагузинский понимал, что в случае победы западных стран над турками православие на Балканах окажется под угрозой. Свобода, принесенная на православные Балканы Венецией или Австрией, «стала бы очень опасной для сербского православия. Поэтому единственным освободителем сербов мог бы стать только православный царь Петр Великий, который, потеснив турок у Черного моря, не мог не продолжить их вытеснение с Балканского полуострова» [6, с. 153–154].

Помимо Саввы Рагузинского, были и другие сербы, которые обращались в то время к русскому царю с просьбой помочь в борьбе против турецких завоевателей. Так, в 1710 г. в Москву приехал капитан Б. Попович с письмом от полковника И. Текелии с просьбой «поднять крестоносную десницу» против турок. Взамен сербы обещали «потрудиться в службе православного Царя» [7, с. 29]. И это действительно происходило – в русской армии служило много сербских офицеров, прошедших обучение военному делу в России.

В рассматриваемый исторический период помощь сербской православной церкви не прекращалась. Например, в архиве Сербской академии наук и искусств в городе Сремски Карловци хранится грамота русских царей Ивана и Петра Алексеевичей от 9 октября 1685 г., которая разрешала представителям сербского монастыря Крушедол каждый седьмой год посещать Россию ради сбора милостыни [2, с. 40].

Связи на уровне церквей особенно укрепляются, когда город Карловци (ныне Сремски Карловци) в 1713 г. становится центром сербской Митрополии. Карловацкие митрополиты взяли курс на активное сотрудничество с Россией. И на это у них были серьезные причины. После австрийско-турецкой войны в 1718 г. к Австрии была присоединена северная часть Сербии вместе с Белградом. Подобно ситуации на Адриатике, где православные славяне подвергались давлению со стороны католической Венецианской республики, в северной Сербии, где у власти оказалась австрийская администрация, возникла реальная угроза «окатоличивания» населения. То есть сербы, бежавшие на север от турок во время так называемых «Переселений сербов» (Сеобе Срба) в конце XVII в., оказались на территории Хорватии, южной Венгрии, Австрии с преимущественно католическим населением. В области Срем (на севере Сербии) участились попытки австро-венгерской администрации обратить в католическую веру местных православных жителей. Сербские священники посчитали, что единственная страна, на которую можно опереться сербам, чтобы сохранить веру, идентичность и язык, это Россия [3, с. 7].

В 1717 и 1721 гг. белградско-карловацкий митрополит Моисей Петрович отправляет Петру Великому письма с просьбой прислать в Сербию учителей из России с целью просвещения местного населения. Савва Рагузинский убеждает царя удовлетворить просьбу сербского митрополита, и в 1724 г. Петр принимает решение направить в Сербию учителя латинского и славянских языков, синодального переводчика

Максима Суворова. Суворов отправился в Карловци в 1725 г., взяв с собой букварь Феофана Прокоповича «Первое учение отроком» и грамматику Мелентия Смотрицкого. По этим книгам учились сербские дети практически до языковой реформы Вука Караджича, проведенной в середине XIX в.

При участии Максима Суворова были открыты первые сербские школы – в 1726 г. «Славянская школа» в Карловци и в 1731 г. школа в Сегедине. «На требнике, принадлежавшем сербскому Никольскому монастырю Хопово, была оставлена надпись, что эту книгу русской печати принес в дар обители “многогрешный великороссианин” Максим Суворов 25 мая 1731 г. на Спасов день» [8, с. 36]. Школы Суворова оставили большой след в сербской культуре – они воспитали большое количество образованных сербов, ставших затем известными учителями и священниками [2, с. 58].

Выходцам из России принадлежит заслуга в создании не только первых сербских школ, но и первого сербского театра, а также школы живописи. Так, в 1733 г. в Сербию прибыла группа киевских учителей во главе с Э. Козачинским, который в 1734 г. на сцене «Славянской школы» в Карловци поставил свою «Трагедокомедию», что ознаменовало собой основание сербского театра. В 1743 г. была основана Придворная живописная мастерская, которую возглавляли русские художники Иов Васильевич и Василий Романович и в которой молодые люди учились писать иконы и фрески, чтобы затем расписывать храмы Карловацкой митрополии [2, с. 62].

XIX век был ознаменован началом активной борьбы славян балканского полуострова за независимость. Участвуя в нескольких русско-турецких войнах, Россия тем самым, с одной стороны, преследовала геополитические цели – распространить свое влияние на Балканах, а с другой – помогала народу братской Сербии. Так, после войны 1806–1812 гг. по условиям Бухарестского мира Турция обязалась предоставить Сербии автономию. После русско-турецкой войны 1828–1829 гг. был заключен Адрианопольский мирный договор, который подтверждал автономию Сербии и по которому турецкий султан был обязан вернуть Сербии шесть ранее (после поражения Первого сербского восстания в 1813 году) отторгнутых у нее округов и признать Милоша Обреновича правителем автономного княжества [9]. Сербия получила упрощенную систему уплаты налога турецкому султану, право на свободу вероисповедания, независимую внутреннюю администрацию на территориях, освобожденных в ходе Первого сербского восстания (то есть на территории шести упомянутых округов). Представители России были посредниками на переговорах между сербами и турками – граф А.Ф. Орлов при заключении Адрианопольского мира, П.Е. Коцебу стал членом комиссии по демаркации сербско-турецкой границы.

В 1830 г. русский царь Николай I отправил сербскому князю Милошу Обреновичу орден Святой Анны I класса, а «Нессельроде сопровождал его... заверениями в том, что русскому посланнику в Турции “поручено иметь всегда в особенном своем попечении все то, что ко благу сербского народа клонится, ибо Его Императорское Величество всемерно желает видеть Вас и управляемый Вами народ в незыблемом спокойствии”». Письмо вице-канцлера заканчивалось следующими словами: «...прошу верить моему расположению делать всегда Вам угодное и сербам полезное» [9].

Результатом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. стало заключение Сан-Стефанского мирного договора, по которому Турция признавала, в том числе, независимость Сербии. Впоследствии на Берлинском конгрессе этот договор был пересмотрен, по новому Берлинскому трактату Сербия не получала желаемые территории Боснии и Косова, однако присоединяла к себе четыре новых округа (за счет территории Болгарии) и сохраняла статус независимого государства.

В кровопролитной Первой мировой войне Россия также показала себя защитницей сербов. Сразу после объявления Австро-Венгрией ультиматума Сербии 23 июля 1914 г.

сербское правительство обратилось за помощью к России, и царь Николай II откликнулся, через неделю объявив Австро-Венгрии войну. В дальнейшем Россия оказывала Сербии политическое, финансовое и военное содействие. В 1916 г. Николай II фактически вынудил своих союзников, Францию и Англию, спасти сербскую армию и эвакуировать ее из Албании на греческий остров Корфу, предъявив ультиматум с угрозой выйти из войны и прекратить союзнические обязательства. Опосредованной помощью России Сербии можно считать отвлечение войск общего противника (Германии и ее союзников) с балканского театра военных действий на русский фронт.

Во время Первой мировой войны русские солдаты принимали участие в обороне Белграда. К столетию начала войны в 2014 г. в столице Сербии были торжественно открыты «Русский некрополь» – кладбище, на котором покоятся останки русских воинов, погибших в Сербии, – и памятник на одной из главных улиц Белграда Николаю II, память которого сербы свято чтут.

Во время Второй мировой войны одной из главных воюющих сил на территории оккупированной немцами Югославии было партизанское движение, костяк которого (более 50%) составляли сербы и которым руководили коммунисты. 27 июня 1941 г. Центральный комитет компартии Югославии принял решение создать Главный штаб партизанского движения во главе с Иосипом Брозом Тито, и уже с июля началась вооруженная борьба партизан в Сербии, Черногории, Словении, Хорватии, а позднее – и в Македонии. В декабре 1941 г. из партизанских отрядов была сформирована Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ), которая была четвертой по численности из армий антигитлеровской коалиции (после СССР, США и Великобритании) и вместе с Советской армией сыграла решающую роль в освобождении Югославии от немецких и итальянских захватчиков, а также от внутренних врагов коммунистов (четников и усташей). Советский Союз оказывал НОАЮ и моральную, и военную поддержку. 20 октября 1944 г. войсками 3-го Украинского фронта совместно с подразделениями НОАЮ была освобождена столица Сербии Белград. Всего в период Второй мировой войны на территории Югославии погибло около 20 тысяч советских солдат.

Справедливости ради стоит отметить, что НОАЮ «до 1944 года фактически в одиночку держала «второй фронт» в Европе, в разное время сковывая от 12 до 15 германских дивизий» [10], отвлекая их от военных действий на Восточном фронте и тем самым помогая СССР.

Опуская сложный период наших взаимоотношений после известной резолюции Информбюро 1948 г., которая имела трагические последствия для тысяч жителей Югославии и явно не добавила симпатий к СССР, отметим, что в целом во второй половине XX в. сотрудничество между нашими странами продолжалось как в политической, так и в экономической сфере. Развивается оно и в настоящее время.

Подводя итог, можно сказать, что русско-сербские отношения зародились в глубокой древности (в XII в.) первоначально на почве общности православной веры, славянского происхождения, языка. Эти отношения продолжались непрерывно, с большей или меньшей интенсивностью, в различных сферах жизни. Можно по-разному оценивать эти связи, но нельзя не согласиться со следующими соображениями Мирослава Йовановича: «Хотя Россия из-за своих размеров и значимости на протяжении истории имела связи и контакты практически со всеми европейскими народами, тем не менее в ее истории редкими являются отношения такие, как с сербским народом, которые русский народ и государство поддерживали и развивали начиная со Средних веков, а с конца XV века поддерживают непрерывно. И при этом речь идет о народе, который никогда не входил в состав русского государства и не граничил с ним. ... Фактом является то, что отношения развиваются более восьми веков, в них вплетены усилия 26 или 27 поколений русских и сербов» [1, с. 254].

Россия помогала и продолжает помогать Сербии. Из последних событий можно назвать поддержку Сербии в косовском вопросе, вето России в Совете безопасности ООН на резолюцию о событиях в Сребренице, поддержка при голосовании о принятии Косово в ЮНЕСКО, помощь в поддержании обороноспособности страны (имеется в виду, в частности, недавняя поставка в Сербию шести самолетов-истребителей МИГ-29, которые были продемонстрированы общественности на параде в честь годовщины освобождения Белграда 20 октября 2017 г.). Сербия, со своей стороны, провозглашая главной стратегической целью вступление страны в Евросоюз, тем не менее не желает отказываться от традиционно добрых отношений с Россией. Примером тому является, в частности, отказ присоединиться к европейским санкциям против России. С необыкновенной теплотой относится к русским и большинство простых сербов. Едва ли в какой другой европейской стране можно встретить такое к нам отношение. Думается, русско-сербскую дружбу, прошедшую испытания веками, стоит поддерживать и беречь.

Список литературы

1. Јовановић Мирослав. Срби и Руси 12–21.век (Историја односа). Београд: НБС, 2012.
2. Димић Жарко Руско-српске везе од IX средине XVIII века. Бачка Паланка: Логос, 2010.
3. Дмитриев П.А., Сафронов Г.И. Сербия и Россия (страницы истории культурных и научных взаимосвязей). СПб.: Петрополис, 1997.
4. Соколов Василиј Србин коме Русија треба да захвали за Пушкина // Сунчаник 2007/2008. № 22-23-24-25.
5. Косановић Богдан Сава Владиславић-Рагузински у свом и нашем времену. Београд-Гацко-Сремски Карловци, 2009.
6. Дучич Јован Граф Савва Владиславич. Серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I. СПб.: Скифия, 2009.
7. Јелачић Алексије Русија и Балкан. Преглед политичких и културних веза Русије и балканских земаља 866–1940. Београд, 1940.
8. Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Том 1. Београд: Архив Србије; Москва: Главное архивное управление города Москвы, 2009.
9. [Электронный ресурс] URL: http://www.sdteam.com/otchayanie_i_spasenie_vernuh_rossii_adrianopolskij_mir_n8275924.html
10. [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1573339>.

*Yudova Yuliya
Yudov Maxim*

RUSSIAN-SERBIAN RELATIONS: HISTORY AND MODERNITY

The article examines the relationship between the Russian and Serbian peoples since the late 12th century to the present day. In 1191 Stefan Nemanja Rastko (later the most revered Serbian Saint Sava) who was the son of Serbian medieval ruler left in the monastery on mount Athos under the influence of Russian monks. This date is considered the beginning of contacts between the representatives of the Serbian and Russian peoples. In the future, especially since the era of the reign of Peter the Great, is actively developing political, economic and cultural relations between Russia and Serbia. Despite difficult moments in the history of relations between the USSR and Yugoslavia, who had to endure in the 20th century, representatives of the Serbian and Russian peoples have always had warm feelings to each other. Serbia, while trying currently to join the EU, does not want to abandon the traditionally good relations with Russia and remains its closest partner and ally in the Balkans.

Keywords: Russian-Serbian relations, Rastko Nemanich, Savva Raguzinsky.

Игнатьева Наталья Валерьевна
МГУ имени М.В. Ломоносова
Nvi97@yandex.ru

РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В СЕРБИИ И ЧЕРНОГОРИИ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

На протяжении последнего столетия наблюдалось несколько этапов русских миграций на территорию нынешних Сербии и Черногории. В статье рассматриваются различие и сходство пяти различных по масштабности, длительности и причинам миграционных процессов русского населения, степень социокультурного и политического влияния русских на славянские народы Балкан, их научный и культурный потенциал, политику.

Ключевые слова: русская эмиграция, белая эмиграция, культурный перенос, миграционный процесс, русское влияние, Балканы, Советская Россия.

История освоения русскими поселенцами земель современной Сербии и Черногории насчитывает несколько временных этапов, самые масштабные из которых приходится на XX в. и обусловлены политико-экономическими причинами.

Целью данной статьи является исследовать и сопоставить пять различных периодов русских миграций в Сербию и Черногорию, их причины и степень исторического и культурного влияния на балканские славянские сообщества.

Одно из самых известных массовых вливаний русского населения в начале XX в. было связано с эмиграцией представителей определенных социальных слоев из молодой Советской России. На 1919–1921 гг. приходится период так называемой белой эмиграции. В большей мере изучена белая эмиграция (White Russian exile) во Францию, однако и «русскому периоду» в Белграде, как уникальному явлению в истории страны, посвящено немало исследований.

В начале XX в. ученые выделяют несколько волн политической миграции из России, связанных с революцией и постреволюционными переменами в государстве. В частности, только из Крыма – форпоста южного пути в Европу – в 1917–1923 гг. в Королевство сербов, хорватов и словенцев выехало около пятидесяти тысяч русских и украинцев, из них около половины проделали этот путь по Черному морю.

Морское побережье нынешней Черногории, города знаменитой Боко-Которской бухты Тиват, Будва, Герцег-Нови до сих пор хранят в себе памятники материальной культуры, а также сказания и истории тех времен, когда местное население с радушием приняло большое количество русских военных, инженеров, учителей и врачей, а также представителей высшего сословия. Старое русское кладбище в Герцег-Нови с могилами русских поселенцев, вынужденно покинувших свою родную страну, рассказывает трагическую историю их бегства нашим современникам, приезжающим в эту страну на отдых.

Социокультурный облик белой эмиграции, ее высокий профессионально-образовательный статус определил возможность мощного научно-технического прорыва бывшей Югославии в тот период и последующие годы, а также культурного расцвета, что дало возможность говорить о специфическом культурно-историческом явлении, названном «русским периодом». Прибывшие вместе с семьями, а также учителями словесности, иностранных языков, музыки русские перенесли на балканские земли европейские культурные обычаи столичного тогда Санкт-Петербурга и дворянско-купеческой Москвы: домашнее обучение детей иностранным языкам, танцам, живописи и литературе, высокий уровень образования в целом и владение двумя-четырьмя иностранными языками, привычку к регулярному чтению разнообразной художественной и научной литературы. Смело можно говорить о феномене культурного переноса из

России в страны Балканского полуострова и дальше через них на северо-запад и запад в материковую Европу в 1918–1923 гг. Как известно, культурный перенос происходит обычно при перемещении больших масс людей из одного географического места в другое; в данном случае мы можем к тому же констатировать перемещение именно привилегированных сословий и военных с высоким культурным и образовательным потенциалом, во многом – русской элиты тех лет. Отметим здесь также, что 50% русской белой эмиграции на Балканы пришлось на Сербию.

Относительно научно-технического подъема, случившегося на территории Королевства сербов, хорватов и словенцев и даже в будущей Югославии и «спровоцированного» русскими, говорят многочисленные факты истории. Особенно много их описано в местах расположения «русских колоний», то есть анклавов с большой плотностью проживания русского населения определенных сословий. В данной статье автор намерен остановиться на ряде фактов научно-технического и культурного влияния русских в городе Нови-Сад, известных по сохранившимся документам того периода. Нови-Сад, расположенный на севере Сербии в паре часов езды от Белграда, является административным центром Воеводины, долгое время находившейся под господством Австро-Венгерской империи; в частности и по этой причине город сохранил свою непохожесть на другие сербские города. Выдающаяся архитектура и в целом европейский облик города на долгие годы предопределили любовь к нему русских, что в свою очередь повлияло на поддержание имиджа города Нови-Сад как культурной столицы Сербии. В Черногории равный статус удерживает бывшая древняя столица Цетинье.

Во времена белой эмиграции 1920–30-х гг. русская колония в Нови-Саде была самой многочисленной. Известный исследователь русской эмиграции на Балканах А. Арсеньев пишет: «Она внесла новую культурную ноту, обогатившую западнический дух этого города» [1, с. 5]; «как на новом прозрачном острове Санкт-Петербурга, здесь оказались графы Толстые, Воронцовы, Уваровы, князья Волконские, Гагарины, Голицыны, Трубецкие, известные дворянские роды – Таракановы, Третьяковы, Хитрово, Раевские, Сперанские, Гончаровы, Державины, Игнатъевы, Куракины» [2, с. 25]. Всего в тот период в городе проживало около двух тысяч выходцев из России, из них тридцать генералов и сто двадцать полковников бывшей царской армии. Вторым председателем русской новосадской колонии был генерал-майор Д.Н. Чернояров, воспитатель королевича сербского Александра Карагеоргиевича.

В 1920-х гг. в этом городе русскими был организован и долго функционировал Новосадский авиационный центр, а профессор Дмитрий Федорович Конев построил Бактериологический институт Пастера.

Процветали в Нови-Саде и русские издания, работали Издательский центр русской Европы, Новосадское отделение «Русской Матицы», в 1925 г. были открыты курсы обучения русскому языку. Частные уроки игры на фортепиано давали княгини Волконская и Долгорукая.

Эти и многие другие свидетельства мощного влияния русских того периода (в частности, не описанные в данной статье документальные факты русской жизни в Белграде) на все аспекты жизни будущей Югославии во многом предопределили будущее развитие.

Отдельно необходимо сказать о существенном присутствии на Балканах в 1920–30-х гг. русских военных и сохранении русского казачества. Масштабы белой эмиграции на Балканы и через Балканы дальше в Европу были таковы, что на сербских и хорватских землях можно было увидеть целиком выехавшие туда русские учебные заведения. Например, из Новочеркасска эмигрировали Донской корпус императора Александра III и Мариинский Донской девичий институт. Казаки создавали свои казачьи станицы и хутора. Известны были станицы донских и кубанских казаков, терских казаков. Большинство русских казачьих

станций было расположено в сербской Воеводине. А. Арсеньев пишет: «Среди казаков, проживающих в станицах, были развиты солидарность, патриотизм, лояльность к приютившему их государству и дружеские чувства к местному населению». В деревнях много казаков оказались на службе Сербской церкви, казаки были учителями начальных школ, обучали верховой езде, охотно занимались ремеслами.

О расцвете политической и социальной активности в кругах белой эмиграции говорят и факты существования собственных печатных изданий: «Кубанский зарубежный вестник» в 1923 г. в Белграде, Бюллетень кубанской канцелярии «Вольна Кубань» в 1925 г., «Терский казак на чужбине» в 1926 г. и других.

Обобщая данные о русской жизни на Балканах в период белой эмиграции, можно отметить длительное сохранение русской идентичности и крайне медленную ассимиляцию русского населения. Ассимиляция больше касалась казачества и представителей более низкого сословия: казаки женились на русинках, словачках, немках и венгерках. Напротив, изучая культурные традиции русских князей, графских семей, генералов и представителей царской семьи, можно говорить о их сильном культурном и политическом влиянии на местные сербские элиты того времени. Вершиной этого влияния были 30-е гг. прошлого столетия.

В начале Великой Отечественной войны представители русской белой эмиграции разделились на два лагеря, один из которых призывал защищать историческую родину от немецкого фашизма, другой – продолжать бороться с русским коммунизмом любой ценой, в том числе на стороне фашистской Германии. К тому времени русское сообщество на Балканах было уже не столь многочисленно, большая часть русских, рассматривавших Сербию и соседние страны как временный перевалочный пункт, переехала в страны Западной Европы, подпитав на долгие годы волну первой русской эмиграции, например, во Франции. В 1929 г. значительная часть казачества переехала в Латинскую Америку. Военное и послевоенное значение белой русской эмиграции сильно уменьшилось в связи с другими, более мощными влияниями – сперва фашистской Германии, потом победившего Советского Союза.

В 1950–60-х гг. исследователи отметили так называемую «брачную миграцию» русских в Югославию, не имевшую, однако, столь масштабного характера, как белая эмиграция 1920-х гг., и не оказавшую существенного культурного и исторического влияния.

Следующее участие русских в судьбе Югославии приходится на переломные и трагические годы войны на Балканах уже в 90-х гг. XX в. Переломными эти годы были и для России, еще не окрепшей после развала Советского Союза и не принимавшей на уровне государства участия в этой войне с превосходящими силами Америки и Великобритании. Однако в военных действиях участвовали русские добровольцы, оставившие потом свои воспоминания. События тех лет до сих пор изучаются и не имеют однозначного толкования, однако американские историки-балканисты, с одной стороны, и русские и сербские ученые с другой часто придерживаются противоположных точек зрения в описании одних и тех же событий. Американский журналист и историк, политолог Роберт Каплан в своей книге «Балканские призраки» описывает сербскую нацию как «нацию террористов». Борислав Милошевич, сербский политик, много сделавший для укрепления русско-сербских отношений, в своей последней предсмертной книге «Балканский излом» пишет о неразрывной связи России и Сербии, их духовной близости и необходимости ее сохранения. Несмотря на многочисленные научные и публицистические работы, художественную и документальную фильмографию, этот период новейшей истории до сих пор осмысливается и учеными, и политиками.

Новейший этап русского освоения славянских Балкан пришелся на этап экономического расцвета России начала XXI столетия, интереса состоятельных россиян и среднего класса к курортной недвижимости на черногорской Адриатике, а в связи с этим и

подъема экономики Черногории на русском туризме и русском бизнесе. И если в начале XX в. основной поток русских устремился в Сербию, в глубь материка, то спустя столетие интересы русских распространились по узкой прибрежной полосе от Бока-Которской бухты до южного Ульциня на границе с Албанией. Не меньший интерес русских вызывало и хорватское побережье. Как и в прежние времена, русские несли свою культуру, не спеша смешиваться с местным населением, однако эта миграция носила в большей степени сезонный, чем постоянный характер. С конца XX в. на хорватском и черногорском побережьях стали открываться русские кафе и рестораны, гостиничные комплексы, туристические агентства, сувенирные магазины и прочие объекты курортно-туристической инфраструктуры. Появился термин «Русская Черногория».

Последний на настоящий момент период миграции русских и украинцев в Черногорию связан с экономическим кризисом и войной на Украине. Он имеет разнонаправленный характер: с одной стороны, в связи с падением национальных валют по отношению к евро после 2014 г. наблюдался процесс массового сворачивания мелкого русского бизнеса и продажи недвижимости, что на некоторое время подкосило туризм и рынок недвижимости Черногории, русские уезжали обратно в Россию; с другой – некоторый поток русских и украинцев после 2013–2014 гг. наблюдался из России и Украины в Сербию, страну, не перешедшую на евро и традиционно близкую русским людям по культуре и вере, а также языковому признаку. По материалам русских блогов и анализу интернет-сообществ уехавших видно, что преимущественным местом заселения русских и украинцев спустя сто лет опять стал город Нови-Сад.

В качестве выводов можно привести следующие положения.

1. Самым масштабным, длительным и сильным по степени своего влияния был период белой эмиграции русских в Королевство сербов, хорватов и словенцев.

2. Русская диаспора практически всегда стремилась сохранять свою культурную идентичность и слабо поддавалась ассимиляции с местным населением.

3. Наименьшей культурной ассимиляции в периоды массовых переселений начала XX в. и начала XXI в. подвергались наиболее состоятельные и высокообразованные слои русских переселенцев.

4. В 20–30-е гг. прошлого столетия наблюдался перенос русской культуры в балканские славянские сообщества.

5. В 1920–30-е гг. основной страной русской миграции на Балканы по политико-экономическим причинам была Сербия.

6. В 2000-х гг. основной страной сезонных курортных миграций русских стала Черногория.

7. С 2014 г. наблюдается отток русского населения из Черногории по экономическим причинам – в связи с девальвацией национальной валюты РФ по отношению к евро (валюте Черногории); в связи с этим происходит уменьшение исторического и культурного влияния русских на этот регион.

8. Русские и украинские диаспоры для своего переселения в Сербию традиционно используют одни и те же географические пункты, в частности город Нови-Сад.

9. Факторами привлекательности миграции русского населения в Сербию и Черногорию на протяжении последних ста лет неизменно являются: близость русского языка к южнославянской группе языков, славянская культура, единая религия – православие, дружелюбие и лояльность местного населения, мягкий климат, географическое расположение вблизи других европейских государств, рекреационно-курортный фактор близости теплого Адриатического моря и наличие многочисленных природно-культурных памятников.

Список литературы

1. Арсеньев А.Б. Жизнь русских эмигрантов в Сербии. Новый журнал. Москва, 2010.
2. Арсеньев А.Б. У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саде. Русский путь. Москва, 1999.
3. Гуськова Е. Судьба свела меня с Балканами... // Наш современник. № 9. Москва, 2017. С. 7–14.
4. Каплан Р. Балканские призраки. Пронзительное путешествие сквозь историю. М.: Колибри, 2016.
5. Каплан Р. Месть географии. М.: Колибри, 2016.
6. Карацуба И., Курукин И., Соколов Н. Выбирая свою историю. Развилки на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: АСТ, 2015.
7. Милошевич Б.С. Балканский излом: избранные статьи, интервью, выступления, лекции 1999–2012 гг. М.: Магистр, 2012.
8. Маевский В.А. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк: Издание Исторического кружка, 1966.
9. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Кнорус, 2017.
10. Хлебникова В.Б. Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. // М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 47–54.
11. Фергюсон Н. Чем Запад отличается от остального мира. М.: АСТ, 2017.
12. Geertz C. The interpretation of cultures. N.Y., 1993.
13. Guirdham M. Communicating across cultures. West Lafayette, 1999.

Фильмография

1. Югославская трагедия. Реж. Л. Млечин. Россия, 2006.
2. Истина. Россия, 2001.
3. Распятое Косово. Бесконечный погром. Сербия, 2007.

Ignatyeva Nataliya

CULTURAL AND HISTORICAL ASPECTS OF RUSSIAN EFFECT IN SERBIA AND MONTENEGRO

We had some kinds of Russian effects in Serbia and Montenegro during last 100 years. This article talks about 5 different migratory processes and their influences on the Balkans.

Keywords: Russian emigration, Russian white exile, a cultural shift, migratory process, Russian effect, Balkans, Soviet Russia.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Крючкова Людмила Сергеевна

Московский государственный областной университет

lkryuchkova@bk.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ

В статье анализируются проблемы коммуникативных неудач, возникающих в учебной межкультурной коммуникации вследствие различных причин, проявляющихся при аудировании или чтении как полное или частичное непонимание воспринимаемой информации и нарушающих познавательную деятельность иностранных учащихся.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межкультурные знания, умения, вербальные и невербальные средства общения, уровень владения языком, адекватность коммуникации, понимание, непонимание.

В условиях обучения русскому языку как иностранному, когда решаются задачи формирования межкультурных знаний, умений, коммуникативной, социолингвистической и других компетенций, межкультурная коммуникация предполагает способность иностранного учащегося применять вербальные и невербальные средства для реализации общения. Поэтому межкультурная коммуникация, о которой мы будем говорить, носит учебный характер и, начиная с элементарного и далее уровней владения языком, происходит в учебной, социально-бытовой, социально-культурной, научной и профессиональной сферах на изучаемом русском языке, где каждый участник межкультурного взаимодействия располагает своей собственной системой правил, вербальных и невербальных кодов, обусловленных не только языком, но и культурой.

Процесс коммуникации состоит из передачи, получения или обмена информацией, поэтому количество коммуникантов может быть различным, например: преподаватель – группа учащихся; преподаватель – учащийся; учащийся – учащийся; учащийся – группа учащихся и др. Для адекватности коммуникации необходимо наличие общего объема лингвистических знаний, регламентирующих уровень владения русским языком, способностей к восприятию получаемой или воспроизведению передаваемой информации в устной или письменной формах, общности социально-культурных ценностей.

Главным в общении является стремление участников коммуникации понимать друг друга, однако это происходит не всегда и обусловлено особенностями мышления, восприятия окружающего мира, национального характера, поведенческого кода, обычаев, социальных ролей коммуникантов-носителей разных языков, культур и т. п. Понимание – это познавательная деятельность, которая состоит в восприятии и декодировании семантики языковых единиц и текста в целом, в его интерпретации, которая представляет собой толкование и разъяснение смысла чего-либо неясного или сложного для понимания.

Понимание на уровне межкультурной коммуникации возникает не сразу, не всегда и не везде. Оно имеет место при использовании на одном уровне общего владения языком и на общем уровне межкультурной компетентности. Риск непонимания существует, хотя его вероятность и степень проявления снижаются из-за принадлежности участников коммуникации к одному языку и культуре и увеличиваются при наличии разных языков и

культур. В условиях учебного межкультурного общения вероятность непонимания всегда присутствует, так как представители различных культур могут по-разному интерпретировать передаваемую и воспринимаемую информацию, что вызывает у иностранца негативные эмоции, тревогу, неуверенность, стресс, культурный шок как эмоциональный или физический дискомфорт, обусловленный попаданием в иную культурную среду, столкновением с другой культурой и языком. Адаптация к новому окружению может быть длительной, волнующей, стрессовой, болезненной, она может обмануть ожидания, быть забавной или просто сбить с толку, и не потому, что культура одной страны хуже другой, а потому что в конфликт вступают реальность и несформированные, иногда ложные представления о новом языке и новой культуре.

Причинами возникающих коммуникативных неудач являются:

- несформированность навыков аудирования, чтения;
- типологические расхождения языков;
- неосвоенность фонетической, лексической, грамматической системы изучаемого языка;
- неосвоенность форм речевого, поведенческого этикета, невербальных средств общения;
- отсутствие фоновых знаний социального или культурологического характера;
- индивидуально-психологические особенности учащихся-коммуникантов.

Под коммуникативной неудачей мы понимаем такую ситуацию, когда говорящий или слушающий не достигает намеченной коммуникативной цели и происходит «полное или частичное непонимание высказывания партнера по коммуникации, т. е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [3, с. 564].

Коммуникативные неудачи в учебной межкультурной коммуникации чаще всего возникают на уровне восприятия устной речи или читаемого текста, отражая некие коммуникативные сбои в общении, приводящие к трудностям понимания, недопониманию, непониманию, к проявлениям культурного шока. В учебном процессе вопросы понимания / непонимания зависят от организации учебного процесса [2, с. 132–133]. Аудирование и чтение как рецептивные виды речевой деятельности представляют значительные трудности и наиболее проблемны для восприятия и понимания.

При аудировании визуалы (а их в мире до 80%) и аудиалы по-разному воспринимают устную информацию. Европейцы чаще всего довольно скоро начинают воспринимать русскую речь на слух. Ухо представителей арабского мира приспособлено для восприятия речи на слух; одним из факторов, способствующих этому, является то, что слушание с малых лет текстов Корана⁴⁴ и запоминание их способствует развитию навыков аудирования. Китайцы, японцы, вьетнамцы и другие представители Востока, как правило, визуалы и интроверты, поэтому плохо воспринимают русскую устную речь, не понимают преподавателя, сидят тихо, не задают вопросов. Преподаватель тратит много учебного времени на объяснение учебного материала, толкование новых слов и других лингвистических явлений, но при этом не только учащиеся, но и преподаватель терпит коммуникативные неудачи. Лишь в некоторых случаях учащиеся-экстраверты из Юго-Восточной Азии при личном общении с преподавателем могут попросить: «Повторите, пожалуйста!»

При чтении у иностранных студентов также возникают коммуникативные неудачи в виде непонимания различных элементов читаемого текста: не изученной ранее лексики, лексики с национально-культурным компонентом (безэквивалентной,

⁴⁴ Слово «Коран» в переводе с арабского означает «чтение вслух», «назидание».

неполноэквивалентной), исторических и культурологических реалий, затекстной или подтекстной информации и др.

Важнейшим фактором обучения иностранцев русскому языку является речевая деятельность преподавателя РКИ. Она рассчитана на восприятие и понимание ее иностранными учащимися, поэтому преподаватель РКИ должен научиться говорить и писать в тех обстоятельствах профессиональной деятельности, в которые он поставлен целями, задачами, условиями обучения, конкретным контингентом учащихся и уровнем их владения изучаемым языком. На уровнях владения русским языком А1 и А2 речь преподавателя должна быть четкой, среднего темпа, без синонимов, строго запрограммированной на выполнение определенных заданий.

Так, при формулировании заданий, которые выполняются на занятиях, даются краткие формулировки (к этому учащийся должен привыкнуть) с использованием глаголов несовершенного вида в императиве:

– с семантикой непосредственного приступа к действию, с подчеркиванием его процесса: *слушайте, читайте, говорите, пишите;*

– с семантикой совместного процессуального действия: *слушаем, читаем, говорим, пишем; рисуем таблицу, дополняем таблицу новыми словами; учим новые слова, находим слова в словаре; задаем вопросы, отвечаем на вопросы, рассказываем.*

При формулировании заданий на перспективу или домашнего задания используется императив глаголов совершенного вида:

– с семантикой актуализации результата действия: *откройте книгу, прочитайте текст, прослушайте, скажите, запишите, запомните;*

– с подчеркиванием обязательности выполнения действия, доведения до конца: *дома прочитайте, напишите, прослушайте, выучите, проверьте.*

В противном случае иностранный учащийся с несформированной системой аудирования не сможет понимать речь преподавателя, так как полностью или частично не воспримет сказанную им фразу. Иностранцы с несформированной грамматической системой (при типологических различиях языков) довольно часто сталкиваются с проблемами непонимания. Например, преподаватель задает англичанам вопрос: «Во сколько вы пойдете в музей?» И все дружно поднимают руки, поняв вопрос так: «Сколько вас пойдет в музей?» При повторном вопросе: «Когда вы идете в музей?» – звучит ответ: «В три часа».

Текст, на основе которого проводится занятие, должен быть методически подготовлен к его восприятию на языковом и лингвострановедческом уровнях: в заданиях различного типа необходимо снимать языковые и культурологические трудности. Понимание текста может быть достигнуто в том случае, когда учащийся не только овладеет языковыми знаниями, навыками и умениями, но и познает культуру народа, язык которого он изучает, т. е. русскую культуру.

Чтобы понять содержание, замысел автора, поведение персонажей художественного произведения, надо не только знать лексику и грамматику, но и владеть фоновыми знаниями, о которых писали Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров. В это понятие входят энциклопедические знания о мире, о стране, жизненный или приобретенный в ходе когнитивной деятельности опыт, необходимый для успешной межкультурной коммуникации [1, с. 57]. Фоновые знания содержатся не только в слове, они растворены в ткани всего текста, который предстоит прочитать и понять иностранному учащемуся. Зрительно воспринимая печатный текст, иностранный учащийся не всегда может правильно интерпретировать его содержание, а в отдельных случаях и вовсе не сумеет его понять.

Для понимания иноязычного текста важно знать, как звучит и пишется каждое слово, каково его лексическое значение и лексический фон, куда входят тематическая и синтагматическая сочетаемость, т. е. семантические и грамматические связи слова на уровне тематической, деривационной, морфологической парадигматики и функциональной синтагматики. Для понимания текста важны время написания и время действия, описанного в произведении, фоновые знания, ассоциативные связи, семантика и употребление невербальных средств общения, форм речевого этикета и др.

Небольшой рассказ в рассказе «Толстый и тонкий», написанный А.П. Чеховым в 1883 г., труден для понимания его иностранными учащимися. Понимание затруднено наличием:

- социально-исторических реалий, таких как *Николаевский вокзал, статский и тайный советник, две звезды* (которые имеет Толстый);
- устаревшей лексики: *облобызаться, лобызание, ошеломить, благоговение, вельможа, чиновничество* и т. д.;
- форм обращения: *Голубчик мой! Милый мой! Батюшки! Ах ты, господи! Ваше превосходительство!*
- фразеологизированных конструкций: *Сколько лет, сколько зим! Друг детства;*
- лексических единиц, выражающих образное изменение состояния и поведения Тонкого, который: *побледнел, окаменел, съезжился, сгорбился, сузился* и др.;
- невербального поведения: *Толстый подал на прощанье руку. Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал...*

Разработка методического аппарата толкования и комментирования приведенных языковых единиц, включенная в систему предтекстовых и послетекстовых заданий, поможет снятию трудностей восприятия и понимания текста, формированию лингвострановедческих знаний, приобщению к русской культуре. Формирование фоновых знаний является одной из составляющих основ понимания языковых единиц и текста.

Вступая в коммуникацию с представителями «чужого» языка и культуры, иностранные учащиеся не всегда владеют стратегией коммуникативного развертывания многих ситуаций на когнитивном уровне, что очень ограничивает их речевую деятельность. Цель обучения – ликвидация «коммуникативного пробела», который с каждым уроком должен заполняться все больше, включать в себя новые факторы, способствующие формированию понимания.

Чтобы межкультурная коммуникация состоялась и возникло взаимное понимание, необходимо учитывать языковые, социальные, национальные и другие факторы. Преодоление коммуникативных неудач в процессе учебного общения способствует вхождению иностранного учащегося в учебный процесс и в новое культурно-языковое пространство, повышает его компетентность, развивает способность правильно выбирать коммуникативные средства в зависимости от целей и ситуации общения.

Список литературы

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Русский язык. М., 1983.
2. Крючкова Л.С. Проблемы понимания / непонимания в процессе учебной межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному. М.: МГОУ, 2016. С. 129–138.
3. Эффективная коммуникация: история, теория, практика. Словарь-справочник. М.: ООО Агентство КРПА Олимп, 2005.

Kryuchkova Ludmila

COMMUNICATION FAILURES IN INTERCULTURAL COMMUNICATION IN TRAINING RAF

The article analyses problems of communicative failures arising in the study of intercultural communication due to various reasons in the form of listening comprehension or reading as full or partial misunderstanding of perceived information and violate cognitive activities for foreign students.

Keywords: intercultural communication, intercultural knowledge, abilities, verbal and non-verbal means of communication, the level of language proficiency, adequacy of communication, understanding, misunderstanding.

*Сироткина Татьяна Александровна**Сургутский государственный педагогический университет**sirotkina71@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛОКАЛЬНОГО ТЕКСТА

Понятие «этническая идентичность» является одним из базовых для современной этнографии и понимается как человеческая потребность отождествлять себя со всей этнической общностью или ее внутренними подразделениями – этнографическими группами как первого порядка, возникшими в результате территориальной аннексии, так и второго, сформировавшимися главным образом из мигрантов. Актуальным представляется и взгляд на этническую идентичность через призму языка. Одной из существенных для языкового сознания категорий, на наш взгляд, является категория этничности. Под этим термином мы понимаем универсальную познавательную категорию, посредством которой человек определяет принадлежность себя и других к тому или иному этносу. Для этого он использует стандартный набор классификаторов, к которым относятся: язык, особенности внешности, характера и поведения, определенные черты материальной и духовной культуры представителей этноса. Языковой составляющей данной категории являются названия народов (этнонимы), образующие этнонимию данного языка. В настоящем докладе проблемы этнической идентичности рассмотрены через призму функционирования этнонимов в речи носителей пермских говоров.

Ключевые слова: этническая идентичность, локальный текст, категория этничности, этнонимы.

Как известно, модель мира в любом языке строится на системе бинарных оппозиций, которые связаны, в том числе, с социальными категориями – мужской / женский, старший / младший, свой / чужой. Отражением одной из этих оппозиций – свой / чужой – является, на наш взгляд, категория этничности.

Под этим термином мы понимаем универсальную познавательную категорию, посредством которой человек определяет принадлежность себя и других к тому или иному этносу. Для этого он использует стандартный набор классификаторов, к которым относятся: язык, особенности внешности, характера и поведения, определенные черты материальной и духовной культуры представителей этноса.

С понятием «этничность» тесно связано понятие «этническая идентичность». Идентичность понимается как «человеческая потребность отождествлять себя со всей этнической общностью или ее внутренними подразделениями – этнографическими группами как первого порядка, возникшими в результате территориальной аннексии, так и второго, сформировавшимися главным образом из мигрантов» [11, с. 214].

Современные исследования свидетельствуют о том, что диффузная идентификация с этнической группой может наблюдаться у детей в 3–4 года. «Наблюдения родителей детей-билингвов и мои собственные наблюдения, – пишет В.В. Красных, – говорят о том, что дети уже в 5–6 лет различают “своих” и “чужих”. Далее, Ж. Пиаже полагал, что в 8–9 лет ребенок четко идентифицирует себя со своей этнической группой, в нем просыпаются национальные чувства, а в 10 – 11 лет этническая идентичность формируется в полном объеме» [6, с. 43].

Рассмотрим, каким образом вербализуется названная категория и проявляется этническая идентичность в диалектной речи русских жителей Пермского края.

Функционирование этнонимов в диалектной речи связано с языковой компетенцией личности. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, компетенция в области идентифицирующих имен создается знанием их референции [1]. По нашим наблюдениям, референция этнического имени может быть:

1) известна говорящему: «Личность такая *мариец*. Глаза узкие. С женой был»; «*Манси* раньше наезжали. Унты продавали, туфли теплые»;

2) неизвестна говорящему, в этом случае он:

а) признает свою некомпетентность: «Не видела хантов, мансей»;

б) пытается произвести категоризацию самостоятельно, при этом обычно происходит генерализация этнонимического значения: «*Вогула* живут в юртах, а *зыряна*-то тоже *вогула*»; «*Вотяки* они тоже наверно *зыряна*, наверно, *вотьяк* и те, и другие»; «Сё равно хоть уж он *зырян*, а *мась*-то сё рано у их *вогульская*»; «У них [вогулов] нации нету, только они сами подразделяются на *вогул* и *зырянов*».

Вместе с тем в любом из указанных случаев отмечается «чуждость», «заграничность» культуры соседей: «*Татара* наверно съели его с кобылой вместе. Он по лошадь ушел».

Представитель своего этноса может описываться через особенности другой культуры, другого склада характера: «Да вот у нас тут в суседях есть парень. Такой чернуший, как *китаец*»; «Проспишь до утра. А утром *глаза как у китайца* станут. Распухнет лицо от комаров».

Часто подобное обозначение становится устойчивым либо для отдельного человека, либо для целого коллектива. Представители какой-либо деревни могут иметь отэтнонимное прозвище, в основе которого лежат внешние особенности или особенности поведения, речи: «*Сыпучане – монгольцы*»; «*Монголы – в Сыпучах*».

Исследователи выявили такое языковое явление, как «ксенономинация», т. е. номинация через чужое. Показательны, на наш взгляд, в этом плане фразеологизмы с этническим компонентом.

Очень продуктивен в пермской фразеологии этноним *татары*: *татара (молотят) в голове* – головокружение, головная боль, тяжесть: «Сёдни я ничё не скажу, у меня *татара молотят в голове*»; *татарам на хмель* – ни на что не годен: «Баушка, праздник нынче, дай выпить маленько, потом помогу тебе чем-нибудь. – Да кому ты нужен! Тебя только татарам на хмель»; *татарин родился* – о моменте мгновенной тишины: «Татарин что ли родился? Почему тогда замолчали? Разговаривайте».

Наряду с этнонимами в состав фразеологизмов входят отэтнонимные прилагательные: *коромысло татарское* – высокий сутулый человек: «Спать ложуся, дак только и разгибаюсь, а днем как *коромысло татарское* – не согнуться, не разогнуться».

Это же прилагательное становится основой для образования орнитонима: *татарская ворона* – одна из разновидностей семейства вороньих: «У нас новая птица появилась – татарская ворона. Похожа на галку, хохолок большущой, под крыльями бело; на сороку находит, а поет – как маленький ребенок».

Существует в говорах и фитоним с данным прилагательным: *татарские мыльца* – травянистое лекарственное растение: «Эта трава от тоски помогает. Вот ведь если не

татарские мыльца, то уж не знаю, чё бы со мной было – ведь сколько я тосковала»; «От тоски пили татарские мыльца, у воды растут, цветки красные, а листики-те узкие, длинные».

Как мы видим, этнонимные образования, в том числе фразеологизмы, образуются от названий тех этносов, которые актуальны для русских, проживающих с ними в тесном контакте. Если для русских Прикамья это *татары*, то, например, для жителей Волгоградской области – такая субэтническая группа русского народа, как *казаки*: «Вид казака, а ум дурака», «Казак без лошади, что рыбак без лодки», «Казак работает на быка, а бык на казака», «Казаку конь себя дороже», «Конь без казака, что лодка без рыбака» [9, с. 14–15].

Этноним *лопъ* не представлен в Прикамье так ярко, как на русском Севере. Однако и у нас упоминание об этом северном народе содержит фразеологизм *Шиша да Лопъ* – случайные, незначительные люди; сброд, пустословы: «У нас пекаря Шиша да Лопъ, плохо пекут, пьяницы, неохота робить-то».

Показательны в плане сопоставления «своих» и «чужих» устойчивые сравнения. В сравнительных конструкциях, по наблюдениям лингвистов, «фиксируется социальный и культурный опыт языковой личности, находящий отражение в общей картине мира» [4, с. 665].

В пермских говорах функционируют сравнения *как вогулы, как чучмеки, как чучкари* (чучмеками или чучкарями в Прикамье назывался древний народ – *чудь*): «Живем, как вогулы, ругамся, грешим, переговаривам, вот дождя и нет»; «Раньше чё, книжек не читали, радиво не слышали, как чучмеки жили»; «Дикие, как чучкари жили, не смели ничего, кроме отца сделать, ничего не знали, не учились дак».

Представители определенного этноса всех других считают «не такими». Например, слово *нерусский* у представителей русской культуры имеет значение «ничего не умеющий, бестолковый»: «У нас на работе палец отпилили пилой, стали разбирать-то, уш нерусский – так нерусский: так и есть, раззява».

Синонимичным слову *нерусский* в данном значении являются этнонимы *татарин, вотяк, вогул*: «Зачем собаку-то он бил? Вот татарин он де-ка» (д. Жуланова Соликамского района); «Ето которой по-русски говорить хорошо не умеет, вот и вотяк»; «У нас, который оденется плохо, ругают: вогул ты».

Точно так же у татар или коми-пермяков этноним *русский* может иметь отрицательную коннотацию: «Татары своенравных и причудливых людей зовут русскими» [Мельников, с. 151]; «Пермяки... очень нечистоплотны. Если попадетя обиходная женщина в семью, то “большаки” бывают ею недовольны и ругают ее “обиходкой”, “русской”» [5, с. 19].

Поскольку под этничностью понимают присущие данному сообществу язык, особенности духовной культуры и т. д., то очевидно, что образующий категорию этничности концепт «этнос» состоит из областей «язык», «материальная культура», «духовная культура», «внешность» и некоторых других.

Область «язык» – одна из особо важных. Отличие по языку – одно из основных отличий одной нации от другой, что хорошо репрезентируется в текстах живой речи: «Зырянский у них язык свой. На заводах работали. Санки у них свои были. С русскими по-русски, меж собой по-зырянски говорили»; «Мама! Как вогулы-то говорят? По-русски, по-татарски?»; «Есть татаре, у их зовут “абдул непутный ревет”»; «Да ты никакой язык не понимаешь. Ни белорусской, ни татарской»; «От ихнова слова от мордвинского»; «Своя нация – цыганы. Говорят по-своему между собой, не поймёшь».

По наблюдениям Ю.А. Сорокина, противопоставление своей и чужой культур может осмысляться как оппозиция признаков свое – «естественное», чужое – «неестественное». «Неестественным может считаться, что существуют люди, не понимающие или не говорящие на родном реципиенту языке» [10, с. 5].

В народной культуре существует особое восприятие соотношения языка и этнонима: «Если украинец приедет и свой разговор – то хохол, а если разговор русский – то украинец».

Подвижность и условность этнического самосознания русских в условиях коми-пермяцкого окружения связана прежде всего с наличием билингвизма: «Наша деревня была в русском языке, мы по коми не разговаривали»; «У меня паспорт русский, я русская считаюсь. И сама русской считаю себя, а по-пермяцки знаю все, родители были пермяки».

Именно по языковым особенностям жители соседних деревень могут получить отэтнонимные прозвища. «Диалектолог довольно часто сталкивается с тем, что на относительно небольшой территории сосуществует несколько лингвистических (или этнолингвистических) общностей, представители которых, руководствуясь базовым противопоставлением “свое – чужое”, дают иногда довольно экзотические названия своим соседям» [8].

А.И. Рыко называет такие прозвища квазиэтнонимами и отмечает в окрестностях д. Горватка Жарковского района Тверской области следующие из них: *поляки, мордва, шведы*.

Область «материальная культура» также важна при различении «своего» и «чужого»: «Платок-от у тебя каки-то татарской. Раньше оне фсё такие любили»; «Вот ляпа. Обляпалась вся. Штаны как у татарки выпушшэны наверх. Вот чудо морское».

Как отмечает Ю.А. Сорокин, «понятие “чужой” может связываться с носителями определенной культуры, контакты с которой либо наиболее интенсивны, либо особо значимы для культуры реципиента» [8, с. 4]. Как мы видим из вышеприведенных примеров, для русских Прикамья наиболее актуальными оказываются представления о соседнем татарском населении.

Область «духовная культура», имея не такую значительную репрезентированность в текстах, все же важна для носителей определенной культуры: «В Вёлсе две церкви было. Одна для русских, друга для татар».

Но первое отличие, по которому можно узнать представителя этноса, – какие-либо внешние признаки. «Оценка внешности – сложное представление о человеке. Это представление основывается на эмоциональных и эстетических нормах, нашедших отражение в культуре того или иного народа» [2, с. 226]. Национальный образ внешности – это «совокупность исторически сложившихся эстетических представлений в рамках данной национальной культуры и привлекательном облике человека» [3, с. 77]. Поэтому область «внешность» также является одной из важных областей концепта «этнос»: «У них своя нация – сами черные, под вид цыганов. Раньше назывались казаки. И они гордились, что так назывались»; «Вогулы – народ, особая нация, степные люди, косы носят, глазки у них узенькие, похожи на первобытных людей, бог у них тоже свой. Они сюда приезжали» (в данном контексте репрезентируется, наряду с областью «внешность», область «духовная культура»).

Таким образом, через призму этнонимии можно увидеть, как в традиционной культуре русских проявляется оппозиция «свой/чужой», являющаяся одной из основных в языковой картине мира.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Биктимирова А.Р. Национальный образ внешности (на примере татарских народных песен) // Международные Бодуэновские чтения: труды и материалы. Т. 1. Казань, 2006.
3. Богуславский В.М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. М., 1994.
4. Еримбетова А.М. Компаративный фрагмент семантического микрополя «человек» // Новое в когнитивной лингвистике. Кемерово, 2006.

5. Камасинский Я. Пермьки-инородцы. Около Камы. М., 1905.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
7. Мельников П.И. (А. Печерский). В лесах. Собр. соч.: в 8-ми т. – Т. 4. М., 1976.
8. Рыко А.И. Русские «иностранцы» (народные микроэтнонимы и изоглоссы) // Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах. Петрозаводск, 2001. С. 17–23.
9. Словарь донских говоров Волгоградской области. – Вып. 3. К – Н. – Волгоград: Изд-во ВГМПК РО, 2007. С. 14–15.
10. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте // Язык: этнокультурный и прагматический аспекты. Днепропетровск, 1988. С. 4.
11. Чагин Г.Н. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии. Пермь, 2002.

Sirotkina Tatyana

PROBLEMS OF ETHNIC IDENTITY THROUGH THE PRISM OF LOCAL TEXT

The concept of “ethnic identity” is one of the basic concepts for modern ethnography and is understood as a human need to identify with the entire ethnic community or its internal units – ethnographic groups as the first order, which arose as a result of territorial annexation, and the second, formed mainly from migrants. The view on ethnic identity through the prism of language is also relevant. One of the essential categories for linguistic consciousness, in our opinion, is the category of ethnicity. By the category of ethnicity we mean the universal cognitive category, by means of which a person determines the belonging of himself and others to one or another ethnos. For this he uses a standard set of classifiers, which include: language, features of appearance, character and behavior, certain features of the material and spiritual culture of the representatives of the ethnos. The language component of this category is the names of peoples (ethnonyms) that form the ethnonym of the given language. In this report, the problems of ethnic identity are considered through the prism of the functioning of ethnonyms in the speech of the carriers of the Perm dialects.

Keywords: ethnic identity, local text, ethnicity category, ethnonyms.

Забровский Андрей Петрович
МГУ имени М.В. Ломоносова
zabrov@gmail.com

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОСОБОГО ТИПА

В статье рассматривается понятие «художественный текст». По мнению автора, художественный текст является, главным образом, не столько средством коммуникации, сколько своеобразным «пространством», где могут осуществляться совершенно различные виды коммуникаций.

Ключевые слова: интерпретация, художественный текст, межкультурная коммуникация, коммуникативное пространство.

В современной гуманитарной науке разработка теории коммуникации, как известно, является одной из актуальнейших проблем. Следует отметить, что усилиями ученых разных стран в разрешении этой проблемы на сегодняшний день сделано уже немало. В частности, большое количество исследований направлено на изучение и описание различных сторон так называемых межкультурной коммуникации, социокоммуникации, межъязыковой

коммуникации и других типов коммуникаций. И это понятно, потому что именно эти виды коммуникации в современном мире, как никогда, оказались «болевыми точками» в совершенно разных областях человеческой деятельности.

Сама по себе теория коммуникации – сравнительно молодая отрасль научного познания. Поэтому в научном сообществе пока еще нет единой точки зрения на статус этой теории и ее предмет. То есть сам объект научного исследования не имеет четкого, разделяемого всеми учеными определения. Однако нет никакого сомнения, что коммуникация является одной из фундаментальных основ существования человека как феномена. Коммуникативная проблематика столь же многогранна, как и проблематика культурологическая. Более того, эти проблематики находятся, как говорят лингвисты, в отношениях дополнительной дистрибуции. Они просто не существуют одна без другой. Поэтому любой тип коммуникации в конце концов можно свести к межкультурной коммуникации.

Базовым понятием для анализа коммуникации является понятие «коммуникативного пространства». Считается, что в рамках коммуникативного пространства реализуются все коммуникативные дискурсы. Нам представляется, что художественную литературу и, в частности, художественный текст можно рассматривать, а следовательно, и изучать как коммуникативное пространство, отличное от других коммуникативных пространств.

Традиционно выделяются следующие сущностные признаки художественного текста:

- отсутствие непосредственной связи между коммуникацией и жизнедеятельностью человека;
- наличие эстетической функции;
- имплицитность содержания (наличие подтекста);
- неоднозначность восприятия (неоднозначность интерпретации, следовательно, понимания);
- установка на отражение нереальной действительности (существует точка зрения, что художественные тексты представляют собой не модель реальной действительности, а сознательно конструируемые возможные модели действительности).

Кроме того, художественные тексты имеют свою типологию, ориентируемую на родо-жанровые признаки. Они строятся по законам ассоциативно-образного мышления. В художественном тексте за изображенным всегда присутствует подтекст, интерпретационный, функциональный план. Если сравнивать художественный и нехудожественный текст, то они обнаруживают разные типы воздействия. В художественном изображении действует закон психологической перспективы. Функция художественного текста – коммуникативно-эстетическая. Художественный текст строится на использовании образно-ассоциативных качеств речи (предполагается, что образ – конечная цель творчества).

В художественном тексте средства образности подчинены эстетическому идеалу художника (художественная литература – вид искусства). Сущность фактов, явлений для художественного текста – образно-эмоциональная, неизбежно субъективная. Для художественного текста форма сама по себе содержательна, она исключительна и оригинальна. В ней сущность (т.е. избираемая автором форма) служит материалом для выражения иного, другого содержания. Например, пейзаж нужен не сам по себе, это лишь форма (прием) для передачи внутреннего состояния автора или героя.

Художественное слово оказывается понятийно неисчерпаемым за счет ассоциативных связей, которые оно «создает». Разные ассоциации вызывают разные «наращения смысла» [1].

Конструктивную роль в художественном тексте выполняют «эмоционально-риторические структуры» [6, с. 27]. Эти структуры соотносят текст не с действительностью, а с интерпретацией действительности. В более широком смысле можно утверждать, что сам

художественный текст является своеобразной интерпретацией действительности. Поэтому в свою очередь можно сказать, что интерпретация художественного текста есть интерпретация интерпретации.

В художественном тексте форма содержательна, т. е. она имеет содержание [3].

«Роль эмоционально-риторических структур характерна для текстов художественных, хотя она вполне ощутима и в текстах массовой коммуникации (в частности в газетах), где принципиально важна установка на воздействующую функцию речевых средств и текста в целом» [2, с. 124].

Текст, как известно, строится из языковых знаков, но состоит из знаков текстовых и сообщает содержание, не предусмотренное языком-системой. Возникает вопрос: как отправитель создает текстовое содержание, а получатель извлекает его из знаковой последовательности текста? Между автором и читателем должен быть, условно говоря, язык-посредник, т. е. некий «общий язык». Интересно, что если они оба говорят на одном этническом языке, это еще не гарантирует успеха в понимании, т. е. не обеспечивает само по себе успешной коммуникации. Этот язык есть код текста, т. е. нечто узнаваемое читателем (заметим, что понятие кода в гуманитарные науки пришло из математической теории связи). «Код – это множество знаков, по определенным правилам «упаковывающих» информацию, которая становится системным образом распределенной на всем множестве данных знаков. Структура кода трехэлементна: формы знаков – правила соответствия – информация (знание). Одна и та же информация может быть закодирована по-разному» [4, с. 110].

Следует различать язык, который развивается естественным образом, и коды, которые придумываются для специальных целей. Код автора должен быть согласован с кодом получателя. Если информация никем не понята, то ее нельзя рассматривать в качестве текста, она не выполняет коммуникативную функцию, т. е. функцию со-общения. Код, как и естественный язык, по природе своей конвенционален. Поэтому, возможно, прав был Якобсон, утверждавший, что язык – это тоже код. Но это, очевидно, все-таки разные коды.

Обычно говорят о коммуникативной функции художественного текста. Мы же говорим о художественном тексте как коммуникативном пространстве, в котором осуществляется коммуникация. Осуществляется она на уровне сознания и эмоций, поэтому для внешнего наблюдателя эта коммуникация может быть недоступна.

С другой стороны, сознание читателя может быть внешним по отношению к тексту (это происходит тогда, когда текст является объектом изучения), но бывает и внутренним. В этом случае акт чтения равен жизненному акту. Сознание читателя формируется внутри текста.

Как известно, в центре внимания литературы (и любых других видов искусства) стоит человек во всей полноте его деятельности и духовной жизни. В кругозор литературы входит весь мир, окружающий человека. Общественная жизнь в литературе находит свое наиболее полное отражение.

И тем не менее считается, что литература – вещь совершенно ненужная для жизни. А некоторые полагают, что она приносит только вред. Они, например, говорят, что таких помещиков, какими изобразил их Гоголь, никогда и нигде не было. И в каком-то смысле эти люди правы.

Художественный текст – это пространство. И одновременно это пространство есть **форма**. Но для чего нужна эта форма? «...Текст есть нечто, – говорил М. Мамардашвили, – что должно быть построено, чтобы конструктивно породить во мне какое-то понимание, потому что это понимание естественным психологическим путем породиться не может. В частности, для порождения такого рода состояния понимания служат литературные тексты. Или текст жизни. Например, образ и жизнь Христа есть текст, посредством которого мы можем (или не можем) читать наш жизненный опыт. Текст организовал какой-то логос, в пространстве которого события получают осмысленный и связный вид, а не рассеянный и

рассыпанный» [5, с. 376].

Интересно, что в свое время примерно о том же говорил И.С. Тургенев. Он утверждал, что при помощи образов Гамлета и Дон Кихота можно объяснить любой образ современной ему литературы.

Анализируя тексты М. Пруста, Мамардашвили пришел к выводу, что литература или литературный акт (т. е. художественный текст) есть «часть построения душевной жизни» – «часть построения актов понимания того, что происходит в мире и происходит с тобой в этом мире» [5, с. 264].

Для Пруста впечатления от искусства не существовали как нечто отдельное. Они уравниваются с другими впечатлениями. И в этом смысле акт чтения равен, как уже говорилось, жизненному акту.

Задача художественного текста заключается в том, чтобы читатель посредством этого текста мог заглянуть в себя. Не говоря уже о том, что события этого текста могут произойти в душе читателя. А ведь именно события, которые происходят в нашей душе (а вовсе не эмпирические события), и есть наша настоящая жизнь. По Прусту, это «единственная реальность». «В конце концов, и философия, и любой литературный текст, текст искусства, сводятся к жизненным вопросам, то есть к любви, смерти, к смыслу и достоинству существования, к тому, что мы реально испытываем в жизни и ожидаем от нее; и, очевидно, читаем мы то, что близко нашему душевному опыту. То, что не западает нам в душу, не является для нас литературой» [5, с. 172].

Если мы читаем текст и не узнаем в нем самих себя, то этот текст для нас пуст. Коммуникация не произошла. В философии есть точка зрения, что истина и реальность (в прустовском смысле) существуют как искусство словесного построения. Художественный текст есть пространство, в котором нечто рождается впервые. Автор текста не предшествует как личность своему произведению. В этом произведении он впервые стал действительным «я». Писатель и читатель уравниваются в отношении к тексту. Писатель так же не понимает свой текст и так же должен расшифровывать его, как и читатель.

В книге не существует того содержания, утверждал Мамардашвили, с которым мы должны вступать в контакт. Это «содержание» может только возникнуть в зависимости от наших внутренних актов. И только это «содержание» мы можем интерпретировать. Ничего другого мы в тексте просто не увидим, хотя это *другое*, возможно, там будет.

И, наконец, последнее. Говорят, что литература должна чему-то научить. Если мы прочитаем некоторое количество книг (Шопенгауэр, например, считал, что человеку мыслящему и образованному нужно всего лишь шестьдесят романов), то станем умнее и образованнее. В таком случае мы должны сделать вывод, что опыт, знания можно передать напрямую. Тогда почему к разряду «вечных» относят, например, проблему «отцов и детей»? Почему за две тысячи лет не перестала быть актуальной ни одна из заповедей Иисуса Христа? Очевидно, потому, что существуют законы, которые не позволяют в некоторых областях человеческого бытия осуществлять коммуникацию напрямую.

В связи с этим можно задать вопрос: существует ли на самом деле, например, межкультурная коммуникация? Ведь в другой культуре мы принимаем только то, что у нас уже есть, т. е. *эквивалент* того, что существует в другой культуре, а того, эквивалента чего в нас нет, мы не принимаем.

Сегодня многие исследователи единодушны в том, что текст представляет собой особую реальность по сравнению, например, с реальностью размышления, рассуждения и т. п. Тексты живут собственной жизнью, образуя «пространство», в котором реализуется любая «мысль». Можно сказать, что текст вносит в мир «осмысленность» или «порядок», но не какой-то *определенный* смысл. Если угодно, текст напоминает кантовскую вещь-в-себе. Поэтому художественный текст является, главным образом, не столько средством

коммуникации, сколько своеобразным «пространством», где могут осуществляться совершенно различные виды коммуникаций.

Список литературы

1. Виноградов В.В. О языке художественной прозы // Избранные труды. Т. 5. М., 1980.
2. Валгина Н.С. Теория текста. Учебное пособие. М., 2003.
3. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М., 2007.
4. Лукин В.А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999.
5. Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. М., 2017.
6. Одинцов В.В. Стилистика текста. М., 2010.

Zabrovsky Andrey

THE LITERARY TEXT AS A SPECIAL COMMUNICATIVE SPACE

The notion "literary text" is introduced in the article. According to the author, the literary text is not only one of the means of communication, but also some kind of "communicative space" where different types of communication may take place.

Keywords: interpretation, literary text, intercultural communication, communicative space.

*Шустикова Татьяна Викторовна
Кулакова Валентина Алексеевна
Российский университет дружбы народов
shoustikova@yandex.ru
kulakova.rudn@mail.ru*

ИНТЕГРАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА (ВНЕАУДИТОРНАЯ РАБОТА НА ПРЕДВУЗОВСКОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ)

Для успешного усвоения русского языка и понимания русской культуры, интеграции иностранных студентов в жизнь современного мегаполиса оказывается недостаточно только аудиторного времени. Социокультурной адаптации студентов-иностранцев помогает организация планомерной и целенаправленной внеаудиторной работы, которая представляет собой важную составную часть всего учебно-воспитательного процесса и подчинена общим целям образования и воспитания студентов.

Ключевые слова: интеграция, иностранные студенты, современный мегаполис, внеаудиторная работа.

Студенты-иностранцы из ближнего и дальнего зарубежья, получающие образование в российской высшей школе, являются особой частью контингента мигрантов, проживающих в нашей стране. Отметим некоторые важные отличительные черты указанной группы. Это молодые люди, ставящие своей целью получение специальности в результате обучения в высших учебных заведениях России и имеющие соответствующий общеобразовательный и социокультурный уровень. В силу своего возраста они не утратили привычки учиться.

Важнейшее значение для получения образования, для адаптации к жизни в новой стране имеет язык-посредник. Многие из иностранцев владеют (в разной степени) английским языком как языком международного общения. Часть студентов из среднеазиатских республик бывшего Советского Союза в определенной мере знает русский язык, хотя бы в элементарной разговорной форме. Для студентов из Украины и Белоруссии языкового барьера не существует.

Важной отличительной чертой рассматриваемой группы мигрантов является молодой возраст (от 18 до 22–24 лет). В этом возрасте люди с интересом устремляются навстречу новому, легче привыкают к изменившимся условиям, они более мобильны и оптимистичны. Такой психологический настрой очень значим. Все это немаловажно для начала жизни в чужой стране.

В Федеральном законе о миграции говорится, в частности, о включении иностранного гражданина в социальное и культурное пространство российского общества «через освоение навыков и знаний в области русского языка, истории и культуры России». Это возможно в результате процессов адаптации и интеграции. В практике преподавания иностранных языков и РКИ, в частности, использовалось и используется понятие «аккультурация» (Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.). В настоящее время чаще говорится об адаптации, лингвокультурной адаптации, социокультурной адаптации. С нашей точки зрения, важно обращать внимание не только на адаптацию как приспособление (по основному значению слова) к новым географическим, климатическим, природным и социокультурным условиям жизни в стране изучаемого языка, но и на интеграцию иностранца в жизнь этой страны.

Решение данной задачи осуществляется в ходе неразрывно связанных и взаимопронизывающих лингвообразовательного и воспитательного процессов, протекающих на этапе предвузовской подготовки иностранных студентов [4]. В отечественной методике и практике преподавания РКИ эта многоплановая работа традиционно строилась на реализации принципов комплексности и аспектности [3].

Весь аудиторный процесс обучения РКИ ориентирован на решение указанной задачи согласно учебным планам и на основе использования прежде всего базовых учебников «Русский язык – мой друг» и «Русский язык – для вас», имеющих гриф Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию и неоднократно переизданных [5, 6, 7]. Учебники содержат необходимый коммуникативно значимый историко-информационный и культурологический материал в текстовой и иллюстративной форме, способствующий решению задач адаптации иностранных студентов первого года пребывания в нашей стране.

Четко спланированная система внеаудиторной работы вносит существенный вклад в развитие у иностранного студента готовности включаться (интегрироваться) в реальную окружающую жизнь [1]. В предлагаемой вниманию читателя статье представлен многолетний опыт внеаудиторной работы кафедры русского языка № 2 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН. Содержание внеаудиторной работы тесно связано с учебными планами по РКИ. Она проводится в следующих формах: 1) работа клуба «Друзья русского языка»; 2) просмотр художественных и документальных фильмов; 3) экскурсии по городу, посещение музеев и выставок; 4) экскурсии в Санкт-Петербург и другие города, в частности, города Золотого кольца; 5) олимпиада по русскому языку; 6) учебно-научная студенческая конференция «Я открываю мир»; 7) учебные уроки-концерты «Мы говорим и поем по-русски», «Прощай, подфак!» и ежегодный урок-концерт «День Победы». Отметим, что последнее мероприятие более тридцати пяти лет проводится кафедрой русского языка № 2 для всего подготовительного факультета РУДН. На концерте присутствует в качестве зрителей около 700 иностранных студентов, а на сцене выступает 70–80 студентов из 190 обучающихся на кафедре, организующей урок-концерт.

При обучении РКИ на указанной кафедре активно используется богатый информационный и историко-культурный материал, собранный в специальной аудитории – центре «Русский мир» и позволяющий говорить о разнообразии, общности и различиях в славянском мире.

В лингвообразовательный и воспитательный процесс на предвузовском этапе обучения интегрирована работа клуба «Друзья русского языка» [2]. Здесь создается речевая среда, максимально приближенная к реальности, в непринужденной обстановке активизируется накопленная лексика, систематически обогащается общий языковой багаж студентов. Работа клуба определяется его целями и задачами и координируется с учебными планами по грамматике РКИ. Клуб начинает свои заседания уже на пятой неделе учебного процесса. Разнообразные виды работы стимулируют речевую активность студентов, обогащают их лексический запас, способствуют развитию интереса к русскому языку, расширению социокультурных знаний. В ходе каждого заседания клуба создается атмосфера оптимального общения преподавателей и студентов. Направляющая и контролирующая функция преподавателя приобретает скрытый характер, поскольку преподаватель и студент становятся равноправными партнерами в проведении того или иного мероприятия, а самостоятельное общение на русском языке вне урока обеспечивает устойчивую мотивацию, сохраняет и развивает заинтересованность студентов в овладении учебным материалом.

Одной из важнейших особенностей такой работы является возможность использования языковой среды, непосредственного общения иностранных студентов с носителями русского языка. В заседаниях принимают участие не только иностранные студенты подготовительного факультета и старших курсов, но и российские студенты. Гости-старшекурсники рассказывают, как начинали учиться, как проводили свободное время, как сдавали первые экзамены, как сейчас занимаются, дают советы. Для иностранных студентов подфака участие в работе клуба – это активный выход в коммуникацию, в многообразие форм общения в той или иной ситуации, создание сценических образов с помощью языка, который не является родным, имитация его речевых особенностей. Большой интерес вызывают у студентов заседания клуба на темы: «Хорошо учиться – всегда пригодится», «Русский язык шагает по планете», «Главное слово в твоей жизни (мамин день)», «Как хорошо, что вместе мы...», «У нас в гостях интересный человек», «Татьянин день – день студентов», «Студенты тоже шутят», «Солнце нашей поэзии – А.С. Пушкин», «Проводы зимы – русская масленица», «Наши праздники», «Русские посиделки» и другие, где студенты знакомятся с русскими традициями и рассказывают о своих национальных традициях и праздниках.

Комплексность аудиторной и внеаудиторной работы значительно повышает эффективность учебного процесса, активизирует резервные возможности студента, мобилизует скрытые психологические ресурсы, снимает излишнюю напряженность при овладении языком, заменяя ее элементами творчества. Студентам нравятся «Русские посиделки» с самоваром, блинами, бубликами, пирогами, обязательными призами за активное участие в работе клуба. Нередко после проведения заседания «Русская масленица» студенты приходят на городские праздники «Проводы зимы», т.е. реально включаются в жизнь горожан.

На уроках студенты получают необходимую лингвострановедческую информацию, которая расширяется на заседаниях клуба. Здесь студенты смотрят фильмы, предусмотренные учебным планом, слушают музыку, разучивают русские песни, читают любимые стихи, повторяют учебный материал в игровой форме. Обращается внимание на языковую доступность материалов, простоту стиля изложения, минимизацию терминологической лексики.

Следует отметить, что большинство видов внеаудиторной работы являются непривычными для многих иностранных студентов и принимаются вначале с трудом. Об этом нужно постоянно помнить при организации внеаудиторных мероприятий. Требуется кропотливая психологическая подготовка студентов, разъяснение учебных целей, полезности такого вида работы. Особенно это важно для тех студентов, чьи этнопсихологические особенности не позволяют «опускаться» до уровня развлечений и игр, не соответствующих, по их понятиям, их возрасту (среди студентов сейчас есть и такие, которым далеко за тридцать). Участие в работе клуба сплачивает студентов разных групп в интернациональный коллектив. В ходе совместной деятельности улучшаются межличностные отношения, сглаживаются противоречия между студентами, что способствует повышению их коммуникативно-речевой активности. Очень важно, что студенты приходят на заседания клуба с удовольствием, вступают в коммуникацию только по желанию, при этом не боятся допускать речевые ошибки. Это повышает творческую активность студентов, вселяет в них уверенность в своих силах. Часто студенты, чувствуя себя на уроках напряженно, неуверенно, на заседаниях становятся более коммуникабельными.

Формирование общей культуры во всех ее проявлениях определяется не только учебным процессом, но и всем общекультурным фоном общения студентов во внеучебное время. Комплексное использование разных форм работы позволяет, приобщая студентов к общечеловеческим ценностям, повысить этический, эстетический и нравственный уровень будущих специалистов. Таким образом, работа клуба «Друзья русского языка» представляет собой методически продуманное внеаудиторное занятие, организованное с учетом занимательности и привлекательности, ориентацией на разный уровень владения языком студентов, где обязательным условием является нахождение общности культур представителей разных стран.

Одной из форм внеаудиторной работы, органично включенной в лингвообразовательный процесс на предвузовском этапе, является олимпиада по русскому языку. Она имеет обучающие, контролирующие и воспитательные функции. Главные цели олимпиады – это мотивированное соревнованием углубленное изучение студентами программного материала по РКИ, комплексная проверка степени их социо- и лингвокультурологической компетенции.

Студенты, готовящиеся к олимпиаде, не только овладевают программным материалом, но и расширяют свои знания, читая дополнительную литературу, рекомендованную преподавателем. Привычные аудиторные занятия практической фонетикой приобретают для них новый смысл: «живая жизнь» убеждает в том, что нормативное русское произношение является основой адекватного взаимопонимания между участниками олимпиады. Участвуя в устных формах олимпиады, студенты демонстрируют приобретенный опыт публичного выступления на изучаемом языке, общения в соответствии с нормами речевого этикета русской культуры.

Отметим, что участие в олимпиаде помогает достичь высокого уровня индивидуализации в подготовке студентов, максимально использовать их творческий потенциал, что приводит к оптимизации процесса обучения, приносит чувство удовлетворения участникам, их наставникам, а также зрителям конкурса.

Подготовка и проведение олимпиады дают возможность преподавателям увидеть результаты своего труда и наметить себе новую, более высокую планку подготовки учащихся, получить стимул к совершенствованию форм и методов работы с иностранными студентами.

В соответствии с учебным планом, т.е. с достигнутым уровнем владения РКИ, проводится цикл экскурсий страноведческого и профильно ориентированного характера: обзорная автобусная экскурсия по Москве, пешеходная прогулка по центру города, экскурсии

в Парк Победы, Третьяковскую галерею, Музей изобразительных искусств, Планетарий, а также в Палеонтологический музей, Музей Дарвина, Зоологический музей МГУ. Все экскурсии готовятся и проводятся преподавателями русского языка, вследствие чего их языковая форма и экстралингвистическое содержание полностью доступны студентам. Ряд групп ездит в подмосковные музеи, в Петербург и города Золотого кольца.

Ярким свидетельством интеграции иностранцев в окружающую жизнь, в студенческую жизнь является работа студентов в строительном отряде РУДН. И это, с нашей точки зрения, является наглядным доказательством, что они себя чувствуют настоящими членами студенческого сообщества.

Как видим, все перечисленные формы внеаудиторной работы готовят студентов к активному включению в жизнь современного университета, в котором учатся представители более ста пятидесяти национальностей, к интеграции в жизнь современного пятнадцатимиллионного мегаполиса.

В заключение хочется подчеркнуть, что описанный интегративный подход к организации обучения РКИ на предвузовском этапе стратегически и тактически решает задачи подготовки и реального включения иностранцев в реальную жизнь страны изучаемого языка.

Список литературы

1. Кулакова В.А. Внеаудиторная работа как средство развития межкультурной коммуникации // XI Международный симпозиум МАПРЯЛ-2014: Теоретико-практическое изучение русского языка и его сопоставительно-типологическое описание. Доклады и сообщения. Сборник издается при финансовом содействии Российского культурно-информационного центра в Софии. Болгария, Велико-Тырново. 03–06 апреля 2014. Изд-во «ИВИС» Велико-Тырново, 2014. С. 487–491.
2. Кулакова В.А. Клуб друзей русского языка как средство межкультурной коммуникации // Русский язык – язык науки, культуры, коммуникации: Материалы юбилейной международной научно-практической конференции: 60 лет со дня основания первого в России подготовительного факультета. В 2-х томах. – Т.2. – М.: Перо, 2014–2015. С. 288–292.
3. Шустикова Т.В. Комплексность и аспектность преподавания русского языка как иностранного. / Монография. М.: РУДН, 2010.
4. Шустикова Т.В., Кулакова В.А., Смирнова С.В. Интегративный подход к обучению русскому языку как иностранному (предвузовский этап) // Довузовский этап обучения в России и в мире: язык, адаптация, социум, специальность. Сборник статей I Международного конгресса преподавателей и руководителей подготовительных факультетов Москва, РУДН, 19–21 октября 2017 г. В двух частях. Часть 2. С. 391–394.
5. Шустикова Т.В., Кулакова В.А., Карпусь Л.А. и др. Русский язык – мой друг. Базовый уровень. Под ред. Т.В. Шустиковой и В.А. Кулаковой. / Учебник русского языка для студентов-иностранцев. Изд. 7, испр. и доп. М.: РУДН, 2016.
6. Шустикова Т.В., Гордиенко И.В., Атабекова А.А. и др. Русский язык для вас. Первый сертификационный уровень. Под ред. Т.В. Шустиковой и В.А. Кулаковой. / Учебник русского языка для студентов-иностранцев. Изд. 5, испр. и доп. М.: РУДН, 2015.
7. Шустикова Т.В., Кулакова В.А., Гордиенко И.В., Семар В.Ю. Учебные планы по грамматике русского языка как иностранного. Элементарный, базовый и первый сертификационный уровни. Изд. 2. М.: РУДН, 2013.

*Shustikova Tatyana
Kulakova Valentina*

**INTEGRATION OF FOREIGN STUDENTS INTO THE LIFE
OF THE MODERN METROPOLIS
(EXTRACURRICULAR ACTIVITIES AT PRE-UNIVERSITY STAGE OF EDUCATION)**

For successful learning of the Russian language and understanding of Russian culture, the integration of foreign students into the life of the modern metropolis classtime is not sufficient. The planned and purposeful organization of extracurricular activities which constitutes an important component of the entire educational process and is common objectives in education and training helps foreign students with socio-cultural adaptation.

Keywords: integration, foreign students, modern metropolis, extracurricular activities.

**Шустикова Татьяна Викторовна
Воронкова Ирина Анатольевна
Хамгокова Нина Жабазиевна
Шоркина Елена Николаевна**
*Российский университет дружбы народов
shoustikova@yandex.ru
i.voronkova@mail.ru
ninahamgokova@mail.ru
lenashorkina@yandex.ru*

**ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ ПО НСР
(ПРЕДВУЗОВСКИЙ ЭТАП ОБУЧЕНИЯ)**

В статье рассматриваются возможности использования текстов о жизни и деятельности русских ученых в процессе формирования коммуникативно-речевой компетенции иностранных студентов в профильно ориентированной учебно-научной сфере общения на предвузовском этапе обучения в современной системе российского высшего профессионального образования. Указанная проблематика обсуждается в аспекте межкультурного диалога.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, научный стиль речи, лингвострановедческий потенциал, коммуникативно-речевая компетенция, предвузовский этап обучения.

По ряду причин русский язык занимает особое место в системе подготовки иностранных учащихся в российской высшей школе. Обобщая, можно сказать, что он служит для них инструментом познания мира: с помощью русского языка реализуются когнитивные потребности человека, что особенно важно для молодых, вступающих в жизнь людей. Свободное владение русским языком является условием успешной социализации иностранных студентов в России. Именно на русском языке студенты, приехавшие из разных стран, получают высшее профессиональное образование. Этот язык становится для них средством общения в учебной профильно ориентированной сфере, а далее – в избранной профессии. По мере приобретения трудового опыта у специалиста возникает потребность дальнейшего профессионального совершенствования, которое осуществляется на основе использования русского – особого языка, характерного для определенной сферы.

Как известно, в методике преподавания иностранных языков, и русского как иностранного в том числе, этот язык и аспект его преподавания получил различные

названия: язык специальности, научный язык, научный стиль речи, язык в специальных целях (LSP).

«С нашей точки зрения, применительно к обучению студентов предвузовского этапа подготовки по русскому языку целесообразно говорить о языке учебного общения, ориентированного на профиль обучения – например, естественно-научный, инженерно-технический, медико-биологический» [4, с. 220].

В отечественной методике проблемы комплексности и аспектности в преподавании русского языка как иностранного (РКИ) имеют давнюю традицию. На всех этапах проводится взаимосвязанное обучение общему владению русским языком и речевому общению в учебно-научной и профессионально ориентированной сфере [2].

В настоящее время в практике обучения РКИ продолжается процесс дальнейшего внедрения и развития коммуниктивно-компетентного подхода. Вследствие вышесказанного, в системе обучения языку как средству общения в учебно-научной сфере необходима комплексная работа по формированию единства коммуниктивно-речевой и лингвопредметной компетентности иностранного учащегося.

Так же, как при обучении общему владению языком, коммуниктивно-речевая компетенция иностранного учащегося в профильно ориентированной учебно-научной сфере создается на базе лингвистической компетенции, которая определяется как умение воспроизводить и производить грамматически правильные языковые формы и структуры, на основе чего развивается способность понимать нормативно оформленную речь в ее устной и письменной разновидности. Ведется одновременная комплексная работа над научным стилем речи – особенностями его лексико-грамматической системы. [4, с. 222].

Формирование лингвопредметной компетенции как основы коммуниктивно-речевой компетенции в профильно ориентированной учебно-научной сфере общения является приоритетной задачей в современной системе иноязычного высшего профессионального образования. В связи с этим проблема создания учебных текстов, ориентированных на решение указанной задачи, и их системного использования в практике обучения иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, имеет важнейшее значение.

С точки зрения экстралингвистического содержания, тексты по РКИ для обучения речевому общению в учебно-научной сфере строятся на базовых для данной дисциплины темах. Например, для будущих медиков необходимыми являются тексты «Система кровообращения» и «Строение сердца». При этом важно вводить студентов в проблематику современных научных исследований. Например, использовать тексты, рассказывающие о пересадке сердца. Знакомя студентов с историей этой проблемы, с одной стороны, следует представлять исторически значимую информацию. Так, студенты должны вспомнить, а может быть, и впервые услышать или прочитать на уроке по НСР (для простоты и краткости используем это термин), что впервые в мире пересадил человеческое сердце южноафриканский хирург К. Бернارد 3 декабря 1967 г. И очень важно добавить: сам К. Бернارد говорил о том, что он был хорошо знаком с работами по трансплантации советского хирурга В.П. Демикова, который еще в 1937 г. сконструировал искусственное сердце и вживил его в тело собаки. Эта информация имеет важнейшее значение для формирования в научном мировоззрении молодого иностранного специалиста непредвзятого подхода к научным фактам и при этом – уважения к стране, где он формируется как будущий специалист и исследователь.

Многоаспектность данной проблематики позволяет в данной статье лишь наметить ряд лингвометодических вопросов для рассмотрения. Первым из них является вопрос отбора текстов по их экстралингвистическому содержанию.

В ходе обучения иностранный студент должен получить объективное представление о вкладе русских ученых в мировую науку. Следовательно, необходимо использовать тексты,

затрагивающие эту тему. В этом заключается значимый для обучения и воспитания молодого специалиста лингвострановедческий потенциал учебных текстов.

Отвечая на вопрос, о каких русских ученых они слышали, чаще всего студенты называют имя Д.И. Менделеева, поскольку изучение Периодической системы Менделеева входило в школьный курс у них на родине. Нередко студенты удивляются, узнав, что Д.И. Менделеев – это русский ученый. Будущие медики нередко кое-что знают об И.П. Павлове, хотя также не связывают его научную деятельность с Россией. Что касается современных эпохальных событий, далеко не всегда студентам-иностранцам известно, что первый полет человека в космос совершен Ю. Гагариным, не говоря уже о том, что он был гражданином СССР. Вышесказанное подтверждает положение о том, что текстовый материал по обучению иностранных студентов научному стилю речи, начиная с подготовительного факультета, должен быть «страноведчески ценным».

В практике работы со студентами, которые собираются продолжать свое обучение на медицинском факультете РУДН, используется двенадцатикомпонентный учебно-методический комплекс по НСР «Русский язык – будущему специалисту. Медико-биологический профиль», создающийся с 2007 г. авторами данной статьи, преподавателями факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин (подготовительного факультета) РУДН. В указанном комплексе представлены тексты о М.В. Ломоносове, Д.И. Менделееве, И.И. Мечникове, И.П. Павлове, Н.И. Пирогове. Включение данных учебных текстов имеет важнейшее значение для формирования лингвострановедческой и предметно-коммуникативной компетенции как компонентов профильно ориентированной коммуникативно-речевой компетенции иностранных студентов.

Тексты о русских ученых, об их научной деятельности и открытиях имеют большой и чрезвычайно значимый лингвистический потенциал. В соответствии с функционально-семантическим подходом в представлении лексико-грамматического материала изучаемого языка учащиеся практически осваивают такие темы, как «Биография», «Научная деятельность», «Научные открытия», «Общественная деятельность ученого» и т. д. Приведем в качестве примера фрагмент одного из функционально-семантических блоков [5, с. 179].

ТЕОРИЯ / УЧЕНИЕ	
<i>кто?</i> (И.п.)	создал / разработал что? (В.п.) М.В. Ломоносов создал / разработал первую грамматику русского языка.
<i>кто?</i> (И.п.)	создатель / основатель / основоположник чего? (Р.п.) Д.О. Ивановский – создатель / основатель / основоположник вирусологии.
<i>кто?</i> (И.п.)	является создателем / основателем / основоположником чего? (Р.п.) Д.О. Ивановский является создателем / основателем / основоположником вирусологии.
ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ	
<i>кто?</i> (И.п.)	предположил, что... М.В. Ломоносов предположил, что все тела состоят из корпускул.
<i>кто?</i> (И.п.)	сделал / высказал предположение (о том), что... М.В. Ломоносов сделал / высказал предположение (о том), что все тела состоят из корпускул.

кто? (И.п.)	выдвинул гипотезу о чём? (П.п.) Н.И. Лунин выдвинул гипотезу о содержании в молоке необходимых для жизни веществ.
кто? (И.п.)	выдвинул гипотезу (о том), что ... Н.И. Лунин выдвинул гипотезу (о том), что в молоке содержатся необходимые для жизни вещества.

Система лексико-грамматических упражнений к текстам раздела о научной деятельности, об ученых и открытиях в области естественных наук и медицины формирует лингвопредметную компетенцию учащихся.

В разработанной авторами лингводидактической системе большое значение придается формированию фонологического-фонетической компетенции иностранных учащихся в ее уровневом представлении.

Приведем пример задания по теме «Синтагматическое членение предложения».

Задание 32. Прочитайте слитно словосочетания. Прочитайте предложения по синтагмам. Косая линия обозначает синтагматическое членение.

Илья Ильич Мечников

один из выдающихся учёных

Илья Ильич Мечников – / один из выдающихся русских учёных.

лауреат Нобелевской премии

стать лауреатом Нобелевской премии

открытие фагоцитоза

Он стал лауреатом Нобелевской премии / за открытие фагоцитоза [5, с. 161].

После чтения, перевода и записи в тетрадь новых слов учащимся предлагается развернутая система лексико-грамматических заданий.

Приведем некоторые примеры.

Задание 2. Определите, от каких глаголов образованы данные существительные.

Осуществление, уничтожение, наблюдение, определение.

Задание 3. Образуйте от прилагательных существительные с помощью суффикса -ость.

Способный, подвижный, деятельный, возбудимый, особенный.

Задание 4. Выделите одинаковые части слова.

Микробиология, эпидемиология, эмбриология, бактериология.

Задание 5. Выделите корень в словах.

1. Освобождение – освободить – свобода – свободный.

2. Болеть – боль – больной – заболевание – заболеть. ...

Задание 6. Разберите слова по составу.

Подвижные, дальнейший, эволюционный, микроорганизмы, инородное, ...

Задание 7. Образуйте от данных глаголов активные причастия настоящего времени.

Захватывать, переваривать, отравлять, окружать, являться, следовать, ...

Задание 8. Образуйте от данных глаголов активные причастия прошедшего времени.

Попасть, установить, создать, открыть, наблюдать, проводить, выдвинуть, ...

Задание 9. а) Образуйте от данных глаголов деепричастия несовершенного вида:

Наблюдать, продолжать, создавать, ..., рассматривать, проверять.

Перечень заданий можно продолжать, но и приведенные примеры показывают, насколько большое внимание уделяется в представляемом УМК «Русский язык – будущему специалисту. Медико-биологический профиль» грамматической корректности речи.

Системное представление языкового материала и целенаправленный систематически ведущийся языковой тренинг обеспечивают решение поставленной задачи развития

языковой компетенции учащихся в качестве основы коммуникативно-речевой компетенции как интегрального феномена.

Усвоение данного языкового материала происходит в процессе осуществления всех видов речевой деятельности. Разработанная система заданий обеспечивает овладение лингвопредметной, лингвострановедческой и далее – коммуникативно-речевой компетенцией в профильно ориентированной сфере учебно-научного общения.

Приведем некоторые примеры заданий.

1. Расскажите о мировом значении открытий великих русских ученых, о признании их достижений.
2. Кого из Нобелевских лауреатов в области медицины вы можете назвать?
3. Напишите текст об открытиях, сделанных учеными вашей страны и/или других стран, которые получили мировое признание.
4. Расскажите об открытиях, которые отражают своеобразие истории, культуры, науки, быта, национальной психологии русского и других народов.
5. О каких достижениях российских ученых и врачей вы хотели бы узнать? Сформулируйте темы для обсуждения.

Важнейшее значение для целостного представления об эпохе, научных и нравственных проблемах, возникающих в деятельности ученых, имеет просмотр кинофильмов, отражающих своеобразие русского мира, жизни в России. Среди таких фильмов особый интерес студентов вызывают фильмы о М.В. Ломоносове, Н.Н. Миклухо-Маклае, Ю.А. Гагарине, С.П. Королеве.

Особо значимую роль в лингвострановедческой работе на материале НСР играют профильно ориентированные экскурсии. В многолетней практике работы кафедры русского языка № 2 РУДН обязательными являются экскурсии в Зоологический музей МГУ, Музей Чарльза Дарвина, Палеонтологический музей, Музей космонавтики. Экскурсиям предшествует разноплановая аудиторная работа. Обязательным условием организации этих экскурсий является проведение их преподавателем русского языка, работающим в данной группе, так как именно он лучше всего может оценить языковые коммуникативно-речевые возможности студентов в восприятии устной речи. Преподаватель проводит необходимую аудиторную подготовку студентов к экскурсии. Логическим и методическим завершением служит выполнение домашнего задания по материалу прошедшей экскурсии и ее обсуждение на уроке.

Подводит итоги обучения речевому общению в академической учебно-научной профильно ориентированной сфере ежегодная студенческая учебно-научная конференция «Я открываю мир» [6]. По ее итогам издается сборник студенческих докладов. В сборнике имеется система заданий, написанных преподавателем, курирующим работу каждого докладчика-студента.

В соответствии с принципами комплексности и аспектности в обучении РКИ в итоговый устный экзамен по русскому языку на предвузовском этапе обучения (что соответствует уровню В1) включаются тексты о жизни и научной деятельности ученых, о научных открытиях и событиях, имеющих историческое значение. Прочитав текст, студент должен устно изложить его основное содержание и показать умение участвовать в беседе по предложенной экзаменаторами общенаучной проблематике в соответствии с «Программой по русскому языку как иностранному. Профильный модуль «Медицина. Биология». I и II сертификационные уровни владения РКИ» [1] и «Требованиями по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение. Профессиональный модуль» [7], предъявляемыми на данном этапе обучения. На факультете русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН используется учебно-методическое пособие

«Тексты для устного экзамена по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень» [3].

Кратко изложенная система работы с профильно ориентированным материалом, имеющим значительный лингвострановедческий и лингвопредметный потенциал, позволяет формировать профильно ориентированную коммуникативную компетентность иностранных студентов в учебно-научной сфере и подготовить их к межкультурному диалогу, проходящему на этапе предвузовского обучения.

Список литературы

1. Соболева Н.И., Шустикова Т.В., Куриленко В.Б. и др. Программа по русскому языку как иностранному. Профильный модуль «Медицина. Биология». I и II сертификационные уровни владения РКИ. М.: РУДН, 2013.
2. Мотина Е.И. Комплекс учебников и учебных пособий по русскому языку для студентов-иностранцев подготовительных факультетов вузов СССР // Русский язык для студентов-иностранцев. Вып. 11. М., 1971.
3. Мотовилова Г.Г., Пушкова Н.П., Шустикова Т.В., Сидельникова А.В., Коломиец В.А. Тексты для устного экзамена по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень: учебно-методическое пособие. М.: РУДН, 2015.
4. Шустикова Т.В. Комплексность и аспектность в преподавании русского языка как иностранного. М.: РУДН, 2010.
5. Шустикова Т.В., Воронкова И.А., Гурова О.А., Журкина Н.В., Карпова Ю.В., Хамгокова Н.Ж., Шоркина Е.Н. Обучение речевому общению в учебно-научной сфере. Медико-биологический профиль. Первый сертификационный уровень. Часть I и II. – М.: РУДН, 2011.
6. Шустикова Т.В. Студенческая учебно-научная конференция как форма работы по развитию коммуникативной компетенции иностранных учащихся (предвузовский этап обучения) / VII Международная научно-практическая конференция «Международное сотрудничество в инженерном образовании». СПбГПУ ИМОП. 2–4 июля 2012. СПб, 2012.
7. Андриюшина Н.П., Битехтина Г.А., Владимирова Т.Е. и др. Требования к Первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным. Общее владение. Профессиональный модуль. СПб: Златоуст, 2012.

*Shustikova Tatyana
Voronkova Irina
Khamgokova Nina
Shorkina Elena*

LANGUAGE, COUNTRY STUDIES AND COMMUNICATION POTENTIAL OF TEXTS TRAINING IN SPEECHSCIENTIFIC STYLE (PRE-UNIVERSITY STAGE OF TRAINING)

The article deals with the possibilities to use texts on Russian scientists' life and work in the process of developing communicative speech competence of foreign students in the professionally oriented educational and scientific sphere of communication at the pre-university stage of education in the modern system of Russian higher professional education. The mentioned problems are discussed from the angle of intercultural dialogue.

Keywords: Russian as a foreign language, scientific style of speech, language and country studies potential, communicative speech competence, pre-university training.

Большакова Нина Георгиевна
Галанкина Инна Ивановна
Ильина Людмила Александровна
Российский университет дружбы народов
bolshakova-n@inbox.ru
gaii@live.ru
rusichka25@yandex.ru

УЧЕБНЫЕ ЭКСКУРСИИ КАК ВАРИАНТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ ИЗ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ СТРАН)

Изучение русского языка как иностранного становится условием возникновения диалога культур.

Диалог культур, выступая в качестве цели, существенно преобразует процесс обучения, выводя его на новый качественный уровень – уровень иноязычного образования, содержанием которого является иноязычная культура. Результатом иноязычного образования является не только формирование отдельных навыков и умений, но и формирование человека как индивидуальности, формирование второй языковой личности в условиях взаимного влияния российского окружения и национально-культурного опыта участников диалога и воспитание ценных личностных качеств.

Большое значение для культурной диалогизации иноязычного образования имеет учебная экскурсия. Ее ценность в том, что она располагает широкими возможностями индивидуализации (в т. ч. учета системы духовных ценностей и этнокультурной специфики учащихся) и тем самым активизации межкультурного взаимодействия.

Термин «учебная экскурсия» используется авторами по ряду причин. Во-первых, языковое содержание экскурсий и их тематика соотносятся с учебным планом и являются его частью. Во-вторых, эффективность экскурсии для оптимизации учебного процесса зависит от этапа изучения языкового материала, что доказано как психолингвистами, так и преподавателями-практиками. В-третьих, методическую работу по проведению экскурсии как модели реальной продуктивной деятельности принято разделять на три этапа, каждый из которых подразумевает постановку и решение конкретных методических задач.

Составляя план учебных экскурсий, преподаватель следует необходимости обращения к тем или иным объектам российской действительности в связи с содержанием курса, логикой его развития, культурной жизнью России, с учетом этнокультурной специфики учащихся, круга их интересов и культурного потенциала участников диалога. В докладе представлен примерный тематико-календарный план учебных экскурсий в работе со студентами из южнославянских стран, также авторы расскажут об особенностях экскурсионной работы с учащимися-славянами. В статье приводятся примеры взаимосвязи тематики экскурсий и других форм учебного процесса. В результате анализа опорных тем курса прослеживаются параллели в истории России и южнославянских стран.

Ключевые слова: диалог культур, иноязычное образование, культурная диалогизация русскоязычного образования, учебная экскурсия, ценность учебных экскурсий, реализация учебных экскурсий, план учебных экскурсий.

Изучение иностранного языка в единстве с историей и культурой народа изучаемого языка является неоспоримым постулатом как в теории, так и в практике преподавания русского языка как иностранного. В процессе изучения русского языка иностранец неизбежно знакомится со значимыми для каждого русского человека реалиями истории и культуры, оценивая их, сопоставляя с реалиями родной культуры и переосмысливая культурно-историческую реальность своей страны. В сознании учащегося возникает диалог культур.

Общеизвестно, что гуманитарное знание XX века характеризуется вниманием к личности человека, антропоцентрическим подходом, который активизировал интерес к

личностным и социальным сторонам деятельности человека. Особое место в гуманитарной сфере знания занимает лингвистика, ключевая идея которой – антропоцентричность языка. Антропоцентрическая парадигма современной лингвистики выявляет влияние человека на язык и языка на человека, его мышление и культуру.

Проявлением «антропостремительных» тенденций в методике преподавания иностранного языка стала концепция иноязычного образования, разработанная Е.И. Пассовым. Положив в основу принципы речемыслительной активности учащегося, индивидуализации, ситуативности, функциональности и новизны, вместо понятия «обучение иностранным языкам» он ввел более широкое – «иноязычное образование». Содержанием иноязычного образования выступает иноязычная культура, а результатом является не только формирование отдельных навыков и умений, но и становление человека как духовной индивидуальности, воспитание ценных нравственных и личностных качеств – «*homo moralis* – человека морального, духовного» [5, с. 7, 17].

В процессе изучения неродного языка, в частности русского как иностранного, учащийся выявляет свойства своей личности, обусловленные его национальными особенностями, полученным ранее культурным опытом. Конкретный человек входит в человечество не как человек «вообще», но только как человек национальный [1, с. 94]. Учащийся, осознающий свою национальную идентичность, способен проявить интерес к реалиям иной культуры, увидеть сходство и различия культурных ценностей различных народов. В общении представителей разных культур возникает живой диалог, который предполагает плодотворный обмен, сближение, взаимное обогащение культур. И в этом диалоге выявить универсальное возможно только через проявление национального.

Многолетний опыт преподавателей РКИ подтверждает, что подобный диалог возникает практически на каждом уроке, при этом раскрываются новые грани личностей его участников. В числе иностранных учащихся РУДН представителей южнославянских народов немного, в основном это жители балканских стран: Болгарии, Македонии, Словении, Сербии, Хорватии, Черногории. Духовная близость и древние традиции, природно-климатические и географические факторы, схожесть исторических судеб роднят южных славян с русскими. В борьбе с общими врагами и в процессе возрождения национальных культур формировались тесные связи между нашими народами.

Формы методической работы, существующие на ФРЯ РУДН, которые вводят иностранца в новое для него ценностно-смысловое поле русской культуры и активизируют межкультурное взаимодействие, разнообразны и вместе с тем взаимосвязаны. Это и работа в аудитории (чтение адаптированных художественных и публицистических текстов), и методически обеспеченные беседы на культурно значимые темы, просмотр художественных и документальных кинофильмов с методическим сопровождением, организация и проведение творческих вечеров и концертов, подготовка и проведение учебных экскурсий.

В предлагаемой статье авторы акцентируют внимание на учебной экскурсии как эффективной форме вовлечения учащихся в межкультурное взаимодействие в процессе изучения русского языка как иностранного. Кроме того, по сравнению с другими формами внеаудиторной работы экскурсия наиболее приближена к естественной языковой среде, благодаря чему оказывает особое эмоциональное воздействие на учащихся.

Учебные экскурсии являются неотъемлемой частью учебного процесса на ФРЯ РУДН. Они имеют важное значение для культурной диалогизации иноязычного (в данном случае русскоязычного) образования. Их ценность в том, что экскурсии предоставляют большие возможности для индивидуализации образовательного процесса (в т. ч. учета системы духовных ценностей и этнокультурной специфики учащихся) и тем самым активизации межкультурного взаимодействия. Подчеркнем, что речь идет об учебных экскурсиях, которые согласуются с учебным планом и проводятся на тщательно отобранном

языковом материале с предварительной подготовкой и последующим обсуждением. Здесь важен «диалогический характер приобретения информации» [4, с. 20]. Только экскурсии, в которых студент является не пассивным потребителем информации, а активным участником, способствуют диалогизации русскоязычного образования.

Помимо этого, немаловажное свойство экскурсии – ее роль в оптимизации учебного процесса. Психологи, лингвисты и преподаватели-практики доказали необходимость чередования аудиторных и внеаудиторных форм работы, которое позволяет избежать отрицательных явлений при изучении иностранного языка – таких, как резкий спад в формировании навыков, заторможенность, ухудшение памяти и др. [6, с. 6, 131–132].

Названные свойства учебных экскурсий проявляются на всех этапах их реализации.

При **подготовке** к экскурсии учащийся получает возможность узнать о тех или иных значимых событиях и реалиях российской истории и культуры.

В **процессе** экскурсии он не только усваивает новую информацию, но и получает возможность эмоционально пережить те или иные события, ощутить их масштаб, взглянуть на прошлое глазами людей другой страны. Обстановка в процессе экскурсии максимально приближена к естественной ситуации общения, что позволяет учащимся чувствовать себя свободно и активно выводить в речь усвоенный языковой материал.

Диалог в процессе учебной экскурсии или ее **последующего обсуждения**, когда все равны и активны, может мотивировать студента на высказывание собственной точки зрения, выражение оценки и аргументации своих выводов: этому способствуют творческие задания типа «выскажите свое мнение или отношение к проблеме», «прокомментируйте выражение» и т. д.

Авторами статьи подготовлено пособие «Москва. Достопримечательности и маршруты. Первое знакомство», предназначенное для иностранцев, начинающих изучение русского языка. В пособии реализуется интерактивный подход к проведению экскурсии, ориентированный на диалогическое общение, и групповые формы работы с материалом. Пособие состоит из трех глав, каждая из которых содержит задания, обеспечивающие три этапа учебной экскурсии: подготовка (лексико-грамматические упражнения, тексты с описанием достопримечательностей), проведение (задания на развитие речи); обсуждение (задания, предполагающие обобщение увиденного и высказывание учащимися собственного мнения) [3, с. 3].

При проведении и обсуждении учебных экскурсий студенты-славяне обычно являются активными участниками, дополняют преподавателя, комментируют увиденное, а нередко и сами участвуют в подготовке экскурсии, проявляя инициативу при выборе темы и маршрута. Они имеют также возможность читать неадаптированные тексты о России, в частности, проявляют интерес к Москве и ее достопримечательностям.

Проанализировав представляемую в процессе обучения культурно значимую информацию, включающую знания, понятия, нормы поведения, ценности, принятые в русском обществе, мы приходим к выводу, что для южных славян многое в русской культуре знакомо и связано с их собственной историей. Проследим соответствие некоторых текстов в учебнике [7] тематике экскурсий по учебно-календарному плану [8]:

	Лексическая тема и учебные тексты	Учебная экскурсия
1	Искусство. Текст о художнике В.В. Верещагине «История одной картины».	Экскурсия в Третьяковскую галерею.
2	Общенаучная лексика по теме «Деятельность ученого». Биографии Н.И. Пирогова и Н.В. Склифосовского.	Экскурсия в Музей Н.И. Пирогова (Национальный медико-хирургический центр им. Н.И. Пирогова в Москве).
3	Текст об исследовании космоса. Просмотр фильма о Юрии Гагарине.	Экскурсия в Музей космонавтики.

4	Обобщение изученных грамматических тем. Чтение текстов и просмотр фильмов о Великой Отечественной войне.	Экскурсия в Парк Победы.
---	--	--------------------------

Кроме указанных плановых экскурсий иностранные студенты участвуют в экскурсиях по Москве и другим городам России, формируя необходимые навыки для дальнейшего самостоятельного познания культурной действительности и удовлетворения личностных и профессиональных интересов посредством иностранного языка.

Интересны особенности восприятия данной тематики с точки зрения учащихся – южных славян. Текст о творчестве художника Василия Верещагина с последующим посещением Третьяковской галереи заставляет их вспомнить о борьбе против турецкого ига на Балканах. Биографии хирургов Пирогова и Склифосовского связаны с русско-турецкой войной, во время которой сформировалась русская школа военно-полевой хирургии. Участие в комплексе мероприятий, посвященных Дню космонавтики, с осмотром Музея космонавтики напоминает о космонавтах-болгарах в международном космическом проекте. Осмотр памятников равноапостольным Кириллу и Мефодию (в Москве и Коломне), которые почитаются как создатели кириллицы и просветители славянского мира, также становится значимым культурным событием в образовательном процессе.

Важной особенностью, общей для восточных и южных славян, является умение сосуществовать и сотрудничать с представителями западноевропейской с одной стороны и тюркоязычной мусульманской культуры – с другой. Эта способность к взаимодействию сформировалась в процессе многотрудной истории наших стран и народов. Поэтому для южных славян представляют особый интерес экскурсии в Санкт-Петербург, нашу вторую европейскую столицу, и в Казань, которую можно назвать столицей толерантности, «местом свидания двух миров» – западного и восточного.

Ежегодно перед Днем Победы преподаватели со студентами посещают мемориальный комплекс Парк Победы на Поклонной горе. И каждый раз студенты предлагают сфотографироваться перед памятником воинам антифашистской коалиции под знаком ООН, а затем перед цветочными часами рядом с цветочной надписью «Москва». Для нас, преподавателей русского языка, эта единоклубная инициатива имеет особый смысл – она означает, что многое в формировании личности, готовой вести диалог культур, удалось, что Москва и весь пласт культуры, который связан с нашей столицей, оказали влияние на формирование этой личности.

Итак, опыт проведения учебных экскурсий доказывает, что они являются наиболее эффективной формой ознакомления учащихся с реалиями страны изучаемого языка. Экскурсии способствуют введению учащихся в ценностно-смысловое поле русской культуры, формированию межкультурного общения, в котором выявляются национальные и универсальные черты личностей участников. Выходцы с Балкан проявляют интерес и уважение к явлениям российской культуры, которую воспринимают как родственную. Активность и восприимчивость южных славян при подготовке, проведении и обсуждении экскурсий являются одним из свидетельств прочных исторических связей между русским и южнославянскими народами.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990.
2. Большакова Н.Г., Галанкина И.И., Ильина Л.А. Учебная экскурсия как средство лингвокультурной адаптации в обучении русскому языку как иностранному (на этапе довузовской подготовки) // Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность: Материалы Международного Конгресса

- руководителей и преподавателей подготовительных факультетов – Москва, РУДН, 19–21 октября 2017 г.). – Ч. 1. – М.: РУДН, 2017. С. 85–87. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dporudn.ru/news/postreliz-o-provedenii-i-mezhdunarodnogo-kongressa-prepodavateley-i-rukovoditeley-podgotovitelnykh-f/> (дата обращения: 20.01.2018).
3. Большакова Н.Г., Галанкина И.И., Ильина Л.А. Москва. Достопримечательности и маршруты. Первое знакомство: Учебное пособие по русскому языку для иностранцев (базовый уровень). М.: Экон-Информ, 2017.
 4. Московкин Л.В., Шамонина Г.Н. Продуктивные инновационные технологии в обучении русскому языку как иностранному. М.: Русский язык. Курсы, 2017.
 5. Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Основы коммуникативной теории иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. М.: Русский язык. Курсы, 2010.
 6. Розанова С.П. Преподавателям РКИ. Сто сорок семь полезных советов. Учебно-методическое пособие. М.: Флинта, Наука, 2015.
 7. Шустикова Т.В., Атабекова А.А., Большакова Н.Г. и др. Русский язык для вас. Первый сертификационный уровень. Учебник русского языка для иностранных учащихся / Под ред. Шустиковой Т.В., Кулаковой В.А. 4-е изд., доп. М.: Изд-во РУДН, 2013.
 8. Шустикова Т.В., Кулакова В.А., Гордиенко И.В., Семар В.Ю. Учебные планы по грамматике русского языка как иностранного. Элементарный, базовый и первый сертификационный уровни. Учебное пособие / Под ред. Шустиковой Т.В., Кулаковой В.А. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во РУДН, 2013.

*Bolshakova Nina
Galankina Inna
Ilyina Ludmila*

EDUCATIONAL EXCURSIONS AS A VARIANT OF THE CULTURAL DIALOGUE IN THE LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (IN WORK WITH STUDENTS FROM SOUTH SLAVIC COUNTRIES)

The study of Russian as a foreign language becomes a condition for the occurrence of the dialogue of cultures.

The dialogue of cultures, acting as a goal, significantly transforms the learning process, bringing it to a new level – the level of foreign language education, the content of which is a foreign culture. The result of foreign language education is the development of individual skills and abilities, but also the formation of personality, the formation of a second linguistic personality in the conditions of the mutual influence of the Russian environment and cultural experience of the participants in the dialogue and education of valuable personal qualities.

Great value in the work of foreign language education has an educational excursion. Its value is that it offers wide possibilities of individualization (including the system of moral values, ethnic and cultural specifics of students), and thereby enhances intercultural interaction.

The authors used the term “educational excursion” for a number of reasons. First, the linguistic content of excursions and their subjects relate to the curriculum and are a part of it. Second, the efficiency of excursion for optimization of educational process depends on the stage of learning the language material, as proven by both psycholinguists and teachers-practitioners. Third, methodological work on the excursion as models of real productive activities can be divided into three stages, each of which involves the formulation and solution of specific methodological problems.

While preparing the plan of the excursions, the teacher follows the need to refer to certain objects of Russian reality in connection with the course content, logic of its development, the cultural life of Russia, taking into account the ethno-cultural specifics of the students, their interests and cultural potential of the participants in the dialogue. The report presents an approximate thematic-calendar plan for educational

excursions in work with students from South-Slavic countries, and the authors will talk about the peculiarities of excursion work with Slavic students. The article gives examples of the relationship between the subject of excursions and other forms of educational process. As a result of the analysis of the basic themes of the course, parallels are traced in the history of Russia and the South Slavic countries.

Keywords: the dialogue of cultures, foreign language education, cultural dialogical foreign language education, educational excursion, the value of the educational excursions, the realization of the educational excursions, the educational excursions curriculum.

Винокурова Елена Игоревна
МГУ имени М.В. Ломоносова
econom.cmo@yandex.ru

МЯГКАЯ СИЛА РУССКОГО МИРА

Статья посвящена актуальной на современном этапе теме. Политика «мягкой силы», улучшение имиджа страны и ее привлекательности становятся ведущими направлениями в политике, проводимой лидерами ведущих стран мира в условиях обострения конкуренции и растущей глобализации в мире. Россия также ищет новую глобальную доктрину развития, которая основывается на особенностях исторического развития российского государства, русской культуры, духовности.

Ключевые слова: русский мир, мягкая сила, русский язык, русско-славянские ценности.

В условиях ускоряющихся тенденций к глобализации, усиливающихся угроз национальной безопасности Россия пытается выработать свою новую доктрину развития, учитывая своеобразие современного мира, но опираясь на традиционные духовные ценности.

Понятие «русский мир» появилось еще в XIX в. Однако тогда смысловое наполнение этого концепта было отлично от современной его трактовки.

Великий Лев Толстой дал своему всемирно известному роману название «Война и мир». В дореволюционной России понятие «мир» означало не состояние общества без войны, а понималось в значении «община». И в этом контексте, вероятно, лежит сущностное понятие «русского мира» как «русского общества».

Славянофилы (Н.А. Бердяев, Г.В. Флоровский, В.В. Зеньковский) определяли Россию как самобытную православную цивилизацию, взявшую на себя миссию центра православия. Самобытность русского мира они видели в религии и культуре.

У Н.И. Костомарова понятие «русский мир» идентично понятию «славянский мир», у П.Н. Савицкого - «евразийско-русскому культурному миру» [4, с. 37].

Князь Н.С. Трубецкой в книге «Европа и человечество», опубликованной в 1920 году в Софии, излагал концепцию *евразийства* как пути российской цивилизации. *Религиозно* Россия была отлична от Запада благодаря Византии (на Западе – католики, на Востоке – православные), а *геополитически* – благодаря монголам и тюркам, от которых Россия переняла построение Империи, но не с Запада на Восток, а с Востока на Запад, и управление огромным пространством Евразии, но русской и православной.

У истоков евразийского движения стояли также П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Г.В. Флоровский. В 1921 г. в Софии был опубликован первый сборник их статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». В работе евразийского движения в разные периоды времени принимали участие философы Н.Н. Алексеев, В.Н. Ильин, Л.П. Карсавин, историки Г.В. Вернадский, представители русской культуры – такие, как И.Ф. Стравинский и М.И. Цветаева. Евразийцы предчувствовали приближающуюся катастрофу европейской цивилизации. Евразийцы отстаивали тезис о том, что наступает эпоха, в которой

Азия будет играть все более доминирующую роль. Разложение Запада, считали они, неминуемо, а Россия может возродиться через единение с Востоком.

В историческом контексте в русском мире можно найти черты многих древних цивилизаций: крито-микенской, византийской, хеттской. Двуглавый орел, ставший символом российского государства, пришел через Византию от хеттов. Влияние византийской цивилизации на русский мир огромно: принятие православного христианства в 988 году определило судьбу и вектор цивилизационного развития Руси, ее культурного развития.

Русский мир как цивилизация формировался из различных культурно-исторических пластов, основой которых была восточнославянская общность. еще сто лет назад русский мир был «геополитическим явлением, основанным на доминировании культурных, мировоззренческих и духовных ценностей, созданных русским народом и обогащенных традициями народов, которые признавали русский мир своей цивилизацией» [2, с. 27].

Распад СССР породил множество вопросов и дискуссий о судьбе людей, связанных одним языком и культурой, но живущих в новых независимых государствах. Начались активные обсуждения возможности объединения русских на постсоветском пространстве. Во время обсуждения и дискуссий возникли различные теоретические школы и концепции о судьбе русского мира.

Например, согласно *геополитической концепции* (А. Дугин, В. Цымбурский), Россия – это особая отдельная цивилизация, полюс и центр самобытной и самостоятельной православной цивилизации.

Сторонники *лингво-семиотического* подхода считают основным критерием принадлежности к русскому миру русский язык как язык межнационального общения и общения между диаспорами. Русский мир, по этой теории, – это единая сетевая структура больших, средних и малых социальных групп, представители которых говорят на русском языке.

Русская православная церковь придерживается *религиозно-интегративного подхода*. Россия, Белоруссия, Украина являются ядром русского мира в силу общего происхождения, общей православной веры, языка, культуры, исторической памяти. Согласно этой концепции, к русскому миру могут принадлежать и другие этносы, которые ассимилируются к русской культуре, традициям через русский язык [5].

Н.В. Никонов, председатель правления фонда «Русский мир», предложил свою концепцию: «Русский мир – это цивилизация и как цивилизация шире этносов и наций, территорий, религий, политических систем и идеологических пристрастий. Русский мир полиэтничен, поликонфессионален и полисемантичен. Это глобальный феномен, который не может быть описан однозначно каким-то одним определением» [3, с. 5]. Н.В. Никонов считает, что «русский мир – это Россия плюс русское зарубежье. А ментально – все, кто осознает свою вовлеченность в русский мир. И в этом смысле принадлежность к нему – *самоощущение* (курс. – авт.)» [3, с. 6]. Русский мир – это люди, которые ощущают себя принадлежащими к этому миру, и все, кто интересуется Россией, изучает историю России и ее культуру. «И в этом смысле мы говорим о русском мире так же, как говорим о русской культуре, о русском балете, о Русских сезонах Дягилева в Париже или о русской мафии, которая тоже является интернациональной, состоящей далеко не только из русских» [3, с. 6]. Русский мир, согласно Н.В. Никонову, «это понятие не географическое, не религиозное и не этническое». Это *самоидентификация на основе русского языка, культуры и православной религии*.

Современный мир характеризуется обострением внутривнутриполитических и международных отношений, а международная конкуренция приобретает все более цивилизационное измерение. Объектом конкуренции становятся ценности и модели развития [9, с. 26], включающие такие понятия, как национальные ценности, культурная самобытность. Приоритетом государств во внешней политике становится отказ от силовых форм реализации интересов в пользу политики «мягкой силы».

«Мягкая сила» – это стратегия развития государства, в основе которой лежит идентификационная сила его идеологии и ценностных ориентаций. Политика «мягкой силы» использует притягательность социального строя и модели развития государства, основанная на достижениях его народа, творческой силе нации, привлекательности ее культуры и силе влияния в международной сфере.

Впервые термин «мягкая сила» употребил американский политолог Дж. Най. «Сила – это способность изменять поведение других для получения того, чего вы желаете. Основных способов для этого имеется три: принуждение (палка), плата (морковка) и притягательность (мягкая сила)». Политика «мягкой силы» – это способность добиваться желаемого на основе *добровольного участия союзников* (курс. – автор), а не с помощью принуждения или выплат» [11]. «Мягкая сила» – это способность влиять на другие государства с целью реализации собственных целей *через сотрудничество в определенных сферах, направленное на убеждение и формирование положительного восприятия* (курс. – автор)» [10]. «Жесткая» сила, или «жесткое» могущество, – это способность к принуждению, обусловленная военной и экономической мощью страны. Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами (курс. – автор)» [10].

В формировании политики позитивного имиджа каждая страна исходит из национальных особенностей исторического развития и по-разному определяет приоритеты национальных ценностей. По мнению А.В. Будаева, копирование западных шаблонов и перенос их на иную культурно-историческую почву может приводить к обратному результату – к издержкам и потерям [1].

Чтобы русский мир оставался живой цивилизацией, его необходимо поддерживать активной деятельностью, как внутри, так и вовне. Вектором развития в этом направлении может прежде всего стать «мягкое» объединение русского мира, центром которого должна стать Россия. Для реализации этой цели в нашей стране создан ряд правительственных и неправительственных организаций, активно ведется работа по линии Русской православной церкви.

Исходя из понимания концепта «русский мир», основными элементами российской политики «мягкой силы» должны стать *русский язык, культура, православная религия*. Использование «мягкой силы» – это распространение русско-славянских ценностей в мире.

Русский язык. Указом Президента РФ в 2007 году был создан фонд «Русский мир», а в 2008 году – Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Целью этих организаций является содействие сохранению и распространению в мире русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом мировой культуры, а также для поддержки программ изучения русского языка за рубежом [8].

Среди главных направлений деятельности фонда «Русский мир» – создание русских центров за рубежом, проведение грантовых, образовательных программ, информационных проектов, международных фестивалей русской культуры и т. п. Отделения «Русского мира» открыты в сорока восьми странах мира. Только в Китае функционируют тридцать пять русских центров, в том числе Русский детский центр, Русский центр Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли в Гуанчжоу. В пятидесяти пяти странах мира работают кабинеты «Русского мира», целью которых является продвижение российской культуры и русского языка как мирового, информационно-просветительская поддержка соотечественников за рубежом и иностранных граждан, интересующихся Россией [6].

Гранты фонда включают поддержку русскоязычных СМИ, проведение международных праздников и фестивалей, связанных с русским языком и культурой, обеспечение учебниками и методическими материалами преподавателей-русистов,

организацию курсов русского языка. «Русский мир» складывается как сетевая структура, в которую входят:

- центры;
- журнал «Русский мир»;
- Интернет-портал, собирающий информацию о русскоязычных организациях в мире, организующий их взаимодействие и общение, предоставляющий возможность дистанционного обучения русскому языку;
- радио- и телеканал.

Есть также идеи глобального вещания в Интернете [6].

В 2008 году было создано Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Приоритетным направлением деятельности Россотрудничества являются государства-участники Содружества Независимых Государств (СНГ), в которых есть российские центры науки и культуры. Оно содействует распространению за рубежом объективного представления о современной России.

Одной из главных задач своей деятельности Россотрудничество видит в поддержке и в продвижении русского языка за рубежом. Была разработана Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016–2020 гг. Тысячи людей обучаются сегодня на курсах русского языка при представительствах Россотрудничества во многих странах мира.

Россотрудничество имеет девятью восемь представительств в восьмидесяти одной стране мира. Представительства Россотрудничества способствуют набору иностранных студентов в российские вузы. Уделяется большое внимание и работе с выпускниками российских (советских) вузов, которых по всему миру насчитывается более 500 000.

Использование русского как языка науки, обучения, культуры делает его мировым. Специалисты, которые получили образование на русском языке, вносят огромный вклад в общественные и экономические отношения России и со своими странами.

Культура. Российская культура – неотъемлемая часть человеческой цивилизации. Россия богата культурным наследием – это литература, искусство, музыка, народное творчество, ремесла, балет и др. Россотрудничество активно проводит политику в области распространения русской культуры и научных достижений. Россотрудничество сегодня – это семьдесят четыре российских центра науки и культуры (РЦНК) в шестидесяти двух странах, двадцать четыре представителя Агентства в составе посольств в двадцати двух странах [7].

Православная религия. Русская православная церковь одной из первых осознала необходимость восстановления цивилизации русского мира, начав процесс объединения Московского патриархата и Русской православной церкви за рубежом. Православная община играет большую роль в поддержке веры. Религиозная жизнь есть точка сосредоточения духовных и культурных сил соотечественников. Русская зарубежная церковь сохраняет духовные и культурные ценности русского мира вдали от Родины и вносит огромный вклад в объединение русских людей, проживающих за рубежом.

Сегодня по всей России восстанавливаются и строятся новые храмы, монастыри. Например, Фондом поддержки строительства храмов в городе Москве при участии Правительства Москвы реализуется проект по строительству двухсот новых церквей.

В результате распада СССР за пределами государства оказались около 30 млн. человек. Наши соотечественники за рубежом – это часть русского мира. Они обеспечивают культурное присутствие России, русского мира и сохранение русского языка за рубежом. Взаимодействие с соотечественниками является национальным приоритетом России. В этом направлении ведется активная работа. Например, создана правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом. В июне 2006 г. был издан Указ Президента РФ о мерах

по оказанию содействия добровольному переселению в страну соотечественников, которые проживают за рубежом. Важную роль в этой работе играют Всемирный конгресс соотечественников и созданный им руководящий орган – Всемирный Совет российских соотечественников».

На современном этапе России необходима новая идея по реализации концепта «русский мир». Хорошо, что в разных странах открываются новые русские центры, новые православные храмы и церкви. В настоящее время национальные проекты направлены больше на объединение нашего общества вокруг национальной идеи прошлых наших достижений и подвигов. Их никто не должен забывать. Однако Россия должна предложить миру обновленную концепцию русского мира, способную дать новый импульс по продвижению позитивного образа страны за рубежом.

Список литературы

1. Будаев А.В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. – Выпуск № 48. – Февраль 2015 г.
2. Наумов А.О. Вдохнуть новую жизнь // Смыслы и ценности русского мира. Сборник статей и материалов круглых столов, организованных Фондом «Русский мир». М.: Русский мир, 2010.
3. Никонов В.А. Не воспоминание о прошлом, а мечта о будущем // Смыслы и ценности русского мира. Сборник статей и материалов круглых столов, организованных Фондом «Русский мир». М.: Русский мир, 2010.
4. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
5. Святейший Патриарх Кирилл: Русский мир – особая цивилизация, которую необходимо сберечь. [Электронный ресурс] URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html> (дата обращения: 06.10.2017).
6. Русский мир. [Электронный ресурс] URL: <https://www.russkiymir.ru/rucenter/cabinet.php> (дата обращения: 25.09.2017).
7. Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. [Электронный ресурс] URL: <http://rs.gov.ru/ru/about> (дата обращения: 01.10.2017).
8. Фонд «Русский мир». [Электронный ресурс] URL: <https://www.russkiymir.ru/fund/>
9. Цыганков А.П. «Мягкая сила» и теория международных отношений // Россия в глобальной политике. – 2013, № 6. С. 26–36.
10. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. 2004. № 10. [Электронный ресурс] URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm (дата обращения: 01.10.2017).
11. Nye J., Jr. Think Again: Soft Power // Foreign Policy, 2006, February 23.

Vinokurova Elena

SOFT POWER OF THE RUSSIAN WORLD

The article deals with the urgent issue at the present stage. Nowadays the leaders of all the leading countries of the world pay special attention to the factor of “soft power” that improves the image of the country and its attractiveness.

Keywords: Russian world, power, soft power, Russian language, Russian-Slavic values.

Рубичева Юлия Александровна
МГУ имени М.В. Ломоносова
kenoby@bk.ru

О ФУНКЦИЯХ РАМОЧНОГО ТЕКСТА В ПЬЕСАХ Л.Н. ТОЛСТОГО

В статье рассматриваются место и функции компонентов рамочного текста в пьесах Л.Н. Толстого, зависимость содержания ремарок от избранной темы, жанра и сюжета произведения.

Ключевые слова: рамочный текст в пьесе, заглавие, список действующих лиц, ремарки, их функции.

Л.Н. Толстой обратился к драме (если не считать написанных в 1860-е гг. и не изданных при жизни писателя антинигилистических комедий, не удовлетворивших самого автора) во второй половине 1880-х гг., когда уже получили широкое признание романы «Война и мир» и «Анна Каренина». Поскольку формы *непосредственного* присутствия автора в тексте драматического произведения сводятся к рамочному тексту (заглавие, эпиграф, список действующих лиц, ремарки, а также декупаж, т. е. выделение действий и явлений, и др.), [6, с. 107], то естественно широкое и полифункциональное его использование писателем, достигнувшем вершин повествовательного искусства.

Для анализа функций рамочных компонентов нами выбраны три наиболее известные, получившие широкое признание пьесы Толстого: драма в пяти действиях «Власть тьмы, или “Коготок увяз, всей птичке пропасть”» (1886, опубликована в «Посреднике» в 1887 г.), комедия в четырех действиях «Плоды просвещения» (1890, опубликована в 1891 г.), драма в шести действиях (двенадцати картинах) «Живой труп» (написана в 1900 г., опубликована посмертно, в 1911 г.) [8]. Выше были приведены жанровые подзаголовки Толстого, которые в первом и третьем случаях обычно расходятся с читательской и театральной жанровой трактовкой произведений. Во «Власти тьмы» видят не драму, а трагедию, поскольку в пьесе показаны непреодолимые внутренние противоречия в душе главного героя Никиты, не выдержавшего совершенного им преступления и кающегося перед народом. В «Живом трупе» главный герой психологически близок «бездействующим» чеховским интеллигентам. «Вчера же целый день складывалась драма-комедия “Труп”», – записал Толстой в дневнике 29 декабря 1897 г. [9, с. 82] О переключках поэтики «Живого трупа» с «новой драмой» писал В.Я. Лакшин. [5, с. 230]. Герой кончает самоубийством – потому что только так может быть сохранен брак Лизы и Каренина и потому, «что быть предводителем, сидеть в банке – так стыдно, так стыдно...» (с. 307).

Как писал С.Д. Кржижановский в своей единственной вышедшей при жизни книге «Поэтика заглавий» (1931), «технике озаглавливания приходится иметь дело не с словесным сырьем, а с художественно переработанным материалом: прошедшее сквозь более крупное сито текста должно еще раз процедиться сквозь заглавный лист. Ясно: такого рода искусство, направленное на искусство, дохудожествление искусства требует большого изощрения и сложного мастерства» [4, с. 24].

Трудно найти более емкие по смыслу, более выразительные заглавия, чем «Власть тьмы» (вторая часть заглавия «Коготок увяз, всей птичке пропасть», объясняемая интересом Толстого в это время к народному театру, обычно опускается) [1, с. 79], «Плоды просвещения» (ирония и даже сатира – ведущий пафос при изображении профессоров и других ученых людей, верящих в спиритизм и проведенных «за нос» смысленной горничной), «Живой труп» (этот оксюморон метко соотнесен и с сюжетом пьесы, и с раздвоенностью сознания главного героя).

Три названные пьесы интересно сопоставить еще и потому, что в них изображена разная социальная среда. Во «Власти тьмы» действие происходит в «большом селе», почти все герои – крестьяне, среди которых есть зажиточные, имеющие наемных работников, и очень бедные; первое действие «Плодов просвещения» переносит читателя в «переднюю» богатого московского дома, где три мужика из Курской губернии, в ожидании решения барина о продаже земли, наблюдают за бестолковой суетой хозяев и их гостей; в «Живом труп» картины дворянского быта чередуются с изображением цыган, окружного суда. Словом, должно быть показано не только *разноречие* персонажей, представляющих разные социальные слои, но и их *невербальное поведение, одежда*, в соответствии с сюжетом и обстановкой действия. Эти и другие функции и призван выполнять рамочный текст или его сценический эквивалент при театральной постановке.

Из истории текста «Власти тьмы» известно, что автор от редакции к редакции менял характеристики персонажей в списке лиц, отказываясь от их четких оценок: ведь главные герои показаны в их нравственной эволюции. Так, Никита (главный герой) в первом списке – «щеголь», мягкосердечный и «забывающийся», во втором списке «последние два свойства заменены новым: “бабник”», в печатном тексте осталось одно слово – «щеголь» [2, с. 124]. Матрена, мать Никиты и главный, используя термин В.Я. Проппа, «вредитель» в пьесе, сначала была обозначена как «ведьма хитрая, хлопотница, скрытная и верховодит», во втором наброске – «болтунья, ведьма, любящая пакость»; в печатном же тексте представлена без оценок: «его (Акима) жена, 50-ти лет» [3, с. 124]. Персонажи, особенно Никита, даны в развитии: сначала беспечный и равнодушный, жестокий по отношению к соблазненной им Марине и лживый, в последних двух действиях этот герой резко меняется: он не выносит совершенного им убийства собственного младенца и кается прилюдно. Эволюционируют и некоторые другие герои: пережившая убийство своего младенца Акулина, обманутая Матреной и Никитой Анисья. Следовательно, статичная их характеристика в списке действующих лиц была бы неадекватной сюжету.

Изображая крестьянскую жизнь, Толстой в ремарках постоянно подчеркивает *занятия героев*. А заняты они, хотя описывается семья обеспеченная, с достатком, почти всегда хозяйством, их жизнь подчинена сложившемуся трудовому порядку, и Толстой об этом регулярно напоминает. В первом действии: «Петр сидит на лавке, чинит хомут. Анисья и Акулина прядут» (с. 23); Акулина «садится за пряжу», потом «надевает кафтан и берет веревку» (с. 24, 25). Во втором действии: «У края двора Анисья треплет пеньку» (с. 40); «Акулина собирает белье и уходит» (с. 41), Никита «приезжает на лошади к воротам» (с. 48); «Акулина (идет с бельем)» (с. 53). В третьем действии: «Анисья ненарядная сидит за станом, ткёт» (с. 54); Анисья «накрывает на стол и подает», «убирает посуду и ест», «перемывает ложки», «уходит с самоваром» (с. 60–62, 64); «собирает посуду», «вносит самовар» (с. 68). В четвертом действии: Митрич «идет от ворот и принимается подбирать натрушенное сено» (с. 73). В пятом действии (покаяние Никиты во время свадебного пира) подобных ремарок нет.

В «Живом труп», где изображены бары и слуги, ремарки напоминают, что последние обслуживают первых. Так, в первой картине первого действия Анна Павловна (мать Лизы), «полная седая дама, в корсете, сидит одна за чайным столом», потом входит «няня с чайником», немного погодя «горничная берет самовар и уходит» (с. 275, 277). А в первой картине третьего действия мать Каренина, Анна Дмитриевна, кабинет которой, «роскошно скромный, полон сувениров» (с. 294), занята тем, что «оборачивается и поправляется перед зеркалом» (с. 294). Что же касается «Плодов просвещения», то не только речи господ свидетельствуют об их откровенном безделье, но и отмеченное в ремарках долгое ожидание их выхода из комнат мужиками и слугами, а также артельщиком от магазина «Бурде».

Мужики, впущенные в переднюю только благодаря Тане, горничной и их землячке, «несут гостинцы в платках: кулич, яйца, полотенца, ищут, на что креститься, крестятся на лестницу, кланяются Федору Иванычу [швейцару] и становятся твердо» (с. 109). И так они стоят в течение всего первого действия, на находящийся рядом диванчик не садятся: на него Таня укладывает гостинцы, принесенные ими в дар господам. В ремарках, сопутствующих изображению спиритического сеанса, представлены действия Тани, цель которых – имитировать воздействие медиума (Семена) на окружающих: «Таня вылезает из-под дивана и берет в руки нитку, привязанную к бра» (с. 172); «Таня проводит ниткой по голове толстой барыни» (с. 174); «Таня бросает мужицкую бумагу на стол», «Семен рычит и давит» (с. 176) и т. д. Без подобных ремарок читать пьесу и мысленно видеть спиритический сеанс было бы невозможно.

В «Живом труппе» сознаваемая Федей Протасовым бессмысленность его жизни подчеркнута бездейственным времяпрепровождением. В первом действии Федя, будучи у цыган, «лежит на диване ничком, без сюртука», потом на миг «поднимается» и «опять ложится» (с. 282–283): так он слушает цыганские песни. При известии о визитере (Каренине) он «встает, шатаясь», в конце откровенного разговора о Лизе «подходит к столу и пьет» (с. 285). Слушание цыганских песен, любовь Маши для него – тот же сон, и сон приятный: «Ах, хорошо! Кабы только не просыпаться. Так и помереть» (с. 286). Во втором действии этот «сон» продолжается, о чем говорит «вино в налитых бокалах» (с. 290). Его не в силах прервать разговор с Сашей (сестрой Лизы): после ее ухода Федя «звонит» своим собутыльникам, любителям цыганского пения (с. 293). После ухода третьего визитера, князя Абрезкова, взволновавшего его очередным разговором о Каренине и Лизе, Протасов «сидит долго, молча улыбается» (с. 307). В пятом действии Протасов, решивший по совету Маши инсценировать свою смерть и пославший Лизе письмо о своем «уходе», «сидит в трактире опустившийся, оборванный» (с. 317) и «пьет» (ремарка повторяется трижды: с. 317, 318, 320). В последнем, пятом, действии Протасов приходит в кабинет судебного следователя на очную ставку с Лизой и Карениным «грязный, опустившийся» (с. 328), в перерыве судебного заседания, после выстрела в себя, «плачет» (с. 332), и, судя по его словам, слезы как бы возвращают его в сон: «Как хорошо... Как хорошо... (кончается)» (с. 332).

Именно в ремарках Толстой находит возможный в драме аналог психологического анализа, столь изощренно представленный в его эпической прозе. Как писал сам автор, обратившись к драме: «Здесь нельзя, например, подготовить моменты переживаний героев, нельзя заставлять их думать на сцене, вспоминать, освещать их характер. Нужны уже готовые моменты. Перед публикой должны быть уже оформленные состояния души, прожитые ранее... Произведение драматического искусства состоит в том, чтобы представить самых разнообразных по характерам и положениям людей и выдвинуть перед ними, поставить их всех в необходимость решения жизненного, нерешенного еще людьми вопроса и заставить их действовать, посмотреть, чтобы узнать, как решается этот вопрос. Это опыт в лаборатории» [10, с. 315].

Переживания героя, отраженные в его поведении, подготавливающие его поступки, особенно зримо отражены в ремарках к высказываниям Никиты – главного героя «Власти тьмы». Выразительна сцена в 13 явлении первого действия, когда он входит по зову хозяина (Петра) и отца (Акима) в избу для откровенного разговора. Не столько первые его слова, сколько невербальное поведение раздражают Петра и Акима:

«Никита. Спрашивали? (Садится, достает табак).

Петр (тихо, укоризненно). Что ж ты, аль порядка не знаешь? Тебя отец спрашивать будет, а ты табаком балуешь да сел. Поди-ка сюда, встань!

Никита становится у стола, развязно облакачиваясь и улыбаясь».

И далее Никита на прямой вопрос об его отношениях с Мариной легко идет на обман и при этом крестится:

«Никита. Сказываю, что ничего не знаю. Ничего у меня с ней не было. (С злобой). Вот те Христос, не сойти мне с доски этой. (Крестится). Ничего знать не знаю».

Столь же важны ремарки в финале пьесы, подчеркивающие решимость пострадавшего героя (вторая сцена пятого действия). Он прилюдно кается в содеянном, и ремарки опять-таки подчеркивают многовековую традицию обряда покаяния: он «падает на колени»; Марине, затем Акулине, затем отцу «кланяется... в ноги»; обращаясь к миру православному, «кланяется в землю» (с. 97–99).

Таким образом, не только в своих эпических, повествовательных произведениях Толстой изображает невербальное поведение своих персонажей, которое может усиливать смысл произносимых ими слов, а может противоречить им [7, с. 195]. Сложность человеческого общения представлена и в пьесах Толстого – во многом благодаря рамочному тексту.

Список литературы

1. Гудзий Н.К. Лев Николаевич Толстой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. С. 79–82. См. также: Толстой Л.Н. Указ. собр. соч. – Т. 19. М., 1984. С. 100.
2. Жданов В.А. От «Анны Карениной» к «Воскресению». М.: Книга, 1967. С. 124.
3. Жданов В.А. От «Анны Карениной» к «Воскресению». М.: Книга, 1967.
4. Кржижановский С.Д. Собр. соч. в 5 т. – Т. 4. – СПб.: Sumposium, 2006. С. 24.
5. Лакшин В.Я. Толстой и Чехов. М.: Советский писатель, 1963. – Ч. II. Искусство психологической драмы. С. 230–248.
6. Ламзина А.В. Рамка. Введение в литературоведение. Под ред. Л.В. Чернец. М.: Академия, 2012. С. 107–124. См. также: Кабыкина Ю.В. Рамочные компоненты в композиции художественного текста. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Сер. 7. Литературоведение. ИНИОН РАН, 2007. – № 2. С. 72–85.
7. Рубичева Ю.А. Невербальный диалог и его функции в романах Л.Н. Толстого. Сравнительное и общее литературоведение. Выпуск 1. М.: МАКС Пресс, 2006. С. 195–204.
8. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 т. – Т. 11. М.: Художественная литература, 1982.
9. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 т. – Т. 22. М., 1985. С. 85.
10. Толстой Лев. Об искусстве и литературе. / Сост. Лозинов К.М. – Т. 1. М., 1958. С. 315–316.

Rubicheva Yuliya

ABOUT FUNCTIONS OF FRAME TEXT IN DRAMA BY L.N. TOLSTOI

The article considers the place and functions of the components of the framework text in plays by L.N. Tolstoy, the dependence of the content of remarks on the selected topic, the genre and the plot of the work.

Keywords: frame text in the play, title, list of actors, remarks, their functions.

*Хачикян Елена Ивановна
Ливская Евгения Валентиновна
КГУ имени К.Э. Циолковского
helenab4@bk.ru
liv-evgeniya@yandex.ru*

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАЗДНИКИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ

В центре внимания авторов статьи – проблема выявления этнокультурной идентичности и сохранения «идентификационного ядра» нации в условиях современной глобализации. Один из ключевых подходов к решению проблемы предполагает обращение к системе школьного образования. Возрождение праздников является одним из важнейших ресурсов гражданско-патриотического воспитания и формирования этнокультурной идентичности подрастающего поколения.

Ключевые слова: русская нация, этнокультурная идентичность, механизмы формирования идентичности, система школьного образования, традиционные праздники, воспитательный потенциал.

Начало XXI в. стало временем активного осмысления таких понятий, как «российская нация», «мы как нация», «единый народ России». Поиск Россией своей национальной идентичности связан с происходящими в мире весьма противоречивыми процессами глобализации, которые неизбежно создают угрозу поражения «идентификационного ядра» нации, хранящего наиболее устойчивые, прочные представления различных этнокультурных общностей о себе самих: своем родном языке, традициях, укладе жизни. Сохранение и укрепление этого «ядра» составляет важнейшую стратегическую задачу страны, обеспечение ее национальной безопасности [8].

Нельзя не вспомнить слова выдающегося русского мыслителя И.А. Ильина: «...человек, утративший доступ к духу своего народа, становится безродным изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим духовным дорогам, обезличенным интернационалистом. Горе ему и его детям: им грозит опасность превратиться в исторический песок и мусор. Национальное обезличивание есть великая беда и опасность в жизни человека и народа. С ним необходимо бороться настойчиво и вдохновенно. И вести эту борьбу необходимо с детства» [4, с. 252].

В решении важнейшей стратегической задачи страны ключевая роль отводится системе школьного образования [5; 6]. Школьное образование становится важнейшим институтом социального развития, инструментом реализации стратегии национального развития: «Образованию отводится ключевая роль в духовно-нравственной консолидации российского общества, его сплочении перед лицом внешних и внутренних вызовов, в укреплении социальной солидарности, в повышении уровня доверия человека к жизни в России, к согражданам, обществу, государству, настоящему и будущему своей страны» [2, с. 5]. Реформирование образования осуществляется в соответствии с национальным воспитательным идеалом, который раскрывается следующим образом: это высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененный в духовных и культурных традициях своего народа.

Проблема идентичности актуализировалась в человеческом сообществе с наступлением эпохи модерна, сделавшей многие стороны человеческой жизни моментом личного выбора. Принадлежность человека к тем или иным социальным группам перестала

задаваться его происхождением. Современный человек оказался волен выбирать образ и стиль жизни, профессию, место жительства, гражданство и даже пол. Свобода выбора обернулась серьезной проблемой самоидентификации человека с множеством социальных групп, необходимостью и трудностью ответа на вопрос «Кто Я?».

В научный и бытовой лексикон вошли понятия «идентичность» и «идентификация». Идентификация – это процесс, благодаря которому происходит отождествление человека с той или иной социальной группой; идентичность – это результат и итог процесса идентификации. Современному человеку приходится идентифицироваться со множеством социальных групп; его идентичность имеет множественный характер. Выделяются такие виды идентичности, как: профессиональная (учитель, инженер, врач и т. д.), этнокультурная (русский, татарин, баварец, фламандец и т. д.), региональная (сибиряк, дальневосточник и т. д.), политическая (демократ, либерал и т. д.) и др.

В научном плане проблему идентичности первыми поставили зарубежные психологи и социологи (Э. Эриксон, Ж. Пиаже, Э. Фромм, Ю. Хабермас, Д. Девос и др.) в середине XX столетия. В современной науке дискуссии вокруг проблемы идентичности ведутся на междисциплинарном уровне и сосредотачиваются, в основном, на двух направлениях: как соотносятся друг с другом различные виды идентичности и как происходит их интеграция в сознании человека в целостный «образ Я», целостную идентичность (Э. Эриксон).

Место этнокультурной идентичности в структуре целостной идентичности может определяться по-разному. В одних условиях она оказывается почти не выраженной (индифферентное отношение человека к своей этнической группе) или даже негативной (дезидентификация, отказ от этнической принадлежности), в других – выступает на первый план, доминирует, вытесняя иные идентичности человека.

Этнокультурная идентичность складывается под влиянием многих факторов; при этом решающую роль играют не внешние, «вещественные» характеристики, а внутренние: особенности самосознания, самоопределения индивида. Например, «украинская» фамилия гражданина России и знание им украинского языка вовсе не являются основанием для его самоопределения как украинца. Необходимо разводить понятия «этнокультурной идентичности» и «этничности» – социологической категории, включающей такие объективные признаки, как этническая принадлежность родителей, место рождения, язык, а также иметь в виду, что в реальной жизни этнокультурная идентичность далеко не всегда совпадает с официальной этничностью.

Этнокультурная идентичность – это результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, переживания своего тождества с ним и отделения от других этносов. Характерной особенностью формирования данного вида идентичности является освоение культурной традиции этнической общности и уважение ее исторического прошлого.

В обыденном языке этнокультурную идентичность часто отождествляют с национальной. Этому есть серьезные основания. В России исторически сложилось понимание нации как этнокультурной общности. И только в постсоветское время в политический и научный лексикон вошло понимание нации как граждан государства, как это имеет место во Франции, Великобритании, США. Понятие «национальная идентичность» в отечественной науке стало употребляться в двух смыслах: как *этнокультурная* идентичность (в соответствии с историческими традициями России) и как *гражданская* или *государственно-гражданская* идентичность (в соответствии с общемировыми тенденциями). Однако, по общему мнению отечественных ученых и политологов, современная российская национально-гражданская идентичность представляет собой очень противоречивое явление, совмещающее в себе модернистские и традиционалистские установки [3, с. 218–226]. Поэтому, когда ставится вопрос о

формировании национальной идентичности, за основу берется этнокультурная идентичность. Объектами идентификации в этом случае могут быть исторические личности, национальные герои, литературные персонажи и даже герои народных сказок (особенно в детском возрасте). При этом важным условием является раскрытие в их содержании культурных и гражданских эталонов [9, с. 12].

Процесс формирования идентичности регулируется двумя механизмами. Первый – *отождествление с общностью*: усвоение образа жизни, традиций, ценностей и т. д.; итогом является формирование чувства «Мы». Второй – *обособление* данной общности от других общностей, осознание ее специфических особенностей. В результате действия этого механизма эмоционально-чувственное «Мы» обогащается рациональным содержанием и становится частью «образа Я».

Задача формирования этнокультурной идентичности подрастающего поколения в контексте общего образования предполагает достижение следующих результатов:

- осознание себя гражданином России, уважающим историю своей страны и несущим ответственность за ее судьбу в современном мире;
- формирование установки на принятие ведущих ценностей своей национальной культуры;
- готовность к диалогу и сотрудничеству с людьми других национальных культур;
- реализация гражданской позиции в поведении и деятельности.

Педагогами был определен перечень общеобразовательных дисциплин, адекватных задаче формирования национальной (этнокультурной) идентичности подрастающего поколения. В него вошли следующие дисциплины: история, обществоведение, культурология, литература, граждановедение, религиоведение, география, краеведение, учебные предметы художественно-эстетического цикла [9, с. 20–26].

Как видим, выделенный перечень учебных дисциплин ориентирован, в основном, на активацию первого механизма формирования идентичности (*отождествления*) и обеспечения ее *когнитивного* и *эмоционального* компонентов. Такой подход представляется недостаточным, оставляющим вне поля внимания важнейшие ресурсы: второй механизм формирования идентичности (*обособление*) и ее *деятельностный* компонент. С целью активации второго механизма (*обособления*) и обеспечения формирования *деятельностного* компонента этнокультурной идентичности можно исследовать возможности такой учебной дисциплины, как «иностраный язык», в формате *внеурочной деятельности*. Основой программы внеурочной деятельности может стать тематика «Традиционные праздники».

Праздник – это не просто мероприятие, устраиваемое для «отдыха» и «развлечений». Праздник – это сложный, многоуровневый психосоциальный феномен, включающий в себя, помимо всех внешних атрибутов, глубинные слои, уходящие корнями в народные традиции, в культуру, в историческую память. Праздник – это торжество, утверждающее в сознании человека определенные ценности и тем самым формирующее его ментальность. Именно поэтому праздники всегда используются как политический ресурс, как мощный рычаг социальных трансформаций.

Серьезность и значительность феномена праздника давно сделала его предметом научных исследований. Праздники изучаются историками, этнологами, этнографами, психологами, социологами, педагогами [9].

Праздникам принадлежит огромная роль в истории человечества, в жизни каждого народа, каждого человека. До революции 1917 г. в России праздники занимали около трети годового времени. Праздничная культура по своему богатству и роли в общественном сознании занимала одно из ведущих мест. Только государственных праздников насчитывалось свыше тридцати! Подавляющее большинство государственных праздников

были церковными: Пасха, Рождество, Крещение, Пятница и Суббота масленичной недели, Благовещение, Троица, Успение, Покров... Из гражданских праздников в ранг государственных были возведены лишь Новый год и так называемые «царские дни» — дни восшествия на престол и коронации [7, с. 584–585]. Россия была православной державой.

Огромная роль придавалась праздникам и в советской России. Невероятная изобретательность и масса усилий затрачивались на создание новых праздников, на замену ими старых. В жизнь входили новые ритмы: праздник Октябрьской революции, Первомай, День Международной женской солидарности, День пионерии, День космонавтики...

Настоящий праздник – это, чаще всего, событие национальное: люди вспоминают какие-то важные события истории своей страны, героических личностей, утверждавших своей жизнью национальные ценности. Эти общие переживания превращают множество разрозненных «я» в единое «мы». «Мы» вспоминаем события нашей истории. «Мы» чтим наших героев. «Мы» сознаем свой долг перед предками и свои обязательства перед потомками. В таком единении крепнет патриотическое чувство, формируется гражданская и этнокультурная идентичность.

Национальный праздник – это вовсе не обязательно национальные костюмы, национальные песни, танцы и т.п. Главное – это национальный дух, традиционные национальные ценности, отзывающиеся в душе чувством Родины, патриотизмом. Когда, в начале XX в., находясь в вынужденной эмиграции, выдающийся русский писатель Иван Шмелев решил рассказать своему маленькому племяннику о далекой и недоступной Родине, он стал говорить о национальных праздниках. Из этих рассказов возникло то, что позднее стало романом «Лето Господне» [11]. Оказалось, что *праздники — это и есть Родина...*

Праздник выполняет исключительно важную роль в формировании личности человека. Праздник всегда отражает те или иные ценности и, отражая, *утверждает* их. При этом праздники не оставляют человека сторонним наблюдателем, они *эмоционально и действительно погружают* его в систему утверждаемых ценностей и идеалов.

Традиционные праздники – это торжество базовых национальных ценностей. *Возрождение праздников, утверждающих традиционные ценности русского народа, является одним из важнейших ресурсов гражданско-патриотического воспитания и формирования этнокультурной идентичности подрастающего поколения.*

Базовые национальные ценности, хранимые в социально-исторических, культурных, семейных традициях многонационального народа России, передаваемые от поколения к поколению и обеспечивающие успешное развитие страны в современных условиях, должны стать основным содержанием воспитания, – указывается в основополагающих документах Федеральных государственных образовательных стандартов [2, с. 18].

Мощный воспитательный потенциал традиционных праздников должен быть активно использован в современной образовательной практике.

Новизна такого подхода раскрываются в трех аспектах. Во-первых, в обращении внимания на важность такого механизма формирования идентичности, как *обособление* и исследовании условий его активации в рамках школьного образования. Во-вторых, в привлечении внимания к педагогической стороне праздника, его осмыслению как механизма сохранения и передачи традиционных национальных ценностей. В-третьих, в раскрытии возможностей иностранного языка как средства формирования этнокультурной идентичности современных школьников.

Список литературы

1. Воловикова М.И., Тихомирова С.В., Борисова А.М. Психология и праздник: Праздник в жизни человека. М.: ПЕР СЭ, 2003.

2. Данилюк А.Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. М.: Просвещение, 2010.
3. Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. С. 214–228. [Электронный ресурс] URL: <http://www.civisbook.ru/files/>
4. Ильин И.А. Путь духовного обновления. О национализме. СПб.: Шпиль, 2004.
5. Национальная доктрина «Наша новая школа». [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/news/6683>
6. Национальный проект «Образование». [Электронный ресурс] URL: <http://old.mon.gov.ru/pro/pnpro/>
7. Русские / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 1999.
8. Стратегия развития России на период до 2020 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/>
9. Учебно-методические материалы для педагогов различных ступеней системы общего образования по формированию гражданской идентичности учащихся. М.: ФИРО, 2012.
10. Фельдштейн Д.И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития // Вопросы психологии, 2010. № 3. С. 90–102.
11. Шмелев И. Лето Господне. М.: Молодая гвардия, 1991.

*Khachikyan Elena
Livskaya Evgeniya*

TRADITIONAL HOLIDAYS AS A KEY RESOURCE OF FORMATION OF CONTEMPORARY STUDENTS' ETHNO-CULTURAL IDENTITY

The paper focuses on the problem of identifying the ethno-cultural identity and the preservation of “identification kernel” of the nation in the contemporary globalization. The work examines the various approaches to the problem, the key of which becomes the appeal to the school system. The revival of the holidays becomes one of the crucial resources of the younger generation’s patriotic education and ethno-cultural formation.

Keywords: Russian nation, ethno-cultural identity, mechanisms of identity, school system, traditional holidays, educational potential.

*Волкова Марианна Викторовна
МГУ имени М.В. Ломоносова
juvolkova@rambler.ru*

ТЕРПИМОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ В РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

В статье рассматриваются концепты *терпимость* и *толерантность* в русской и немецкой языковых картинах мира. Автор проводит лингвокультурологический анализ концептов *терпимость*, *толерантность*, *Geduld* и *Toleranz*, а также пытается определить их место в русской и немецкой языковых картинах мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, ценности, терпимость, толерантность, интолерантность, *Geduld*, *Toleranz*.

В связи с процессами всемирной глобализации, мультикультуризации, интеграции, в условиях межрелигиозных, межэтнических и межличностных конфликтов и информационной войны все более актуальными становятся вопросы терпимости и толерантности. На Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г. была утверждена Декларация принципов терпимости, в которой толерантность характеризуется как одна из фундаментальных ценностей XXI века и трактуется как «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений». В Декларации также говорится о том, что «толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира».

Для правильного понимания лексем «терпимость» и «толерантность» и определения их значения и места в русской языковой картине мира попробуем проанализировать и разделить эти два понятия. Кроме того, представляется интересным проследить этимологию, дать определение и проанализировать немецкие концепты *Geduld* ‘терпение’ и *Toleranz* ‘толерантность’.

Говоря о терпимости и русском национальном характере, следует заметить, что русский народ всегда отличался толерантными свойствами души, о чем писали и Л.Н. Толстой, и Ф.М. Достоевский. Многие дореволюционные философы и мыслители, а также некоторые современные исследователи выделяли и выделяют такие качества русского человека, как склонность к состраданию, братскому сочувствию, отзывчивости и всепрощению. В своем сочинении «Душа России» Н.А. Бердяев отмечал: «Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, наклонности насильственной русификации... В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам... Достоевский прямо провозгласил, что русский человек – всечеловек, что дух России – вселенский дух» [2]. Другой русский философ А.С. Хомяков также считал, что на первоначальной истории русского народа не лежит пятно завоевания. Источником и условием терпимости, согласно А.С. Хомякову, является «справедливость, определяющая характер взаимоотношения людей между собой» [11].

В толковом словаре Д.Н. Ушакова терпимость определяется как «свойство, умение терпимо относиться к чему-нибудь, терпеть что-нибудь. Религиозная терпимость. Терпимость к чужим мнениям» [12, с. 1044]. Словарь В. И. Даля трактует это понятие как «способность что-либо терпеть только по милосердию или снисхождению» [6, с. 1149]. Кроме того, в качестве характеристик глагола «терпеть» в словаре Даля выступают такие глаголы, как «выносить, переносить, сносить, нуждаться, страдать; крепиться, обмогаться, перемогаться, мужаться, держаться; не изнемогая, не унывая, ожидать, выжидать чего-либо лучшего, надеяться, быть кротким, смиряться...» [6, с. 1050].

В словаре по этике под ред. И.С. Кона дано следующее определение термина: «моральное качество, характеризующее отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам в поведении других людей. Выражается в стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения без применения крайних мер давления, преимущественно методами разъяснения и понимания [7, с. 351].

Как в русском, так и в немецком языке понятие толерантности широко используется в разных сферах наук: этике, философии, социологии, педагогике, лингвистике, этнолингвистике и так далее. Однако в русском языке термин «толерантность» является сравнительно новым заимствованием. Согласно М.А. Семашко, «в России понятие толерантности стало употребляться в либеральной печати с середины XIX века, но с

середины 1930-х годов оно исчезло из политической лексики, пока вновь не появилось в начале 1990-х годов» [3, с. 3].

Этимология *толерантности* восходит к латинскому *tolerantia* 'терпение, терпимость'. В Большой советской энциклопедии даны следующие определения термину: 1) иммунологическое состояние организма, при котором он неспособен синтезировать антитела в ответ на введение определенного антигена при сохранении иммунной реактивности к другим антигенам. Проблема толерантности имеет значение при пересадке органов и тканей... 2) Способность организма переносить неблагоприятное влияние того или иного фактора среды... 3) Терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению [10, с. 1352].

В немецкой культуре понятие «толерантность» является синонимом «терпимости», о чем свидетельствуют данные словарей Дудена, Брокгауза и Понс:

1. *Toleranz, die – eine Einstellung, bei der man andere Meinung oder ähnl. Respektiert od. duldet – позиция, при которой с уважением или терпимо относятся к другому мнению* [14].

2. *Toleranz [zu latein. tolerare »ertragen«, »aushalten«, »erdulden«], die Bereitschaft, andere Anschauungen, Einstellungen, Sitten und Gewohnheiten gelten zu lassen bzw. anzuerkennen, im Gegensatz zu Intoleranz.* – «толерантность» - [от лат. *tolerare* в знач. «переносить», «выносить», «терпеть»] в отличие от интолерантности готовность принимать другие точки зрения, мнения, нравы и обычаи [13, с. 243].

3. *'tolerant – so, dass man andere Auffassungen und Menschen so akzeptiert, wie sie sind; verständnisvoll'* – принимающий другие точки зрения и людей такими, какие они есть, понимающий [15, с. 873].

Интересно, что еще до появления термина *Toleranz* в немецком языке использовалось существительное *Geduld* 'терпение', которое корнями восходит к прагерманскому глаголу *ga-thuldis*, имеющему индогерманский корень *tol (tla)* и означающему «переносить, выносить что-либо». Как *Geduld* 'терпение', так и *gedulden* 'терпеть' употреблялись в религиозной сфере, когда речь касалась страданий: *Leid gedulden* 'переносить страдания'. Причиной, по которой лексема *Geduld*, а также ее производные *Duldung*, *Duldsamkeit*, обозначающие «терпимость», имеют негативную коннотацию, по мнению некоторых специалистов, является утрата положительного, активного значения слова *Geduld* в современном немецком языке.

Термин *Toleranz* в немецкий язык еще в XVI в. ввел реформатор Мартин Лютер. Это понятие использовалось в значении веротерпимости к представителям других конфессий, которое имело еще на протяжении многих веков. В настоящее время термин почти утратил свой религиозный смысл и (в связи с разными общественно-политическими процессами) получило социальную и политическую маркированность. Вследствие наплыва эмигрантов в России и Германии слово «толерантность» иногда воспринимается негативно. Кроме того, все чаще в обиходе, в немецких СМИ и даже в современной немецкой художественной литературе говорится об интолерантности и нетерпимости. Уже практически крылатым стало выражение одного популярного немецкого блогера: «Сегодня мы толерантны, завтра чужие в собственной стране».

Говоря о концептах «терпимость» и «толерантность» в русской языковой картине мира, следует заметить, что они не являются абсолютными синонимами. Если «терпимость» в большинстве этимологических словарей трактуется как качество стойко и безропотно переносить или переживать что-н тяжелое, крепиться, мужаться, мириться с чем-нибудь и подразумевает под собой пассивное принятие окружающей действительности, непротивление ей, способность «подставить вторую щеку», то «толерантность» – это активное социальное поведение, к которому человек приходит добровольно и сознательно. В «Философском словаре по правам человека» также

отмечается, что «“толерантность” не есть терпимость или снисходительность. Она – активное признание прав и свобод другого, безотносительно к его этническим, религиозным или гендерным особенностям» [4, с. 518]. В статье о коммуникативной интолерантности в русском общении К. М. Шилихина как доказательство того, что терпимость и толерантность – не синонимы, приводит слова русского философа Е. Ивахненко: «...существующие в нашей культуре давно, они (т. е. терпимость, терпение) практически не связаны с понятием толерантность. Скорее наоборот, они удаляют нас от толерантного отношения к миру, поскольку терпимость как духовное качество в русской культуре ассоциируется с жертвенностью...» [8, с. 266].

Анализ приведенных ниже пословиц и поговорок, а также произведений художественной литературы позволяет сделать вывод о том, что терпение и терпимость входят в систему культурных ценностей русского народа: «*Бог терпел и нам велел*», «*Терпенье и труд все перетрут*», «*Терпя, в люди выходят*», «*Без терпенья нет спасенья*», «*Терпи горе неделю, а царствуй год*», «*Терпи, казак, атаманом будешь*». Лексемы «терпение» и «терпеть» в этих пословицах и поговорках имеют значение «терпеливо ждать». За ними кроется мысль о том, что за терпение в конце концов приходит и вознаграждение. По мнению А.Д. Шмелева, «способность к такой [кропотливой. – Прим. автора] работе оценивается в языковой картине мира положительно». [1, с. 421].

Как уже отмечалось ранее, «толерантность» в русской языковой культуре – понятие относительно новое. Если «терпимость» семантически сближается с глаголом «смириться» ‘перестать упорствовать, покориться обстоятельствам’, то «толерантность» имеет более сильные семантические связи с глаголом «примириться» ‘терпимо отнестись к чему-либо; прекратить состояние ссоры, вражды с кем-либо’ [8, с. 424]. Ср.: «Он и демонов-то всех своим *смирением* из ада разгонит или к богу обратит! Они его станут мучить, а он будет просить: «Жестче терзайте, ибо я того достоин». Нет, нет! Этого *смирения* и сатане не выдержать!» (Н.С. Лесков «Запечатленный ангел»)

По мнению д. пед. наук В.Н. Гурова, подлинная толерантность является ценным нравственным качеством развитой личности, которая имеет свои ценности и интересы и готова, если понадобится, их защищать, но вместе с тем с уважением относится к воззрениям и ценностям других людей [5, с. 5].

Среди немецких пословиц и поговорок не было обнаружено паремий, содержащих лексемы *Toleranz*, *tolerant* и *tolerieren*. По всей видимости, это обусловлено тем, что данные лексемы не являются исконно немецкими. Другое дело – *Geduld*! В пословицах и поговорках этот концепт представлен довольно широко. В большей части из них он толкуется как «добродетель». *Mit Geduld und Zeit kommt man weit*. – (аналог.) «Терпение и труд все перетрут». *Geduld und Fleiß bricht alles Eis*. – «Терпение и прилежание прорубят любой лед». *Geduld ist ein teurer Schatz*. – «Терпение – великое сокровище». *Mit Geduld und Spucke fängt man eine Mücke*. – (аналог.) «Терпи, казак, атаманом будешь».

«Терпение» (*Geduld*) часто противопоставляется «нетерпению» (*Ungeduld*). *Ungeduld ist beschwerlicher als Geduld*. – «Нетерпение более утомительно, чем терпение». *Wer geduldig ist, der ist weise; wer ungeduldig ist, der offenbart seine Torheit*. – «Кто терпелив, тот мудр; нетерпеливый выставляет напоказ свою глупость».

В некоторых пословицах и поговорках говорится о целебных свойствах терпения. *Die beste Arznei ist die Geduld*. – «Терпение – лучший лекарь». *Geduld ist ein Pflaster für alle Schäden*. – «Терпение – это пластырь от любых ран». *Geduld ist das beste Kraut für Unglück*. – «Терпение – лучшее лекарство от несчастья».

Согласно другим пословицам, «терпение» – это также свойство, которым наделен только мудрый: *Geduld macht klug. Geduldiger Mann ist ein weiser Mann*. – «Терпеливый человек – это мудрый человек».

В отличие от русских пословиц, в которых «терпение» большей частью имеет положительную характеристику, в немецких пословицах находятся примеры недоброго отношения к этому понятию: *Gedulden, Schweigen, Lachen hilft oft in schlimmen Sachen; Dulden, Schweigen und Lachen hilft viel in bösen Sachen.* – «Терпение, молчание и смех – хорошие помощники в плохих делах».

Хотя лексема *Toleranz* не представлена среди паремий, она довольно часто предстает в афоризмах. Семантика этого термина довольно широка: от вежливого и уважительного отношения к другому до признания за ним права на «инаковость»:

Echte Toleranz ist nicht Dulden der Nächsten, sondern Nächstenliebe (F.P. Rinrhofer). – «Истинная толерантность – это не терпеть ближнего, а любовь к ближнему» (Ф.П. Ринхофер).

Toleranz ist nicht möglich ohne Liebe (A. Schweizer). – «Толерантность невозможна без любви» (А. Швейцер).

В следующем афоризме вербализована связь «толерантности» с «тактом»:

Toleranz heißt, die Fehler der anderen entschuldigen. Takt heißt, sie nicht zu bemerken. (A. Schnitzler) – «Толерантность означает – прощать ошибки других. Такт означает – их не замечать» (А. Шницлер).

Довольно большую группу составляют афоризмы, в которых говорится о таком признаке толерантности, как наличие границ, выход за рамки которых влечет за собой подчас негативные последствия:

Tolerant ist man nur, solange das eigene Interesse nicht betroffen ist (C. Küfner). – «Толерантными можно быть до тех пор, пока не становятся затронуты собственные интересы» (К. Кюфнер).

Man sollte die Toleranz nie so weit treiben, dass die Intoleranten Vorteile daraus ziehen können (E. Limpbach). – «Свою толерантность не стоит распространять настолько, чтобы нетерпимые извлекали из нее выгоду» (Э. Лимпбах).

Die Toleranz ist nicht grenzenlos. Sie findet ihre Grenze, vielleicht ihre einzige Grenze, in der etwaigen Intoleranz des anderen (H. Schmidt). – «Толерантность не безгранична. Ее граница, возможно, ее единственная граница (находится) в возможной нетерпимости другого» (Х. Шмидт).

В некоторых афоризмах выражена мысл. о том, что толерантность и безразличие – это не одно и то же:

Ignorieren ist noch keine Toleranz (Th. Fontane). – «Игнорировать – еще не означает быть толерантным» (Т. Фонтане).

Gleichgültigkeit ist die mildeste Form der Intoleranz (K. Jaspers). – «Безразличие – самая мягкая форма интолерантности» (К. Ясперс).

В России и Германии к понятию «толерантность» сегодня относятся не одинаково. Если в немецком языке слово *Toleranz* тесно связано с терпимостью, то в русском языке слово «толерантность» прежде всего ассоциируется с антиконфликтностью и подразумевает под собой «способность личности без внутренней агрессии воспринимать другого, имеющего иные/противоположные ценностные установки» [8, с. 15]. Между тем, терпимость – важная характеристика русского национального характера. В русской культуре эта черта оценивается как положительное качество русского человека и поощряется русской культурной традицией. И несмотря на то что более новое, «прогрессивное» заимствование «толерантность» предпринимает попытки занять место «терпимости», вряд ли ему когда-либо удастся это сделать. По упомянутым в самом начале этой статьи причинам именно *терпимость* как сильная сторона русского характера необходима сегодня нашему народу как никогда!

Список литературы

1. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.
2. Бердяев Н.А. Душа России // Якова Кротова библиотека. [Электронный ресурс] URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_15_01.html (дата обращения: 09.01.2017).
3. Гаврилов Н. Мысли о толерантности. [Электронный ресурс] URL: <https://www.proza.ru/2016/02/11/369.htm> (дата обращения: 08.03.2017).
4. Гайда А.В. Философский словарь по правам человека. Екатеринбург: АМБ, 2006.
5. Гуров В.Н. Толерантность – это гармония в многообразии. [Электронный ресурс] URL: http://www.altspu.ru/ped-pshyhol/inst_center/ic-for-all/17997-tolerantnost-eto-garmoniya-v-mnogoobrazii.html (дата обращения: 07.12.2016).
6. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М.: Эксмо, 2009.
7. Кон И.С. Словарь по этике. М.: Политиздат, 1981.
8. Купина Н.А. Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 2004.
9. Купина Н.А. Философские и культурологические проблемы толерантности. Екатеринбург: Олма Пресс, 2005.
10. Прохоров А.М. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989.
11. Сумина Е.С. Концепт толерантности как компонент русской философской картины мира // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – № S3. – С. 36–40. [Электронный ресурс] URL: <http://e-koncept.ru/2014/14530.htm> (дата обращения: 08.03.2017).
12. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. М.: Lingua, Астрель, АСТ, 2010.
13. Der Brockhaus Philosophie. Ideen, Denker und Begriffe. Herausgegeben von der Lexikonredaktion des Verlages F. A. Brockhaus, Mannheim. Mannheim; Leipzig: Brockhaus, 2004.
14. Duden.Wörterbuch.Rechtschreibung. [Электронный ресурс] URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Toleranz> (дата обращения: 08.03.2017).
15. Pons Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache – Mit Online-Wörterbuch und Drehscheibe „unregelmäßige Verben“ Gebundene Ausgabe, 2015.

Volkova Marianna

TOLERATION AND TOLERANCE IN THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

This article considers the concepts of “toleration” and “tolerance” in the Russian and German language picture of the world. The author performs a linguoculturological analysis of lexical items *toleration*, *tolerance*, *Geduld* and *Toleranz*. There was also made an attempt to define the place of these concepts in the Russian and German linguistic picture of the world.

Keywords: language picture of the world, concept, values, toleration, tolerance, intolerance, *Geduld*, *Toleranz*.

From the editor.....	5
----------------------	---

COMPARATIVE RESEARCH OF SLAVIC LITERATURES AND CULTURES

<i>Kovtun Elena</i> . Russistics / slavistics: history and today.....	6
<i>Božić Rafaela</i> . Politics and translation: a brief history of translation of Russian literature to Croatian language.....	12
<i>Starikova Nadezhda</i> . The phenomenon of the bi-literary affiliation of the Yugoslavian authors.....	19
<i>Sheshken Alla</i> . Evolution of the Yugoslavian literature of the 20th century in light of the Russian-Slavic cultural and literary dialogue.....	25
<i>Kryukova Olga</i> . Ukraine as a romantic topos in the Russian literature of 1800–1930s.....	36
<i>Rozinskaya Olga</i> . Russian-Polish literary relations in interwar Poland.....	45
<i>Izotov Andrey</i> . Hašek's novel translated by P. Bogatyrev and ethnic stereotypes.....	51
<i>Meshcheryakov Sergey</i> . "The government inspector" by N.V. Gogol and "A suspicious person" by B. Nušić. A comparative analysis essay.....	59
<i>Tsimbaev Konstantin</i> . Russia in German political journalism at the beginning of the 20th century.....	67
<i>Bondarenko Nataliya</i> . The legacy of Ivan Franko in the context of the idea of Slavic reciprocity.....	74
<i>Artemyeva Irina</i> . Russian dramaturgic classics in theatrical scenes of the Slavic countries.....	77
<i>Vorobiova Nadezhda</i> . Portrayal of Russia in Ivo Andrić's novel "Travnik Chronicle".....	81
<i>Bobrova Svetlana</i> . Language forms of the identity of Eastern slavs (on the example of the analysis of poems "Village" by A.S. Pushkin and "Village" by T.G. Shevchenko).....	85
<i>Guskova Ekaterina</i> . Archetype of "a wise maiden" in Kievan Rus' literature and Slavonic mythopoetic tradition.....	91
<i>Safuanova Alfiya</i> . The realisation of the Slavic fairytale plot about the twelve months in Božena Němcová's "About the twelve months" fairy tale and S.Ya. Marshak's "The twelve months" play.....	96
<i>Khlebnikova Varvara</i> . Pavel Rovinsky about the Montenegrin folk song as a historical source.....	99
<i>Maslov Grigory</i> . Petr Šabach's prose: on the problem of periodization.....	104
<i>Korolkova Polina</i> . The Russian theme in a Croatian rock opera: the secrets of success of the musical "Yalta, Yalta".....	107

SLAVIC CULTURAL & LANGUAGE RESEARCH

<i>Ananyeva Nataliya</i> . Polonisms in the story by N.S. Leskov "Antuka" ("En tout cas").....	111
<i>Skorvid Sergey</i> . West Slavic insular dialects in Russia nowadays.....	119
<i>Lifanov Konstantin</i> . Changing the Slovak literary language on the syntactic level and its attitude to Czech one.....	125
<i>Bondareva Veronika</i> . Typological characteristics of the melodic component of phrase intonation in Russian, Polish and Czech languages.....	131
<i>Badanina Irina, Miturska-Bojanowska Jolanta</i> . Functioning of the nominations of women in contemporary Russian and Polish.....	135

<i>Voronova Alexandra</i> . The history of the East Slavic anthroponymy in the aspect of linguocultural identification.....	138
<i>Egorova Xeniya</i> . Political philology: the role of Russian emigrants in language debates in Subcarpathian Rus.....	144
<i>Khazanova Margarita</i> . Lexeme <i>поліція</i> and derivatives: on the problem of flexibility of the standard Ukrainian language.....	149
<i>Ivanova Irina</i> . Russian loanwords in Serbian.....	154
<i>Markova Elena</i> . The role of Russian language in the codification of Czech language.....	159
<i>Yakushkina Yekaterina</i> . Problems of Russian and Serbian equivalence in abstract lexis.....	162
<i>Volskaya Nataliya</i> . The way a person talks, reflects his personality. Linguistic identification of a person.....	167
<i>Chivarzina Alexandra</i> . Human colours (Serbian Southeastern tradition).....	171
<i>Shtudiner Mikhail</i> . On the history of Russian-Serbian cultural and spiritual ties.....	176
<i>Yudova Yuliya, Yudov Maxim</i> . Russian-Serbian relations: history and modernity.....	179
<i>Ignatyeva Nataliya</i> . Cultural and historical aspects of Russian effect in Serbia and Montenegro.....	185

RUSSIAN CULTURE THROUGH THE PRISM OF RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE

<i>Kryuchkova Ludmila</i> . Communication failures in intercultural communication in training RAF.....	190
<i>Sirotkina Tatyana</i> . Problems of ethnic identity through the prism of local text.....	194
<i>Zabrovsky Andrey</i> . The literary text as a special communicative space.....	198
<i>Shustikova Tatyana, Kulakova Valentina</i> . Integration of foreign students into the life of the modern metropolis (extracurricular activities at pre-university stage of education).....	202
<i>Shustikova Tatyana, Voronkova Irina, Khamgokova Nina, Shorkina Elena</i> . Language, country studies and communication potential of texts training in speechscientific style (pre-university stage of training).....	207
<i>Bolshakova Nina, Galankina Inna, Ilyina Ludmila</i> . Educational excursions as a variant of the cultural dialogue in the learning Russian as a foreign language (in work with students from South Slavic countries).....	213
<i>Vinokurova Elena</i> . Soft power of the Russian world.....	218
<i>Rubicheva Yuliya</i> . About functions of frame text in drama by L.N. Tolstoi.....	223
<i>Khachikyan Elena, Livskaya Evgeniya</i> . Traditional holidays as a key resource of formation of contemporary students' ethno-cultural identity.....	227
<i>Volkova Marianna</i> . Toleration and tolerance in the Russian and German language picture of the world.....	231